

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2025 Том 25 № 3

В номере: Отмечая 70-летие Бандунгской конференции:
эволюция роли стран Азии и Африки в мировой политике

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-3
<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал
Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор
К.П. Курyleв,

доктор исторических наук,
профессор, РУДН, г. Москва, РФ
kurylev-kp@rudn.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ ОФИС

Никулин Максим Андреевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Рамич Мирзет Сафетович, кандидат политических наук, ассистент, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Ранджбар Даниал Мешкин, кандидат исторических наук, ассистент, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Аватков Владимир Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий отделом Ближнего и Постсоветского Востока, Институт научной информации по общественным наукам РАН; профессор кафедры международных отношений, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Ачарья Амитаб, профессор международных отношений, Школа международной службы, Американский университет, г. Вашингтон, США

Беллами Алекс Джс., директор, Азиатско-Тихоокеанский центр ответственности по защите, профессор по изучению проблем мира и конфликтов, Университет Квинсленда, Австралия; старший советник-нерезидент, Международный институт мира, г. Нью-Йорк, США

Бехера Навишта Чадха, профессор, кафедра политических наук, Университет Дели, г. Нью-Дели, Индия

Бонд Патрик, профессор, Университет Западной Капской провинции, Кейптаун, ЮАР

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий, кафедра политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Иррера Даниела, доцент, кафедра политических и социальных наук, Университет Катании; генеральный секретарь, Итальянская Ассоциация политических наук, г. Катания, Италия

Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор, Центр исследований международных институтов, РАНХиГС; профессор, департамент мировой экономики, факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ, г. Москва, Российская Федерация

Маркетти Раффаэле, проректор по интернационализации, доцент международных отношений, кафедра политических наук, Университет ЛУИСС Гвидо Карли, г. Рим, Италия

Миттельман Джеймс, профессор, Школа международной службы, Американский университет, г. Вашингтон, США

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель, Центр изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Мотоки Такахаси, профессор, Высшая школа исследований в области международного сотрудничества, Университет Кобе; президент, Японское общество по международному развитию, г. Кобе, Япония

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Рахимов Мирзохид Акрамович, доктор исторических наук, заведующий отделом Центра новейшей истории Узбекистана, Академия наук Республики Узбекистан, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Саква Ричард, доктор политических наук, профессор, Университет Кента, г. Кентербери, Великобритания

Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор, кафедра востоковедения, МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Тикнер Арлин Б., профессор, факультет политических наук, Университет Росарио, г. Богота, Колумбия

Томани Пьер-Эммануэль, доктор философии, профессор геополитики, Институт социальных, экономических и политических наук; доцент, Университет Лион III, Университет Жана Мулена, г. Лион, Франция

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор, кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет; представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Цыганков Андрей Павлович, кандидат философских наук, доктор философии, профессор, Государственный университет Сан-Франциско, США

Чугров Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор, кафедра международной журналистики, МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Шаблага Андрей Владимирович, доктор философских наук, профессор, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 выпуска в год, ежеквартально.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 5.6.7 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки), 5.2.5 – Мировая экономика (экономические науки), 5.5.4 – Международные отношения (политические науки).

Включен в Scopus, RSCI, DOAJ, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>), базу данных Erih Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka и Academia.Edu.

Языки: русский, английский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами Глобального Юга (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в частности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «Мир и безопасность», «Международное экономическое сотрудничество», «Двусторонние отношения», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2025–2026 гг. следующий:

Выпуск	Тема	Срок подачи рукописей статей
№ 4 2025	Гуманитарные аспекты современных международных отношений	Прием статей закрыт
№ 1 2026	Стратегическая стабильность, глобальная и региональная безопасность	Прием статей закрыт
№ 2 2026	Международные отношения в цифровую эпоху: новые возможности и традиционные вызовы	15 ноября 2025 г.
№ 3 2026	Региональные аспекты современных международных отношений	15 февраля 2026 г.
№ 4 2026	Интеграционные процессы на постсоветском пространстве: к 35-летию создания Содружества Независимых Государств	15 апреля 2026 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Редактор И.Л. Панкратова

Редакторы англоязычных текстов А.Ю. Борзова, О.С. Чикризова, Л.Н. Замарайкина

Компьютерная верстка Н.А. Ясько

Адрес редакции:

Россия, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Подписано в печать 19.09.2025. Выход в свет 30.09.2025. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 26,51. Тираж 500 экз. Заказ № 1260. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Россия, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2025

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2025 VOLUME 25 No. 3

In this issue: **Celebrating the 70th Anniversary of the Bandung Conference:
The Evolving Role of Asian and African Countries in World Politics**

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-3

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Professor, Dr. Konstantin P. Kurylev
RUDN University, Moscow, Russia
kurylev-kp@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

PhD Olga S. Chikrizova
RUDN University, Moscow, Russia
chikrizova-os@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Mirmehdi M. Aghazada
RUDN University, Moscow, Russia
agazade-mm@rudn.ru

EDITORIAL OFFICE

Daniyal Ranjbar Meshkin, PhD (History), Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation
Maksim A. Nikulin, PhD (History), Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation
Mirzet S. Ramich, PhD (Political Sciences), Assistant, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Alex J. Bellamy, Director, Asia-Pacific Responsibility Center, Professor of Peace and Conflict Studies, University of Queensland, Australia; Senior Non-Resident Advisor, International Peace Institute, New York, USA
Amitav Acharya, Professor of International Relations, School of International Service, American University, Washington, USA
Andrei P. Tsygankov, PhD, Doctor of Philosophy, Professor, University of California San Francisco, San Francisco, USA
Andrei V. Shabaga, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation
Arlene B. Tickner, Professor, Department of Political Science, University of Rosario, Bogota, Colombia
Daniela Irrera, Associate Professor, Department of Political and Social Sciences, University of Catania, Secretary General of the Italian Association of Political Sciences, Catania, Italy
Dmitry V. Mosyakov, Doctor of Historical Sciences, Head, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
James H. Mittelman, Professor, School of International Service, American University, Washington, USA
Marina A. Sapronova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Marina V. Larionova, Doctor of Political Sciences, Director, Centre for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor, Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics, the HSE, Moscow, Russian Federation
Mirzokhid A. Rakhimov, Doctor of Historical Sciences, Head of Department, Center for Contemporary History of Uzbekistan, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan
Navnita Chadha Behera, Professor, Department of Political Sciences, University of Delhi, New Delhi, India
Patrick Bond, Professor, University of the Western Cape, Cape Town, South African Republic
Pierre-Emmanuel Thomann, PhD, Professor of Geopolitics, Institute of Social, Economic and Political Sciences; Associate Professor, University of Lyon III, Jean Moulin University, Lyon, France
Raffaella Marchetti, Deputy Rector for Internationalization, Assistant Professor of International Relations, Department of Political Sciences, LUISS Guido Carli, Rome, Italy
Richard Sakwa, Doctor of Political Sciences, Professor, University of Kent, Canterbury, Great Britain
Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Head, Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation
Sergey V. Chugrov, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Journalism, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Kobe, Japan
Victor L. Jelfets, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, Representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation
Vladimir A. Avatkov, Doctor of Political Science, Director, Department of the Middle & Post-Soviet East Studies, The Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences; Professor, Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation
Vladimir Ya. Portyakov, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by RUDN University, Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed in Scopus, RSCI, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory (<http://www.ulrichsweb.com>), Erih Plus database (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>).

Accessible at Russian Index of Science Citation, Electronic Journals Library Cyberleninka, and Academia.Edu.

Aims and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of student's body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, and Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow elaborating a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "Peace and Security", "International Economic Cooperation", "Bilateral Relations", and "International Academic Cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Scientific Schools".

Upcoming issues of the Vestnik RUDN. International Relations for 2025–2026 will deal with the following issues:

Issue	Thematic dossier	Deadline for the articles' submission
No. 4 2025	Humanitarian Aspects of Modern International Relations	Submission of articles is closed
No. 1 2026	Strategic Stability, Global and Regional Security	Submission of articles is closed
No. 2 2026	International Relations in the Digital Era: New Opportunities and Traditional Challenges	By November 15, 2025
No. 3 2026	Regional Aspects of Contemporary International Relations	By February 15, 2026
No. 4 2026	Integration Processes in the Post-Soviet Space: On the 35th Anniversary of the Commonwealth of Independent States	By April 15, 2026

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Journal and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Editor **I.L. Pankratova**

English text editors **A.Yu. Borzova, O.S. Chikrizova L.N. Zamaraykina**

Computer design **N.A. Yasko**

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia
Ph. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

© RUDN University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Отмечая 70-летие Бандунгской конференции:

эволюция роли стран Азии и Африки в мировой политике

- Пономаренко Л.В., Зуева Е.Г.** Сын борющейся Африки: к столетию со дня рождения Патриса Лумумбы (02.07.1925 — 17.01.1961) 339
- Панцеров К.А.** Страны Африки южнее Сахары на пути к обеспечению технологического суверенитета на примере Нигерии, Кении и Ганы: проблемы и перспективы 355
- Тишков С.А.** Лидерство Республики Кения в коалиционных стабилизационных силах для Гаити: опыт и уроки для *ad hoc* коалиций 366
- Чихачев А.Ю.** Политика Франции на Сахаро-Сахельском направлении: завершение операции «Бархан» и поиски нового подхода 382
- Лошкарёв И.Д., Копытцев И.С.** Государства-«мосты» в международных отношениях на примере Сингапура и Индонезии 394
- Каблуков К.С.** Региональная политика Индонезии в фокусе национальных исследовательских школ: сравнительный анализ 406
- Черешнева Л.А.** Присоединение Кашмира к Индийскому Союзу в 1947 г.: по материалам Национального архива Индии 418
- Абрамова Е.А., Зеленова Д.А.** Повестка национальной безопасности африканских участников и партнеров БРИКС 428

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

- Матвеев И.А.** Постбиполярный Ближний Восток: движение от конфликтов к устойчивому развитию в условиях формирующегося многополярного мира 449

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

- Соколыщик Л.М., Яникеева И.О., Торопчин Г.В.** ИКТ-безопасность во внешней политике США в отношении Латинской Америки: кейс дискурса администрации Дж. Байдена 469
- Карасев Д.Ю.** Ответные ограничительные меры Китая в условиях санкционного противостояния 485

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Шкваря Л.В., Айдрус И.А.З.** Россия — Саудовская Аравия: взаимная торговля и «своевременное союзничество» в условиях глобальных трансформаций 505
- Белов В.И., Пичугин С.В., Ранджбар Д.М.** Энергетическая дипломатия и формирование «экономики сопротивления» в Иране 522
- Тимофеев И.Н.** США — КНР: политика санкций и контрсанкций 538

РЕЦЕНЗИИ

- Савичева Е.М., Киричко Ф.А.** Рецензия на книгу: Phillips C. Battleground: 10 Conflicts that Explain the New Middle East. New Haven, London: Yale University Press, 2024. 312 p. 553

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER: Celebrating the 70th Anniversary of the Bandung Conference:

The Evolving Role of Asian and African Countries in World Politics

Ponomarenko L.V., Zueva E.G. Son of Struggling Africa: On the Centenary of Patrice Lumumba's Birth (July 2, 1925 — January 17, 1961)	339
Pantserov K.A. Sub-Saharan African Countries on the Path to Achieving Technological Sovereignty — The case of Nigeria, Kenya and Ghana: Problems and Prospects	355
Tishkov S.A. Leadership of the Republic of Kenya in the Multinational Security Support Mission for Haiti: Experience and Lessons for <i>ad hoc</i> Coalitions	366
Chikhachev A.Y. France's Policy in the Sahara-Sahel Region: The End of Operation Barkhane and the Quest for a New Approach	382
Loshkariov I.D., Kopytsev I.S. "Bridge" States in International Relations: The Cases of Singapore and Indonesia	394
Kablukov K.S. Indonesian Regional Policy in the Focus of National Research Schools: A Comparative Analysis	406
Chereshneva L.A. The Accession of Kashmir to the Indian Union in 1947: Based on Materials from the National Archives of India	418
Abramova E.A., Zelenova D.A. The National Security Agenda of the African Participants and Partners of the BRICS	428

REGIONAL ASPECTS OF INTERNATIONAL RELATIONS

Matveev I.A. Post-Bipolar Middle East: Moving from Conflicts to Sustainable Development in an Emerging Multipolar World	449
--	-----

APPLIED ANALYSIS

Sokolshchik L.M., Yanikeeva I.O., Toropchin G.V. ICT Security in U.S. Foreign Policy Towards Latin America: The Case of the Biden Administration's Discourse	469
Karasev D.Yu. China's Retaliatory Measures in the Context of the Sanctions Confrontation	485

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Shkvarya L.V., Aidrous I.A.Z. Russia — Saudi Arabia: Mutual Trade and "Timely Alliance" in the Context of Global Transformations	505
Belov V.I., Pichugin S.V., Ranjbar D.M. Energy Diplomacy and the Formation of a "Resistance Economy" in Iran	522
Timofeev I.N. The U.S. and China: Policy Approaches to Sanctions and Counter Sanctions	538

BOOK REVIEWS

Savicheva E.M., Kirichko F.A. Book review: Phillips, C. (2024). Battleground: 10 Conflicts that Explain the New Middle East. New Haven, London: Yale University Press, 312 p. (In Russian)	553
---	-----

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Отмечая 70-летие Бандунгской конференции: эволюция роли стран Азии и Африки в мировой политике

THEMATIC DOSSIER: Celebrating the 70th Anniversary of the Bandung Conference: The Evolving Role of Asian and African Countries in World Politics

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-3-339-354

EDN: TOCNKF

Научная статья / Research article

Сын борющейся Африки: к столетию со дня рождения Патриса Лумумбы (02.07.1925–17.01.1961)

Л.В. Пономаренко , Е.Г. Зуева

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 zueva-eg@rudn.ru

Аннотация. Статья посвящена 100-летию со дня рождения Патриса Эмери Лумумбы — национального героя Демократической Республики Конго (ДРК), одного из ярчайших лидеров африканского антиколониального движения, первого премьер-министра независимой страны. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. его родина превратилась в арену противоборства между африканскими силами освобождения и Западом, заинтересованным в сохранении позиций в богатой минеральными ресурсами стране в Центральной Африке. В современных условиях, когда африканские страны решают актуальные задачи утверждения суверенитета и безопасности, укрепления своего веса в мировой экономике и политике, им важно опираться на исторический опыт, учитывающий достижения и ошибки периода борьбы за независимость и деколонизации. С помощью биографического метода авторы анализируют формирование жизненной стратегии отдельного человека как социального актора во взаимодействии с обществом, выявляя, каким образом среда и социокультурные обстоятельства влияют на личность, ее убеждения и поведение, проявления уникального и типичного в характере. Источниковую базу исследования составили выступления, письма, статьи П. Лумумбы, издававшиеся в Брюсселе ежегодные сборники бельгийских и конголезских документов (1959–1961 гг.) о ситуации в стране. Становление личности П. Лумумбы происходило в условиях специфической системы бельгийского колониального управления. Яркий самородок из бедной крестьянской семьи, талантливый организатор, прекрасный оратор благодаря природным способностям, трудолюбию и самообразованию стал одним из самых авторитетных политиков ДРК накануне и в первый год ее независимости, создав единственную политическую партию, отошедшую от узко этнических интересов, — Национальное движение Конго (НДК). Основными положениями его программы были образование независимого, единого, целостного и неделимого Конго, организация государственного сектора, контролирующего горнодобывающую промышленность, для проведения самостоятельного курса в экономической области и во внешней

© Пономаренко Л.В., Зуева Е.Г., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

политике, преодоление трайбализма и регионализма, а также создание справедливого общества без нищеты и эксплуатации. В сфере внешней политики он ориентировался на нейтралитет и panaфриканизм. Рассматривается, как в условиях холодной войны такая радикальная политика и бескомпромиссная позиция П. Лумумбы настроила против него Запад и прозападные силы внутри Конго, в результате чего в стране произошел кризис, приведший к убийству премьер-министра. Различные оценки деятельности П. Лумумбы вытекают прежде всего из противоположных политических позиций исследователей и политиков, а также из противоречивости мировоззрения и неоформленности программы самого политика.

Ключевые слова: Демократическая Республика Конго, ДРК, антиколониальная борьба, холодная война, конголезский кризис, история Африки, международные отношения, бельгийский колониализм, деколонизация

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Пономаренко Л.В.: научное руководство исследованием, разработка концепции исследования, подбор и анализ источников и литературы, подбор методологии, рецензирование и редактирование рукописи. Зуева Е.Г.: подбор и анализ источников и литературы, написание основных разделов статьи. Все авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Для цитирования: Пономаренко Л. В., Зуева Е. Г. Сын борющейся Африки: к столетию со дня рождения Патриса Лумумбы (02.07.1925–17.01.1961) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 3. С. 339–354. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-339-354>

Son of Struggling Africa: On the Centenary of Patrice Lumumba's Birth (July 2, 1925 — January 17, 1961)

Liudmila V. Ponomarenko , Elena G. Zueva

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 zueva-eg@rudn.ru

Abstract. The article commemorates the 100th anniversary of the birth of Patrice Emery Lumumba, a national hero of the Democratic Republic of the Congo (DRC), one of the most prominent leaders of the African anti-colonial movement, and the first Prime Minister of an independent country. In the late 1950s and early 1960s, his homeland became an arena for confrontation between the African liberation forces and the West, which was interested in maintaining its position in the mineral-rich country in Central Africa. In modern terms, as African countries strive to assert their sovereignty and security, strengthen their presence in the global economy and politics, it is crucial for them to rely on historical experience, taking into consideration the successes and failures of the period of struggle for independence and decolonization. Using the biographical method, the article undertakes a comprehensive analysis of the development of an individual's life strategy as a social subject in interaction with society, examining how the environment and socio-cultural circumstances affect a person's beliefs and behavior, and the subsequent manifestations of a unique and typical character. The research is grounded in a comprehensive examination of P. Lumumba's speeches, correspondence, and published articles. Additionally, it draws upon annual collections of Belgian and Congolese documents on the situation in the country (1959–1961), published in Brussels. P. Lumumba's personality was shaped by a specific system of the Belgian colonial administration. P. Lumumba was a highly intelligent individual hailing from a humble peasant background. He was a talented organizer and an excellent orator. Thanks to his natural abilities, hard work and self-education, he became one of the most respected politicians of the DRC on the eve of and in the first year of its independence. P. Lumumba founded a new political party, the Congolese National Movement, which was the only party to deviate from narrow ethnic interests. The main tenets of the program can be summarized as follows: the formation of an independent, unified, integral and indivisible Congo; the organization of the public sector, which controls the mining industry, to pursue an independent course in the economic field and in foreign policy; overcoming tribalism and regionalism; creating a just society without poverty and exploitation. In foreign policy, he focused on neutrality and Pan-Africanism. The article analyzes how, during the Cold War, such a radical policy and uncompromising stance of P. Lumumba turned the West and pro-Western forces inside the Congo against him, which caused a crisis in the country that led to the

assassination of the Prime Minister. The different assessments of P. Lumumba's activities primarily stem from the varying political positions of researchers and politicians, as well as from the contradictory worldview and the lack of formality of the politician's own program.

Key words: Democratic Republic of the Congo, DRC, anti-colonial struggle, Cold War, Congolese crisis, history of Africa, international relations, Belgian colonialism, decolonization

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. L.V. Ponomarenko: scientific supervision of the research, development of the research concept, selection and analysis of sources and literature, methodology selection, reviewing and editing of the manuscript. E.G. Zueva: selection and analysis of sources and literature, writing the main sections of the article. Both authors have read and approved the final version of the article.

For citation: Ponomarenko, L. V., & Zueva, E. G. (2025). Son of struggling Africa: On the centenary of Patrice Lumumba's birth (July 2, 1925 — January 17, 1961). *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(3), 339–354. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-339-354>

Мертвый Лумумба перестал быть человеком и стал Африкой во всей ее полноте... [В] нём умер и воскрес весь континент.

*Жан-Поль Сартр*¹

Введение

Бывают люди, через судьбу которых можно очень явственно увидеть эпоху. Таков Патрис Эмери Лумумба — герой в чем-то уникальный, а в чем-то типичный для Африки середины XX столетия.

Лидер освободительного движения в Бельгийском Конго, создатель партии Национальное движение Конго (НДК), первый глава национального правительства Республики Конго, общественно-политический деятель, публицист и поэт, отец четверых детей. Он прожил короткую, но яркую и насыщенную жизнь, в которой отразилась сложная и противоречивая суть событий антиколониальной борьбы и первых лет африканской независимости.

Всего 35 лет жизни, 10 лет активной общественно-политической деятельности, чуть более двух месяцев во главе правительства. Что можно успеть сделать за столь короткий срок?

В 1950–1960-е гг. мир узнал целую плеяду африканских борцов за свободу. 1960 г. стал «годом Африки», когда 17 колоний приобрели независимость, среди них было и

Бельгийское Конго. Чтобы понять значение личности Патриса Лумумбы для его страны и всей Африки, необходимо отчетливо представлять себе то, против чего он боролся, в каких условиях происходило его становление как общественно-политического и государственного лидера.

Становление лидера и антиколониальная борьба

Демократическая Республика Конго (ДРК; носила разные названия в период независимости: Республика Конго — в 1960–1971 гг., Заир — в 1971–1997 гг.) — крупнейшее государство Африки южнее Сахары, почти равное по площади Западной Европе, с населением более 105 млн чел. (данные на 2021 г.)², расположено в бассейне реки Конго и чрезвычайно богато полезными ископаемыми. С 1885 по 1960 г. родина П. Лумумбы находилась под властью Бельгии. Здесь бельгийский колониализм имел свои отличительные черты.

Поколение конголезцев, родившихся в 1920–1930-е гг., к которым принадлежал П. Лумумба, уже не застало самого одиозного периода в истории колонии, когда она была личным владением бельгийского монарха Леопольда II и называлась Независимое государство Конго (НГК), где предоставлялись

¹ Sartre J.-P. Preface // *La pensée politique de Patrice Lumumba : Textes et documents recueillis et présentés par J. van Lierde*. Paris : Présence africaine, 1963 P. XLIV.

² Demographic Yearbook 2023 : 74th issue. New York : United Nations Department of Economic and Social Affairs, 2024. P. 138. URL: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789211065749/read> (accessed: 17.02.2025).

концессии бельгийским и английским компаниям, которые стремились выжать максимальную прибыль из добычи слоновой кости, производства каучука, хлопка, кофе и пальмового масла (Зусманович, 1962, с. 189–196, 222). Для принуждения местного населения к труду на плантациях и рудниках и «мотивации» выработки рабочих норм колонизаторы применяли жестокие методы вплоть до насильственного сгона людей, отрубания кистей рук и обрезания ушей. Население Конго стремительно сокращалось из-за изнурительного труда, карательных экспедиций, болезней, плохих условий проживания и недоедания (Сидорова, 2024, с. 145–148).

В 1908 г. бельгийское правительство изъяло НГК у короля, сделав Конго своей колонией. Хотя в прошлое стали уходить ужасы «красного каучука», взятых в заложники семей, пыток и казней, ситуация все равно оставалась тяжелой. Кроме того, напоминания об этом кровавом периоде сохранялись в памяти родных и знакомых людей, пострадавших от ужасов раннего бельгийского колониализма, и в устной традиции.

В колониальный период, с одной стороны, наблюдалось некое развитие Конго: создавались горнодобывающие предприятия, развивалось сельское хозяйство, строились дороги, распространялись христианство, грамотность и европейская культура. С другой стороны, в 1930–1950-е гг. большинство конголезцев подвергались расовой дискриминации и сегрегации, страдали от бедности, высоких налогов и низких зарплат, тяжелых условий труда на плантациях и в шахтах, политического бесправия, существования на правах «второсортных» людей, а также отсутствия социальных лифтов и жизненных перспектив. Власти проводили политику патернализма — чрезмерной опеки африканцев, регламентации и контроля над всеми сторонами их жизни. Метрополия крайне неохотно допускала африканцев и до европейского образования, и до ответственных постов. Конго было изолированным от внешнего мира, выезды за пределы колонии были запрещены для африканцев вплоть до середины 1950-х гг. Конголезцы не могли, в отличие от

африканцев из английских и французских колоний, получить высшее образование за рубежом. Только в 1954 г. в Конго был основан первый университет (Cornevin, 1978, p. 225). К моменту получения независимости в колонии примерно на 12 млн конголезцев насчитывалось около 20 африканцев, получивших образование в Европе, и около 400 человек, окончивших центры с программой высшей школы в Конго, которые могли получить лишь среднюю профессиональную квалификацию медика-ассистента, техника по сельскому хозяйству и т. п. (Пономаренко, 2010, с. 52). Такие ограничения, опека и изоляция тормозили развитие конголезцев и рост их самосознания. В колонии не формировалась политическая элита, имевшая хотя бы какой-то опыт управления страной. Политические организации стали складываться очень поздно, поскольку были официально разрешены только в 1959 г. Их лидеры не имели ни соответствующей квалификации, ни четких идеологических концепций и программ. В большинстве своем партии основывались на трайбализме и регионализме, а также выступали за федерализм, под которым понималась широкая автономия провинций при слабом центре.

Патрис Лумумба родился 2 июля 1925 г. в деревне Оналуга провинции Касаи в семье крестьянина народности батетела. С шести лет он помогал родителям в поле. Так, в тяжелом физическом труде, добывании своего хлеба насущного и могла бы пройти и его жизнь, как и жизни миллионов других конголезцев. Однако природная одаренность и любознательность мальчика, рассудительность и дисциплинированность, трудолюбие и упорство, советы родственников и примеры из жизни привели к тому, что он избрал другую стезю.

П. Лумумба так и не получил законченного высшего образования, но всю жизнь занимался самообразованием и очень много читал. Он учился в разных очных и заочных, религиозных и светских школах, посещал просветительские курсы и кружки, увлекался историей и философией, интересовался политикой, политэкономией и юридическими науками (Zeilig, 2008, pp. 23–46).

Патрис Эмери Лумумба искал себя в разных видах деятельности, хотя колониальная действительность не открывала перед ним больших и разнообразных перспектив. Он выбирал между профессией священника, фельдшера и железнодорожника, менял города и провинции; был клерком в различных организациях и почтовым служащим, коммерческим директором завода и служащим оловодобывающей компании. Он предпочитал работу, полезную для общества, которая позволяла ему передвигаться по стране, общаться с людьми самых разных социальных слоев и профессий, узнавать их жизнь и проблемы. У него появилось много товарищей среди африканцев и европейцев. П. Лумумба аккумулировал в себе переживания людей, анализировал причины их бедности и неустроенности. В середине 1940-х гг. он уже не хотел пассивно сочувствовать бедам и нуждам конголезцев, а стремился помогать им действием. Он начал писать статьи о проблемах колониального общества и возглавил несколько общественных организаций, а также создал местную секцию Либеральной партии Бельгии (Винокуров, 2015, с. 17).

С 1950 по 1960 г. (до начала работы в качестве премьер-министра) взгляды П. Лумумбы прошли значительную эволюцию. Сначала он был человеком, который выступал за европеизацию, уравнивание бельгийцев и конголезцев в правах, искренне считал, что именно бельгийцы спасли Конго от «темноты» и рабства. Он хотел быть похож на европейцев объемом знаний и умений и был признан «эволюэ» (европеизованным африканцем) и имматрикулированным конголезцем (этот статус получали те немногие «эволюэ», кто проходил процедуру проверки на способность следовать европейскому образу жизни). Выражением идей этого периода стала его книга «Конго, земля будущего, под угрозой?» (1956 г.), которая была опубликована уже после его гибели в 1961 г.³

Однако, все более погружаясь в проблемы страны, П. Лумумба достаточно быстро стал отходить от этой точки зрения, взгляды

его радикализировались, оценки истинной роли бельгийской колонизации становились реалистичнее, жестче и резче. Особенно сильно на него повлияла поездка в 1958 г. в Аккру, столицу уже независимой Ганы, на конференцию народов Африки, где он встретился с представителями движений за независимость других африканских стран (Кваме Нкрумой, Ахмедом Секу Туре и др.). Лумумба понял масштаб проблемы колониализма и необходимость ее решения для всей Африки, стал сторонником идеи скорейшего получения независимости и объединения усилий всех африканских народов для достижения этой цели. Также на радикализацию его взглядов повлияли экономический кризис в Конго в середине 1950-х гг. и ухудшение положения населения, рост безработицы, цен и налогов, активизация деятельности профсоюзов, массовое формирование различных партий и движений, расширение его кругозора в результате поездок в Европу и ряд стран Африки, контакты с различными деятелями партий и общественных движений в Конго, события в соседних французских колониях, глубокий анализ действий Бельгии — слишком медленных для решения острых вопросов, а также понимание искусственного затягивания бельгийцами принятия решения о предоставлении Конго независимости (de Vos, 1961, pp. 67–68; Пономаренко, 2010, с. 61–71). В результате П. Лумумба перешел на позиции резкой критики бельгийского колониализма и бельгийских властей и выступил за немедленное предоставление независимости⁴.

При этом политик наблюдал очень опасный процесс: только в 1957–1960 гг. в Конго появилось свыше 100 партий и группировок, большинство из которых сформировалось по этническому принципу и выступало в поддержку интересов только своей этнической группы, имея основную поддержку в регионе проживания (Пономаренко, 2010, с. 64).

Очень быстро в конце 1950-х гг. П. Лумумба повзрослел как политик, превратив-

³ Lumumba P. *Le Congo, terre d'avenir, est-il menacé?* Bruxelles : S.A. Editeurs, 1961.

⁴ *La pensée politique de Patrice Lumumba : Textes et documents recueillis et présentés par Jean van Lierde.* Paris : Présence africaine, 1963. P. 66–68.

шись в самостоятельного лидера, который имеет свой взгляд на цели и задачи борьбы и будущее развитие Конго. В августе 1958 г. он основал патриотическую партию — Национальное движение Конго, которая выгодно отличалась от узко этнических партий и движений, и объединяла в своих рядах представителей различных этнических групп, благодаря чему стала массовой и одной из самых влиятельных партий в колонии.

Когда стало понятно, что Бельгия хочет растянуть подготовку к независимости на 30 лет, местные политические силы в колонии стали переходить на более решительные позиции, в результате чего они раскололись на прогрессивных радикалов, требовавших независимости немедленно (в числе которых был П. Лумумба), и умеренных консерваторов. Между всеми внутренними силами, которые поддерживались разнообразными внешними акторами, не было единства взглядов и планов, что привело к острой борьбе. В этих условиях в Брюсселе началась конференция круглого стола по политическим вопросам (январь-февраль 1960 г.), где были представлены все крупные партии Конго и группа племенных вождей.

П. Лумумба в это время был арестован. Однако представители всех партий выступили с требованием освобождения лидера НДК. А. Кашамура, лидер партии Центр африканской перергруппировки (*Centre de Regroupement Africain*, CEREА), заявил: «Я работаю с Лумумбой и достаточно хорошо знаю его. Это великий человек, пользующийся огромным влиянием. Решать без него какие-то вопросы — значит рисковать тем, что массы не одобряют принятых решений... Лумумба пользуется доверием всех слоев населения, и его присутствие на конференции крайне важно»⁵. В результате П. Лумумба был выпущен из тюрьмы и принял активное участие в работе конференции. Поскольку ее делегаты выступили с совместным требованием о предоставлении колонии независимости, Бельгия была вынуждена назначить дату

провозглашения независимости — 30 июня 1960 г. Началась подготовительная работа: требовалось определить основы общеполитического курса будущего государства, набор и содержание необходимых реформ, сформировать органы власти. Бельгийцы разработали временную конституцию «Основной закон о структурах Конго».

Бельгия надеялась, что ей удастся сохранить свои позиции и создать в Конго марионеточное правительство. Однако на выборах в национальный и провинциальный парламент в мае 1960 г. победили более радикальные партии. НДК получила 41 место (из 137) в палате депутатов и 19 мест (из 84) в сенате, и, объединившись со своими союзниками — «Альянсом народа баконго» (Абако), Партией африканской солидарности (*Parti Solidaire Africain*, ПСА) и CEREА, они получили большинство в парламенте — 61,5 % депутатских мест⁶. Самым популярным лидером, набравшим наибольшее количество голосов, стал Патрис Лумумба.

Однако это был не конец борьбы, а только ее начало. Далее острое соперничество развернулось при формировании национального правительства. В результате долгих и изнурительных переговоров, дискуссий, споров и компромиссов решение о составе правительства (которое формировал П. Лумумба) было принято: в его состав вошли 37 человек, представлявших разные социальные слои, политические взгляды и этнические группы.

30 июня 1960 г. колония получила независимость, была провозглашена Республика Конго. Ее премьер-министром стал Патрис Лумумба, а президентом — Жозеф Касавубу.

На посту премьер-министра

П. Лумумба официально пробыл на посту премьер-министра до 5 сентября 1960 г. и еще до конца ноября он активно участвовал в политической жизни страны. За этот небольшой промежуток времени произошло очень много событий. Бывшие союзники в освободительной борьбе резко разошлись во взглядах на то, как страна должна развиваться дальше.

⁵ Congo, 1960. Documents belges et africains. Vol. I. Bruxelles: Centre de recherche et d'information socio-politiques, 1961. P. 30.

⁶ Ibid. P. 264–265.

П. Лумумба не создал какой-то новой политической доктрины, его концепция развития африканского государства базировалась на известных внутри- и внешнеполитических принципах. На его взгляды повлияли самые разные общественно-политические учения и концепции: идеи просвещения, различного рода социалистические теории, идеология африканского традиционализма, а также пан-африканизм. О том, как он видел устройство и развитие Конго, какие меры предполагал провести в первые годы независимости, можно судить по его выступлениям (Пономаренко, 2010, с. 102–109).

П. Лумумба хотел создать сильное унитарное государство, не осуждал федерализм, но выступал против децентрализации страны и трайбализма, ратуя за национальное единство, не исключая культурные особенности каждой этнической группы. Он намеревался объединить НДК с парламентскими союзниками (ПСА, CEREА) в единую национальную партию, которая впоследствии могла бы поглотить другие партии и стать объединяющей силой для страны.

П. Лумумба ставил во главу угла равенство и социальную справедливость в обществе и считал, что это может обеспечить только сильное централизованное государство. Он отстаивал необходимость улучшения условий труда и жизни рабочих, введение справедливой оплаты труда, разработку единого трудового законодательства, решение проблемы безработицы, развитие жилищного строительства и здравоохранения.

Он намеревался организовать государственный сектор в экономике, поставить под контроль государства горнодобывающую промышленность — эксплуатация природных ресурсов Конго должна была осуществляться только через госсектор. Производство стратегических ресурсов в госсекторе дало бы возможность стране проводить самостоятельный курс в экономической области и во внешней политике. Он собирался проводить индустриализацию, не предполагал немедленной национализации, считал необходимым привлечение иностранного капитала без предоставления ему чрезмерных привилегий. Развитие сельского хозяйства должно было

происходить за счет освоения новых районов и распространения коллективных форм обработки земли.

Африканизация госаппарата и армии, как считал П. Лумумба, должна была стать необходимым условием развития национального государства. Пока управление предприятиями, рудниками, а также в сферах транспорта, связи и безопасности осуществляли бельгийские специалисты, невозможно было говорить о независимости страны. При этом уровень компетенций африканских служащих пока был очень низким. Поэтому П. Лумумба уделял большое внимание совершенствованию системы образования для подготовки национальных квалифицированных кадров. В сфере внешней политики он ориентировался на нейтралитет и панафриканизм, требовал пересмотра всех неравноправных договоров и соглашений, заключенных в колониальный период, а также вывода иностранных войск из страны и передачи военных баз под контроль правительства⁷.

Однако нельзя сказать, что мировоззрение П. Лумумбы и его программа приобрели законченную форму. Его деятельность происходила в условиях антиколониального движения и острой политической борьбы, поэтому его взгляды еще претерпевали эволюцию; сам он считал, что политико-идеологическую платформу конголезского государства необходимо корректировать, придавая ей более последовательный и четкий характер в соответствии с новыми задачами упрочения независимости страны.

П. Лумумба был интеллигентным и эрудированным человеком, харизматичным лидером, блестящим оратором, что признавали и его оппоненты. Он свободно общался с людьми разных этнических групп и социальных слоев, умел убеждать и быть дипломатичным (Lopez Alvarez, 1965, pp. 34–40).

⁷ См.: La pensée politique de Patrice Lumumba : Textes et documents recueillis et présentés par Jean van Lierde. Paris : Présence africaine, 1963. P. 65–80, 153–189; Congo, 1960. Documents belges et africains. Vol. I. Bruxelles : Centre de recherche et d'information socio-politiques, 1961. P. 80–84; Congo, 1960. Documents belges et africains. Vol. II. Bruxelles : Centre de recherche et d'information socio-politiques, 1961. P. 566–593.

При этом П. Лумумба был человеком искренним, часто называвшим вещи своими именами. Прежде всего, это касалось нескольких вопросов, имевших для него принципиальное значение, в которых он был непреклонен, а его суждения могли звучать резко и прямолинейно.

Первый вопрос касался оценок бельгийского колониализма, который имел противоречивые результаты. Безусловно, П. Лумумба признавал заслуги Бельгии в развитии Конго, прекращении с ее приходом работорговли и племенных междоусобиц, распространении образования и здравоохранения, экономическом прогрессе и создании инфраструктуры. Однако он также не мог не признавать ту высокую цену, которую заплатили конголезцы за этот прогресс. Он не мог закрыть глаза на сохранявшееся неравенство в обществе между европейцами и конголезцами и не мог не видеть, как под предлогом помощи в индустриализации Конго Бельгия пыталась искусственно сохранить свои позиции и возможности в этой стране. Уже как премьер-министр, думающий о будущем и суверенитете своей родины, он призывал не забывать болезненный опыт зависимости для предотвращения возможности вновь превратиться в чью-то колонию⁸.

На торжественном заседании национального парламента, посвященном независимости, когда бельгийский король Бодуэн I выступил с патерналистской речью, а президент Ж. Касаубу поблагодарил его за годы, которые Конго жило под бельгийским господством, П. Лумумба расценил это как лицемерие и оскорбление. Его незапланированное выступление резко отличалось по своему настрою. Отмечая заслуги Бельгии, он напомнил, что независимость Конго была дарована Бельгией не из великодушия. «Хотя эта независимость Конго и провозглашена сегодня по договоренности с Бельгией — дружеской страной, с которой мы обращаемся как равный с равным, ни один житель

Конго никогда не забудет, что независимость завоевана нами в борьбе, в борьбе повседневной, упорной, трудной, в борьбе, где нас не останавливали ни лишения, ни страдания, ни огромные жертвы, ни кровь, пролитая нашими народами. Эта борьба сопровождалась слезами, огнем и кровью. Мы глубоко гордимся нашей борьбой, так как это была справедливая и благородная борьба, необходимая для избавления от унижительного рабства, навязанного нам силой»⁹.

На Западе и в прозападных кругах эта речь была воспринята как агрессивная. Однако она являлась выплеском эмоциональной боли о десятилетиях унижений и дискриминации миллионов конголезцев и показала, что Патрис Лумумба не позволит проводить прежнюю политику разграбления иностранными государствами ресурсов Конго.

Другим принципиальным для П. Лумумбы вопросом было унитарное устройство страны. Он последовательно отстаивал точку зрения, что внутренняя политика должна быть направлена на преодоление этноплеменных противоречий, интеграцию общества, формирование внутренних связей между провинциями и регионами для предотвращения сепаратизма.

Его четкая позиция исходила из реальности — Конго имело очень сложный этнический состав, там проживало (и проживает) более 250 этнических групп: народы банту (баконго, балуба, бакуба, бавили, бангала и др.), народы суданской группы (азанде, банда и др.) и нилотские народы (алур, бари). В колониальные времена в рамках искусственных границ Конго, созданного бельгийцами, оказались объединены сотни этнических групп и народностей. Бельгийские власти противодействовали сближению племен, используя этническую разобщенность в своих политических целях. В результате у жителей Конго не сложилось чувство принадлежности к единой общности. Более того, именно этническая принадлежность для большинства конголезцев была главным фактором, определявшим их поведение, жизненные ценности и мировоззрение. Этническая пестрота влияла

⁸ Выступление П. Лумумбы на провозглашении независимости 30 июня 1960 г. // Казанский журнал международного права и международных отношений. 2015. № 7. С. 117–118. URL: https://kznjil.ru/files/kjil_07.pdf (дата обращения: 15.02.2025).

⁹ Там же. С. 117.

напрямую и на социально-экономическое развитие, и на расстановку сил в стране. Большинство партий представляло собой не политические, а этнические организации, создававшиеся для защиты интересов определенной группы. Отсюда вытекало предпочтение большинством из них не унитарного устройства государства, а аморфной федерации с широкими правами для отдельных провинций. Еще до провозглашения независимости и после ее достижения эти организации и их лидеры высказывали желание создать ряд самостоятельных государств на территории Конго (Винокуров, 2015, с. 20, 29). П. Лумумба видел в этом опасность сепаратизма и пытался предотвратить его, последовательно и аргументированно отстаивая принципы унитаризма.

Еще одним вопросом, имевшим для П. Лумумбы особое значение, было отстаивание африканской солидарности в борьбе за независимость и деколонизацию, помощь друг другу в решении острых проблем социально-экономического и политического развития. В защите принципов и проведении политики panaфриканизма премьер-министр Конго видел средство упрочения суверенитета африканских стран (Heinz & Donnay, 1976, pp. 192–194).

Попытки первостепенного решения именно этих проблем раскололи конголезское общество. Если в рамках НДК П. Лумумба смог частично объединить конголезские народы для свержения бельгийского колониализма, то удержать их вместе ему уже не удалось. Помешало множество причин, среди которых были этническая раздробленность и сепаратистские настроения части этносов, противоположные интересы конголезских этнических элит, а также не в последнюю очередь — вмешательство внешних сил, заинтересованных в том, чтобы контролировать добычу и использование богатых природных ресурсов страны. В этих сложных условиях ни в конголезском руководстве, ни среди партий и общественно-политических лидеров не было единства. Между центральными и провинциальными властями существовал целый ряд противоречий и конфликтов, так же как

и между законодательной и исполнительной властью в центре и на местах.

Против правительства П. Лумумбы стала формироваться коалиция из этнорегиональных партий, отражавших интересы местных зажиточных слоев и охотно получавших спонсорскую помощь от западных государств и белых поселенцев. Эти партии обвиняли правительство и лично премьер-министра в диктаторских замашках, требуя замены унитарного устройства страны на федеративное (Мазов, 2015, с. 51; Винокуров, 2015, с. 36).

Между П. Лумумбой и президентом страны Ж. Касавубу сложились непростые отношения. Ж. Касавубу был выходцем из более многочисленного народа западных регионов страны — баконго, возглавлял партию Абако. Более опытный, осторожный и консервативно настроенный политик, он имел более тесные связи с бельгийцами и американцами и выступал за федеративное устройство государства, рассчитывая получить американский кредит на развитие страны, а также надеялся, что при поддержке Организации Объединенных Наций (ООН) центральное правительство сумеет подавить сепаратизм в провинциях. Если до середины августа 1960 г. П. Лумумба и Ж. Касавубу находили общий язык и часто действовали сообща, то дальше разница их интересов привела к конфликту между ними.

Другим сильным и авторитетным политиком был Моиз К. Чомбе, представитель Катанги — самой богатой и промышленно развитой провинции страны. Он был уроженцем богатого и знатного рода народности лунда, имел университетское образование, был прекрасным оратором. Он возглавлял партию «Конфедерация ассоциаций Катанги» (Конакат), отстаивал федеративное устройство государства с самоуправлением провинций, был настроен прозападно и антикоммунистически.

С начала июля 1960 г. (то есть практически сразу после провозглашения независимости) Конго начало сползать в анархию и политический хаос. Сильно осложнил внутреннюю обстановку в стране бунт в Конголезской национальной армии (КНА). Между

конголезцами и белыми поселенцами происходили стычки. 10 июля под предлогом защиты своих граждан Бельгия ввела в страну свои войска. Также начался массовый отток европейских чиновников, что лишило страну квалифицированных управленцев и фактически парализовало различные сферы жизни.

11 июля М. Чомбе при поддержке бельгийской горнодобывающей компании «Юнион Миньер дю О Катанга» (*Union Minière du Haut Katanga*) объявил о выходе региона из состава Республики Конго и создании независимого Государства Катанга (Gérard-Libois, 1963, p. 296). Также сепаратистские настроения вспыхнули в провинции Касаи, часть которой отделилась и провозгласила государство Южное Касаи. Это подрывало возможности проведения независимой политики центральным правительством, так как обе провинции были главными источниками сырья и валютных поступлений. При этом основной причиной отделения Катанги М. Чомбе называл опасения распространения коммунизма и обвинял премьер-министра в его пропаганде (Gérard-Libois, 1963, pp. 328–320; Мазов, 2015, с. 52).

Разразился конголезский кризис. П. Лумумба и Ж. Касавубу обратились в ООН с просьбой об оказании военной помощи. Конголезский кризис стремительно интернационализировался (Schmidt, 2013, pp. 56–77). Когда П. Лумумба понял, что ограниченный контингент ООН не будет помогать подавить сепаратизм, он попытался лавировать между США и СССР. Его попытки заручиться военной поддержкой США не увенчались успехом, а СССР в свою очередь предоставил его правительству в обход ООН гражданские самолеты, грузовики, продовольствие и медикаменты (Мазов, 2015, с. 53).

В итоге курс П. Лумумбы перестал устраивать большинство прозападно настроенных политиков в стране. При этом П. Лумумба не смог превратить армию в опору национального правительства и его политики. Против политика начали организовывать заговор внутри страны, разнообразные внешние силы также вынашивали планы свержения премьер-министра. Рассекречивание

архивных материалов ООН, США, Бельгии и Великобритании позволило пролить свет на то, кто конкретно был заинтересован и какие меры принимал, чтобы нейтрализовать, а затем и физически устранить неугодного политика (de Witte, 2001; de Vos et al., 2005).

П. Лумумба мечтал увидеть свою родину независимым унитарным государством с сильным центральным аппаратом власти, способным защитить интересы всех граждан. Он пытался добиться реального контроля над богатейшими ресурсами страны и достичь экономического суверенитета, однако это не было выгодно многим силам внутри Конго и за его пределами.

П. Лумумба искренне верил, что дело подлинной независимости находится в руках самих африканцев. При этом он понимал, что Конго нужна поддержка. Он пытался уйти от решения этого вопроса тривиальным путем игры на противоречиях между сверхдержавами в рамках биполярного мира и опоры только на США или СССР. Скорее, его идеализм проявился в том, что он пытался найти некую нейтральную силу, но ошибся в ее выборе.

П. Лумумба возлагал самые большие надежды в урегулировании конголезского кризиса на ООН, на ее операции, проводившиеся в Конго с согласия его правительства и имевшие целью оказать помощь законному правительству в борьбе с бельгийской агрессией и сепаратистскими силами. Даже когда военный контингент ООН стал действовать в интересах политических противников Патриса Лумумбы, он продолжал верить в силу международного сообщества.

В действительности в то время ООН не была нейтральной организацией. Прежде всего, она отражала интересы США, присутствие которых возросло в Конго в годы Второй мировой войны (Юрьев, 1966, с. 54; Барышев, 2009, с. 409–415, 434–438). Они получали основную часть добываемого сырья (особенно стратегического — урана, меди, олова, кобальта), на их долю приходилась значительная часть импортируемых товаров. Еще с сентября 1942 г. в Конго начали прибывать американские войска, строиться военные базы и аэродромы. В свою очередь Генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршельд также

имел личные и семейные интересы в Конго, потому он стремился устранить П. Лумумбу от власти (Лесиовский, 1986; Сидорова, 2013, с. 54).

Таким образом, принципиальная позиция П. Лумумбы по независимости страны привела к тому, что на Западе и в прозападных конголезских кругах его стали считать рьяным неблагодарным антизападником, обвиняли в некомпетентности, популизме, демагогичности. Кроме того, разворачивавшийся в Конго сценарий заставил Лумумбу рассматривать возможность обращения за помощью к СССР¹⁰. Это привело к тому, что его стали называть коммунистом (Chomé, 1961, pp. 41–64). Американцы высказывались о нем как о втором Фиделе Кастро (Мазов, 2015, с. 53). Сам П. Лумумба по этому поводу высказывался так: «В Африке все, кто прогрессивен, все, кто стоит за народ и выступает против империализма, — все агенты Москвы»¹¹.

Усилия П. Лумумбы по созданию unitarного государства также вызвали жестокое сопротивление. Отсутствие единства в руководстве и среди населения страны играло на руку тем, кто не хотел истинной независимости Конго, не хотел потерять возможность обогащения за его счет. Отсутствие централизации и разногласия были выгодны европейцам и американцам, которые явно поддерживали конголезских сепаратистов. Следует отметить, что на самом деле П. Лумумба не осуждал федерализм вообще, а, скорее, осуждал федерализм в понимании конголезских этнических партий. Он выступал против дробления Конго на мелкие провинции и считал, что необходимо воспитывать в людях чувство единства, национальное самосознание, добиваться равенства прав

и справедливого распределения доходов между этническими группами, налаживать внутренние связи.

В правящих кругах Конго большее понимание и симпатию встречали идеи о сотрудничестве с Западом для решения насущных проблем, нежели идеи panaфриканизма, шаги по укреплению сотрудничества самих африканских стран, развитию их взаимопомощи, активным сторонником чего был П. Лумумба.

Отстранение и гибель.

Оценки деятельности

Под давлением западных партнеров 5 сентября 1960 г. президент Ж. Касаубу незаконно объявил об отставке П. Лумумбы и создании правительства во главе с Ж. Илео, а парламент (где было много сторонников П. Лумумбы) в ответ объявил об отставке Ж. Касаубу (Пономаренко, 2010, с. 137). Назревал правительственный кризис, грозивший парализовать действие политической системы страны. 14 сентября начальник штаба конголезской армии Жозеф-Дезире Мобуту при поддержке бельгийских и американских спецслужб объявил о поддержке президента Ж. Касаубу и разогнал парламент (Patrice Lumumba, 1973, p. 158; Винокуров и др., 1982, с. 213). П. Лумумба был отстранен от власти и отправлен под домашний арест.

Это был критический момент для П. Лумумбы, политик был искусственно изолирован от народа, от поста, от возможности управлять страной. Средства массовой информации контролировались оппозицией, в то время как он сам был блокирован силами ООН (Kendall, 2019, pp. 554, 558), которые были введены в страну по его же просьбе. Однако человеческие качества политика не давали ему пасть духом, именно в таких обстоятельствах проявились его стойкость и убежденность в своей правоте, и он нашел силы разъяснять людям ситуацию, свою позицию. У него была родная провинция — восточная часть огромной страны, где его знали и поддерживали, где собирались его единомышленники, где ближайшие сторонники во главе с Антуаном Гизенгой провозгласили новое правительство в городе Стэнливиле в ноябре 1960 г. Там были созданы боевые

¹⁰ Президент Республики Конго Жозеф Касаубу, премьер-министр Республики Конго Патрис Лумумба — Председателю Совета Министров СССР Н.С. Хрущеву. Телеграмма с информацией об агрессии Бельгии против Конго, 14 июля 1960 г. // Россия и Африка. документы и материалы. Т. 2 : XVIII в. — 1960 г. М.: ИВ РАН, 1999. С. 257–258. См. также: (Мазов, 2011a, с. 54–57; Мазов, 2011b, с. 69–70).

¹¹ Congo, 1961. Documents belges et africains. Vol. II. Bruxelles: Centre de recherche et d'information socio-politiques, 1962. P. 846.

отряды, которые к январю 1961 г. контролировали половину территории Конго, а войска Ж.-Д. Мобуту беспорядочно отступали.

Именно туда, на восток политик, сумев вырваться из-под домашнего ареста 27 ноября 1960 г., стремился добраться, но это ему не удалось. 2 декабря П. Лумумба был задержан и отправлен в военную тюрьму в г. Тисвиль.

Сложилось обстоятельство, когда почти все оппоненты и недоброжелатели П. Лумумбы внутри страны и за рубежом сошлись во мнении, что наступил удобный момент избавиться от опасного и авторитетного политического конкурента. Боясь его возвращения к власти, режим Ж.-Д. Мобуту в сговоре с сепаратистами и при поддержке бельгийских наемников 17 января 1961 г. переправили Патриса Лумумбу и двух его соратников, Жозефа Окито и Мориса Мполо, в Катангу, в лагерь сепаратистов М. Чомбе.

13 февраля 1961 г. на окраине горняцкого поселка были обнаружены изуродованные останки П. Лумумбы и его друзей. Позже вскрылись чудовищные подробности их смерти: после издевательств и пыток 17 января 1961 г. они были расстреляны без суда и следствия, их тела были расчленены и растворены в бочках с кислотой, а останки наспех закопаны (de Witte, 2001).

По многим городам мира прокатилась волна выступлений: люди высказывали свое возмущение и потрясение тем, что в XX в. на их глазах произошло заказное убийство прогрессивного и независимого политического лидера, бескомпромиссно отстаивавшего свои демократические убеждения и идеалы.

Итак, 17 января 1961 г. закончилась жизнь Патриса Лумумбы, но началось его бессмертие. Знаменитый индийский общественно-политический деятель Джавахарлал Неру написал по этому поводу: «Мертвый Лумумба стал бесконечно могущественнее живого Лумумбы»¹². Патрис Лумумба превратился в легенду, в символ борьбы всех африканских народов за свободу (Monaville, 2019).

При жизни у П. Лумумбы было много оппонентов и противников, многим он был

неудобен своими взглядами, принципиальностью и бескомпромиссностью. Он был радикально настроен в желании не допустить разграбления ресурсов своей страны, чем были особенно недовольны прозападные конголезские политики и собственно Запад. Живой он влиял на политику в своей стране, мертвый — он стал известен всему миру. Его смерть привлекла внимание мировой общественности к событиям в Африке.

Интерес к личности П. Лумумбы не снижается. Можно сказать, что сформировалось целое «лумумбоведение»: про Патриса Лумумбу пишут научные и публицистические книги и статьи, снимают документальные и художественные фильмы, ему ставят памятники, его именем называют улицы. С 1961 по 1992 г. его имя носил Университет дружбы народов (имя возвращено в 2023 г.).

Первая волна интереса к личности П. Лумумбы прокатилась по миру в 1960-е гг., когда еще остро ощущался резонанс от произошедших событий, вторая волна — в 2000-е гг., что было связано с проведением расследований и выявлением фактов его смерти.

В мире помнят о Патрисе Лумумбе, интерес к его личности не исчезает, но ее оценки расходятся. Многие политики и исследователи одобряют его деятельность, в мире П. Лумумба прежде всего известен как борец за свободу и независимость. Образ политика объединил не только борющуюся Африку, но стал символом сопротивления дискриминации, угнетению, зависимости во всем мире (Monaville, 2019). Однако существуют и те, кто скептически относится к его политике, критикуют за наивность, идеализм и неопытность, за слишком бескомпромиссный характер и негибкость, пытаются представить его жертвой обстоятельств. Однако, как отметил в своей статье Ю.Н. Винокуров, «отъявленные демагоги обвиняли его в неискренности, узурпаторы — в нарушении демократических принципов управления государством, невежды — в неспособности осознать нужды страны, марионетки иностранных монополий — в забвении национальных интересов» (Винокуров, 2012, с. 579). Добавим, что в негибкости мышления его обвиняли люди, не сумевшие

¹² Nehru Sees Turning Point // New York Times. February 18, 1961. P. 3.

сами выйти за пределы узкоэтнических интересов своих групп.

Наиболее сложное отношение к П. Лумумбе наблюдается в самом Конго, чья история так же драматична, как и судьба его первого премьер-министра, после смерти которого страна погрязла в многолетней смуте и гражданской войне. В 1965 г. Ж.-Д. Мобуту установил свою одиозную диктатуру, просуществовавшую до 1997 г., во время которой страна нещадно разграблялась окружением диктатора, коррумпированной верхушкой и иностранными корпорациями.

Поскольку Конго до сих пор нуждается в мире, а значит, в единстве, которое так яростно отстаивал П. Лумумба, то в стране его прежде всего воспринимают как борца за объединение государства. Убийство политика многим открыло глаза на истинные цели и интересы управляющей верхушки и их западных партнеров — это на время привело к радикализации взглядов и действий конголезской молодежи, особенно студенческой. Память о П. Лумумбе в своих целях часто использовали политики, которые при жизни были его оппонентами и даже способствовали его смерти. Так произошло, например, с Ж.-Д. Мобуту, который в раздираемой на части стране стал эксплуатировать образ П. Лумумбы для объединения конголезского общества. К образу Лумумбы-объединителя обращаются и нынешние власти страны (Monaville, 2019). Для конголезцев, принадлежащих к афрохристианским церквям, характерно почитание П. Лумумбы как мученика и «Черного Христа» (Halen & Riesz, 1997).

Патрис Лумумба в истории Африканского континента стал символом целой эпохи, открывшей для освободившихся стран совершенно новые и сложные перспективы развития. Жизнь П. Лумумбы, его победы и ошибки, с одной стороны, были уникальны (как любой личности такого масштаба), а с другой — были в чем-то типичны для целого поколения борцов за независимость, плеяды африканских лидеров, возглавивших свои освободившиеся страны в период холодной войны. В их деятельности проявились все противоречия этого времени, противостояние систем, противоположность взглядов на

то, как должно идти дальнейшее развитие государства. В судьбе П. Лумумбы это обернулось трагедией.

П. Лумумба не имел четкой программы развития независимого государства. У него не было достаточного опыта и знаний для управления страной, а были несколько идеализированные представления о свободе и справедливости. Он ставил себе целью создание независимого политически и самостоятельного экономически Конго, чего можно было достичь посредством использования богатых природных ресурсов при сохранении большой, единой и централизованной страны. Сама же программа виделась ему как набор конкретных мероприятий для достижения этой цели. Он не заглядывал далеко в будущее и отмечал, что эти мероприятия должны актуализироваться по мере изменения общего социально-экономического и политического положения¹³. Он не имел комплексного взгляда и четкого стратегического плана реформирования страны, скорее, следовал конъюнктурным требованиям исходя из конкретной ситуации.

Основываясь на важном для себя тезисе о необходимости участия в управлении представителей разных этнических и социальных групп, П. Лумумба сформировал именно такое правительство из людей самых разных политических взглядов. Однако это оказалось скорее проблемой, чем преимуществом. Правительство было практически недееспособным, так как в миниатюре отражало основные противоречия конголезского общества.

Некоторые правильные теоретически идеи при поспешной реализации приводили не к тем результатам, на которые рассчитывал политик. Например, африканизация госаппарата на деле повлекла за собой массовый отток европейских специалистов, которых нечем было заменить ни в управлении, ни в экономике, что вызвало фактически парализацию работы этих сфер. Африканизация в армии также привела к негативным последствиям, в результате чего армия не

¹³ Congo, 1960. Documents belges et africains. Vol. I. Bruxelles: Centre de recherche et d'information socio-politiques, 1961. P. 78–82.

подчинялась премьер-министру и даже стала активной участницей заговора против него.

Принципиальная позиция П. Лумумбы по вопросам унитарного устройства, централизованного управления, недопущения проявлений трайбализма и создания госсектора в экономике обусловила то, что он не смог идти на компромиссы с оппозицией, главными силами которой стали министры его правительства, армия и этнорегиональные группировки, и оппозиция вышла победительницей из этой борьбы. Позиции местных зажиточных слоев и белых поселенцев, за которыми стояли интересы западных государств, оказались сильнее. Этнорегиональные элиты были заинтересованы в продолжении собственного обогащения за счет продажи природных ресурсов западным партнерам, а не в предложенной П. Лумумбой смене устройства общества на более равноправных и справедливых началах.

Выход из состава Конго самых богатых провинций, приносивших основные доходы стране, подрывал курс на самостоятельное национальное развитие и ухудшал общую социально-экономическую ситуацию, а также положение простых людей, что вело к росту социальной напряженности в стране. Кроме того, участились случаи погромов белых.

Таким образом, сразу после провозглашения независимости П. Лумумба был вынужден тратить силы на продолжение борьбы со своими оппонентами, а не на реализацию мер по планомерному развитию Конго. Внутри страны он вынужден был бороться против всех — своих же министров, президента, противников унитарного устройства государства, восставших провинций, армии, недовольных крестьян, рабочих, служащих, представителей церкви. Многие люди не разбирались в истинных причинах происходящего, обвиняли власть, которую олицетворял премьер-министр, в падении жизненного уровня, дезорганизации управления и военной разрухе.

Параллельно противники П. Лумумбы вели активную пропаганду против него и его сторонников. В этих условиях распада страны, раскола в руководстве, общего враждебного настроения сложно было следовать исключительно мирным и демократическим

способам ее управления. П. Лумумба то принимал единоличные решения, то затягивал урегулирование важных и срочных вопросов, что приводило к видимости непоследовательного и скачкообразного руководства. Вследствие этого противники обвиняли его в использовании авторитарных методов, а сторонники — в нерешительности и популизме.

Однако все обострившиеся противоречия, раскол власти и разразившийся на 11-й день независимости конголезский кризис, как нам представляется, не могли быть следствием только просчетов и ошибок тогдашнего руководства и лично П. Лумумбы. Слишком мало времени прошло с момента начала их деятельности, чтобы исключительно она могла привести к столь катастрофическим последствиям.

Решение проблем распада страны, скатывания ее в пропасть экономического кризиса, необходимости вывода бельгийских войск уже не могло быть найдено самостоятельно. П. Лумумба пытался в условиях биполярного мира найти опору в, как ему казалось, нейтральной институции — Организации Объединенных Наций. По его просьбе и просьбе президента Ж. Касаубу в страну были введены войска ООН, чтобы восстановить порядок и целостность. Однако ООН проводила проамериканскую политику. Как и надеялось руководство США, через использование потенциала ООН и ее войск оно стало успешно контролировать и направлять ситуацию в Конго. П. Лумумба фактически был нейтрализован и изолирован от управления. Идея обратиться за помощью к СССР привела к тому, что премьер-министра везде стали изображать рьяным коммунистом (хотя с просьбами о вмешательстве в конфликт чаще обращался А. Гизенга). Советское руководство отказалось от предоставления прямой военной помощи Конго, так как, не имея в этом регионе ни союзников, ни необходимых возможностей, понимало, что не выдержит прямой конфронтации с Западом.

Несмотря на сложную ситуацию в стране, авторитет П. Лумумбы и популярность его идей были высоки. Об этом свидетельствуют серьезные опасения, которые испытывал блок западных государств и их

приспешники внутри Конго, что Лумумба сможет вернуть власть даже после смещения с поста, ареста и содержания в тисвильской тюрьме. Страх этой реальности был настолько силен, что с решением о физической ликвидации политика согласились практически все его недруги внутри страны и за ее пределами.

В 2001 г. были обнародованы результаты работы бельгийской комиссии по расследованию причин смерти П. Лумумбы и причастности бельгийских политиков к его убийству в 1961 г. Благодаря этому мировая общественность узнала жуткие подробности его смерти, которые долгое время скрывались. Власти Королевства Бельгия признали свою моральную ответственность за убийство П. Лумумбы и другие колониальные преступления в Конго¹⁴, а летом 2022 г. дети П. Лумумбы получили останки своего отца во время церемонии в Брюсселе и официальные извинения от имени бельгийского правительства и короля за роль своей страны в его убийстве. В столице ДРК Киншасе был возведен мавзолей для хранения его останков (Delescluse & Nashi, 2023, pp. 863–866).

Заключение

Патрису Лумумбе было всего 35 лет, когда он трагически погиб. История поставила перед ним сложные задачи, и, начав их осмысление, он не успел дать на них исчерпывающие ответы, у него не оказалось для этого достаточно времени. Безусловно, молодой конголезский политик допустил ошибки, стремясь создать в Конго идеальное

свободное африканское государство. Однако именно его энергичные действия, объединившие народы страны, позволили Конго освободиться от бельгийского колониализма.

Хотя наш герой родился 100 лет назад, а умер 64 года назад и его активная политическая деятельность выпала на середину XX в., его жизнь раскрывает для нас не только историю борьбы с колониализмом, но и отражает современную ситуацию не только в Африке, но и в мире в целом. Вопросы, которые он стремился решить в середине прошлого столетия, стали вновь актуальными сейчас, — это вопросы об истинной независимости и сохранении национальной идентичности. Африка в XXI в. становится сильнее, самостоятельнее и экономически более развитой, возрастает ее значение как самостоятельной силы в международных отношениях, многими она воспринимается как приоритетный партнер. На повестке дня перед африканскими странами и перед ДРК в частности стоят задачи утверждения суверенитета, укрепления веса в мировой экономике и политике, решения проблемы безопасности. В достижении этих задач Африка опирается и на уроки из своего прошлого.

В письме, переданном П. Лумумбой из тисвильской тюрьмы в январе 1961 г., он писал: «Мои дорогие соотечественники! В счастье и в печали я всегда буду рядом с вами. Именно с вами я боролся за освобождение страны от иностранного господства. С вами я борюсь за укрепление нашей национальной независимости. С вами я буду бороться за то, чтобы сохранить неделимость и национальное единство Республики Конго»¹⁵.

¹⁴ Belgium: Apology For Lumumba Killing // The New York Times. February 6, 2002. URL: <https://www.nytimes.com/2002/02/06/world/world-briefing-europe-belgium-apology-for-lumumba-killing.html> (accessed: 01.02.2025). См. также: (de Vos et al., 2005, pp. 569–580).

¹⁵ La pensée politique de Patrice Lumumba : Textes et documents recueillis et présentés par Jean van Lierde. Paris : Présence africaine, 1963. P. 394.

Поступила в редакцию / Received: 23.03.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 01.06.2025
Принята к публикации / Accepted: 10.06.2025

Список литературы

- Барышев А. П. Мировая политика и Организация Объединенных Наций, 1945–2009. Москва : Общество дружбы и развития сотрудничества с зарубежными странами, 2009. EDN: QPNWML
Винокуров Ю. Н., Орлова А. С., Субботин В. А. История Заира в новое и новейшее время. Москва : Наука, 1982.

- Винокуров Ю. Н. Патрис Эмери Лумумба // История Африки в биографиях / под ред. А.Б. Давидсона. Москва : РГГУ, 2012. С. 574–578.
- Винокуров Ю. Н. Самозабвенный сын Африки // Казанский журнал международного права и международных отношений. 2015. № 7. С. 16–48. URL: https://kznjil.ru/files/kjil_07.pdf (дата обращения: 15.02.2025).
- Зусманович А. З. Империалистический раздел бассейна Конго (1876–1894). Москва : Восточная литература, 1962.
- Лесиовский В. М. Тайна гибели Хаммаршельда. Москва : Мысль, 1986.
- Мазов С. В. СССР и конголезский кризис. 1960–1963 // Азия и Африка сегодня. 2011а. № 4. С. 53–59. EDN: OFZPYL
- Мазов С. В. СССР и конголезский кризис. 1960–1963 // Азия и Африка сегодня. 2011б. № 7. С. 64–70. EDN: OIYVCP
- Мазов С. В. Патрис Лумумба. Биографический очерк // Казанский журнал международного права и международных отношений. 2015. № 7. С. 48–63. URL: https://kznjil.ru/files/kjil_07.pdf (дата обращения: 15.02.2025).
- Пономаренко Л. В. Патрис Лумумба: неоконченная история короткой жизни. Москва : РУДН, 2010. EDN: QPPDP
- Сидорова Г. М. Вооруженные конфликты в Африке на примере Демократической Республики Конго. Москва : Восточная литература, 2013. EDN: UZZYMN
- Сидорова Г. М. Колониальная политика Бельгии в XIX–XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16, № 2. С. 142–151. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-2-142-151>; EDN: FVUJFD
- Юрьев Н. Экспансия США в Конго. Москва : Международные отношения, 1966.
- Chomé J. M. Lumumba et le communisme: Variations à partir du livre de M.P. Houart. Vol. 5. Bruxelles : Éditions de “Remarques congolaises”, 1961.
- Cornevin M. Histoire de l’Afrique contemporaine (de la Deuxième Guerre mondiale à nos jours). Paris : Petite Bibliothèque Payot, 1978.
- Delescluse A., Nashi E. M. A. Note sur le retour de la dent de Patrice Lumumba: restitution, politique et media // Cahiers d’Études africaines. 2023. No. 251–252. P. 859–878. <https://doi.org/10.4000/etudesafricaines.45708>; EDN: DAUYRE
- De Vos L., Gerard E., Gérard-Libois J., Raxhon P. Les secrets de l’affaire Lumumba. Bruxelles : Éditions Racine, 2005.
- De Vos P. Vie et mort de Lumumba. Paris : Calmann-Lévy, 1961.
- De Witte L. The Assassination of Lumumba. New York : Verso, 2001.
- Gérard-Libois J. Sécession au Katanga. Bruxelles : Centre de recherche et d’information socio-politiques ; Léopoldville : Institut national d’études politiques, 1963.
- Heinz G., Donnay H. Lumumba Patrice: Les cinquante derniers jours de sa vie. 2ème édition. Paris : Le Seuil, 1976.
- Halen P., Riesz J. Patrice Lumumba entre Dieu et Diable : un héros africain dans ses images. Paris : L’Harmattan, 1997.
- Kendall S. Postcolonial Hauntings and Cold War Continuities: Congolese Sovereignty and the Murder of Patrice Lumumba // International Law and the Cold War / ed. by M. Craven, S. Pahuja, G. Simpson. Cambridge : Cambridge University Press, 2019. P. 533–558. <https://doi.org/10.1017/9781108615525.024>
- Lopez Alvarez L. Lumumba ou l’Afrique frustrée. Paris : Cujas, 1965.
- Monaville P. The Political Life of the Dead Lumumba: Cold War Histories and the Congolese Student Left // Africa. 2019. Vol. 89, no. S1. P. S15–S39. <https://doi.org/10.1017/S000197201800089X>; EDN: ACPFIC
- Patrice Lumumba. London : Panaf Books, 1973.
- Schmidt E. Foreign Intervention in Africa : From the Cold War to the War on Terror. Cambridge : Cambridge University Press, 2013. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139021371>
- Zeilig L. Lumumba: Africa’s Lost Leader. London : Haus Publishing, 2008.

Сведения об авторах:

Пономаренко Людмила Васильевна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; eLibrary SPIN-код: 7339-3127; ORCID: 0000-0002-9994-3097; e-mail: ponomarenko-lv@rudn.ru

Зуева Елена Геннадьевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; eLibrary SPIN-код: 1303-9550; ORCID: 0000-0001-8834-3398; e-mail: zueva-eg@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-3-355-365

EDN: UEDXHQ

Научная статья / Research article

Страны Африки южнее Сахары на пути к обеспечению технологического суверенитета на примере Нигерии, Кении и Ганы: проблемы и перспективы

К.А. Панцеров

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

 pantserev@yandex.ru

Аннотация. Проанализирована проблема обеспечения технологического суверенитета в странах Африки, расположенных южнее Сахары. На примере Нигерии, Кении и Ганы показано, что в последние годы в африканских государствах появляются национальные программы и стратегии, направленные на развитие передовых информационных технологий, формируются профессиональные исследовательские группы, создаются научные и образовательно-научные центры, занимающиеся разработкой приложений, использующих технологии искусственного интеллекта (ИИ), а в ряде стран идет строительство технологических парков. При этом ключевым направлением исследований на сегодняшний день является решение задач в сфере обработки естественного языка, поскольку именно при условии создания широкого спектра разносторонних ИИ-приложений, способных понимать разные африканские языки, станет возможным создание развитой ИИ-экосистемы в Африке, ориентированной на потребности местного населения. При проведении исследования использовались как общенаучные (анализ, синтез, аналогия), так и специальные методы (критический дискурс-анализ, сравнительный анализ). Выявлено, что в настоящее время в Африке стали появляться языковые модели, способные распознавать речь на некоторых африканских языках (суахили, йоруба, тви, луганда), и даже была разработана специализированная Python-библиотека для решения задач распознавания речи для наиболее распространенных на территории Ганы языков. С одной стороны, данное обстоятельство действительно означает существенный прорыв, который страны Африки сумели добиться в сфере высоких технологий, но в масштабах всего континента эти успехи носят все же локальный характер, поскольку дальнейшее развитие в этой сфере упирается в типичную для большинства стран Африки проблему — отсутствие средств. В результате многие исследовательские группы в Африке существуют на общественных началах, а сами исследования зачастую финансируются за счет спонсорской помощи со стороны западных корпораций и фондов, что представляет серьезную угрозу технологическому суверенитету стран Африки южнее Сахары, которые, несмотря на прилагаемые усилия, продолжают зависеть от импортных технологий и иностранных инвестиций. Для того чтобы снизить указанную зависимость, правительствам африканских стран необходимо продумать механизмы привлечения к соответствующим исследованиям и разработкам африканских инвесторов. Только в этом случае представляется возможным организовать поиск оптимальных решений с целью удовлетворения конкретных местных и региональных потребностей.

Ключевые слова: технологическое доминирование, искусственный интеллект, машинное обучение, большие языковые модели, обработка естественного языка, информационно-коммуникационные технологии, ИИ-экосистема, Африканский союз, Африка

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке СПбГУ, шифр проекта 116471555.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Панцеров К.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Панцеров К. А. Страны Африки южнее Сахары на пути к обеспечению технологического суверенитета на примере Нигерии, Кении и Ганы: проблемы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 3. С. 355–365. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-355-365>

Sub-Saharan African Countries on the Path to Achieving Technological Sovereignty — The Case of Nigeria, Kenya and Ghana: Problems and Prospects

Konstantin A. Pantserov

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

 pantserov@yandex.ru

Abstract. The article addresses the issue of ensuring technological sovereignty in sub-Saharan Africa. Using Nigeria, Kenya and Ghana as case studies, the author demonstrates that national programmes and strategies dedicated to developing advanced information technologies have been implemented in a sub-Saharan Africa, as well as professional research groups and scientific and educational research centers that are aimed at developing artificial intelligence (AI) applications. IT parks are also under construction in some countries. The key area of research is natural language processing, as a wide range of AI applications that can understand different African languages is needed to create a well-developed AI-ecosystem in Africa that addresses the needs of local citizens. Both general scientific methods (such as analysis, synthesis and analogy) and special methods (such as critical discourse and comparative analyses) were used in the research. It has been revealed that several language models for Kiswahili, Yoruba, Twi and Luganda as well as a special Python library for solving speech recognition tasks for the most common languages in Ghana have already been developed by certain African research groups. This represents a significant breakthrough for African countries in the field of high-tech technologies. However, these successes are local in nature across the entire continent, as their further development depends on a problem that affects most African countries: lack of funding. As a result, many research groups in Africa exist on a voluntary basis, and the research itself is frequently funded by sponsorship from Western corporations and foundations. This poses a serious threat to the technological sovereignty of sub-Saharan African countries, which, despite ongoing efforts, continue to depend on imported technologies and foreign investments. In order to reduce this dependence, African governments need to consider mechanisms for attracting African investors to relevant research and development. Only in this case it would be possible to organize an effective search for optimal solutions in order to meet specific local and regional demands.

Key words: technological dominance, artificial intelligence, machine learning, large language models, natural language processing, information and communication technologies, the AI-ecosystem, the African Union, Africa

Acknowledgements. This research was supported by St. Petersburg State University, project code 116471555.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Pantserov, K. A. (2025). Sub-Saharan African countries on the path to achieving technological sovereignty — The case of Nigeria, Kenya and Ghana: Problems and prospects. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(3), 355–365. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-355-365>

Введение

На современном этапе передовые информационные технологии рассматриваются странами Африки южнее Сахары в качестве одного из ключевых инструментов, способных придать новый импульс для развития их экономики (Awoleye, Abraham & Oyeibisi, 2021; Dick, 2019; Grinin, Grinin & Grinin,

2024; Guma et al., 2024; Nhemaehena, 2024). Однако глобальное технологическое доминирование стран коллективного Запада дает нам возможность рассуждать о неравномерном распределении технологий по всему миру и их сосредоточении в наиболее развитых странах, преимущественно в США, которые затем распространяют эти технологии по

остальным регионам планеты, что приводит не только к усилению технологической зависимости развивающихся стран (Awoleye, 2021; Birhane, 2020; Calzada, 2021; Дергтерев, 2022; Oppermann, 2016; Nhemachena, Hlabangane & Kaundjua, 2020), но и к массовому распространению по всему миру ценностей крупных корпораций и западных идеалов, которые зачастую начинают замещать национальные (Barett et al., 2025; Birhane et al., 2022).

Быстрое развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) позволило США укрепить свое технологическое лидерство, поскольку именно американские корпорации продолжают прочно удерживать лидирующие позиции по разработке указанных технологий. Данное обстоятельство дало возможность США практически полностью контролировать технологическое развитие других стран и решать, с какими из них, а главное, — при каких условиях и в каких объемах делиться своими технологиями, а с какими — нет.

Преодоление этой технологической зависимости представляется возможным только в случае проведения собственных научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР) в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Однако страны Африки южнее Сахары не располагают ни надлежащими финансовыми, ни материально-технологическими ресурсами для организации этой масштабной работы. Поэтому для того, чтобы достичь нынешнего уровня развития хорошо развитых государств, им приходится прибегать к финансовой и технологической помощи своих более развитых западных партнеров.

Таким образом, возникает проблема замкнутого круга, которая является весьма характерной для экономических систем, находящихся на разных уровнях своего развития. Обобщенно она представляет собой ситуацию, при которой «условия функционирования объекта в своей совокупности взаимно нивелируют возможность достижения качественно нового результата в его развитии. Не имея возможности повысить свою результативность, экономический объект

начинает стагнировать и постепенно двигаться к концу своего жизненного цикла» (Савин, 2016, с. 94).

В случае со странами Африки южнее Сахары проблема замкнутого круга проявляется по причине того, что указанные государства на протяжении всей своей постколониальной истории стремились встать на путь устойчивого социально-экономического развития. Однако, не имея для этого адекватной финансовой и материально-технологической базы, они вынуждены прибегать к помощи все тех же западных государств, которые ставят возможность предоставления этой помощи в зависимость от проведения определенных политических и экономических преобразований, связанных, как правило, с созданием благоприятных условий для деятельности западных корпораций и инвесторов в этих странах. И размыкание этого замкнутого круга становится жизненно важной задачей для африканских государств, если они хотят стать равноправными субъектами современных международных отношений.

В этой связи целью данного исследования является оценка уровня технологического развития стран Африки южнее Сахары на примере Нигерии, Кении и Ганы и определение перспектив достижения их полного технологического суверенитета.

Методологически исследование опирается на общенаучные (анализ, синтез, аналогия) и специальные методы (критический дискурс-анализ, сравнительный анализ). Критический дискурс-анализ позволил всесторонне изучить Континентальную стратегию искусственного интеллекта, а метод сравнительного анализа применялся при рассмотрении общих и особенных черт стратегий цифровой трансформации в Гане, Кении и Нигерии.

Выбор стран для исследования был обусловлен тем, что и Нигерия, и Кения являются региональными лидерами в области развития передовых информационных технологий, а в Гане уделяется большое внимание разработкам в сфере обработки естественного языка, что представляется крайне важным для обеспечения технологического суверенитета стран Африки (Arakpogun et al., 2021).

Нигерия

По уровню развития передовых информационных технологий Нигерия занимает в Африке одно из лидирующих положений, уступая по этому показателю только Южно-Африканской Республике (ЮАР)¹. Однако эти успехи в большинстве своем были связаны с привлечением крупных иностранных (преимущественно западных) инвестиций, а не развитием НИОКР (Oghuvbu, Gberevbie & Oni, 2022, p. 386). Тем не менее в последние годы в Нигерии был принят целый ряд инициатив, направленных на создание условий для развития собственных научных исследований в этой области (Awoleye, 2022).

Для решения этой задачи в стране был создан Национальный центр в сфере робототехники и искусственного интеллекта. Его основная задача заключается в том, чтобы стимулировать развитие НИОКР в сфере прорывных технологий и способствовать практическому применению таких технологий в областях, которые представляют национальный интерес для Нигерии (машинное и глубокое обучение, интернет вещей, робототехника, производство дронов, дополненная реальность)².

С целью стимулирования проведения НИОКР в сфере искусственного интеллекта и его массового внедрения в деятельность нигерийских предприятий в Нигерии также заработала система грантовой поддержки. Для этого была создана Исследовательская программа в сфере развития искусственного интеллекта, нацеленная на стимулирование создания динамичной и устойчивой экосистемы искусственного интеллекта в Нигерии путем предоставления финансовой поддержки, содействия обмену знаниями и сотрудничеству между отдельными лицами и организациями³.

¹ Artificial Intelligence in Africa: National Strategies and Initiatives // DIPLO. 2022. URL: <https://www.diplomacy.edu/resource/report-stronger-digital-voices-from-africa/ai-africa-national-policies> (accessed: 29.04.2025).

² National Center for Artificial Intelligence and Robotics. URL: <https://nitda.gov.ng/ncair> (accessed: 29.03.2025).

³ Nigeria Artificial Intelligence Research Scheme. URL: <https://airg.nitda.gov.ng> (accessed: 30.03.2025).

Другой значимой нигерийской инициативой является запуск платформы *AI in Nigeria*, нацеленной на то, чтобы аккумулировать экспертные знания в сфере ИИ и объединить всех ключевых акторов в области прорывных информационных технологий, существенно расширив тем самым их возможности. Все это, по мнению инициаторов данной платформы, должно способствовать превращению Нигерии в глобальный Центр искусственного интеллекта⁴.

Однако, несмотря на стимулирование развития исследований в сфере прорывных информационных технологий со стороны государства, следует признать, что ключевые позиции на нигерийском рынке ИКТ принадлежат западным корпорациям и международным финансовым институтам, то есть так называемым глобальным акторам.

Среди них особенно выделяется платформа облачных вычислений *Amazon Web Services*, которая предоставляет широкий спектр услуг и инструментов, необходимых для разработки, развертывания и масштабирования технологий ИИ. Так, в частности, корпорация *Amazon* предлагает доступ к своей облачной инфраструктуре, различным сервисам, использующим технологии ИИ и машинное обучение, а также в сфере анализа данных, занимается обучением и сертификацией сотрудников, а также осуществляет поддержку стартапов и инноваций⁵.

Свою платформу для облачного хранения данных в Нигерии предлагает и компания *Microsoft* посредством службы облачных вычислений *Microsoft Azure*.

Интересы в Нигерии имеет также и корпорация *Google*. В стране она представлена исследовательской группой *Google AI Research*, занимающейся разработками в сфере ИИ и сотрудничающей с местными органами государственной власти и организациями в целях развития исследований в области ИИ, разработки приложений, применяющих

⁴ About Us // *AI in Nigeria*. URL: <https://aiinnigeria.com/about-us> (accessed: 30.03.2025).

⁵ Nigeria AI Landscape and Startups Report 2024. P. 29 // *AI in Nigeria*. URL: <https://aiinnigeria.com/report/> (accessed: 30.03.2025).

указанные технологии, и реализации соответствующих образовательных программ.

В свою очередь, *Data Science Nigeria*, одна из ведущих некоммерческих организаций, призванная объединить нигерийских специалистов по науке о данных, которая была создана в 2016 г., имеет в составе своих органов управления представителей крупных американских компаний. Так, в частности, пост председателя Консультативного совета занимает Кирк Борн, главный специалист по данным консалтинговой компании *Booz Allen Hamilton*, специализирующейся в сфере информационных технологий, аналитики и проектной работы. Всего из 15 членов Консультативного совета данной организации 8 членов являются сотрудниками западных компаний⁶.

Таким образом, можно сделать вывод, что западные IT-компании продолжают играть ведущую роль на нигерийском рынке ИКТ. При этом нельзя сказать, что в Нигерии не стараются снизить указанную зависимость. Так, в частности, Национальное агентство по развитию информационных технологий выступило с инициативой проведения Национального семинара по суверенной облачной инфраструктуре, который состоялся 7–8 ноября 2024 г. в Абудже, где поднимались важные вопросы, связанные с обеспечением технологического суверенитета страны, однако не было выработано никаких конкретных путей решения этой проблемы, скорее напротив, звучали идеи относительно того, чтобы увеличить объемы прямых иностранных инвестиций, что, по большому счету, только усугубит технологическую зависимость Нигерии⁷.

Кения

В Кении еще в 2011 г. на Факультете информационных технологий Университета

⁶ Data Science Nigeria. URL: <https://datasciencenigeria.org/> (accessed: 31.03.2025).

⁷ Abraham A. A. NITDA Hosts Workshop on National Sovereign Cloud Infrastructure to Boost Digital Awareness // National Information Technology Development Agency. December 2024. URL: <https://www.nairaland.com/8261313/nitda-hosts-workshop-national-sovereign> (accessed: 31.03.2025).

Стратмор был создан Африканский исследовательский центр *@iLabAfrica*, специализирующийся на проведении исследований в сфере больших данных и искусственного интеллекта. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что данный Центр не только предлагает широкий спектр образовательных программ по подготовке специалистов по машинному обучению и анализу данных, но и занимается разработкой ИИ-решений для конкретных бизнес-задач. В настоящее время на сайте *@iLabAfrica* содержится информация о том, что реализовано уже 1250 проектов⁸. Основными же партнерами Центра являются крупнейшие западные IT-корпорации, такие как *IBM, Google, Intel, Cisco* и *Oracle*, а также китайская *Huawei*, что в целом свидетельствует о стремлении кенийцев сотрудничать со всеми ведущими IT-производителями.

Однако цель Кении, согласно принятой в стране еще в 2007 г. Национальной стратегии *Kenya Vision 2030*, заключается в том, чтобы к 2030 г. выйти на новый уровень развития науки и технологий, что, по мнению разработчиков указанного документа, должно обеспечить высокое качество жизни всем проживающим на территории страны людям⁹. При этом, как представляется, отдельные научные центры, созданные при образовательных организациях, не способны решить указанную задачу.

В этой связи в январе 2013 г. президент страны Мваи Кобаки заявил о начале строительства технопарка Конза, в котором должны были расположиться все ключевые телекоммуникационные компании и научные учреждения страны¹⁰. Ввод технополиса в строй был изначально запланирован на 2020 г., однако строительство затянулось — из 8 административных зданий было построено только одно. Основная причина — отсутствие стабильного инвестиционного потока, хотя сами кенийцы и уверяют, что

⁸ *@iLabAfrica* // Strathmore University. URL: <https://ilabafrika.strathmore.edu> (accessed: 03.04.2025).

⁹ Kenya Vision 2030. URL: <https://vision2030.go.ke> (accessed: 03.04.2025).

¹⁰ Konza Technopolis. URL: <https://konza.go.ke/> (accessed: 03.04.2025).

иностранные инвесторы проявляют большой интерес к данному проекту и в ближайшее время все площади, отведенные под строительство, будут переданы частным застройщикам. Тем не менее пока можно говорить только об окончании первой фазы строительства, которая подразумевала прокладку всех необходимых коммуникаций и подъездных путей — так называемой горизонтальной инфраструктуры¹¹.

Однако, несмотря на то, что проект строительства технопарка еще не завершен, следует отметить, что технологический кластер в Кении продолжает активно развиваться. Так, в частности, в 2019 г. в Найроби была создана Технологическая инициатива *Tech Innovators Network Kenya (THiNK)*, направленная на оказание помощи компаниям в их цифровой трансформации. Миссия *THiNK* заключается в создании цифрового бизнес-инкубатора, предназначенного для формирования динамичной экосистемы, в которой разработчики инновационных технологических решений и заинтересованные предприниматели могли бы эффективно сотрудничать¹².

При этом основным исследовательским направлением Технологической инициативы является применение африканских языков в технологиях. Наиболее значимым реализованным проектом в этой связи будет являться языковая модель *wav2vec2-large-xls-r-300m-sw*, предназначенная для автоматического распознавания речи на языке суахили¹³. Модель была обучена на созданном на суахили наборе данных *Common Voice Corpus 11.0*¹⁴,

который состоит из MP3-файлов общим объемом 16 413 часов. 3 августа 2023 г. она была выложена в открытом доступе на платформе *Hugging Face*, став, таким образом, первой базовой языковой моделью, обученной на суахили. Африканские предприятия, работающие в регионе Восточной Африки, теперь имеют возможность скачать ее, дообучить на своих данных и использовать в создании голосовых помощников и специализированных приложений, требующих распознавания речи.

Гана

Большое внимание развитию передовых информационных технологий уделяет и Гана. Из наиболее значимых технологических инициатив, предложенных специалистами из этой страны, следует отметить разработки в сфере решения задачи обработки естественного языка (*Natural Language Processing, NLP*). Это обусловлено тем, что для создания ИИ-приложений с использованием основных распространенных на территории Ганы языков требуется как наличие хороших обучающих наборов данных (Kagumire et al., 2024), на которых соответствующие модели и будут учиться, так и самих вычислительных методов, ориентированных на решение местных проблем (Azunre et al., 2021, p. 2).

Для того чтобы восполнить этот пробел, в Гане была создана Исследовательская группа в области обработки естественного языка *Ghana NLP*, в состав которой вошло около 200 человек, готовых работать над созданием языковых моделей, способных понимать такие распространенные на территории страны языки, как тви, эве или га¹⁵. Всего эта группа разработала и выложила в открытом доступе на платформе *Hugging Face* 8 языковых моделей, обученных на языке тви. Однако обращает на себя внимание тот факт, что все модели были загружены в 2020–2021 гг.¹⁶,

¹¹ Otieno D. 72% of Konza City Phase 1 taken up by Investors // *tech-ish.com*. January 17, 2022. URL: <https://tech-ish.com/2022/01/17/konza-city-phase-1-investors> (accessed: 04.04.2025).

¹² @iLabAfrica and THiNK Forge Partnership to Drive ICT for Development // *Strathmore University*. February 27, 2025. URL: <https://ilabafrika.strathmore.edu/ilabafrika-and-think-forge-partnership-to-drive-ict-for-development> (accessed: 03.04.2025).

¹³ *wav2vec2-large-xls-r-300m-sw* // *Hugging Face*. URL: <https://huggingface.co/thinkKenya/wav2vec2-large-xls-r-300m-sw> (accessed: 05.04.2025).

¹⁴ *Common Voice Corpus 11.0* // *Hugging Face*. URL: https://huggingface.co/datasets/mozilla-foundation/common_voice_11_0 (accessed: 05.04.2025).

¹⁵ *Ghana Natural Language Processing (NLP)*. URL: <https://ghananlp.github.io> (accessed: 07.04.2025).

¹⁶ *Ghana NLP* // *Hugging Face*. URL: <https://huggingface.co/Ghana-NLP> (accessed: 07.04.2025).

то есть никаких более поздних версий этих моделей выпущено не было.

Что же касается непосредственно ИИ-приложений, которые были разработаны этой группой, особенно следует выделить *KhayaAI*, которое представляет собой систему машинного перевода, способную понимать разные африканские языки. Данная платформа решает задачи распознавания текста, преобразование текста в речь и также способна автоматически распознавать речь, поэтому она может стать незаменимым помощником для большого количества африканцев, дав им возможность общаться на своих родных языках, повышая таким образом доступность и коммуникацию в таких секторах, как сельское хозяйство, здравоохранение и образование. С целью большей популяризации данной технологии было даже разработано специальное мобильное приложение на платформе *Android*. Благодаря своему функционалу *KhayaAI* получила признание со стороны профессионального сообщества и в 2024 г. стала лауреатом *The World Summit Award* в категории «Культура и наследие»¹⁷. На основе *KhayaAI* был также создан чат-бот *KhayaChat* наподобие *ChatGPT*.

Из других значимых технологических решений, предложенных *Ghana NLP*, следует выделить приложение *Yoruba Text-to-Speech*, способное преобразовывать текст в речь на языке йоруба¹⁸.

При этом помимо выпуска базовых моделей, обученных на наборах данных на наиболее распространенных на территории Ганы языках, и создания ИИ-приложений этой группой также была создана Python-библиотека *Ghana NLP*, которая предоставляет возможность разработчикам создавать приложения на некоторых африканских языках. Данная библиотека позволяет осуществлять перевод текста между поддерживаемыми языками, переводить аудиофайлы в текст и генерировать речь на основе определенного

текстового фрагмента. Основными поддерживаемыми языками являются английский, тви, га, эве, фанте и дагбани¹⁹. Единственное ограничение — для работы с данной библиотекой требуется ключ API, который можно получить, пройдя соответствующую процедуру регистрации на сайте организации. Это означает, что эту библиотеку нельзя рассматривать в качестве общедоступной Python-библиотеки, которую может использовать абсолютно любой пользователь без дополнительной аутентификации. Тем не менее ее появление свидетельствует о том, что в странах Африки действительно ведутся очень серьезные разработки, ориентированные на создание ИИ-приложений на африканских языках.

Панафриканские инициативы в сфере развития передовых информационных технологий

Помимо усилий, направленных на развитие передовых информационных технологий в отдельных странах, в Африке также большое значение придается и сотрудничеству на панафриканском уровне. Еще в 2019 г. на состоявшейся в Шарм-эль-Шейхе (Египет) 3-й очередной сессии Специализированного технического комитета в сфере информационно-коммуникационных технологий (*STC-CICT*) была высказана идея создать рабочую группу по искусственному интеллекту, которая выработала бы общую африканскую стратегию в отношении данных технологий²⁰.

На прошедшем в 2023 г. в Аддис-Абебе (Эфиопия) заседании 5-й очередной сессии Специализированного технического комитета в сфере информационно-коммуникационных технологий была рассмотрена и одобрена концепция будущей Континентальной стратегии

¹⁹ Ghana NLP Python Library. URL: <https://pypi.org/project/ghana-nlp> (accessed: 08.04.2025).

²⁰ Specialized Technical Committee on Communication and Information Technologies (STC-CICT) Third Ordinary Session, 22–26 October 2019, Sharm-el-Sheikh, Egypt // African Union. URL: https://au.int/sites/default/files/decisions/37590-2019_sharm_el_sheikh_declaration_-_stc-cict-3_oct_2019_ver2410-10pm-lrev-2.pdf (accessed: 08.04.2025).

¹⁷ Khaya AI // The World Summit Award. URL: <https://wsa-global.org/winner/khaya-ai> (accessed: 07.04.2025).

¹⁸ Yoruba Text-to-Speech. URL: <https://ttsyoruba.com> (accessed: 07.04.2025).

в области искусственного интеллекта, которая была принята в июле 2024 г.²¹ При этом важно отметить, что данная стратегия не содержит ответа на главный вопрос — каким образом страны Африки смогут обеспечить цифровой переход в условиях дефицита технологий и финансовых ресурсов. В результате этот документ принял характер очередной декларации о намерениях, которые в большом количестве принимались африканскими государствами на протяжении всей своей постколониальной истории.

В частности, в рассматриваемой стратегии указывается на необходимость проведения научных исследований в сфере передовых информационных технологий, активизации внутрирегионального сотрудничества, мобилизации финансовых ресурсов и разработки национальных стратегий в сфере искусственного интеллекта²². Однако каких-либо конкретных шагов, направленных на стимулирование развития передовых информационных технологий в странах Африки, в документе предложено не было.

Тем не менее в настоящее время в Африке многие специалисты из различных стран готовы работать над поиском совместных решений для наиболее значимых для континента задач, прежде всего в сфере обработки естественного языка, которая продолжает оставаться областью, где все еще доминируют западные подходы, наборы данных и методологии, которые часто затмевают местные системы знаний и местные голоса (Adams, 2021; Redvers et al., 2020; Valiani, 2022). Данное обстоятельство приводит к маргинализации африканских языков и усиливает лингвистическую гегемонию стран коллективного Запада (Blodgett et al., 2020). Одним из непосредственных последствий этого дисбаланса является распространение предвзятости и

дискриминации в больших языковых моделях. Отдавая предпочтение западным языкам и культурным нормам, эти модели часто не в состоянии точно отразить лингвистические нюансы и социокультурный контекст африканских языков и сообществ (Yan & Xu, 2024, p. 3).

Таким образом, создание базовых языковых моделей в настоящее время становится одной из ключевых задач для стран Африки. С этой целью была создана панафриканская исследовательская группа *Masakhane*, объединяющая свыше 1000 специалистов в сфере обработки естественного языка из 30 африканских государств²³. Чтобы стимулировать создание ИИ-приложений в Африке, на платформе *Hugging Face* эта исследовательская группа выложила около 300 моделей с открытым исходным кодом, способных решать различного рода задачи, прежде всего в сфере генерации текста и машинного перевода.

При этом также обращает на себя внимание, что *Masakhane* готова делиться не только своими технологиями для решения конкретных задач, но и датасетами, на которых происходило обучение этих моделей, что открывает широкие возможности для появления еще большего количества ИИ-приложений, использующих африканские языки²⁴.

Другой панафриканской исследовательской группой является *Deep Learning Indaba* — организация, которая ставит своей целью развитие машинного обучения и ИИ-технологий в Африке. Само употребление слова *indaba*, которое в переводе с языка зулу означает «собрание», имеет большое значение и свидетельствует о стремлении данного профессионального сообщества объединить африканцев для обмена опытом и обучения (Amegadzie et al., 2021, p. 5). Отсюда вытекает и ключевая миссия организации — сделать африканцев не просто «наблюдателями и получателями текущих достижений в области искусственного интеллекта, но и активными разработчиками

²¹ The 5th Ordinary Session of the Specialized Technical Committee on Communication and Information Communications Technology // African Union. November 17–23, 2023. URL: <https://au.int/en/5thstccict> (accessed: 08.04.2025).

²² Continental Artificial Intelligence Strategy // African Union. 2024 (July). P. 7. URL: <https://au.int/en/documents/20240809/continental-artificial-intelligence-strategy> (accessed: 10.04.2025).

²³ Masakhane. URL: <https://www.masakhane.io> (accessed: 11.04.2025).

²⁴ Masakhane NLP // Hugging Face. URL: <https://huggingface.co/masakhane> (accessed: 11.04.2025).

и владельцами этих технологических достижений»²⁵.

Подобного подхода придерживается и *Responsible AI Africa (RAIA)*. Эта платформа позиционирует себя в качестве ведущего центра знаний в области ИИ в Африке, объединяющего все заинтересованные стороны по всему континенту, а ее ключевая цель — усилить влияние африканских стран на глобальный ИИ-ландшафт. В этой связи на сайте организации содержится прямое указание на то, что будущее искусственного интеллекта в Африке связано с необходимостью генерации африканских идей, популяризации африканских ценностей и поиска африканских решений²⁶.

Однако решение этой задачи упирается в отсутствие надлежащего финансирования проводимых НИОКР. В результате основными спонсорами всех перечисленных панафриканских исследовательских групп, которые и должны заниматься поиском африканских решений для африканских проблем, остаются западные компании и фонды. Так, в частности, наиболее крупными финансовыми донорами *Responsible AI Africa* являются корпорации *Google*, *Meta*²⁷ и Фонд Рокфеллера, а головной офис *Deep Learning Indaba*, которая имеет статус некоммерческой организации, вообще зарегистрирован в качестве компании с ограниченной ответственностью по гарантии (без акций) в Великобритании. В этой связи можно задаться вполне резонным вопросом: если финансирование этих структур и реальное управление ими осуществляют преимущественно западные корпорации и фонды, то о каком поиске африканских решений может идти речь?

Заключение

Страны Африки южнее Сахары в последние годы уделяют большое внимание развитию передовых информационных

технологий. При этом ключевым направлением исследований для африканских государств на сегодняшний день является решение задач в сфере обработки естественного языка, поскольку именно при условии создания широкого спектра разносторонних ИИ-приложений, способных понимать разные африканские языки, станет возможным создание развитой ИИ-экосистемы в Африке, ориентированной на потребности местного населения.

К настоящему моменту уже разработаны и выложены в открытый доступ несколько языковых моделей для языков суахили, йоруба, тви и луганда. Появление этих моделей означало определенный прорыв, которого страны Африки сумели добиться в сфере высоких технологий, но в масштабах всего континента эти успехи носят локальный характер. К тому же многие из моделей не обновляются с 2021–2023 гг., что для языковых моделей является недопустимым, поскольку для того, чтобы демонстрировать высокое качество работы, они должны постоянно учиться на новых наборах данных и их архитектура также должна непрерывно совершенствоваться. Объясняется это двумя факторами — нехваткой обучающих наборов данных и недостатком финансирования соответствующих исследований, поскольку многие исследовательские группы в Африке существуют на общественных началах, а сами исследования зачастую финансируются за счет спонсорской помощи со стороны западных корпораций.

Поэтому основу бизнес-моделей всех ключевых инициатив в сфере передовых информационных технологий, с которыми регулярно выступают страны Африки южнее Сахары, составляет частно-государственное партнерство. При этом задачи государства сводятся, как правило, к созданию благоприятных условий для деятельности иностранных (неафриканских) инвесторов, что продолжает оставаться главным приоритетом экономической политики большинства африканских стран, а отсутствие устойчивого потока таких инвестиций является основной причины срыва изначально заявленных сроков реализации тех или иных высокотехнологичных проектов.

²⁵ Our Mission // Deep Learning Indaba. URL: <https://deeplearningindaba.com/about/our-mission> (accessed: 15.04.2025).

²⁶ Responsible AI Africa. URL: <https://www.responsibleai.africa/about> (accessed: 15.04.2025).

²⁷ Деятельность компании *Meta* запрещена на территории Российской Федерации.

Кроме того, следует иметь в виду, что если НИОКР в Африке будут осуществляться исключительно на средства иностранных, преимущественно западных, инвесторов, а в их основе будут лежать западные технологии, то все они в итоге превратятся в новый и при этом очень эффективный инструмент сохранения западного влияния в регионе.

В этой связи правительствам африканских стран необходимо продумать механизмы привлечения к решению этой задачи африканских инвесторов. Только в этом случае представляется возможным организовать поиск оптимальных решений с целью удовлетворения конкретных местных и региональных потребностей.

Поступила в редакцию / Received: 04.05.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 09.06.2025
Принята к публикации / Accepted: 10.06.2025

Список литературы

- Дегтерев Д. А. Ценностный суверенитет в эпоху глобальных конвергентных медиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 2. С. 352–371. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-352-371>; EDN: OSWUKF
- Савин А. В. Подход к обеспечению экономической безопасности организации, основанный на решении проблем типа замкнутого круга // Вестник университета. 2016. № 7–8. С. 94–99. EDN: XGJOED
- Adams R. Can Artificial Intelligence Be Decolonized? // *Interdisciplinary Science Reviews*. 2021. Vol. 46, no. 1–2. P. 176–197. <https://doi.org/10.1080/03080188.2020.1840225>; EDN: QEVAEN
- Amegadzie J. K., Kanubala D. D., Cobbina K. A., Acquaye C. State and Future Prospects of Artificial Intelligence (AI) in Ghana // *Proceedings of the 27th iSTEAMS Multidisciplinary Innovations & Technology Transfer (MINTT) Conference*. Accra: Academic City University College, 2021. P. 1–10. <https://doi.org/10.22624/AIMS/iSTEAMS-2021/V27P1>
- Arakpogun E. O., Elsahn Z., Olan F., Elsahn F. Artificial Intelligence in Africa: Challenges and Opportunities // *The Fourth Industrial Revolution: Implementation of Artificial Intelligence for Growing Business Success*: Vol. 935 / ed. by A. Hamdan, A. E. Hassanien, A. Razzaque, B. Alareeni. Cham, Switzerland: Springer, 2021. P. 375–388. https://doi.org/10.1007/978-3-030-62796-6_22
- Awoleye M. O., Abraham A. O., Oyeibisi O. T. ICT-Driven Channels as Innovative Service Delivery Among Selected Banks in Southwestern Nigeria // *African Journal of Accounting, Auditing and Finance*. 2021. Vol. 7, no. 4. P. 386–408. <https://doi.org/10.1504/AJAAF.2021.119218>; EDN: IKSEUB
- Awoleye O. M. Reconfiguring Data Infrastructure Ecosystem in Africa: A Primer Toward Digital Sovereignty // *arXiv:2109.14186v2 [cs.CY]*. 2021. P. 1–7. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2109.14186>
- Awoleye O. M. Knowledge Spillover, Human Capital and Agglomeration Dynamics in Nigeria's ICT Clusters // *International Journal of Business Innovation and Research*. 2022. Vol. 27, no. 3. P. 383–394. <https://doi.org/10.1504/IJBIR.2022.121695>; EDN: EULVLC
- Azunre P., Osei S., Addo S. A., Adu-Gyamfi L. A., Moore S. et al. NLP for Ghanaian Languages // *arXiv:2103.15475v2 [cs.CL]*. 2021. P. 1–7. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2103.15475>
- Barett T., Okolo C. T., Biira B., Sherif E., Zhang A. X., et al. African Data Ethics: A Discursive Framework for Black Decolonial Data Science // *arXiv:2502.16043v3 [cs.CY]*. 2025. P. 1–16. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2502.16043>
- Birhane A. Algorithmic Colonization of Africa // *SCRIPT-ed*. 2020. Vol. 17, no. 2. P. 389–409. <https://doi.org/10.2966/scrip.170220.389>; EDN: XOPGXX
- Birhane A., Ruane E., Laurent T., Brown M. S., Flowers J. et al. The Forgotten Margins of AI Ethics // *Proceedings of the 2022 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency (FAccT '22)*, June 21–24, 2022, Seoul, Republic of Korea. New York: Association for Computing Machinery, 2022. P. 948–958. <https://doi.org/10.1145/3531146.3533157>
- Blodgett S. L., Barocas S., Daumé III H., Wallach H. Language (Technology) is Power: A Critical Survey of “Bias” in NLP // *Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics* / ed. by D. Jurafsky, J. Chai, N. Schlueter, J. Tetreault. Association for Computational Linguistics, 2020. P. 5454–5476. <https://doi.org/10.18653/v1/2020.acl-main.485>
- Calzada I. Data Co-operatives Through Data Sovereignty // *Smart Cities*. 2021. Vol. 4, iss. 3. P. 1158–1172. <https://doi.org/10.3390/smartcities4030062>; EDN: OQEFQX

- Dick S.* Artificial Intelligence // *Harvard Data Science Review*. 2019. Vol. 1, no. 1. P. 1–8. <https://doi.org/10.1162/99608f92.92fe150c>
- Grinin L. E., Grinin A. L., Grinin I. L.* The Evolution of Artificial Intelligence: From Assistance to Super Mind of Artificial General Intelligence? Article 1. Information Technology and Artificial Intelligence: The Past, Present and Some Forecasts // *Social Evolution & History*. 2024. Vol. 23, no. 1. P. 156–183. <https://doi.org/10.30884/seh/2024.01.07>; EDN: DCJXLN
- Guma A., Mijwil M. M., Buruga B. A., Abotaleb M., Adamopoulos I.* A Survey on Artificial Intelligence in Cybersecurity for Smart Agriculture: State-of-the-Art, Cyber Threats, Artificial Intelligence Applications, and Ethical Concerns // *Mesopotamian Journal of Computer Science*. 2024. Vol. 2024. P. 53–103. <https://doi.org/10.58496/MJCSC/2024/007>
- Kagumire S., Katumba A., Nakatumba-Nabende J., Quinn J.* Building a Luganda Text-to-Speech Model from Crowdsourced Data // *arXiv:2405.10211v1 [cs.SD]*. 2024. P. 1–8. URL: <https://arxiv.org/html/2405.10211v1> (accessed: 17.05.2025).
- Nhemachena A.* Curriculum Transformation for the Futuristic Worlds: Design Anthropology for Twenty-First Century African Universities // *Anthropological Forum*. 2024. Vol. 34, no. 3. P. 326–347. <https://doi.org/10.1080/00664677.2024.2343050>
- Nhemachena A., Hlabangane N., Kaundjua M. B.* Relationality or Hospitality in Twenty-First Century Research? Big Data, Internet of Things and the Resilience of Coloniality on Africa // *Modern Africa: Politics, History and Society*. 2020. Vol. 8, iss. 1. P. 105–139. <https://doi.org/10.26806/modafr.v8i1.278>; EDN: BCOVBM
- Oghuvbu E. A., Gberevbie D. E., Oni S. O.* Technology Policy and Sustainable Development in Nigeria // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2022. Vol. 22, no. 2. P. 385–396. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-385-396>; EDN: NLIMFQ
- Oppermann S.* From Posthumanism to Posthuman Ecocriticism // *Relations*. 2016. Vol. 4, no. 1. P. 23–37. <https://doi.org/10.7358/RELA-2016-001-OPPE>
- Redvers N., Bird M. Y., Quinn D., Yunkaporta T., Arabena K.* Molecular Decolonization: An Indigenous Microcosm Perspective of Planetary Health // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17, no. 12. P. 1–13. <https://doi.org/10.3390/ijerph17124586>; EDN: VYBDGN
- Valiani A. A.* Frontiers of Bio-Decolonization: Indigenous Data Sovereignty as a Possible Model for Community-based Participatory Genomic Health Research for Racialized Peoples in Postgenomic Canada // *Genealogy*. 2022. Vol. 6, no. 3. P. 1–17. <https://doi.org/10.3390/genealogy6030068>; EDN: ATFBLB
- Yan N., Xu Ch.* Decolonizing African NLP: A Survey on Power Dynamics and Data Colonialism in Tech Development // *AfricaNLP Workshop at ICLR 2024*. Vienna, 2024. P. 1–9. URL: <https://openreview.net/forum?id=D698BEfwgv> (accessed: 17.04.2025).

Сведения об авторе:

Панцеров Константин Арсеньевич — доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет; Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; eLibrary SPIN-код: 6175-0770; ORCID: 0000-0002-2164-9525; e-mail: pantserev@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-3-366-381

EDN: UGPNBC

Научная статья / Research article

Лидерство Республики Кения в коалиционных стабилизационных силах для Гаити: опыт и уроки для *ad hoc* коалиций

С.А. Тишков

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Российская Федерация

 stishkov@list.ru

Аннотация. Рассмотрена роль Республики Кения в стабилизации обстановки вне Африканского континента и потенциал *ad hoc* коалиции, сформированной из «второстепенных» государств, как альтернативы институционализированным системам коллективной безопасности в контексте развития новых форм миротворческой деятельности. В 2020-х гг. либеральная миростроительная парадигма оказалась неприменимой к Гаити — без внешней силовой поддержки государство не смогло противостоять росту бандитизма, что привело к серьезному кризису в сфере безопасности. В октябре 2023 г. для оказания помощи властям Гаити в противостоянии городским бандам Совет Безопасности ООН санкционировал развертывание Многонациональной миссии по поддержке безопасности под руководством Кении, мандат которой был продлен в сентябре 2024 г. Необходимость проведения данной миссии свидетельствует о начале нового цикла внешнего вмешательства в Гаити. Цель исследования — анализ опыта и уроков формирования и функционирования *ad hoc* коалиции из «второстепенных» государств, выполняющей стабилизационные задачи в условиях внутреннего конфликта, и роли государства — лидера коалиции на примере Кении в изменяющейся международной обстановке посредством междисциплинарного, исторического и системного подходов. Автор приходит к выводу, что готовность Республики Кения выступить в качестве государства — лидера коалиционных сил показывает расширение возможностей государств Африки по выполнению ведущих ролей в сфере обеспечения безопасности за пределами континента. Однако процесс развертывания новой миссии существенно затянулся, и в настоящее время стабилизационные силы имеют весьма ограниченные ресурсы и возможности в плане помощи гаитянской полиции. Результаты анализа опыта первого этапа Многонациональной миссии по поддержке безопасности в Гаити подтверждают рабочую гипотезу о том, что эффективность действий коалиционных сил связана с наличием государства-лидера, обладающего международным авторитетом и ресурсами для проведения стабилизационной или миротворческой операции. Отмечается разрыв между амбициями «второстепенных» государств и их возможностями по самостоятельному проведению коалиционных операций. Наряду с общими для аналогичных операций трудностями в обеспечении прогнозируемого и устойчивого финансирования данная миссия столкнулась с рядом проблем национального уровня, включая необходимость формирования правовой базы для направления кенийских миротворцев в Гаити и отсутствие поддержки кенийских оппозиции и общественности. В свою очередь США, поддерживая свои геополитические интересы в Карибском регионе, продолжают играть роль патрона для «несостоявшихся государств» и создают коалиции со «второстепенными» государствами, привлекая их для достижения своих целей.

Ключевые слова: США, миротворчество, региональная безопасность, многонациональные коалиции, стабилизационные силы, сокращение насилия

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Тишков С.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Тишков С. А. Лидерство Республики Кения в коалиционных стабилизационных силах для Гаити: опыт и уроки для *ad hoc* коалиций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 3. С. 366–381. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-366-381>

Leadership of the Republic of Kenya in the Multinational Security Support Mission for Haiti: Experience and Lessons for *ad hoc* Coalitions

Sergey A. Tishkov

Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov, Oryol,
Russian Federation
 stishkov@list.ru

Abstract. The article examines the role of the Republic of Kenya in providing security beyond the African continent and the potential of an *ad hoc* coalition formed of “secondary” states as an alternative to institutionalized collective security systems in the context of new forms of peacekeeping development. In the 2020s, it became evident that the liberal peacebuilding paradigm was not applicable to Haiti. At present a failed state could not resist the growth of gangsterism without external military support, which has led to a serious security crisis. In October 2023, the United Nations Security Council (UNSC) authorized the deployment of the Kenya-led Multinational Security Support mission (MSS) to assist the Haitian authorities in confronting urban gangs. The mission’s mandate was extended in September 2024. The deployment of this mission signals the start of a new cycle of external intervention in Haiti. The purpose of this article is to analyze the experience and lessons of the formation and functioning of a stabilization *ad hoc* coalition involving “secondary” states, and the role of the leader state (by the example of Kenya) in a changing international environment. The study’s methodology is based on interdisciplinary, historical and systemic approaches. It is stated that the readiness of the Republic of Kenya to lead the coalition forces demonstrates an increased ability of African states to play a leading role in providing security beyond the continent. However, the deployment of the international mission has been significantly delayed. Currently, the stabilization forces have very limited resources and capabilities with which to support the Haitian national police. A thorough examination of the initial phase of the MSS in Haiti confirms the working hypothesis that the effectiveness of the coalition forces is associated with the role of a leading state with international authority and resources for a stabilization or peacekeeping operation. The experience of the initial stage of the coalition forces’ mission revealed a gap between the ambitions of “secondary” states and their capacity to conduct coalition operations independently. Along with the common difficulties of providing predictable and sustainable funding for similar operations, the MSS faced a number of national-level challenges related to the establishment of a legal framework for the deployment of Kenyan peacekeepers to Haiti, as well as a lack of support from the Kenyan opposition and public. It is noted that the United States (US) continues to patron “failed states” and creates coalitions with “secondary” states, involving them in the US geopolitical goals in the Caribbean region achievement.

Key words: USA, peacekeeping, regional security, multinational coalitions, stabilization force, reducing violence

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Tishkov, S. A. (2025). Leadership of the Republic of Kenya in the multinational security support mission for Haiti: Experience and lessons for *ad hoc* coalitions. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(3), 366–381. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-366-381>

Введение

В 2019 г. после относительного успеха в стабилизации обстановки в сфере безопасности в Гаити Организация Объединенных Наций (ООН) приняла решение о смене формата своего многолетнего миротворческого

присутствия, учредив специальную политическую миссию — Объединенное представительство ООН в Гаити (ОПООНГ).

Мандат ОПООНГ предусматривал консультирование правительства Гаити по вопросам укрепления политической стабильности и

должного управления, включая верховенство права, поддержание мира и стабильности, в том числе путем содействия национальному диалогу, и защиту прав человека, а также оказание правительству Гаити помощи в различных сферах, включая планирование и проведение свободных, справедливых и открытых выборов, укрепление потенциала Гаитянской национальной полиции (ГНП), разработку с привлечением всех слоев общества комплексного подхода к сокращению масштабов насилия, в частности бандитизма, укрепление сектора правосудия и ряд других задач¹.

В соответствии с общепринятыми подходами к миростроительству такой широкий спектр действий должен был позволить уменьшить риск возобновления конфликта путем укрепления национальных возможностей по разрешению конфликтной ситуации и строительству фундамента для устойчивого мира и развития. Однако миростроительные усилия ООН без внешней «силовой» поддержки показали слабость «либеральной парадигмы» миростроительства для устранения коренных политических и социально-экономических причин нестабильности, уязвимости и небезопасной обстановки внутри «несостоявшегося государства».

В 2020-х гг. Республика Гаити столкнулась с беспрецедентным всплеском криминала, который в результате конвергенции легальной и нелегальной властей приобрел ярко выраженные черты бандитизма с политической составляющей (Niño & González, 2022). Расширялся не только территориальный контроль городских банд, количество которых выросло до двухсот, но и их связь с политической и экономической элитой страны. Вооруженные мафиозные структуры получали прибыль от контроля и «принудительной защиты» частного сектора, а также от связей с международными сетями транснациональной организованной преступности. Это привело к серьезному кризису в сфере безопасности, сопровождавшемуся массовыми

вооруженными нападениями на местные общины, политиков и журналистов, высоким уровнем насилия и масштабными вынужденными перемещениями местного населения².

В этой связи актуальной является цель исследования, которая состоит в изучении деятельности *ad hoc* коалиции «второстепенных» государств по стабилизации очередного цикла внутреннего конфликта и роли государства — лидера коалиции на примере Кении в меняющейся международной обстановке.

Теоретически исследование основано на теории режимов, предполагающей, что важнейшим средством обеспечения безопасности в международных отношениях является их стабилизация в рамках различных политических институтов³.

С.А. Ланцов отмечает: «Сторонники реалистического направления в теории международных отношений придерживаются точки зрения, что движущей силой формирования международного режима становится стремление сильного актора решить те проблемы, которые он по каким-либо причинам не может решить самостоятельно» (Ланцов, 2011, с. 211). В ситуации с Гаити таким «теневым» лидером могут выступать США, побуждающие других участников международных отношений частично нести расходы по поддержанию международного стабилизационного режима в условиях гуманитарного кризиса.

При этом в современных условиях снижения уровня доверия международным институтам (Комлева, 2024, с. 184–185) участники различных международных союзов и коалиций стараются действовать в прагматическом русле. По мнению А.М. Кузнецова, акторы мировой политики должны рассматриваться «в качестве рациональных

¹ Резолюция СБ ООН S/RES/2476 // ООН. 25.06.2019. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n19/192/55/pdf/n1919255.pdf> (дата обращения: 03.12.2024).

² Walker S. Gangs of Haiti: Expansion, Power and an Escalating Crisis // Global Initiative Against Transnational Organized Crime. October, 2022. <https://globalinitiative.net/analysis/haiti-gangs-organized-crime/> (accessed: 05.01.2025).

³ Конышев В. Н. Теория международных режимов // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». 2023. № 1. URL: <https://bigenc.ru/c/teoriia-mezhdunarodnykh-rezhimov-483e05> (дата обращения: 03.01.2025).

индивидов, которые, выбирая вариант поведения (стратегию), сравнивают различные альтернативы и принимают решение, стремясь максимизировать собственную выгоду» (Кузнецов, 2014).

Проявившаяся несостоятельность «институционализированных систем коллективной безопасности» в условиях Гаити повышает интерес к исследованию действий коалиций, в том числе сформированных из «второстепенных государств», в контексте преобладания реалистических подходов к применению силы (Mearsheimer, 1994, p. 13), а также координирующей роли государства — лидера коалиции в проведении операции.

Достижению поставленной цели способствовало последовательное решение следующих задач:

- рассмотреть ответные действия мирового сообщества на очередное обострение ситуации в Гаити, выявив правовые и организационно-практические аспекты формирования новой *ad hoc* коалиции;

- проанализировать первый этап Многонациональной миссии по поддержке безопасности с учетом опыта миротворческих действий в Гаити и сложившихся непростых отношений с властями и населением принимающего государства;

- изучить факторы, определяющие возможные векторы развития данной коалиционной операции.

В ходе исследования цели были использованы доказавшие свою эвристичность методы аналитической работы, включая междисциплинарный, системный и исторический подходы. Междисциплинарный подход позволил учесть многоплановость действий по обеспечению безопасности и комплексно интегрировать результаты не только политических, но и смежных исследований по данной проблематике. С помощью исторического подхода показана важность изучения и использования прежнего миротворческого опыта и уроков для успешного выполнения мандатов новых миссий. Системный подход позволил сгруппировать проблемы, с которыми сталкиваются *ad hoc* коалиции, рассматриваемые в качестве системы, при

выполнении заявленных мандатов в нестабильных политико-социальных условиях принимающего государства, выступающих в качестве внешней среды системы.

Реализованный в данном исследовании анализ первого этапа Многонациональной миссии по поддержке безопасности (ММПБ) в Гаити может быть использован в дискуссии о будущем систем коллективной безопасности в условиях формирующегося полицентризма и растущей конкуренции провайдеров безопасности различного уровня (Харитонов, 2025).

Международные ответ на обострение ситуации в Гаити

В октябре 2023 г. для оказания помощи ГНП в подавлении всплеска бандитизма и восстановлении безопасности на всей территории страны Совет Безопасности (СБ) ООН санкционировал развертывание международной Многонациональной миссии по поддержке безопасности под руководством Кении (*Multinational Security Support Mission to Haiti under Kenya's Leadership*).

Проект резолюции, принятой в соответствии с главой VII Устава ООН, был подготовлен США и Эквадором, при этом новая миссия носила коалиционный характер и не относилась к категории операций по поддержанию мира (ОПМ) ООН⁴.

Поводом к очередному международному вмешательству во внутренние дела Гаити стало обращение в ООН исполняющего обязанности премьер-министра страны А. Анри после резкого ухудшения ситуации в сфере безопасности, осложненного жестокими вооруженными нападениями банд на население, убийствами и похищениями людей, массовыми грабежами и поджогами, а также сексуальным насилием⁵.

⁴ Резолюция СБ ООН S/RES/2699 // ООН. 02.10.2023. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n23/287/21/pdf/n2328721.pdf> (дата обращения: 03.01.2025).

⁵ Объединенное представительство Организации Объединенных Наций в Гаити: Доклад Генерального секретаря ООН S/2023/492 // ООН. 03.07.2023. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n23/183/35/pdf/n2318335.pdf> (дата обращения: 03.01.2025).

Необходимо отметить, что с момента обретения независимости в конце XVIII в. периоды стабильной государственной власти в Гаити были весьма краткосрочными и, как правило, обеспечивались за счет масштабной внешней поддержки. Для этой страны характерна цикличность кризисов и внутренней нестабильности, причинами которой являются политические и социально-экономические факторы, сформированные в результате длительного влияния США. «Неэффективная авторитарная система правления привела к формированию в стране целой системы структурного насилия, которая вкупе с порождающей чувство социальной изоляции и бесправия бедностью большинства граждан и маргинализацией молодежи стала катализатором внутреннего конфликта» (Тишков, 2020, с. 77). Дополнительными дестабилизирующими факторами стали регулярные природные катаклизмы и связанные с ними эпидемии⁶.

Очередной виток кризиса государственных институтов в Гаити начался 7 июля 2021 г. после убийства президента страны Ж. Моиза и был осложнен последовавшим катастрофическим землетрясением, жертвами которого стали 2,2 тыс. человек при материальном ущербе до 1,1 млрд долл. США. Правительство страны поддерживало определенный уровень общественного порядка до осени 2022 г., но в 2023 г. энергетический кризис привел к массовым протестам, переросшим в кровавые столкновения (Алабр, Левшакова, Кузьмина, 2024, с. 30).

Новый виток кризиса продемонстрировал, что многолетняя международная помощь не привела к созданию дееспособной гаитянской полиции и укреплению верховенства

права (Ciorciari, 2022). В сложившихся условиях ГНП была способна только на временное поддержание общественной безопасности в некоторых районах, а сами сотрудники правоохранительных органов все чаще становились мишенью для хорошо вооруженных банд. За период с января по июнь 2023 г. погибли 34 сотрудника полиции (из них 22 при исполнении обязанностей) и еще 31 полицейский получил ранения (23 — при исполнении). Более того, по состоянию на 30 июня 2023 г. нападениям или вандализму со стороны вооруженных банд подверглись 34 полицейских участка, из-за нападений банд не функционировали 412 полицейских объектов Гаити⁷.

Отчеты официальных лиц ООН наряду с увеличением криминальной активности городских банд зафиксировали случаи народного правосудия (самосуды), совершаемые членами движения самообороны «Бва Кале» (креол. *Bwa Kale*, англ. *Peeled Wood*). При этом ответные меры местного населения характеризовались крайней формой жестокости, включая забивание камнями и сожжение лиц, подозреваемых в участии в бандитизме. Например, с 24 апреля по 20 июня 2023 г. в агломерации столичного Порт-о-Пренса местные жители линчевали десятки подозреваемых в бандитской деятельности лиц и их предполагаемых пособников. Деятельность этого движения вскоре распространилась на все 10 департаментов Гаити, вызывая ответные действия городских банд⁸.

Санкционирование развёртывания специализированных международных сил для помощи ГНП в противодействии эскалации бандитизма⁹ и восстановлении безопасности

⁶ Посол Германии в ООН К. Хойсген отметил, что с 2011 г. СБ ООН неоднократно выражал свою обеспокоенность уязвимостью Гаити перед изменением климата. Он добавил, что для Гаити климат является «множителем угроз», который может дестабилизировать страну и «создать новые конфликты из-за сокращения ресурсов, подрывая усилия по построению мира и стабилизации». См.: Security Council Approves 'Historic' Political Haiti Mission, Ending UN Peacekeeping Role in the Country // UN News. June 25, 2019. URL: <https://news.un.org/en/story/2019/06/1041291> (accessed: 03.01.2024).

⁷ Объединенное представительство Организации Объединенных Наций в Гаити: Доклад Генерального секретаря ООН S/2023/492 // ООН. 03.07.2023. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n23/183/35/pdf/n2318335.pdf> (дата обращения: 03.01.2025).

⁸ Там же.

⁹ По оценкам *International Crisis Group*, к июлю 2023 г. банды контролировали около 80 % г. Порт-о-Пренса, ограничивая передвижение в городе, в районе портов и контейнерного терминала. Они дважды блокировали главный нефтяной терминал Гаити, создавая нехватку топлива. Действия банд нарушили цепочки поставок, что привело к росту цен на продукты

стало ответом СБ ООН на новый кризис в Гаити. ММПБ была призвана обеспечить доступ миллионов нуждающихся гаитян к гуманитарной помощи, а также безопасность критически важной инфраструктуры, социальных объектов и крупных транспортных узлов, таких как аэропорт и городские порты.

Выступая после принятия резолюции СБ ООН № 2476 (2019), представитель США Д. Делаурентис заявил, что это решение стало действенной мерой по созданию «новой модели сохранения глобального мира и безопасности» и помощи государству-члену, столкнувшемуся с многоаспектным кризисом. По мнению дипломата, развертывание ММПБ как специализированного формата для поддержки ГНП является лишь частью более масштабных усилий по преодолению очередного кризиса в гуманитарной, экономической и политической сферах¹⁰.

С учетом своих вековых интересов в Гаити США взяли на себя обязательства по финансовой поддержке новой миссии и, несомненно, сыграли ключевую роль в выборе государства — лидера многонациональных сил¹¹.

Как представляется, такой неочевидный выбор во многом связан с активизацией сотрудничества США со своим давним союзником — Республикой Кения, рассматриваемой Вашингтоном как главный партнер в Африке южнее Сахары. В мае 2024 г. во время государственного визита президента Кении У. Руту в Вашингтон президент США

Дж. Байден предоставил Республике Кения статус «основного союзника вне Североатлантического альянса», расширяющий возможности поддержки со стороны США в области оборонной торговли и сотрудничества в сфере безопасности, включая развитие потенциала полиции. При этом У. Руту отметил, что участие его страны в ММПБ придает Кении международный престиж и повышает ее роль в международных отношениях до потенциального «мирового жандарма»¹².

Необходимо отметить, что Кения имеет определенный опыт в миротворческой деятельности, но при этом не входит даже в число 30 государств — лидеров по предоставлению военного и полицейского персонала для операций ООН. Согласно статистике, 442 кенийских миротворца проходят службу в шести миротворческих миссиях ООН, включая такие нестабильные регионы, как Федеративная Республика Сомали, Демократическая Республика Конго и Республика Южный Судан¹³.

Сторонники выполнения Кенией новой международной роли утверждают, что решение о ее участии в *ad hoc* коалиции для Гаити основывается на внешнеполитических целях страны, декларирующих приверженность миру, стабильности и гуманитарной поддержке. Противники направления кенийских сил в Гаити ищут ответ на вопрос: чем является участие Найроби в ММПБ — добровольной инициативой, поиском повода для финансовой помощи или результатом внешнего давления? У представителей кенийской общественности имеются определенные сомнения о соответствии лидерства Кении

питания и дефициту предметов первой необходимости. См.: *Haitians Turn to Mob Justice as the Gang Threat Festers* // ReliefWeb. July 3, 2023. URL: <https://reliefweb.int/report/haiti/haitians-turn-mob-justice-gang-threat-festers> (accessed: 25.12.2024).

¹⁰ Security Council Approves 'Historic' Political Haiti Mission, Ending UN Peacekeeping Role in the Country // UN News. June 25, 2019. URL: <https://news.un.org/en/story/2019/06/1041291> (accessed: 03.01.2024).

¹¹ Прежние стабилизационные интервенции, например *Operation Uphold Democracy* в 1994–1995 гг., были проведены силами США и их союзников. Поэтому вероятно, что лидером стабилизационных сил могла выступить Канада с учетом ее геополитических интересов, приверженности к краткосрочным миротворческим акциям (*early in, early out*) и лингвистических особенностей.

¹² См.: Байден включил Кению в число основных союзников США вне НАТО // ТАСС. 24.06.2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21190003> (дата обращения: 03.01.2025); Лабутина Д. Ключевой партнер вне НАТО: зачем США укрепляют позиции в Кении // ТАСС. 03.06.2024. URL: <https://tass.ru/opinions/20981219> (дата обращения: 03.01.2025).

¹³ См.: Страны, предоставляющие воинские и полицейские контингенты // Операции ООН по поддержанию мира. URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/troop-and-police-contributors> (дата обращения: 03.01.2025); Кения // Операции ООН по поддержанию мира. URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/kenya> (дата обращения: 03.01.2025).

в новой стабилизационной миссии ее внешнеполитическим интересам, соизмеримости потенциальных рисков для кенийских миротворцев¹⁴ и репутации страны тем выгодам, которые может принести эта миссия¹⁵. Кроме того, участие кенийских полицейских во внешней силовой стабилизационной операции может оказать определенный негативный эффект на национальном уровне в контексте милитаризации внутренней стабильности и ослабления гражданского контроля деятельности национальных силовых структур (Kenkel, 2021).

Развертывание международной стабилизационной миссии

Исследования практики *ad hoc* коалиционных миссий, проводимых без поддержки ООН, показывают, что развертывание операций данного типа может столкнуться со значительными проблемами операционного плана (Миротворчество в многополярном мире, 2024, с. 360).

В случае с проведением новой миссии в Гаити организационные проблемы, вызывавшие длительные задержки развертывания персонала, были связаны не только с нехваткой финансовых средств. Несмотря на одобрение в ноябре 2023 г. парламентом и кабинетом министров Кении направления в Гаити 1 000 полицейских, в январе 2024 г. предполагаемое развертывание было временно заблокировано решением Верховного суда Кении, который объявил размещение национальных полицейских сил за рубежом неконституционным из-за отсутствия

взаимного соглашения двух стран о сотрудничестве¹⁶.

По мнению кенийского исследователя К. Опала, спеша возглавить миссию стабилизационных сил в Гаити, правительство Кении упустило из виду не только конституционные положения, но и мнение кенийской общественности, а также возможные альтернативные варианты формирования новой миссии (например, направление многонациональных стабилизационных сил Африканского союза (АС), в которых Кения могла бы играть ведущую роль (курсив наш. — С.Т.)¹⁷.

Для устранения правовых пробелов, связанных с отсутствием соглашения о двустороннем сотрудничестве, лидеры Гаити и Кении достигли договоренности о подписании 1 марта 2024 г. двустороннего соглашения, однако процесс подписания был сорван скоординированными нападениями гаитянских банд на важнейшие объекты инфраструктуры в стране, включая аэропорт и тюрьмы. Масштабные нападения бандитов привели к отставке А. Анри в апреле 2024 г. и созданию Переходного президентского совета (*Transitional Presidential Council*), который поддержал проведение миссии международных стабилизационных сил¹⁸.

Прибытие в Гаити первой группы из 200 кенийских полицейских планировалось на 23–24 мая 2024 г., то есть совпадало с государственным визитом президента Кении У. Руто в США. Для направления в новую миссию были отобраны сотрудники подразделений разведки, быстрого реагирования и специальных операций, имевшие опыт борьбы с повстанцами и террористическими группировками на границе Кении и

¹⁴ Командующий силами ММПБ Г. Отундж сообщил, что 23 февраля 2025 г. один из кенийских офицеров ММПБ был смертельно ранен в ходе операции в департаменте Артибонит. См.: Kenya's Haiti Gamble: First Casualty in a War Far from Home // Kenyan Foreign Policy. February 24, 2025. URL: <https://kenyanforeignpolicy.com/kenyas-haiti-gamble-first-casualty-in-a-war-far-from-home/> (accessed: 25.02.2025).

¹⁵ Maina M. Kenya's Haiti Mission: Financial Gains or Genuine Empathy? // Kenyan Foreign Policy. September 25, 2023. URL: https://kenyanforeignpolicy.com/kenyas-haiti-mission-financial-gains-or-genuine-empathy/#google_vignette (accessed: 25.12.2024).

¹⁶ Opala K. Kenya's High Court Blocks Proposal to Send Police Support to Haiti // Global Initiative Against Transnational Organized Crime. February 5, 2024. URL: <https://globalinitiative.net/analysis/kenyas-high-court-blocks-proposal-police-support-haiti/> (accessed: 25.12.2024).

¹⁷ Ibid.

¹⁸ UN Welcomes Haiti's Transitional Presidential Council // CNG Media. April 26, 2024. URL: <https://caribbeannewsglobal.com/un-welcomes-haitis-transitional-presidential-council/> (accessed: 16.04.2025).

Сомали¹⁹. Половина контингента должна была обеспечивать безопасность важнейших объектов транспортной инфраструктуры, а остальные сотрудники — участвовать в противодействии городским бандам.

В конце 2023 г. передовая команда кенийских офицеров разведки и высшего полицейского персонала прошла предмиссионную подготовку в США²⁰, но к июню 2024 г. в Гаити в рамках миссии, имеющей авторизованную численность около 2 500 человек, были развернуты только около 400 миротворцев из Кении²¹.

Прибывшие сотрудники ММПБ начали совместные операции с ГНП и гаитянскими вооруженными силами в агломерации Порт-о-Пренса, в результате чего были достигнуты первоначальные успехи в ограничении деятельности банд в ряде районов и восстановлении контроля над критической инфраструктурой, включая аэропорт и больницу общего профиля. Развертывание ММПБ также оказало определенное обнадеживающее «психологическое» воздействие на местное население, укрепив позитивные ожидания гаитян в отношении перспектив повышения безопасности. Однако, несмотря на эти первоначальные достижения, существенного улучшения положения в области безопасности не произошло. В этой связи ММПБ необходимо продолжить развертывание персонала, чтобы расширить свой оперативный охват, обеспечив активное патрулирование общественных мест с неблагоприятной криминальной ситуацией для повышения «эффекта присутствия» международных сил в стране и установления контакта с местным населением.

18 января 2025 г. новая группа из 217 кенийских полицейских прибыла в Гаити, что

увеличило численность ММПБ до 781 человека, включая 150 миротворцев из Гватемалы, 23 — из Ямайки, по 8 — из Сальвадора и Багамских о-вов и 2 — из Белиза²². Однако даже спустя полтора года с момента учреждения ММПБ планируемая численность сил так и не была достигнута, что позволяет говорить о затянувшемся периоде развертывания и, следовательно, об утрате оперативности реагирования на кризисную ситуацию как главного преимущества коалиционных операций (Karlsrud & Reykers, 2020, pp. 1524–1525).

В подобных условиях возросла роль государства — лидера ММПБ, требующая от Кении политических усилий по развитию тесного сотрудничества с ведущими мировыми государствами, международными донорами, союзниками Гаити и государствами — членами Карибского сообщества (КАРИКОМ), участвующими в стабилизационных силах.

Таким образом, затянувшееся развертывание сил ММПБ в Гаити в значительной степени связано с вызовами и проблемами, с которыми столкнулась Кения. Поэтому рабочую гипотезу о том, что оперативность и эффективность действий коалиционных сил связана с наличием государства-лидера, обладающего международным авторитетом и ресурсами для проведения стабилизационной или миротворческой операции, можно считать подтвержденной.

Первый этап ММПБ через призму миротворческого опыта

Важно отметить, что с учетом цикличности кризисов в Гаити при проведении новой стабилизационной операции было необходимо использовать опыт ранее проведенных международных интервенций, например, имевших место в период глубокого институционального кризиса 2003–2004 гг. (Cockayne, 2009; Hoelscher & Norheim-

¹⁹ Opala K. Green Light for Kenyan Police Boots on the Ground in Haiti // Global Initiative Against Transnational Organized Crime. May 15, 2024. URL: <https://globalinitiative.net/analysis/green-light-for-kenyan-police-boots-on-the-ground-in-haiti/> (accessed: 25.12.2024).

²⁰ Ibid.

²¹ UN: Deploy New Haiti Mission to Restore Security // Human Rights Watch. December 9, 2024. URL: <https://www.hrw.org/news/2024/12/09/un-deploy-new-haiti-mission-restore-security> (accessed: 04.02.2025).

²² Speech by Ms. María Isabel Salvador, Special Representative of the Secretary-General for Haiti and Head of BINUH: Briefing to the UN Security Council (22 January 2025) // BINUH. January 1, 2025. URL: <https://binuh.unmissions.org/en/speech-ms-maria-isabel-salvador-special-representative-secretary-general-haiti-and-head-binuh> (accessed: 24.02.2025).

Martinsen, 2014; Борзова, Кузьмина, 2015; Тишков, 2017; Schuberth, 2019; Торо Нестеренко, Саханский, 2023; Борзова, Да Коста, 2024; Ortega García, Yepes Hernández & Mesa Bedoya, 2024). Данный цикл включал коалиционные стабилизационные действия, поддержание мира и миростроительство под флагом ООН.

29 февраля 2004 г. СБ ООН принял решение о развертывании сроком на три месяца Многонациональных временных сил (МНС, *Multinational Interim Force*) в составе контингентов США, Франции и Канады для содействия достижению безопасности и стабильности в Гаити, а также помощи гаитянской полиции и береговой охране в наведении правопорядка и защите прав человека²³.

Краткосрочные действия МНС по нормализации обстановки были продолжены в рамках Миссии ООН по стабилизации в Гаити (МООНСГ, июнь 2004 г. — октябрь 2017 г.)²⁴, которая благодаря активным военно-полицейским операциям совместно с полицейскими Гаити достигла определенных успехов в борьбе с городскими бандами в агломерации Порт-о-Пренс, а также в контроле общественной безопасности в стране и снижении уровня насилия в местных общинах (Тишков, 2017, с. 180–181). Преемником МООНСГ стала Миссия ООН по поддержке сектора правосудия в Гаити (МООНППГ, октябрь 2017 г. — октябрь 2019 г.), штатная численность которой предусматривала до семи отрядов специального назначения в составе до 980 международных полицейских (Вербилев, Опарин, Созина, 2018, с. 63).

Следует подчеркнуть, что недостатки институционализированного подхода к проблемам безопасности проявились в постепенном снижении внимания к Гаити со стороны СБ ООН, фокус которого в данном регионе был переведен на Колумбию. Смена приоритета

международных действий привела к выжидательному подходу в действиях миротворцев во время двухлетнего мандата МООНППГ. При этом функционеры ООН не уделяли должного внимания отмеченным в докладе Генерального секретаря за август 2018 г.²⁵ признакам ухудшения ситуации в сфере безопасности в Гаити из-за увеличения «преступной активности городских банд» и «значительного всплеска насилия»²⁶.

Миротворческая деятельность ООН в Гаити в 2004–2019 гг. и последующий кризис в сфере безопасности в период действия специальной политической миссии подтверждают тезис о том, что «в странах со слабой исполнительной властью, не контролирующей территорию, на которой действуют многочисленные незаконные военизированные формирования, относительная безопасность достигается только благодаря присутствию миротворцев» (Андреева, 2019, с. 57). По мнению А.А. Андреевой, «уровень насилия вновь возрастает после вывода международных войск, поэтому в „хрупких“ государствах требуется постоянное присутствие миротворческих миссий» (Андреева, 2019, с. 57).

Современная ситуация в Гаити характеризуется связанным с обострением насилия масштабным гуманитарным кризисом (Ortega García, Yepes Hernández & Mesa Bedoya, 2024, p. 111), в результате которого более 700 000 человек стали перемещенными лицами²⁷. В этой связи в сентябре 2024 г. СБ ООН продлил мандат ММПБ еще на 12 месяцев²⁸.

²⁵ United Nations Mission for Justice Support in Haiti: Report of the Secretary-General S/2018/795 // UN. August 30, 2018. URL: <https://docs.un.org/en/S/2018/795> (accessed: 16.04.2025).

²⁶ Di Razza N. Mission in Transition: Planning for the End of UN Peacekeeping in Haiti // International Peace Institute. 2018. P. 38. URL: <https://www.ipinst.org/wp-content/uploads/2018/12/IPI-Rpt-Mission-in-TransitionHaiti.pdf> (accessed: 16.04.2025).

²⁷ Letter Dated 30 September 2024 from the Panel of Experts Established Pursuant to Security Council Resolution 2653 (2022) Addressed to the President of the Security Council // United Nations Digital Library. September 30, 2024. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4064700?ln=en&v=pdf> (accessed: 25.12.2024).

²⁸ Резолюция СБ ООН S/RES/2751(2024) // ООН. 30.09.2024. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/>

²³ Резолюция СБ ООН S/RES/1529 // ООН. 29.02.2004. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1529\(2004\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1529(2004)) (дата обращения: 26.12.2024).

²⁴ МООНСГ — фактологический бюллетень // Операции ООН по поддержанию мира. URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/mission/minustah> (дата обращения: 12.12.2024).

Несмотря на многочисленные проблемы, с которыми сталкивается новая коалиционная миссия, продление ее мандата свидетельствует о принципиальной готовности СБ ООН к поиску и внедрению альтернативных и адаптируемых решений проблем безопасности «несостоявшихся государств».

Как представляется, единогласная поддержка резолюции № 2751 (2024) членами СБ ООН может рассматриваться как призыв к ускорению развертывания стабилизационной миссии в Гаити. Важно отметить, что ММПБ не получает финансовой, логистической или инфраструктурной поддержки, которую ООН предоставляет своим полевым операциям. В резолюции отмечено, что Генеральный секретарь ООН может оказывать материально-техническую поддержку по запросу миссии при условии полного финансового возмещения за счет имеющихся добровольных взносов и соблюдения Политики должной осмотрительности ООН в вопросах прав человека²⁹.

Устойчивость ММПБ зависит от адекватного и стабильного финансирования, преимущественно от добровольных и целевых взносов государств-членов, что представляет собой серьезную проблему. При заявленном годовом бюджете в размере 600 млн долл. США к октябрю 2024 г. миссия получила лишь около 400 млн долл. США в виде финансовых средств, предоставленных за счет двусторонних взносов и по линии управляемого ООН целевого фонда, получившего 85 млн долл. США³⁰. Поэтому медленная выплата объявленных взносов³¹ и ограниченное

число стран-доноров еще более усугубляют финансовые проблемы при проведении ММПБ.

Необходимо отметить, что описанные сложности с обеспечением устойчивого финансирования ММПБ отражают трудности с развертыванием персонала и отсутствием надлежащего оборудования, с которыми сталкиваются операции региональных и субрегиональных акторов и *ad hoc* коалиций в Африке, финансируемых через целевые фонды и поддержку внешних доноров (Худайкулова, 2023, с. 355). Поэтому данные аспекты должны быть учтены для будущих миссий, санкционированных СБ ООН без соответствующего финансирования из бюджета ООН на ОПМ (Тишков, 2024, с. 141).

Взаимодействие с принимающим государством

Учитывая, что ММПБ является операцией, проводимой коалиционными силами вне региона расположения страны-лидера, важными условиями эффективности организации деятельности миссии должны стать партнерство и постоянный обмен информацией с правительством принимающей страны, а также должное взаимодействие с гаитянским обществом.

Восприятие многими гаитянами новой международной стабилизационной миссии как очередной иностранной интервенции, имеющей неясные цели и неспособной к быстрому урегулированию кризиса, подрывает общественную поддержку ММПБ. Поэтому для установления доверия необходимо довести до местных жителей цели миссии и критерии достижения прогресса и пресечь возможную дезинформацию через повышение открытости работы международных сил. При этом необходимо учитывать проблемы языкового барьера, с которыми ранее сталкивались в Гаити миротворцы, не владеющие французским или креольским языками. Данная проблема отчасти может быть решена после анонсированного прибытия в состав ММПБ контингентов из франкофонных стран Африки³².

³² О готовности участвовать в ММПБ наряду с государствами — членами Карибского сообщества

gen/n24/278/08/pdf/n2427808.pdf (дата обращения: 26.12.2024).

²⁹ Там же.

³⁰ United Nations Integrated Office in Haiti. Report of the Secretary-General S/2024/742 // UN. October 15, 2024. URL: <https://docs.un.org/en/S/2024/742> (accessed: 25.12.2024).

³¹ Например, в Комитете по иностранным делам Палаты представителей Конгресса США республиканцы блокировали запрашиваемое правительством США финансирование для ММПБ, требуя более подробной информации о логистике, продолжительности и целях миссии. См.: Who Is in Charge of the Haiti Mission? // Global Initiative Against Transnational Organized Crime. June 18, 2024. URL: <https://globalinitiative.net/analysis/who-is-in-charge-of-the-haiti-mission/> (accessed: 25.12.2024).

Для обеспечения национальной стабильности многие организации гражданского общества Гаити готовы оказать поддержку ММПБ при условии ее временного характера³³. Поэтому новой миссии необходимо расширить свое взаимодействие с со всеми сегментами раздробленного гражданского общества принимающего государства, включая правозащитные и женские организации, молодежь, а также гаитянскую диаспору, чтобы деятельность ММПБ отвечала потребностям и приоритетам местного населения.

Учитывая негативные уроки поведения миротворцев в Гаити, связанные с массовыми нарушениями прав человека и сексуальной эксплуатацией (King et al., 2021), СБ ООН поручил ММПБ создать надежный механизм для обеспечения соблюдения международных стандартов и предотвращения нарушений и злоупотреблений в области прав человека³⁴.

Важно отметить, что полицейские силы Кении как страны — лидера ММПБ, несомненно, имеют опыт в стабилизации кризисных ситуаций по мандату ООН и АС (например, в Сомали и Южном Судане), но при этом ряд международных и национальных правозащитных организаций отмечают высокий уровень коррупции и нарушений прав человека в кенийской полиции³⁵. В этой связи, не-

смотря на существующие правила поведения и программы предмиссионного обучения персонала ММПБ, нельзя исключать вероятность уязвимости гражданского населения перед нарушениями и злоупотреблениями в области прав человека. Секьюритизированные меры реагирования на организованную преступность и криминальную деятельность городских банд могут привести к обострению конфликта и внутреннего насилия и, следовательно, к нарушениям прав человека (Миротворчество в многополярном мире, 2024, с. 260). Поэтому взвешенные и основанные на нормах права подходы к применению силы стабилизационными подразделениями имеют первостепенное значение для устранения возможного недоверия между местными общинами, ГНП и ММПБ.

Выступая после принятия резолюции СБ ООН № 2476 (2019), посол и постоянный представитель Китайской Народной Республики (КНР) Чжан Цзюнь заявил, что его страна всегда придерживалась ответственного подхода к применению Советом Безопасности ООН главы VII Устава ООН при санкционировании применения силы. Он отметил, что действия ММПБ должны быть направлены на поддержку местного населения и призвал миссию соблюдать международное право, не допуская нарушения суверенитета Гаити. Странам — участницам миссии было рекомендовано обеспечить самые высокие стандарты поведения и дисциплины своего персонала, а также создать механизм надзора для предотвращения нарушений прав человека или злоупотреблений, включая сексуальную эксплуатацию³⁶.

По нашему мнению, в условиях параллельного развертывания специальной политической миссии ООН и *ad hoc* коалиционных стабилизационных сил роль внешнего надзорного механизма может быть

сообщили Бенин и Чад, а также Бангладеш. См.: Wabwireh D. Haiti: Imminent Deployment of Kenya-led International Police Force // AfricaNews. June 6, 2024. URL: <https://www.africanews.com/2024/06/10/haiti-imminent-deployment-of-kenya-led-international-police-force/> (accessed: 27.12.2024).

³³ Командующий силами МООНСГ в 2007–2009 г. генерал-лейтенант К.А. душ Сантуш Крус отметил необходимость понимания международными силами позиции местных партнеров и национальных властей: «Это иллюзия думать, что ООН идет туда, чтобы найти решения. Решение зависит от гаитян, правительства и общественности, работающей в Гаити». См.: Interview: How New Mission Could Support Gang-Ravaged Haiti // UN News. October 2, 2023. URL: <https://news.un.org/en/story/2023/10/1141757> (accessed: 27.12.2024).

³⁴ Poincy J. Rethinking the International Response to Haiti's Security Crisis // Stimson Center. July 23, 2024. URL: <https://www.stimson.org/2024/rethinking-the-international-response-to-haitis-security-crisis> (accessed: 25.02.2025).

³⁵ Robles F., Dahir A. L. Haiti, Desperate for Peace, Turns to Police Notorious for Violence // The New York

Times. October 4, 2023. URL: <https://www.nytimes.com/2023/10/04/world/africa/kenya-police-haiti.html> (accessed: 25.12.2024).

³⁶ Mishra V. Security Council Authorizes 'Historic' Support Mission in Haiti // UN News. October 2, 2023. URL: <https://news.un.org/en/story/2023/10/1141802> (accessed: 25.12.2024).

реализована соответствующими подразделениями ОПООНГ, например, ответственными за обеспечение соблюдения международных обязательств в области прав человека.

Будущее миссии

Важно отметить, что долгосрочная стабильность, несомненно, выходит за рамки краткосрочных стабилизационных задач и поэтому требует усилий по устранению коренных причин кризиса. Для этого необходимо обеспечить безопасность границ в целях пресечения незаконной торговли наркотиками и оружием, укрепить потенциал правоохранительных органов в области расследования деятельности главарей банд и судебного преследования виновных лиц, а также устранить такие основополагающие социальные и экономические проблемы, как нищета, безработица и социальное неравенство, которые создают благоприятные условия для распространения городских банд.

В этой связи мандат миссии ММПБ в широком понимании выходит за рамки неотложных вопросов безопасности Гаити, включая создание благоприятных условий для проведения выборов³⁷.

В сложившейся ситуации будущее ММПБ все чаще становится предметом обсуждения в ООН. При общем понимании необходимости дополнительной международной поддержки Гаити среди государств-членов отсутствует консенсус в отношении выбора конкретных механизмов помощи.

Переговоры в СБ ООН о продлении мандата ММПБ в сентябре 2024 г. и последующий официальный запрос властей Гаити к Генеральному секретарю по срочному преобразованию миссии в ОПМ ООН вызвали дебаты среди государств-членов. Данное предложение было поддержано США, Кенией, странами — членами Организации американских государств и рядом членов СБ ООН³⁸.

³⁷ Blondel P. Haiti's Destiny 'Bright' Despite Terrifying Escalation of Violence // UN News. December 27, 2024. URL: <https://news.un.org/en/story/2024/12/1158481> (accessed 04.01.2025).

³⁸ UN: Deploy New Haiti Mission to Restore Security // Human Rights Watch. December 9, 2024. URL:

Вместе с тем некоторые государства — члены СБ ООН, включая Российскую Федерацию, выступая против преждевременного преобразования ММПБ в ОПМ ООН, подчеркивали, что возглавляемые Кенией стабилизационные силы не получили заявленного финансирования и не достигли полной оперативности действий. Представители КНР также выразили определенный скептицизм, отметив, что дискуссии о трансформации ММПБ могут отвлечь доноров от усилий по доведению возглавляемых кенийцами сил до максимального потенциала³⁹.

По мнению ряда исследователей, альтернативным решением может стать оказание ООН помощи ММПБ без преобразования ее в полномасштабную ОПМ за счет пакетов материально-технической поддержки, предоставляемых операциям региональных акторов, санкционированным СБ ООН⁴⁰. Однако опыт *ad hoc* коалиционных миссий показывает существенные ограничения этого подхода в условиях силовых операций⁴¹.

Потенциальные выгоды преобразования стабилизационной миссии в ОПМ ООН могут быть связаны с повышением международной политической поддержки, но возможная трансформация должна проводиться в соответствии с четкой политической стратегией и объективной оценкой потенциальных рисков. Как представляется, основное внимание заслуживают тип и структура потенциальной ОПМ с учетом ее роли в политических

<https://www.hrw.org/news/2024/12/09/un-deploy-new-haiti-mission-restore-security> (accessed: 04.02.2025).

³⁹ Segura R., Forti D. Weighing the Case for a New Peacekeeping Mission to Haiti // The International Crisis Group. November 1, 2024. URL: <https://www.crisisgroup.org/latin-america-caribbean/caribbean/haiti/weighing-case-new-peacekeeping-mission-haiti> (accessed: 04.01.2025).

⁴⁰ Wane El-G., Williams P.D., Kihara-Hunt A. The Future of Peacekeeping, New Models, and Related Capabilities // UN Peacekeeping. October, 2024. P. 37. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/the_future_of_peacekeeping_new_models_and_related_capabilities_-_nov1.pdf (accessed: 24.02.2025).

⁴¹ Данный тезис может быть проиллюстрирован поддержкой операции АС в Сомали со стороны ООН через Отделение ООН по поддержке и Отделение ООН по поддержке в Сомали.

процессах Гаити. Многокомпонентная миротворческая миссия ООН, объединяющая военных, полицейских и гражданских субъектов, могла бы способствовать комплексному устранению причин конфликта. Однако многолетний опыт миротворческого присутствия ООН в Гаити показывает, что такое преобразование существенно увеличит расходы на операцию, не гарантирующие устранения причин конфликта (Olivier, 2023).

Важно отметить, что меры международного реагирования на ситуацию в Гаити также являются предметом обсуждения в научных кругах. Например, участники семинара, проведенного в ноябре 2024 г. Международным институтом мира, отметили, что в современных условиях Гаити возможностей ОПМ ООН может оказаться недостаточно, поскольку положение в сфере безопасности намного хуже, чем в период развертывания МООНСГ. В ходе семинара также было отмечено, что на будущее ММПБ может повлиять внутренняя политика США, в том числе позиция новой администрации Д. Трампа и нового состава Конгресса, которые могут существенно изменить общую траекторию миссии и уровня поддержки ее деятельности со стороны США⁴².

Подтверждением данного тезиса является невыполнение Вашингтоном своих обязательств по финансированию ММПБ в размере 360 млн долл. США. В настоящее время Соединенными Штатами на нужды миссии было выделено только 1,7 млн из первого взноса в 15 млн долл. США, обещанного ООН. 13,3 млн долл. США оказались замороженными в связи с объявленной президентом Д. Трампом 90-дневной паузой в предоставлении иностранной помощи африканским странам⁴³.

⁴² Emerging Practices in New Mission Models: The Multinational Security Support Mission in Haiti // International Peace Institute. December 5, 2024. P. 4. URL: <https://www.ipinst.org/2024/12/emerging-practices-in-new-mission-models-the-multinational-security-support-mission-in-haiti> (accessed: 25.02.2025).

⁴³ Ndiritu S. Ch. UN's Multinational Security Support Mission (MSS) to Haiti's Falls, and with Kenyans' Lives // New Eastern Outlook. April 11, 2025.

Необходимость изучения позиции Вашингтона по данному вопросу подтверждается мнением ряда авторов о том, что США не отказываются от амбиций и роли «устроителя судеб» несостоявшихся государств и активно используют гибкие форматы взаимодействия со второстепенными государствами для своевременного реагирования на возникающие вызовы (Богданов, 2022, с. 12). При этом американский исследователь гаитянского происхождения Д. Пьер отмечает, что в соответствии с принятой в 2019 г. стратегией применения «жесткой» и «мягкой силы» США в меняющемся мире (*Global Fragility Act*) Гаити является первой страной в целевой пятерке по внедрению данной стратегии (Pierre, 2023).

Заключение

В условиях постепенного отказа от крупномасштабных ОПМ ООН принятие в 2023 г. Советом Безопасности ООН решения о развертывании ММПБ в Гаити ознаменовало собой значительное событие в практике международного реагирования на ухудшение ситуации в сфере региональной безопасности и оказания помощи «несостоявшимся государствам». Предложенная новая модель формирования стабилизационных сил в период формирующегося полицентризма подчеркнула растущее значение *ad hoc* коалиционных миссий для обеспечения региональной стабильности.

Данная тенденция может рассматриваться как подтверждение несостоятельности неолиберальных концепций международных институтов и режимов в контексте преобладания реалистических подходов к применению силы для урегулирования внутренних конфликтов и кризисов, поскольку международные институты и режимы, как правило, отражают расчеты интересов государств на основе международного распределения силы.

В условиях нарастания кризиса доверия международным институтам государства —

URL: <https://journal-neo.su/2025/04/11/uns-multinational-security-support-mission-mss-to-haitis-falls-and-with-kenyans-lives/> (accessed: 16.04.2025).

члены ООН, реализуя прагматичный подход в международных отношениях, стараются искать альтернативные подходы и принимать решения, позволяющие максимизировать собственную выгоду от действий на международной арене.

В данном контексте определенное внимания заслуживает государство — лидер международных стабилизационных сил. Выбор Кении, которая находится вне региона проведения операции и не является признанным провайдером безопасности, демонстрирует возможное расширение возможностей государств Африки по выполнению ведущих ролей в сфере обеспечения безопасности за пределами континента. Лидерство Республики Кения в новой коалиционной операции может позволить повысить ее международный статус до уровня потенциального «мирового жандарма», расширить возможности обучения персонала сектора безопасности и рамки военнотехнического сотрудничества с США.

Опыт участия Республики Кения в международных стабилизационных действиях в Гаити демонстрирует разрыв между амбициями «второстепенных» государств и их возможностями по самостоятельному проведению коалиционных операций. Эффективность действий коалиционных сил зависит от наличия государства-лидера, обладающего международным авторитетом и ресурсами для проведения операции. Затянувшийся этап развертывания ММПБ показывает, что для выполнения мандата миссия наряду с политической поддержкой остро нуждается в прогнозируемом и стабильном финансировании, персонале и соответствующем оборудовании. Данные проблемы нивелируют основное преимущество коалиционных действий, связанное с оперативностью реагирования на кризис. Поэтому роль государства-лидера требует от Кении политических усилий по развитию тесного сотрудничества с международными донорами, союзниками Гаити и государствами — членами Карибского

сообщества, участвующими в стабилизационных силах.

Наряду с общими для аналогичных операций трудностями в обеспечении прогнозируемого и устойчивого финансирования данная миссия столкнулась с рядом проблем национального уровня, включая необходимость формирования правовой базы для направления кенийских миротворцев в Гаити и отсутствие поддержки кенийских оппозиции и общественности.

Вместе с тем формирование ММПБ показывает готовность США к активному поиску новых форм взаимодействия со «второстепенными» государствами для реализации своих геополитических интересов в регионе Карибского бассейна и патронажа «несостоявшихся государств». Однако в современных условиях принцип «Делать больше с меньшими затратами» (*Doing More with Less*) не может быть реализован в ходе стабилизации «несостоявшихся государств».

В условиях затянувшегося развертывания ММПБ власти Гаити выражают стремление к трансформации данной миссии в ОПМ ООН, что обусловлено главным образом финансовыми трудностями и нехваткой ресурсов для ММПБ, а не критической оценкой средств миротворческой деятельности ООН как наиболее подходящего инструмента для Гаити. Однако при принятии такого решения СБ ООН и государствам-членам необходимо учитывать неоднозначный опыт миротворческой деятельности в Гаити, особенно в свете дефицита доверия местного населения, и применять взвешенный подход и объективный анализ потенциальных рисков. Данная миссия действует в густонаселенных городских районах, что затрудняет работу миротворцев с учетом необходимости минимизации ущерба гражданским лицам. Это требует от ММПБ обдуманности при проведении операций по обеспечению безопасности и защиты как местного населения, так и ее собственного персонала.

Поступила в редакцию / Received: 23.01.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 20.05.2025

Принята к публикации / Accepted: 10.06.2025

Список литературы

- Алабр М., Левшакова С. Р., Кузьмина В. М. Проблемные вопросы деятельности ООН на Гаити // Исследование развития экосистем в цифровой экономике : сборник научных статей. Курск : Университетская книга, 2024. С. 28–31. EDN: OFASBZ
- Андреева А. А. Миротворческие процессы в Латинской Америке: роль Испании // Латинская Америка. 2019. № 12. С. 49–60. EDN: KZKPHR
- Богданов А. Н. Факторы легитимности американской гегемонии: меняющаяся роль коалиций и партнерств // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14, № 1. С. 7–32. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2022-14-1-7-32>; EDN: JVFYEQ
- Борзова А. Ю., Да Коста С. Бразилия в ООН : история и современность. Москва : URSS, 2024.
- Борзова А. Ю., Кузьмина А. В. Подходы Бразилии к урегулированию международных конфликтов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15, № 4. С. 56–65. EDN: VMBCPD
- Вербиллов А. Ф., Опарин К. Ю., Созина А. Ю. От MINUSTAH к MINUJUSTH: основные направления деятельности гражданского полицейского миротворческого контингента в Республике Гаити // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 2. С. 61–65. EDN: XSMKIP
- Комлева В. В. Кризис доверия международным институтам как фактор усиления влияния России // Россия: общество, политика, история. 2024. № 3. С. 180–193. [https://doi.org/10.56654/ROPI-2024-3\(12\)-180-193](https://doi.org/10.56654/ROPI-2024-3(12)-180-193); EDN: BELKVV
- Кузнецов А. М. «Новый институционализм»: взгляд через призму дискурсивного анализа // Метод. 2014. № 4. С. 203–227. EDN: TBHMQJ
- Ланцов С. А. Институциональные факторы в мировой политике (анализ основных направлений современной теории международных отношений) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2011. Т. 7, № 1. С. 207–221. EDN: OHKZHV
- Миротворчество в многополярном мире / под ред. С. А. Бокерия, Д. А. Дегтерева. Москва : Аспект Пресс, 2024. EDN: MLCRDA
- Тишков С. А. Миротворческое участие ООН в стабилизации обстановки в Республике Гаити в конце XX века // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15, № 1. С. 72–86. EDN: LBMYVA
- Тишков С. А. Опыт и уроки миссии ООН по стабилизации в Гаити (МООНСГ) по сокращению насилия и преступности в Процессе формирования основ постконфликтного восстановления // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2017. № 15. С. 175–182. EDN: ZGZCDN
- Тишков С. А. Перспективы формирования новой архитектуры национальной безопасности Сомали // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2024. № 4. С. 135–146. <https://doi.org/10.31696/S086919080029916-4>; EDN: HMOMOO
- Торо Нестеренко Я. С., Саханский Ю. В. Анализ деятельности миссии ООН в Республике Гаити и ее вклад в стабилизацию обстановки в стране // Вопросы политологии. 2023. Т. 13, № 3. С. 1219–1233. EDN: APOSJW
- Харитонова Н. И. Природа современных конфликтов и перспективы адаптации систем коллективной безопасности: триадический подход // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 1. С. 18–29. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-18-29>; EDN: JCLEMN
- Худайкулова А. В. Регионализация миротворчества в Африке: опыт Африканского союза // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 339–357. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-339-357>; EDN: GJCGFS
- Ciorciari J. D. Haiti and the Pitfalls of Sharing Police Powers // International Peacekeeping. 2022. Vol. 29, iss. 3. P. 384–412. <https://doi.org/10.1080/13533312.2022.2053286>; EDN: DLZGHH
- Cockayne J. Winning Haiti's Protection Competition: Organized Crime and Peace Operations Past, Present and Future // International Peacekeeping. 2009. Vol. 16, iss. 1. P. 77–99. <https://doi.org/10.1080/13533310802485476>
- Hoelscher K., Norheim-Martinsen P. M. Urban Violence and the Militarisation of Security: Brazilian 'Peacekeeping' in Rio de Janeiro and Port-au-Prince // Small Wars & Insurgencies. 2014. Vol. 25, iss. 5–6. P. 957–975. <https://doi.org/10.1080/09592318.2014.945636>

- Karlsrud J., Reykers Y.* Ad hoc Coalitions and Institutional Exploitation in International Security: Towards a Typology // *Third World Quarterly*. 2020. Vol. 41, iss. 9. P. 1518–1536. <https://doi.org/10.1080/01436597.2020.1763171>; EDN: FCVDSL
- Kenkel K. M.* Stability Abroad, Instability at Home? Changing UN Peace Operations and Civil-Military Relations in Global South Troop Contributing Countries // *Contemporary Security Policy*. 2021. Vol. 42, iss. 2. P. 225–240. <https://doi.org/10.1080/13523260.2021.1883276>; EDN: WQOAM
- King C., Ferraro G., Wisner S. C., Etienne S., Lee S., Bartels S. A.* ‘MINUSTAH is Doing Positive Things Just as They Do Negative Things’: Nuanced Perceptions of a UN Peacekeeping Operation Amidst Peacekeeper-perpetrated Sexual Exploitation and Abuse in Haiti // *Conflict, Security & Development*. 2021. Vol. 21, iss. 6. P. 749–779. <https://doi.org/10.1080/14678802.2021.1997453>; EDN: OUXRFY
- Mearsheimer J. J.* The False Promise of International Institutions // *International Security*. 1994. Vol. 19, no 3. P. 5–49. <https://doi.org/10.2307/2539078>; EDN: HIFWCZ
- Niño C., González C.* Phantom State in Haiti: Criminal Sovereignty and the Mercenary Remedy // *Trends in Organized Crime*. 2022. <https://doi.org/10.1007/s12117-022-09460-3>; EDN: LBIRYZ
- Olivier D.* Haiti’s Foreign Intervention Quagmire: United Nations Missions Have Occupied Haiti for Three Decades. A New International Armed Force Now Claims to Tackle the Political Crises and Armed Gangs That Foreign Interference Helped Create // *NACLA Report on the Americas*. 2023. Vol. 55, iss. 4. P. 384–391. <https://doi.org/10.1080/10714839.2023.2280391>; EDN: SBAWTH
- Ortega-García D., Yepes-Hernández C., Mesa-Bedoya J. C.* Haití: la gestión de su crisis bajo el mandato de la ONU // *Revista Científica General José María Córdova*. 2024. Vol. 22, no. 45. P. 109–131. <https://doi.org/10.21830/19006586.1218>; EDN: EZIZZI
- Pierre J.* Haiti as Empire’s Laboratory: As the United States and Its Allies Push Renewed Foreign Intervention, the Uses and Abuses of the First Black Republic as a Testing Ground of Imperialism Offer Stark Warnings. Haiti Still Struggles to Be Free // *NACLA Report on the Americas*. 2023. Vol. 55, iss. 3. P. 244–250. <https://doi.org/10.1080/10714839.2023.2247749>; EDN: UIPECZ
- Schuberth M.* Brazilian Peacekeeping? Counterinsurgency and Police Reform in Port-au-Prince and Rio de Janeiro // *International Peacekeeping*. 2019. Vol. 26, iss. 4. P. 487–510. <https://doi.org/10.1080/13533312.2019.1623675>

Сведения об авторе:

Тишков Сергей Александрович — кандидат политических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминалистики и предварительного расследования в органах внутренних дел, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова; Российская Федерация, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2; SPIN-код: 3391-1028; ORCID: 0000-0003-0406-0900; e-mail: stishkov@list.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-3-382-393

EDN: UNJOYP

Научная статья / Research article

Политика Франции на Сахаро-Сахельском направлении: завершение операции «Бархан» и поиски нового подхода

А.Ю. Чихачев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

НИУ ВШЭ, Москва, Российская Федерация

 alexchikhachev@gmail.com

Аннотация. Исследуется стратегия Франции по отношению к Сахаро-Сахельскому региону в контексте завершения антитеррористической операции «Бархан». Опираясь на постулаты неоклассического реализма и метод сравнительного анализа, автор выявляет, насколько планы, декларируемые французским руководством, согласуются с практическими шагами Парижа в этом регионе. Установлено, что политика Франции на данном направлении ассоциируется с неокOLONIALНОЙ концепцией «Франсафрик», предполагавшей удержание неформального контроля над бывшими колониями с помощью разнообразных, прежде всего военно-силовых, инструментов. Как и все его предшественники, президент Э. Макрон не смог избежать упреков в проведении курса на продолжение «Франсафрик», однако попробовал внешне адаптировать его под изменившиеся реалии. В этой связи ставится исследовательский вопрос о степени преемственности африканской политики Елисейского дворца на современном этапе. Проанализированы попытки французского руководства вывести из тупика операцию «Бархан» посредством претворения в жизнь комплексного подхода (так называемых «трех D»). Отмечено, что действия Парижа одновременно на военном, дипломатическом и гуманитарном треках лишь подогрели антифранцузские настроения на местах и в итоге не позволили стабилизировать Сахельский регион. Также обобщены новые приоритеты, которые Э. Макрон представил немногим после начала своего второго срока. Речь идет, в частности, о совместном управлении военными базами, исправлении имиджа Франции в информационном пространстве, интенсификации экономических связей. Однако большинство этих заявлений, которые пока не реализованы на практике, не останавливали ослабление французских позиций, как подтвердили события лета 2023 г. в Нигере. Автор приходит к выводу, что в африканской политике Пятой республики преемственность по-прежнему преобладает, что приводит к дальнейшему разрастанию кризисных тенденций и неспособности французского руководства преодолеть их. Сделано предположение, что в целом эта ситуация будет наблюдаться до конца президентства Э. Макрона, а круг стран, вышедших из сферы влияния Франции, еще более расширится.

Ключевые слова: Африка, внешняя политика, безопасность, Франсафрик, подход трех D, Эммануэль Макрон

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 23-28-00418 «Постколониальный подход во внешней политике европейских стран в государствах Западной Африки: возможности для России».

Для цитирования: Чихачев А. Ю. Политика Франции на Сахаро-Сахельском направлении: завершение операции «Бархан» и поиски нового подхода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 3. С. 382–393. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-382-393>

© Чихачев А.Ю., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

France's Policy in the Sahara-Sahel Region: The End of Operation Barkhane and the Quest for a New Approach

Aleksei Y. Chikhachev

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

HSE University, Moscow, Russian Federation

 z.alexchikhachev@gmail.com

Abstract. This article explores France's strategy towards the Sahara-Sahel region in the aftermath of the Operation *Barkhane*. Based on the postulates of neoclassical realism and the method of comparative analysis, this study reveals the extent to which the plans declared by the French leadership are consistent with the practical steps taken by Paris in the region. It is noted that France's policy in this direction is usually associated with the neocolonial concept of "Françafrique," which seeks to maintain implicit control over former colonies through various means, particularly military ones. Like all his predecessors, President Emmanuel Macron has been criticized for pursuing this policy, yet he has tried to adapt it to the evolving circumstances. In this regard, the article addresses the research question about the degree of continuity in France's Africa policy at the present stage. On the one hand, it examines the efforts of the French leadership to break the deadlock of Operation *Barkhane* by implementing a comprehensive "3D" approach. However, the simultaneous efforts on the military, diplomatic and humanitarian tracks only fueled anti-French sentiment, while failing to ensure peace across the Sahel. On the other hand, the article examines the new strategy presented by Emmanuel Macron shortly after the start of his second presidential term. The latter implies a joint management of military bases, enhancing France's public image and deepening economic ties. However, most of these announcements lack some practical steps and have not prevented the further weakening of French positions, as evidenced by events in Niger during the summer of 2023. The article concludes that a negative continuity still prevails in the African policy of the Fifth Republic, which means the extension of the crisis and an inability to stop it. Overall, this situation is likely to persist until the end of Macron's presidency, with an increasing number of countries expected to leave the French sphere of influence.

Key words: Africa, foreign policy, security, Françafrique, 3D approach, Emmanuel Macron

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Acknowledgements. The study is prepared within the framework of the Russian Science Foundation grant no. 23-28-00418 "Postcolonial Trend in Foreign Policy of European Countries Towards Western Africa: Opportunities for Russia."

For citation: Chikhachev, A. Y. (2025). France's policy in the Sahara-Sahel region: The end of operation Barkhane and the quest for a new approach. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(3), 382–393. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-382-393>

Введение

На протяжении последних десятилетий одной из наиболее болезненных проблем во внешней политике Франции остается необходимость перестройки отношений со своими бывшими колониями на Африканском континенте, в том числе — в Сахаро-Сахельской зоне. Как отмечает политолог П. Бонифас, начиная с президента Ж. Помпиду (1969–1974 гг.) каждый глава Пятой республики регулярно обещает наладить равноправный диалог и подвести черту под стратегией «Франсафрик»¹. Последняя означает систему

неформальной опеки Елисейского дворца над франкоговорящими странами Африки южнее Сахары, действовавшую даже после получения теми формальной независимости. С практической точки зрения данная стратегия, встраиваясь в структурную власть коллективного Запада, опиралась на разнообразный инструментарий — от обучения местных элит в европейских вузах до проведения военных операций (Давидчук, Дегтерев, Сидибе, 2022). Используя каналы и возможности Министерства обороны, спецслужб, крупных энергетических корпораций и иных институций, Париж охотно вмешивался во

¹ Boniface P. La France en Afrique: un déclin relatif? // IRIS. 7 mars 2023. URL: <https://www.iris-france.org/>

174238-la-france-en-afrique-un-declin-relatif/ (accessed: 20.07.2023).

внутренние дела своих бывших колоний, оказывая поддержку одним правящим режимам и свергая другие, обеспечивая себе доступ к ресурсным месторождениям и рынкам сбыта. Кроме того, как замечает В.Н. Чернега, прочные позиции во франкофонной Африке и — конкретнее — в Сахаро-Сахельской зоне помогали Франции сохранять на континенте «более значительный геополитический вес по сравнению с другими государствами, имеющими примерно такой же или даже больший экономический потенциал» (Чернега, 2018, с. 104). Это позволяло демонстрировать остаточное великодержавное величие Франции, выступало козырем, благодаря которому Париж мог претендовать на более выгодное место в мировой иерархии. В этой связи при каждом президенте практики «Франсафрик» продолжали периодически использоваться, вступая в противоречие с основной примирительной риторикой. Среди последних известных «рецидивов» прежнего подхода — военные операции Пятой республики в Ливии (2011 г.) при Н. Саркози, в Мали (2013–2022 гг.) и Центральноафриканской Республике (ЦАР) (2013–2016 гг.) — при Ф. Олланде.

Не стало исключением и президентство Э. Макрона. С одной стороны, в течение своего первого срока на посту (2017–2022 гг.) он неоднократно обозначал желание открыть новую страницу в отношениях с Африкой. Был организован ряд символических шагов, включая возвращение ряда культурных ценностей из французских музеев и, прежде всего, попытки разделить бремя обеспечения безопасности в Сахаро-Сахельском регионе с местными и европейскими союзниками (Магадеев, 2022). С другой стороны, в этот период сохранялся фактор прямого военного присутствия Парижа в регионе в виде операции «Бархан», начатой еще при предшественнике Э. Макрона Ф. Олланде. Факт продолжения операции во многом подогрел антифранцузские настроения на местах, ведь борьба против джихадистских группировок в Сахаро-Сахеле стала восприниматься лишь в качестве предлога, под которым Париж рассчитывает сохранить элементы своего

влияния в русле все той же стратегии «Франсафрик»².

Как показали военные перевороты в 2020–2023 гг. в ряде стран региона, недовольство населения стало благодатной почвой для прихода к власти сил, более не ориентирующихся на Париж и даже потребовавших вывода французских войск с территории своих стран. Вследствие комплекса политических, военно-технических и бюджетных факторов второй президентский мандат Э. Макрона ознаменовался официальным завершением операции «Бархан» (ноябрь 2022 г.) и большой пресс-конференцией в Елисейском дворце (февраль 2023 г.), в ходе которой он представил контуры обновленной стратегии Франции. В свете вышеописанных обстоятельств выглядит актуальным исследовательский вопрос о степени преемственности в политике Парижа на данном направлении: начались ли в ней сущностные перемены или же политические декларации вновь останутся без практической реализации?

Следует заметить, что в контексте неудач «Бархана» современные отношения Франции со странами Сахаро-Сахеля и некоторыми другими государствами Африки уже неоднократно становились предметом интереса исследователей. Так, помимо нескольких уже упомянутых авторов, этим сюжетом занимался А.С. Сидоров, заключивший, что к 2022 г. Париж упустил момент для безболезненного ухода из Сахеля (Сидоров, 2021; 2022). Со своей стороны, В.Р. Филиппов выявил спектр причин, приведших к кризису стратегии «Франсафрик», и особенности отдельных визитов Э. Макрона на континент (Филиппов, 2020; 2022a; 2022b). Еще в 2020 г. эксперт из Института исследования развития (*Institut de recherche pour le développement*, IRD) М.-А. Перуз де Монкло назвал сахельский конфликт «проигранной войной Франции», приведшей к результатам, противоположным

² Antil A., Vircoulon T., Giovalucchi F. *Thématiques, acteurs et fonctions du discours anti-français en Afrique francophone* // IFRI. 14 juin 2023. URL: <https://www.ifri.org/fr/publications/etudes-de-lifri/thematiques-acteurs-fonctions-discours-anti-francais-afrique> (accessed: 20.07.2023).

ожидавшимся (Pérouse de Montclos, 2020b). Специалисты Французского института международных отношений (*Institut français des relations internationales*, IFRI) Л. Бансет и Э. Тененбаум предложили разнообразные шаги, которые было бы целесообразно принять на этапе после «Бархана», включая формулирование более четкой иерархии приоритетов и оптимизацию системы управления войсками³.

Несмотря на массив исследований, следует констатировать, что пока не нашли широкого аналитического осмысления заявления Э. Макрона от февраля 2023 г. о грядущей перестройке стратегии, а также последовавшая за ними очередная поездка на континент.

Отчасти заполняя указанную лауну, данное исследование нацелено на выявление соотношения преемственности и перемен во внешней политике Франции на африканском направлении (с преимущественным вниманием к Сахаро-Сахельской зоне). Отсюда вытекает логическая структура исследования, требующая, с одной стороны, напомнить специфику французской стратегии в 2017–2022 гг., а с другой — обобщить новые приоритеты Франции в Африке, анонсированные в начале второго срока Э. Макрона.

В методологическом плане работа опирается на использование сравнительного анализа, позволяющего сопоставить декларируемые руководством Пятой республики планы с реальным ходом событий на обоих отрезках. Для придания статье смысловой целостности приоритетный акцент делается на политических и военных аспектах в русле неоклассического реализма, хотя при этом значимость иных форм французского присутствия не отрицается.

Гипотезой исследования выступает сообщение о том, что в сахаро-сахельской и — шире — африканской политике Парижа продолжает действовать накопленная за десяти-

летия сила инерции бывшего великодержавного статуса и престижа, и в этой связи говорить о ее «постколониальном» повороте как о свершившемся факте еще рано. Под «постколониализмом» в данном случае понимается, согласно классификации И.Д. Лошкарёва, состояние взаимозависимости, при котором западные страны и их бывшие колонии осуществляют динамическое, нелинейное воздействие друг на друга (Лошкарёв, 2022).

Попытки урегулирования в Сахеле: подход «3D»

Необходимо отметить, что до своего завершения сахельская экспедиция являлась наиболее крупной зарубежной операцией французской армии на протяжении 2010-х гг. и одной из самых масштабных за весь период после окончания холодной войны. Так, в зоне ответственности операции «Бархан» находились четыре государства — Мавритания, Буркина-Фасо, Нигер и Чад; ее стоимость составляла порядка 700 млн евро в год, а число военнослужащих в среднем оставалось на уровне 4–5 тыс. человек в течение почти всех восьми лет проведения⁴. Кроме того, к этому контингенту добавлялись и «силы присутствия» в Габоне, Кот-д’Ивуаре и Сенегале (в совокупности около 1,5 тыс. человек), а также оперативная группа «Сабр» (*Task Force Sabre*) с отдельной базой в Буркина-Фасо. Задачами операции провозглашались поддержание территориальной целостности сахельских стран, борьба со всем спектром террористических группировок, а также обучение местных армий (Магадеев, 2022).

Следует отметить, что французская группировка не была здесь единственной внерегиональной силой: в частности, параллельно проводились Многопрофильная комплексная миссия Организации Объединенных Наций по стабилизации в Мали (МИНУСМА) и Миссия Европейского союза (ЕС) по обучению в Мали (*European Union Training Mission*

³ Tenenbaum E., Bansept L. Après Barkhane: repenser la posture stratégique française en Afrique de l’Ouest // Focus stratégique. 2022 (Mai). No. 109. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/migrated_files/documents/atoms/files/bansept_tenenbaum_apres_barkhane_2022.pdf (accessed: 21.07.2023).

⁴ Чихачев А. Не выходя из тупика: политика Франции в Сахеле // Франко-российский аналитический центр Обсерво. 19.10.2020. URL: <https://obsfr.ru/analytics/blogs/12091/> (дата обращения: 24.07.2023).

in Mali, EUTM), а на территории Нигера находились элементы вооруженных сил США. Однако именно Пятая республика взяла на себя ключевую роль «станового хребта», «несущей конструкции» «любого военного присутствия в Сахеле и Западной Африке» (Сидоров, 2022, с. 100).

«Унаследовав» операцию «Бархан» от президента Ф. Олланда, действующее руководство страны увидело ключ к ее успешному завершению в последовательной реализации так называемого «подхода ОДР» — обороны, дипломатии и развития (во французской транскрипции — «3D»: *défense, diplomatie, développement*).

Как поясняет эксперт Французского института международных отношений Ф. Гольм, суть данной триады состоит в попытке урегулировать конфликт на комплексной основе, не только найдя для него сугубо военное решение, что было бы приоритетом во времена «Франсафрик», но и устранив глубинные причины его зарождения⁵. Это означает, что, не прекращая борьбу с джихадистами своими средствами, Франция активнее работала бы еще и над консолидацией союзников в регионе (к которым на момент прихода Э. Макрона к власти относились члены «Сахельской пятерки» — Мавритания, Мали, Нигер, Чад и Буркина-Фасо), привлечением дружественных внешних сил, а также поиском финансирования для гуманитарных проектов. С практической точки зрения предполагалось, прежде всего, наладить более тесную кооперацию между основными ведомствами, курирующими каждое из трех направлений, — Генштабом, МИД и Французским агентством развития (*Agence Française de Développement, AFD*). Также речь шла о намерении добиваться взаимодействия в работе различных международных инстанций, так или иначе вовлеченных в урегулирование сахельского конфликта, будь то ООН, Африканский союз (АС) или Экономическое сообщество стран Западной Африки

⁵ Gaulme F. Emmanuel Macron et l'Afrique. La vision et l'héritage // IFRI. Janvier 2019. P. 22. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/migrated_files/documents/atoms/files/gaulme_macron_afrique_2019.pdf (accessed: 24.07.2023).

(ЭКОВАС). Согласно мнению Ф. Гольма, схожий подход еще в начале 2000-х гг. пытались применять США в Афганистане и Ираке и Великобритания — в Сьерра-Леоне, и только в последнем случае можно было констатировать частичный успех. Тем не менее, как резюмировал военный эксперт Э. Фелю, с точки зрения интересов Франции схема «3D» все равно выглядела предпочтительнее по сравнению с полным игнорированием ситуации в Сахеле и быстрым выводом войск⁶.

Действительно, Э. Макрон считал необходимым следовать этому подходу на всем протяжении своего первого срока, что раз за разом декларировалось им на многочисленных встречах с лидерами африканских стран и нашло отражение в ряде инициатив.

Касаясь лишь некоторых примеров, следует уточнить, что на первом направлении — в сфере обороны — существенные усилия были направлены, прежде всего, на формирование общего контингента стран «Сахельской пятерки» (Махмутова, 2021). Основной замысел в отношении этой структуры сводился к тому, чтобы африканские военные, пройдя через обучение у европейских инструкторов, смогли выступить действенной силой в борьбе с терроризмом, постепенно подменяя собой «Бархан».

Развертывание контингента, разделенного на семь батальонов по 650 человек, началось в 2017 г., тогда же этот контингент впервые приступил к антитеррористическим мероприятиям (Desgrais, 2018). По приблизительным оценкам, ежегодные затраты на эти силы должны были превышать 400 млн евро, собрать которые предполагалось с помощью зарубежных доноров (Евросоюза, США, монархий Персидского залива и др.)⁷. Общая штабная структура, возглавляемая

⁶ Phelut E. Développement et stratégie de sortie de crise: anticiper pour s'articuler sans se confondre // Les Cahiers de la Revue Défense Nationale. 2019. P. 75–89. URL: <https://www.defnat.com/e-RDN/vue-article-cahier.php?article=142&cidcahier=1188> (accessed: 02.10.2024).

⁷ Charrier A. G5 Sahel: les Saoudiens apportent 100 millions de dollars à la force conjointe // France24. 13 decembre 2017. URL: <https://www.france24.com/fr/20171213-france-paris-afrique-g5-sahel-mali-niger-burkina-faso-tchad-mauritanie-arabie-saoudite> (accessed: 18.11.2023).

командующими из пяти государств попеременно, была развернута на территории Мали⁸, а в Мавритании открылось совместное училище для подготовки офицерского состава⁹.

Параллельно с этим на втором — дипломатическом — треке обращали на себя внимание попытки Парижа глубже вовлечь в урегулирование сахельского конфликта партнеров по Европейскому союзу. Это вполне отвечало стратегии Евросоюза по стабилизации ситуации в Сахеле, характеризовавшейся «стремлением реализовать свой потенциал в качестве глобального актора безопасности, желанием ограничить приток мигрантов и сохранить контроль над местными ресурсами» (Бокерия, 2022, с. 130). Как отмечает немецкий эксперт Д. Туль, данное направление вызвало парадоксальный на первый взгляд интерес даже среди малых стран Европы, рассчитывавших, что их помощь Пятой республике в Сахеле обернется ответным расширением активности французских войск в Прибалтике¹⁰. В свою очередь, для Парижа присутствие европейцев в Сахеле позволяло отработать предпочтительную для себя роль «рамочной нации» — одно из первых подлинно боевых, а не декларативных проявлений оборонной интеграции в ЕС (Antouly, 2023). За время проведения операции «Бархан» в ее расположении появлялись небольшие контингенты из Великобритании, Швеции, Дании и др., параллельно в 2020 г. была запущена миссия специальных сил «Такуба» (около 600 военнослужащих из Швеции, Эстонии, Чехии, Румынии и др.). Данная

миссия должна была действовать в стратегически значимом районе Липтако-Гурма, где смыкаются государственные границы Мали, Нигера и Буркина-Фасо.

Кроме военных и дипломатических шагов значимым проявлением принятой концепции стало третье направление — модернизация Францией своей политики помощи развитию. По инициативе дипломатического ведомства в 2021 г. был принят рамочный закон, устанавливающий новую бюджетную траекторию: с 2022 г. Пятая республика планировала выделять на донорскую помощь 0,55 % ВВП (вместо привычных 0,3–0,4 %), а с 2025 г. предполагалось выполнять рекомендуемый для передовых стран показатель в 0,7 %¹¹. Приоритетными для поддержки обозначены сферы здравоохранения, образования, энергоперехода и гендерного равенства, а основными получателями средств — франкофонные страны Западной Африки. Кроме того, Париж инициировал создание ряда международных площадок как для реализации донорских проектов, так и по смежным вопросам: «Альянс в интересах Сахеля» (платформа — агрегатор денежной помощи), Партнерство ради безопасности и стабильности в Сахеле (укрепление судебных систем) и Динарское партнерство (борьба с незаконными трафиками оружия и наркотиков). В 2020 г. при поддержке ООН, ЕС, АС и Международной организации Франкофонии была учреждена так называемая «Сахельская коалиция» — зонтичный формат, который должен был увязать в единый комплекс все предыдущие инициативы и синхронизировать их с другими направлениями стратегии «трех D».

Тем не менее, как уже неоднократно обсуждалось экспертами (Давидчук, Дегтерев, Сидибе, 2022; Сидоров, 2022; Филиппов, 2022а; 2023), эффективность французского подхода оказалась весьма иллюзорной в связи с целым рядом хронических проблем.

⁸ Maxwell E. Headquarters of G5 Sahel Anti-Terror Force Attacked in Central Mali // France24. June 29, 2018. URL: <https://www.france24.com/en/20180629-attack-mali-g5-sahel-military-base> (accessed: 18.11.2023).

⁹ Formation des officiers d'Etat-Major de la Force Conjointe à Nouakchott // EUCAP Sahel Mali. 26 septembre 2019. URL: https://www.eas.europa.eu/eucap-sahel-mali/formation-des-officiers-d%E2%80%99etat-major-de-la-force-conjointe-%C3%A0-nouakchott_fr (accessed: 18.11.2023).

¹⁰ Tull D. M. Ad-hoc-Koalitionen in Europa: Der Sahel als Katalysator europäischer Sicherheitspolitik? // SWP-Studie. 2022. No. 8. URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/sahel-ad-hoc-koalitionen-in-europa> (accessed: 26.07.2023).

¹¹ Loi n° 2021–1031 du 4 août 2021 de programmation relative au développement solidaire et à la lutte contre les inégalités mondiales (1) // Légifrance. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000043898536> (accessed: 18.11.2023).

В их число вошли умелое использование джихадистами тактики партизанской войны (Lounnas, 2019; Bagayoko, 2024); растянута коммуникаций французских войск; отсутствие активной поддержки миссии «Такуба» со стороны ФРГ (Трунов, 2023); нагромождение инициатив и общая неэффективность проектов по международному развитию; скептическое отношение Парижа к перспективе проведения переговоров с противником (Rérouse de Montclos, 2020a) и многое другое. Главное же препятствие, как упоминалось выше, состояло в потере поддержки «на земле» — отторжении любых действий Парижа из-за их подспудной направленности на сохранение прежних порядков времен «Франсафрик» (Pouillieute, 2023).

Согласно исследованиям самих же западных аналитиков, антифранцузские настроения ныне транслируют не только властные элиты, но и активно тиражирует молодежь в социальных сетях, а также разделяют интеллектуалы и гражданские активисты¹². В свою очередь, руководство Пятой республики, как прослеживается по сенатскому докладу об итогах операции «Бархан», поначалу предпочло игнорировать истоки проблемы, объясняя деградацию своего образа на континенте не собственными просчетами, а, главным образом, внешним влиянием¹³. В действительности же уместнее было бы говорить о более масштабном процессе, отражением которого стало снижение популярности Франции и ее политики, — росте субъектности африканских стран, укреплении их стремления к «формированию многополярной демократической модели и отказу от конфронтации между крупнейшими мировыми державами по типу новой холодной войны» (Косачев,

2023, с. 46). В ходе второго срока Э. Макрону предстояло определить, согласится ли Париж с новой реальностью или продолжит следовать прежней логике, пытаясь удерживать остаточные элементы влияния.

Контур стратегии после окончания операции «Бархан»

Немаловажным сигналом о возможных изменениях в стратегии Франции послужило решение руководства страны на завершающем этапе операции «Бархан» заказать специальный доклад о будущем франко-африканских отношений. Текст был опубликован в октябре 2021 г. накануне очередного саммита «Франция — Африка» под заголовком «Новые отношения Африки и Франции: вместе преодолеть вызовы завтрашнего дня»¹⁴. Роль главного редактора документа была предложена камерунскому интеллектуалу А. Мбембе, одному из разработчиков постколониального подхода в теории международных отношений и давнему противнику методов «Франсафрик» (Mbembe, 2021). Выбор такой фигуры, по всей видимости, должен был еще раз подчеркнуть готовность бывшей метрополии прислушаться к голосам скептиков и пойти на давно обещанный перезапуск диалога с континентом.

Оставляя подробный разбор доклада для отдельного исследования, уместно обратить внимание, что современные зарубежные операции Франции назывались в нем преемственным продолжением «долгой истории имперской идеологии»¹⁵, восходящей еще к XIX столетию. По тексту проводилась мысль о том, что Париж по различным причинам привык искусственно удерживать франкофонную часть Африканского континента в плену внутренних расколов, отказывая в «легитимных устремлениях африканских народов распоряжаться самими собой»¹⁶.

¹² Antil A., Vircoulon T., Giovalucchi F. Thématiques, acteurs et fonctions du discours anti-français en Afrique francophone // IFRI. 14 juin 2023. URL: <https://www.ifri.org/fr/publications/etudes-de-lifri/thematiques-acteurs-fonctions-discours-anti-francais-afrique> (accessed: 20.07.2023).

¹³ Quel bilan pour l'opération Barkhane? Rapport d'information № 708 (2022–2023), déposé le 7 juin 2023 // Sénat. URL: <https://www.senat.fr/rap/r22-708/r22-708.html> (accessed: 28.07.2023).

¹⁴ Mbembe A. Les nouvelles relations Afrique — France: relever ensemble les défis de demain // Elysee. Octobre 2021. URL: <https://www.elysee.fr/admin/upload/default/0001/11/47114246c489f3eb05ab189634bb1bf832e4ad4e.pdf> (accessed: 28.07.2023).

¹⁵ Ibid. P. 86.

¹⁶ Ibid. P. 87.

Такой подход в корне противоречит их запросу на самостоятельные решения, поэтому авторы призвали как минимум пересмотреть французскую модель военного присутствия в сторону большей автономности для африканских партнеров, если не отказаться от этого присутствия полностью.

Как показало время, постколониальная идея из доклада А. Мбембе отчасти была услышана французскими властями. В феврале 2023 г. — спустя полтора года после саммита, через три месяца после официального окончания операции «Бархан» и как раз накануне очередного африканского турне Э. Макрона — в Елисейском дворце состоялась пресс-конференция, на которой были обозначены новые контуры французского подхода. Глава государства вновь повторил известный тезис о том, что прежней «стратегии Франции более не существует» и он вовсе «не испытывает ностальгии по „Франсафрик“», на смену которой, тем не менее, не должна «прийти пустота»¹⁷. Исходя из этого, президент анонсировал корректировку курса — своего рода второе издание стратегии «3D».

Во-первых, Париж продолжит поддержку местных вооруженных сил с упором не столько на «Сахельскую пятерку» (фактически распавшуюся после переворотов 2022–2023 гг.), сколько на «африканизацию» своих военных баз. Под этим подразумевается, что количество французских военнослужащих на континенте должно быть сокращено, а имеющиеся военные объекты переведены в совместное с африканскими армиями управление. Опорные пункты Пятой республики (в самом Сахара-Сахеле уже во многом потерянные, но еще сохраняющиеся в других франкофонных странах Африки — Сенегале, Кот-д’Ивуаре и Габоне) превратятся из закрытых зон в «академии», где местные солдаты и офицеры будут проходить дополнитель-

ное обучение и получать экипировку. Такое взаимодействие, подчеркнул Э. Макрон, будет развиваться исключительно на основе запросов самих принимающих стран, без односторонних указаний¹⁸. Париж больше не считает необходимым вмешиваться в любой конфликт автоматически на правах «жандарма». В более широком смысле стратегия Франции на континенте должна фокусироваться не только на Сахеле и вопросах безопасности, но охватывать другие регионы и темы. Вместе с тем, как несколько раз повторил президент, о полном выводе войск речи все равно не идет: французское военное присутствие должно лишь меньше «бросаться в глаза»¹⁹.

Во-вторых, параллельно с официальной дипломатической работой повышается значимость «коммуникативного наступления» — формирования в информационном пространстве положительных нарративов о действиях Пятой республики, в том числе в сфере безопасности. Как отметил президент, немаловажная проблема заключается в том, что государственные ведомства, бизнес и неправительственные структуры нередко говорят с африканцами обособленно друг от друга²⁰. Вместо этого необходима единая «сборная Франции», продвигающая целостный нарратив, в котором бы откровенно признавались ошибки и ясно обозначались ее преимущества по сравнению с конкурентами. Говоря единым голосом, Пятая республика могла бы четче обозначать свои интересы и защищать их. Данное требование также должно коснуться армии, поскольку борьба за информационное влияние зафиксирована в качестве новой долгосрочной задачи вооруженных сил в Стратегическом национальном обзоре 2022 г.²¹

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

²¹ Revue nationale stratégique 2022 // Secrétariat général de la défense et de la sécurité nationale. P. 24. URL: <https://www.sgdsn.gouv.fr/files/files/Revue%20nationale%20strat%C3%A9gique%20-%20Fran%C3%A7ais.pdf> (accessed: 18.11.2023).

¹⁷ Le Partenariat Afrique — France: discours du Président à la veille de son déplacement en Afrique centrale // Elysee. 27 février 2023. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2023/02/27/discours-du-president-de-la-republique-dans-la-perspective-de-son-prochain-deplacement-en-afrique-centrale> (accessed: 30.07.2023).

В-третьих, обозначено намерение придать импульс экономическим связям Парижа с континентом, которые сократились за последние 20 лет в два раза (с 15 до 7,5 % по доле Франции на рынке)²². По замечанию Э. Макрона, французскому бизнесу пора отвыкнуть от времен «колониальной ренты», когда тот получал выгодные контракты просто в силу страны своего происхождения. Пятой республике, как и всем другим державам, предстоит включиться в международную конкуренцию и отыскать ниши, в которых она действительно могла бы предложить Африке нечто уникальное. В этом отношении глава государства возложил надежды на креативный потенциал предпринимателей — выходцев из диаспор, а также на сотрудничество по линии ЕС — Африка. Приоритетными сферами последнего должны стать, в частности, климат и энергопереход, а также развитие крупных инфраструктурных проектов в рамках инициативы Евросоюза «Глобальные ворота». Активизация экономического сотрудничества при этом не отменяет «солидарных инвестиций» в сфере международного развития — этот компонент из стратегии «3D» планируется сохранять и далее²³.

Логично предположить, что подобная риторика со стороны первого лица требовала дальнейшего подтверждения в виде тех или иных практических шагов. Так, сразу после указанной пресс-конференции Э. Макрон отправился в турне, предполагавшее визиты в Габон, Анголу, Республику Конго и Демократическую Республику Конго. В ходе турне, в частности, президент Франции посе-

тил климатический саммит «Один лес», будто подтверждая готовность Франции диверсифицировать круг тем для взаимодействия с континентом²⁴. Тогда же своей должности лишился советник президента по африканским делам Ф. Пари, с 2017 г. стоявший у истоков использования подхода «3D», а посол в Гане А.-С. Аве, напротив, была назначена на созданный пост спецпредставителя президента по публичной дипломатии в Африке. Однако каких-либо еще новаций пока все же не наблюдалось. В частности, за прошедшее с тех пор время так и не были конкретизированы параметры «африканизации» военных баз и публично не сообщалось о каких-либо переменах в системе командования французским контингентом. К тому же новые приоритеты, устно обозначенные Э. Макроном, не получили официального оформления в виде отдельного документа.

На этом фоне своих местных союзников Париж продолжил терять с возрастающей скоростью: лидер Сенегала М. Саль отказался баллотироваться на третий срок, а президент Нигера М. Базум потерял власть в результате переворота в июле 2023 г. В последнем случае неясными оказались перспективы разработки Францией урановых месторождений на севере страны, а также обнаружилась консолидация путчистов с Бамако и Уагадугу (вместе с которыми Нигер покинул «Сахельскую пятерку» и учредил отдельный формат — Альянс государств Сахеля). Соответственно, быстро начал размываться смысл и двух других приоритетов обновленной стратегии, поскольку говорить в таком контексте о каких-либо успехах Парижа в «коммуникативном наступлении» и экономической конкуренции явно не приходилось.

К слову, ситуация вокруг Нигера продемонстрировала, что спектр конкурентов Франции в Африке даже шире, чем может показаться на первый взгляд: это не только незападные игроки, на растущую активность которых французское руководство привыкло

²² Gaymard H. Relancer la présence économique française en Afrique: l'urgence d'une ambition collective à long terme // Ministère de l'Économie, des Finances et de la Souveraineté industrielle et numérique. Avril 2019. P. 7. URL: https://www.economie.gouv.fr/files/files/2019/PDF/Relancer_la_presence_economique_francaise_en_Afrique_-_Rapport_de_M._Herve_Gaymard.pdf (accessed: 18.11.2023).

²³ Le Partenariat Afrique — France: discours du Président à la veille de son déplacement en Afrique centrale // Élysée. 27 février 2023. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2023/02/27/discours-du-president-de-la-republique-dans-la-perspective-de-son-prochain-deplacement-en-afrique-centrale> (accessed: 30.07.2023).

²⁴ One Forest Summit au Gabon // Élysée. 2 mars 2023. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2023/03/02/one-forest-summit-au-gabon> (accessed: 18.11.2023).

ссылаться, но и, например, США. Так, пока Париж был вынужден вывести к концу 2023 г. свои войска из Нигера и даже закрыть посольство, американские военнослужащие (на базе беспилотников в г. Агадес) и дипломаты такой участи пока избежали. Хотя Вашингтон классифицировал случившееся в Нигере как переворот, он по-прежнему давал понять, что заинтересован в военных контактах с этой страной, кто бы ни находился там у власти²⁵. В парламентском докладе от ноября 2023 г. французские депутаты Б. Фюкс и М. Табаро выделяли в качестве тревожной для Пятой республики тенденции рост количества визитов официальных лиц США на континент, расширение финансирования помощи развитию, а также укрепление экономических связей США с африканскими странами²⁶.

С учетом всего сказанного выше уместно сделать вывод, что кардинальная перестройка отношений с Африкой остается пока лишь декларацией, а не реально запущенным процессом. Согласно превалирующей среди африканских экспертов точке зрения, вместо изменений по существу Елисейский дворец предпочел лишь внешне отретушировать свой подход, отыграть упущенную популярность декларативными приемами, в действительности отнюдь не собираясь отказываться от прежних целей²⁷. Однако, как замечает Ф. Джовалуччи, поступать иначе Э. Макрон попросту не имеет возможности, ведь, например, заявление о быстром закрытии баз вместо искусственно растянутой «афри-

канизации» вызовет дополнительную напряженность в отношениях с оставшимися союзниками, а также вряд ли будет поддержано силовиками в самой Франции²⁸.

Показательно, что, помимо африканского направления, армейские круги в это же время столкнулись с доминированием риторики над конкретикой со стороны политического руководства при разработке нового закона о военных расходах до 2030 г. Принятый в июле 2023 г., он преподносился как начало перехода Франции на рельсы «военной экономики», но в итоге оказался лишен каких-либо резких новаций по сравнению с более ранними документами (Чихачев, 2023). Вопрос о реформатировании военного присутствия в странах Африки в нем обговаривался лишь косвенно, а закупки военной техники, используемой в том числе на африканском театре, будут продолжаться теми же темпами, что и ранее.

Вместо заключения: перспективы политики Франции в Сахаро-Сахельском регионе

Отвечая на вопрос, поставленный в начале исследования, следует признать справедливой изначальную гипотезу и заключить, что при президенте Э. Макроне в африканской политике Франции все же продолжает доминировать преемственность. Она выражается тем, что, транслируя лозунги о конце «Франсафрик», Франция тем не менее стремится сохранить в модернизированном виде ее отдельные элементы — прежде всего, военное присутствие (что не исключает сопутствующей активности в других сферах, в том числе помощь развитию). Однако описанную устойчивость курса едва ли можно назвать положительной чертой: избавиться от ассоциаций с неокOLONIALНОЙ стратегией «Франсафрик» по-прежнему не удастся, и позиции Парижа на континенте продолжают ослабевать, несмотря на (или теперь скорее вследствие) использование «жесткой силы»

²⁵ US Plans to Resume Partnership with Niger, Diplomat Says // Reuters. December 13, 2023. URL: <https://www.reuters.com/world/africa/us-plans-resume-partnership-with-niger-diplomat-says-2023-12-13/> (accessed: 19.01.2024).

²⁶ Rapport d'information sur les relations entre la France et l'Afrique // Assemblée nationale. 8 novembre 2023. URL: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/16/rapports/cion_afetr/l16b1841_rapport-information#_Toc256000114 (accessed: 19.01.2024).

²⁷ Donmez A. E. Experts: La France n'est pas en mesure de mettre en œuvre sa nouvelle stratégie pour l'Afrique // Anadolu. 8 mars 2023. URL: <https://www.aa.com.tr/fr/afrique/experts-la-france-nest-pas-en-mesure-de-mettre-en-%C5%93uvre-sa-nouvelle-strat%C3%A9gie-pour-lafrique/2840423> (accessed: 01.08.2023).

²⁸ Giovalucchi F. La retraite d'Afrique d'Emmanuel Macron // Esprit. Mars 2023. URL: <https://esprit.presse.fr/actualites/francois-giovalucchi/la-retraite-d-afrique-d-emmanuel-macron-44560> (accessed: 01.08.2023).

(Африканский вектор внешней политики Франции..., 2024).

Как и его предшественники, Э. Макрон столкнулся с дилеммой, в рамках которой прежние инструменты влияния все меньше соответствуют реалиям, но и полное сворачивание присутствия стало бы слишком сильным ударом по французским интересам и престижу. С 2017 г. глава государства пробует найти промежуточные решения, но и они не лишены недостатков: подход «3D» не остановил расширение антифранцузских настроений и не позволил успешно урегулировать конфликт в Сахеле, а приоритетам, представленным в феврале 2023 г., еще предстоит получить практическое наполнение. По итогам операции «Бархан» французская дипломатия в Сахаро-Сахельском регионе в частности и в Африке в целом потеряла свой главный козырь — возможность выступать эффективным поставщиком безопасности.

Представляется, что в перспективе ближайших нескольких лет африканская политика Пятой республики последует по инерционному сценарию — с постепенным углублением и расширением кризиса. В частности, не исключено выпадение из орбиты

Елисейского дворца по принципу домино еще нескольких партнеров (в том числе за пределами Сахаро-Сахеля), у которых назревает или еще не решена проблема транзита власти (Кот-д’Ивуар, Сенегал, Камерун). Вероятной реакцией со стороны Парижа может стать стремление, не прибегая к масштабным военным операциям, сохранить подспудное присутствие через инструменты «мягкой силы» и экономические механизмы.

Также следует ожидать частичного разворота Парижа в сторону нефранкофонной Африки, где фактор колониального прошлого Пятой республики ощущается не столь остро. Такой вариант Э. Макрон обозначил еще в ходе своего первого срока, посетив Эфиопию, Кению и Южно-Африканскую Республику (2019–2021 гг.), а затем подтвердил в начале второго мандата (ангольский этап турне в марте 2023 г.). Тем не менее очевидно, что по мере ослабления позиций Франции продолжит расширяться окно возможностей для незападных игроков, включая Россию, Китай и Турцию. Более того, как показала ситуация в Нигере, неудачами Парижа будут стремиться воспользоваться и его союзники по западному лагерю, прежде всего США.

Поступила в редакцию / Received: 30.08.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 19.10.2024

Принята к публикации / Accepted: 10.06.2025

Список литературы

- Африканский вектор внешней политики Франции: трудное расставание с «Франсафрик» / отв. ред. С. М. Фёдоров. Москва: Институт Европы РАН, Изд-во «Весь Мир», 2024. URL: <https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/monografii/2024/avfp.pdf> (дата обращения: 14.04.2025).
- Бокерия С. А. Миротворческие операции в Мали в контексте трансформации стратегии ЕС в Сахеле // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 2. С. 126–144. EDN: DTKQLR
- Давидчук А. С., Дегтерев Д. А., Сидибэ О. Военное присутствие Франции в Мали: структурная власть субимперии «коллективного Запада» // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 50–78. <https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.03>; EDN: ZUUBRN
- Косачев К. И. Роль Африки в новой системе международных отношений // Проблемы национальной стратегии. 2023. № 3. С. 44–53. EDN: JWDLIF
- Лошкарёв И. Д. Постколониализм в международных исследованиях: два лика теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 4. С. 659–670. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-659-670>; EDN: VNRHVQ
- Магадеев И. Э. Многосторонность как вынужденная необходимость? Эволюция французской политики в Субсахарской Африке: преемственность и новизна // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2022. Т. 17, № 1. С. 114–128. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-01-05>; EDN: OUVCS

- Махмутова М. И. «Сахельская пятерка»: институты, финансирование, международное сотрудничество // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 2. С. 187–205. https://doi.org/10.52311/2079-3359_2021_2_187; EDN: JIBGJI
- Сидоров А. С. Военно-политический баланс возможностей Франции в Сахеле: этапы и механизмы выхода с ТВД // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 79–108. <https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.04>; EDN: TOOPLM
- Сидоров А. С. Стратегический тупик в Сахеле: от встречи в По до встречи в Нджамене // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2021. № 62. С. 22–27. EDN: MFYVSV
- Трунов Ф. О. Моделирование участия страны в урегулировании международных конфликтов: кейс действий ФРГ в Мали // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 1. С. 48–66. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-48-66>; EDN: VAAHWL
- Филиппов В. Р. «Плохая новость» для Эммануэля Макрона // Азия и Африка сегодня. 2020. № 4. С. 4–12. <https://doi.org/10.31857/S032150750009087-7>; EDN: SUDBQG
- Филиппов В. Р. Африканская политика президента Франции Э. Макрона : хроника действий и эволюция идей (2017–2022 гг.). Москва : Институт Африки РАН, 2023. EDN: VAGWFL
- Филиппов В. Р. Африканская политика Эммануэля Макрона // Ученые записки Института Африки РАН. 2022а. № 1. С. 31–48. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2022-58-1-31-48>; EDN: OPFXTR
- Филиппов В. Р. Операция «Бархан»: бесславное завершение? // Азия и Африка сегодня. 2022b. № 1. С. 40–47. <https://doi.org/10.31857/S032150750018297-8>; EDN: HCZAKP
- Чернега В. Н. Франция и вооруженные конфликты в Африке // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 4. С. 103–115. EDN: YLGCGI
- Чихачев А. Ю. Военная политика Франции: «Коперниканская революция» или сохранение преемственности? // Современная Европа. 2023. № 2. С. 87–99. <https://doi.org/10.31857/S0201708323020079>; EDN: OUQZZV
- Antouly J. Ruptures et continuités dans l'interventionnisme français en Afrique. Retour sur l'échec de Takuba au Mali // Annuaire français de relations internationales / dir. par J.-V. Holeindre, J. Fernandez. Paris : Editions Panthéon-Assas, 2023. P. 289–302. <https://doi.org/10.3917/epas.ferna.2023.01.0289>
- Bagayoko N. L'armée française au Sahel: un corpus doctrinal à l'épreuve // Politique étrangère. 2024. Vol. 241, no. 1. P. 121–135. <https://doi.org/10.3917/pe.241.0121>; EDN: OSEBOD
- Desgrais N. La Force conjointe du G5 Sahel ou l'émergence d'une architecture de défense collective propre au Sahel // Les Champs de Mars. 2018. Vol. 30, no. 1. P. 211–220. <https://doi.org/10.3917/lcdm.030.0211>
- Lounnas D. Le djihadisme au Sahel après la chute de Daech // Politique étrangère. 2019. No. 2. P. 105–114. <https://doi.org/10.3917/pe.192.0105>
- Mbembe A. Out of the Dark Night : Essays on Decolonization. New York : Columbia University Press, 2021. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.7312/mbem16028> (accessed: 14.04.2025).
- Pérouse de Montclos M.-A. Faut-il négocier avec les djihadistes au Sahel? // Politique étrangère. 2020a. No. 1. P. 175–187. <https://doi.org/10.3917/pe.201.0173>; EDN: BUPXUF
- Pérouse de Montclos M.-A. Une guerre perdue. La France au Sahel. Paris : J.-C. Lattès, 2020b.
- Pouillieute A. Le sentiment anti-français en Afrique // Revue Défense Nationale. 2023. Vol. 860, no. 5. P. 20–26. <https://doi.org/10.3917/rdna.860.0020>; EDN: JCCYMY

Сведения об авторе:

Чихачев Алексей Юрьевич — кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет; Российская Федерация, 191060, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3; ведущий эксперт Института мировой военной экономики и стратегии, НИУ ВШЭ; Российская Федерация, 199017, ул. Малая Ордынка, д. 17; eLibrary SPIN-код: 6319-3967; ORCID: 0000-0002-7648-8087; e-mail: alexchikhachev@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-3-394-405

EDN: UJXDTG

Научная статья / Research article

Государства-«мосты» в международных отношениях на примере Сингапура и Индонезии

И.Д. Лошкарёв , И.С. Копытцев

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

ivan1loshkariov@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено анализу теоретических и практических аспектов использования деривативной силы в международных отношениях и концепции страны-«моста» — связующего звена между различными, в том числе и враждебными, центрами силы, опирающегося на свое промежуточное положение как конкурентное преимущество на мировой арене. Рассматривая подобные государства в качестве акторов, наиболее активно и эффективно использующих деривативную силу, авторы выявляют специфику циркуляционного подхода к феномену силы в международных отношениях и черты, присущие стране-«мосту». В рамках трех аспектов — политико-географического, историко-культурного и статусно-легитимного — в качестве характеристик, присущих государствам-«мостам», выделяются сбалансированность внешнеполитического курса по отношению к крупным государствам или группам с их участием, отсутствие прямых региональных угроз, этнокультурный плюрализм, а также внутреннее и внешнее принятие и признание посреднического статуса государств-«мостов». В теоретической части исследования также объяснены различия и сходства между нейтральным государством и страной-«мостом», что в значительной степени упрощает понимание последней категории. Опираясь на сравнительно-сопоставительный метод, в рамках которого проанализировано девять отличительных черт государств-«мостов», рассмотрена внешняя политика Сингапура и Индонезии, что позволяет не только выявить возможные отклонения от идеал-типической модели, но и продемонстрировать способность крупных акторов вроде Индонезии использовать деривативную силу в международных делах. Концептуальные объяснения и эмпирические данные исследования открывают широкие возможности для дальнейшего изучения внутренних и внешних условий приобретения и утраты статуса страны-«моста», а также создают предпосылки для смещения акцента с исследования групп и альянсов на изучение типов и принципов формирования связанности в международных отношениях.

Ключевые слова: деривативная сила, циркуляционный подход, связанность, связующее звено, центры силы, нейтральные государства

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Лошкарёв И.Д.: концептуализация, разработка методологии исследования, участие в написании рукописи. Копытцев И.С.: сбор данных, участие в написании рукописи. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Благодарности. Исследование подготовлено в рамках научного проекта РНФ № 23-18-01045 «Трансферный потенциал политической науки в системе социогуманитарного знания».

Для цитирования: Лошкарёв И. Д., Копытцев И. С. Государства-«мосты» в международных отношениях на примере Сингапура и Индонезии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 3. С. 394–405. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-394-405>

“Bridge” States in International Relations: The Cases of Singapore and Indonesia

Ivan D. Loshkariov , Ivan S. Kopyttsev

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

 ivan1loshkariov@gmail.com

Abstract. The article examines the theoretical and practical aspects of the derivative power usage in international relations, as well as the concept of “bridge” states which connect different, and even competing, centers of power, thereby gaining their edge in the global arena. Consequently, the authors view such states as the actors most actively and efficiently using derivative power. Furthermore, the authors distinguish the specific features of the circulation approach to the phenomenon of power in international relations, as well as the characteristics of “bridge” states. The article distinguishes several features within political-geographic, historical-cultural, and legitimacy-based aspects. These include playing a balancing act between large states and groups with their membership, the absence of direct regional threats, ethno-cultural pluralism and also both internal and external acceptance of such a middle status. The theoretical part also explains the differences and similarities between neutral and “bridge” states, thereby facilitating a more profound comprehension of the latter category. Then, the authors analyze the foreign policies of Singapore and Indonesia, using a comparative method based on the basis of nine criteria. In this way, the article exemplifies possible variations from the ideal type, as well as it illustrates the ability of big actors, such as Indonesia, to use derivative power in foreign relations. It is worth pointing out that both the conceptual explanations and empirical data provided in the article facilitate further study of the internal and external conditions which determine whether a state gains or loses its “bridge” state status. Furthermore, the article shifts the focus from various groups and alliances to the types and principles of connectivity in international relations.

Key words: derivative power, circulation approach, connectivity, connecting elements, centers of power, neutral states

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors’ contributions. I.D. Loshkariov: conceptualization, development of research methodology, participation in writing. I.S. Kopyttsev: data collection, participation in writing. Both authors have read and approved the final version of the article.

Acknowledgements. The study was prepared within the framework of the scientific project of the Russian Science Foundation No. 23-18-01045 “The transfer potential of political science in the system of social knowledge.”

For citation: Loshkariov, I. D., & Kopyttsev, I. S. (2025). “Bridge” states in international relations: The cases of Singapore and Indonesia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(3), 394–405. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-394-405>

Введение

В исследованиях международных отношений постепенно происходит разворот от изучения великих держав к анализу других групп государств. Еще в 1960–1970-е гг. международники обратили внимание на малые государства, которые, как оказалось, иногда обладают заметным влиянием и могут в некоторой степени корректировать политику основных глобальных игроков (Amstrup, 1976; Baehr, 1975; Keohane, 1969; Красняк, Шатерников, 2023). Чуть позднее стала разрабатываться тема средних держав — государств с достаточным объемом ресурсов,

которые вынуждены соседствовать или исторически взаимодействовать с более могущественными государствами (Jordaan, 2003; Вершинина, 2020; Воронцов, Понька, Варпаховский, 2020; Кудряшова, 2008). Так или иначе, в международных исследованиях нашлось место таким государствам, которые необязательно определяют направление развития глобального миропорядка, но при этом выполняют другие — не менее важные — функции.

В этой связи снова оказывается востребованной циркуляционная точка зрения относительно природы силы в международных

отношениях. Отталкиваясь от метафоры Т. Парсонса, силу необходимо рассматривать не как атрибут государства (совокупность ресурсов, позиция в глобальной иерархии и т. д.), а как своеобразный аналог денег: как и деньги, сила находится в глобальном обороте, обменивается и обесценивается (Parsons, 1963). Безусловно, аналогия между деньгами и силой неполная, поскольку силу намного сложнее подсчитать и распределить среди участников международных отношений (Deutsch, 1968, pp. 41–43). Все же в последнее десятилетие циркуляционный подход получил «второе дыхание» в рамках концепции деривативной силы британского исследователя Т. Лонга, согласно которому при нехватке собственных ресурсов государства могут пользоваться внешними источниками силы для продвижения своих интересов (Long, 2017).

В том, что относительно слабые государства прибегают к помощи более крупных игроков, нет ничего нового. Еще в 1981 г. М. Хэндел писал о производных (деривативных) источниках силы и подчеркивал, что государства с недостаточным силовым потенциалом могут компенсировать его за счет различных форм культурно-исторической солидарности, временных коалиций и манипуляции позициями крупных держав (Handel, 1981, pp. 119–156). Новизна концепции деривативной силы состоит в уточнении особенностей такого заимствования: деривативная сила не рассчитана на длительное использование и употребление для широкого круга целей, не может приобретаться и расходоваться в откровенно враждебной внешней среде. Кроме того, она основывается на развитом дипломатическом искусстве более слабого государства (Long, 2017, pp. 97–98). Более того, для деривативной силы требуется географическое или иное состояние промежуточности или пограничности между какими-либо крупными державами или их экономическими и военно-политическими блоками (Kaul, 2022). Соответственно, деривативная сила отличается от некоторых других типов силы, которым приписывают способность циркулировать между

участниками международных отношений (Katzenstein & Seybert, 2018; Лошкарёв, 2021).

Возникает закономерный вопрос: какая группа государств в наибольшей степени способна использовать данную разновидность силы? В данном исследовании выдвигается гипотеза, что такая группа — это государства-«мосты», пока не получившие достаточного осмысления в российской международно-политической науке. Наше исследование исходит из тезиса конструктивистской теоретической школы, что любые статусные и функциональные группы стран в международных отношениях возникают из-за конституирующих взаимоотношений (Adler & Pouliot, 2011; Wendt, 1999). Иными словами, деривативная сила как отдельный тип силы способна порождать отдельную разновидность государств, использующих сложившуюся ситуацию в своих интересах.

Учитывая, что отдельные тезисы насчет «мостов» в международных отношениях выдвигались и ранее, исследование разделено на три части, в которых рассматриваются основные характеристики государств-«мостов» (политико-географические, историко-культурные и статусно-легитимные), формулируются отличия от близкого по содержанию понятия нейтральных государств, а также демонстрируются особенности применения понятия к конкретным кейсам Сингапура и Индонезии. Выбор кейсов обусловлен нахождением данных государств в одном географическом ареале, что создает условия для так называемого «контролируемого» сравнения: внешние условия сходны, значимость внутренних факторов выше. Более того, с учетом особенностей сравнения такой методологический прием позволяет не только по-новому интерпретировать исторический и международно-политический опыт выбранных стран, но и выявить возможный потенциал приращения теоретического знания о деривативной силе и государствах-«мостах». В заключительном разделе представлены соображения по дальнейшему развитию исследовательской программы по государствам-«мостам».

Методология исследования: характеристики государств-«мостов»

В современной научной литературе понятие «моста» раскрывается в основном с функциональной точки зрения. Термин используется для описания государства, занимающего промежуточное положение между двумя или более регионами, блоками или системами. В частности, речь может идти о «мосте» между Глобальным Севером и Глобальным Югом, между Западом и Востоком, Организацией Североатлантического договора (НАТО) и Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и т. д. В качестве «мостов» в работах прошлого фигурировали Казахстан, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Польша, Турция, Украина и некоторые другие государства (Cummings, 2003; Fulton, 2019; Galbraith, 2004; Kabasakal & Bodur, 2002; Ozturk, Yuksel & Ozek, 2011; Дуррани, 2022).

Государство-«мост» не только занимает обособленное положение между двумя группами или блоками государств, но и выполняет ряд иных функций. В целом государства, относящиеся к числу стран-«мостов»:

1) стремятся развивать и поддерживать дипломатические отношения с разными регионами, идеологическими и военными объединениями;

2) создают благоприятные условия для торговли, инвестиций и экономического сотрудничества между различными группами или блоками государств, используя свое географическое положение и ресурсы;

3) поддерживают культурный плюрализм и выстраивают на его основе свою идентичность;

4) могут играть роль посредников в сложных международных переговорах.

Вместе с тем далеко не каждое государство способно претендовать и тем более успешно выполнять эту роль: реализация транзитных и коммуникативных функций между двумя точками притяжения должна опираться на определенные условия, которые можно разделить на три группы (или аспекта): политико-географические, историко-культурные и сопряженные с легитимностью.

С политико-географической точки зрения страна-«мост», во-первых, должна занимать географическое положение, позволяющее ей выступать связующим звеном между двумя системами, блоками, полюсами или иными центрами притяжения (Lesser, 1992). При этом географическое положение стран-«мостов» необязательно будет удачным. К примеру, Индонезия располагается на 18 тысячах островов в тропической зоне, в некотором удалении от основных центров силы. Однако именно в Индонезии в ноябре 2023 г. прошел Глобальный форум климатического движения¹, участие в котором приняли страны, представляющие как Глобальный Север (США, Великобритания и др.), так и Глобальный Юг (Папуа — Новая Гвинея, Кения, Марокко).

Во-вторых, политика «страны-моста» опирается на баланс между группами или блоками стран. Безусловно, равноудаленность (или балансирование между крупными игроками) сложно обеспечить полностью, а способность сохранять ее проверяется на практике — в период военных, политических или экономических конфликтов между крупными державами или их группами². При максимальном обострении международной обстановки посредническая функция страны-«моста» может быть парализована отсутствием соответствующего запроса от воюющих сторон. Однако менее выраженные конфликты преимущественно экономического и политического характера способны, напротив, актуализировать связующую роль страны-«моста».

В-третьих, равноудаленность обеспечивается относительно благоприятной конъюнктурой. Прежде всего, это касается вызовов и угроз в сфере безопасности в реги-

¹ Global Forum for Climate Movement Promotes Green Culture, Innovation, and Cooperation // Tempo English. November 19, 2023. URL: <https://en.tempo.co/read/1798375/global-forum-for-climate-movement-promotes-green-culture-innovation-and-cooperation> (accessed: 20.02.2024).

² Barakat S. The Qatari Spring: Qatar's Emerging Role in Peacemaking // Kuwait Programme on Development, Governance and Globalisation in the Gulf States. 2012. No. 24. P. 94–112. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/35432932.pdf> (accessed: 20.02.2024).

оне, в котором находится страна-«мост» (Garnett, 1996), поскольку необходимость искать защиту у ведущих игроков неминуемо нарушает баланс во внешней политике государства-«моста». Кроме того, благоприятной должна быть внутренняя экономическая, социальная и политическая конъюнктура, поскольку стратегия внешнеполитического балансирования не может осуществляться в условиях общественной поляризации (Burges, 2013).

С историко-культурной точки зрения важен этнорелигиозный, лингвистический и иной плюрализм страны-«моста». Идентичность такого государства должна вбирать в себя элементы нескольких культурных общностей, посредником между которыми она выступает (Lesser, 1992). В связи с этим общества, отличающиеся внутренним многообразием и плюрализмом, могут претендовать на успешное выполнение связующей функции. При этом требуется высокий уровень политического участия различных групп, чтобы потенциальное государство-«мост» не рассматривалось как антагонист хотя бы для одной из них. Видимо, для этого требуется относительно длительный период формирования доверия к ролевой идентичности государства-«моста» (Lesser, 1992).

Со статусно-легитимной точки зрения важно, чтобы «мост» получил признание двух конкурирующих сторон, систем, полюсов или блоков. В первую очередь, внутреннюю легитимность статусу «моста» придает национальная или как минимум элитная идентичность. Правящие элиты страны-«моста» должны разделять предпочтения в отношении автономной, а не заданной извне траектории развития (Lesser, 1992). Иными словами, страна-«мост» должна рассматривать свою посредническую деятельность как внешнеполитический ресурс.

Безусловно, положение «моста» требует и внешней легитимности, но это, скорее, следствие историко-культурных и географических факторов. Однако критерий внешней легитимности сближает понятие государства-«моста» и нейтрального государства. Существуют и некоторые другие сходства. В частности, нейтральные государства не

должны, согласно международному праву, принимать прямое участие в войне на чьей-либо стороне. При этом есть и нюанс: для нейтральных стран финансовая поддержка одной из сторон и какой-либо формат участия в миротворческих операциях не исключены, в отличие от государства-«моста» (Andrén, 1991). Кроме того, статус нейтральных государств также обусловлен историческими причинами: дезинтеграцией более крупных государств, поражениями в войнах и т. д. (Agius & Devine, 2011).

Между государствами-«мостами» и нейтральными государствами можно обнаружить как минимум два отличия (табл. 1).

Таблица 1. Различия между странами-«мостами» и нейтральными государствами

Критерий	Нейтральное государство	Государство-«мост»
Военная сила	– Не может и не стремится защитить себя от наиболее значительных внешних силовых угроз; – может участвовать в международных миротворческих миссиях или финансово участвовать в конфликтах	– Не может защитить себя от наиболее значительных внешних силовых угроз; – отдает предпочтение посредничеству и переговорным форматам, но не имплементации их решений
Роль в международных делах	– Интересы ограничены отдельным регионом или какой-либо группой проблемных вопросов; – реактивная и пассивная внешняя политика; – преимущественно опирается на международное право	– Изменчивость тематики и географического охвата внешнеполитических интересов; – активная и инициативная внешняя политика; – не исключает возможности действовать неформально или в «серой зоне» права

Источник: составлено И.Д. Лошкарёвым и И.С. Копытцевым.

Во-первых, политика нейтральных государств пассивна и скорее ориентируется на внешние стимулы, что находит отражение в особенностях национальной идентичности и в используемых инструментах дипломатии, у государств-«мостов» — ситуация обратная.

Во-вторых, нейтральный статус фиксируется юридически, так что внешняя легитимность вынуждает нейтральные государства выступать за укрепление международного права и его соблюдение другими странами (Neuhold, 1982). Напротив, государства-«мосты» скорее ориентируются на неформальные взаимодействия, или дополняют ими юридические действия. Кроме того, географическое расположение нейтрального государства необязательно имеет «пограничный» или промежуточный характер.

Таким образом, государства-«мосты», как правило, проводят равноудаленную (внеблоковую) внешнюю политику, используя для этого как формальные, так и неформальные инструменты, а также опираются в своей деятельности на поликультурную национальную (или хотя бы элитную) идентичность. Этому способствуют как географические и культурно-исторические факторы, так и внутренний динамизм и инициативность страны-«моста».

Внешняя политика Сингапура и Индонезии: сравнительный анализ

Выбор кейсов для анализа специфики государств-«мостов» обусловлен двумя обстоятельствами.

Во-первых, авторы полагают, что жесткая привязка деривативной силы к небольшим государствам ограничивает эвристический потенциал ее анализа.

Во-вторых, пара Индонезия — Сингапур находится в одном географическом регионе, что обуславливает сходство по спектру идентитарных ориентаций, набору конкурирующих игроков и исторических обстоятельств, связанных с деколонизацией (табл. 2).

С географической точки зрения оба государства — островные. Сингапур расположен на малых островах возле южной оконечности Малаккского п-ова. В свою очередь, Индонезия располагается на островах Малайского и ряда соседних архипелагов. И Сингапур, и Индонезия занимают стратегическое положение на стыке Индийского и Тихого океанов. Через Малаккский и Сингапурский проливы проходит значительная часть международной торговли. В частности, Сингапур

считается одним из крупнейших транспортных «хабов» в мире: городской порт занимает первое место по объему перегрузки контейнеров³.

Таблица 2. Индонезия и Сингапур как страны-«мосты»: общее и особенное

Сингапур	Индонезия
Небольшое островное государство на пересечении торговых путей	Крупное островное государство на пересечении торговых путей
Разнонаправленная приоритетность военного и экономического сотрудничества с крупными государствами	Сравнительно одинаковая приоритетность военного и экономического сотрудничества с крупными государствами
Равноудаленность с момента получения независимости (1965 г.)	Равноудаленность примерно с 2000-х гг.
Плюралистическая национальная идентичность (в том числе поликонфессиональная)	Плюралистическая национальная идентичность (за исключением конфессионального аспекта)
Статус «моста» не оспаривается ведущими державами	Статус «моста» не оспаривается ведущими державами

Источник: составлено И.Д. Лошкарёвым и И.С. Копытцевым.

Из-за своего небольшого размера и положения в Малаккском проливе Сингапур находится в пространстве соседства всего двух крупных центров силы — Индии и Китая. В свою очередь территориально протяженная Индонезия, напротив, также граничит с союзниками США — Австралией, Палау, Микронезией и Маршалловыми о-вами. Относительно близко от Индонезии и непосредственная американская территория — о. Гуам. Таким образом, географическое положение двух государств изначально обуславливает разные комбинации источников деривативной силы.

В целом Сингапур и Индонезия соответствуют критерию равноудаленности во внешней политике. Действия Сингапура получили название «балансирующей дипломатии»: отдавая чуть больше приоритета

³ Singapore Closes 2021 with Record Container Throughput of 37.5 Million TEUs // Maritime and Port Authority of Singapore. January 13, 2022. URL: <https://www.mpa.gov.sg/media-centre/details/singapore-closes-2021-with-record-container-throughput-of-37-5-million-teus> (accessed: 20.02.2024).

сотрудничеству в сфере безопасности с Индией, страна компенсирует это экономическими проектами с Китайской Народной Республикой (КНР)⁴. В частности, в 2007 г. было подписано соглашение с Индией о совместной подготовке ВВС, а в 2017 г. был заключен договор о военно-морском сотрудничестве⁵. Неслучайно в ноябре 2017 г. министр обороны Сингапура назвал Индию страной, способной укрепить региональную архитектуру безопасности⁶.

В отношении КНР такие шаги сбалансированы рядом двусторонних соглашений. Например, в 2019 г. было расширено Соглашение о военном сотрудничестве с Поднебесной, а в сентябре 2023 г. прошли очередные совместные военные учения. Вместе с тем с Китаем Сингапур развивает скорее экономические связи. Так, в 2022 г. торговый оборот с КНР занял первое место в экспортно-импортной структуре Сингапура и превысил 175 млрд долл. США, в то время как Индия не вошла даже в число 10 крупнейших торговых партнеров Сингапура⁷. В итоге ни высокая интенсивность военного сотрудничества с Индией, ни тесные контакты с Пентагоном⁸ не способствуют возникнове-

нию заметных трений в отношении между Китаем и Сингапуром (Teo & Koga, 2022).

Важной особенностью взаимодействия Сингапура и КНР стали попытки сформировать «региональный порядок, основанный на правилах». Сингапурская дипломатия сосредоточена на необходимости свободной навигации и снижения конфронтации в морском пространстве и с 2002 г. последовательно продвигает диалог с Китаем по этому вопросу, используя формат Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). В 2017 г. стороны достигли соглашения по проекту кодекса поведения в Южно-Китайском море, переговоры вокруг которого продолжаются до сих пор. Как отмечал сингапурский премьер-министр Ли Сяньлун (2004–2024 гг.), «если не будет правил, у малых стран вроде Сингапура нет шансов на выживание»⁹.

В свою очередь, Индонезия пытается избежать тесного вовлечения в усиливающееся противостояние между США и КНР. В частности, президент страны в 2014–2024 гг. Джоко Видодо неоднократно отмечал, что Индонезия должна способствовать поддержанию глобального мира, а в контексте столкновения американо-китайских интересов указывал на недопустимость любой эскалации. Иногда это требует осуждения сразу обеих великих держав: Джакарта не испытывает энтузиазма относительно расширения китайского присутствия в Южно-Китайском море и выступает против планов в рамках блока АУКУС (Австралия — Великобритания — США) разместить атомные подводные лодки в Австралии (Anwar, 2023).

В концептуальном плане Индонезия следует принципу «независимой и активной внешней политики» (*bebas dan aktif*), который предполагает вовлечение в отношения с крупными державами и уравнивание их влияния в регионе за счет коалиций с местными игроками. С практической точки зрения такая линия иногда требует ограниченного вмешательства в урегулирование каких-либо проблем: в частности, Джакарта ограничилась поставками гуманитарной помощи и не

⁴ Singapore Closes 2021 with Record Container Throughput of 37.5 Million TEUs // Maritime and Port Authority of Singapore. January 13, 2022. URL: <https://www.mpa.gov.sg/media-centre/details/singapore-closes-2021-with-record-container-throughput-of-37-5-million-teus> (accessed: 20.02.2024); Fu Y. Singapore's China — India Balancing Act // The Diplomat. January 11, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/01/singapores-china-india-balancing-act/> (accessed: 20.02.2024).

⁵ Parameswaran P. Why the New India — Singapore Naval Pact Matters // The Diplomat. November 30, 2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/11/why-the-new-india-singapore-naval-pact-matters/> (accessed: 20.02.2024).

⁶ India — Singapore Security Relations in an Evolving Asia // Brookings. November 29, 2017. URL: <https://www.brookings.edu/events/india-singapore-security-relations-in-an-evolving-asia/> (accessed: 20.02.2024).

⁷ Total Merchandise Trade at Current Prices, 2019–2023 // Department of Statistics Singapore. URL: <https://www.singstat.gov.sg/modules/infographics/singapore-international-trade> (accessed: 20.02.2024).

⁸ Shravan K. Sh. The Indo-Pacific, What Strategy Vis-À-Vis China? Paris : Sciences Po Paris School of International Affairs, 2022. P. 4. URL: https://www.sciencespo.fr/ceri/observatory-indo-pacific/wp-content/uploads/2022/09/IndoPacific-Final-Shravan-Krishnan-Sharma_compressed.pdf (accessed: 20.02.2024).

⁹ Hsien Loong L. National Day Rally 2016 // Singapore Prime Minister's Office. URL: <https://www.pmo.gov.sg/Newsroom/national-day-rally-2016> (accessed: 20.02.2025).

слишком активно участвовала в ситуации вокруг мусульман-рохинджа в Мьянме из-за рисков осложнения отношений с Китаем. Эта линия продолжилась и после смещения гражданского правительства военными в Мьянме, несмотря на значимость дискурса о демократии и мусульманской солидарности для внешней политики Индонезии.

В экономическом плане Индонезии также удастся выдержать баланс: в 2021 г. торговый оборот с Китаем занимал 1-е место в экспортно-импортной структуре Индонезии (54,5 млрд и 60,4 млрд долл. США соответственно), в то время как США, пусть и уступая Поднебесной более чем в 3 раза, находились на 2-м месте по совокупному объему торговли (26,2 млрд и 9,69 млрд долл. США соответственно)¹⁰. Вместе с тем пристальное внимание к развитию инфраструктуры, характерное для двух президентских сроков Джоко Видодо (2014–2024), способствовало сближению с Пекином: именно китайские компании и правительство выступают ключевыми партнерами Джакарты в процессе реализации ряда логистических проектов (Yoshimatsu, 2022). Санкционные и тарифные ограничения в китайско-американской торговле пока практически не затрагивают Индонезию (Purwono et al., 2022).

Практическая реализация принципа равноудаленности была и остается непростой для Сингапура и Индонезии. С учетом небольшого размера Сингапура вопрос сохранения независимости стоит по-прежнему остро. Тем не менее страна не входила ни в один из региональных военных союзов, хотя многие бывшие британские колонии участвовали, например, в Организации Договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО) (1955–1977). Один из официальных принципов внешней политики Сингапура звучит как «Со всеми дружить и ни с кем не враждовать»¹¹. Поэтому власти страны сохраняют внимание к строительству

собственных вооруженных сил, но без опоры на одного внешнего партнера.

В свою очередь, Индонезия далеко не сразу выбрала практику равноудаленности. После получения независимости официальная Джакарта стремилась расширить зону своего влияния, вступив в территориальные споры с Малайзией и Папуа — Новой Гвинеей, а также оказалась вовлечена в конфликт в Восточном Тиморе (Clark, 2011). Занимавший пост президента в 2004–2014 гг. Сусило Бамбанг Юдойоно провозгласил неприменение силы краеугольным принципом внешнеполитического курса Индонезии, а его подход, более известный как «тысячи друзей и ни одного врага», до недавнего времени определял формат отношений Джакарты с соседями (Andika, 2016; Parameswaran, 2014). В настоящее время этот подход заменили идеи мусульманской солидарности и «морской культуры индонезийского народа». Поэтому неконструктивная позиция США по палестинской проблеме и «нервная» реакция КНР на обсуждение статуса уйгурского населения формируют основания для напряженности в их взаимоотношениях с Джакартой. Вместе с тем «морская» дипломатия Индонезии способствовала урегулированию основных территориальных споров и повышению ее роли в АСЕАН и Ассоциации стран бассейна Индийского океана (Ефимова, 2016; Куклин, 2019; Anwar, 2023). Придерживаясь политического и военного нейтралитета в противостоянии между Китаем и США, Индонезия способна сыграть значимую роль в качестве посредника (Putri, Pambudi & Adriyanto, 2020, p. 196).

Безусловно, политика равноудаленности Индонезии и Сингапура сталкивается с некоторыми проблемами. Например, сохраняется напряженность между Сингапуром и Малайзией из-за территориального спора вокруг нескольких островов. Часть проблем была преодолена в 2008 г. благодаря решению Международного Суда ООН, удовлетворившего часть претензий обеих сторон. Непростые отношения складываются у Сингапура с Индонезией: например, в 2007 г. Индонезия отказалась ратифицировать Соглашение о военном сотрудничестве и Соглашение об экстрадиции. Стороны сумели прийти к

¹⁰ Indonesia // OEC Today. URL: <https://oec.world/en/profile/country/idn> (accessed: 20.02.2024).

¹¹ Full Speech: Five Core Principles of Singapore's Foreign Policy // The Straits Times. July 17, 2017. URL: <https://www.straitstimes.com/singapore/five-core-principles-of-singapores-foreign-policy> (accessed: 20.02.2024).

консенсусу лишь в январе 2023 г. Однако в целом уровень внешних угроз для двух государств сравнительно небольшой, что способствует активной внешней политике и посреднической дипломатии.

В 2020 г. в статье для журнала *Foreign Affairs* тогдашний премьер-министр Сингапура Ли Сяньлун подчеркивал, что сокращение возможностей для внешнеполитического маневра из-за конкуренции между КНР и США не повлияет на принцип равноудаленности в дипломатии Сингапура. По его мнению, экономически и демографически Китай уравнивает политическое влияние США, а потому задача стран Юго-Восточной Азии состоит в том, чтобы максимально развести региональные и глобальные проблемы, оставив глобальную повестку конкурирующим великим державам. Иными словами, принцип равноудаленности возможен там, где существует способ направить внимание Пекина и Вашингтона на какие-либо смежные вопросы или конфигурации в иных регионах мира¹².

Положение Индонезии и Сингапура как «мостов» легитимируется, прежде всего, их *плюралистическими национальными идентичностями* (Singh, 2008, pp. 318–319). В частности, в Сингапуре в 2010 г. порядка 74,1 % населения составляли этнические китайцы, еще 13,4 % — малайцы и 9,2 % — выходцы с полуострова Индостан¹³. Поэтому государственная идентичность Сингапура представляет собой сложную композицию отдельных обычаев и целых культурных пластов, относящихся к индийской, китайской и малайской традициям, но при этом дополняющих друг друга и неконфликтно сосуществующих в границах полиэтнического и поликонфессионального общества¹⁴. Хотя на

элитном уровне в Сингапуре более широко представлены граждане китайского происхождения, их особое положение связано в первую очередь с самим существованием отдельного государства и особенностями его социально-экономической модели, а не с поддержкой со стороны «материкового» Китая (Barr, 2016).

Аналогично Индонезия — полиэтническая страна, на территории которой проживает более 1300 различных народностей и племен. Ее идентичность также складывается из индийских, малайских и полинезийских пластов. Более того, все более значимой в стране становится китайская диаспора: численность этнических китайцев уже перешагнула отметку в 3 млн человек. На этом фоне сохраняется некоторое влияние колониальной и западной культуры (Mangundjaya, 2013), выражающееся в высокой степени социальной терпимости и стремлении к определенности в повседневных вопросах¹⁵. Имеющиеся в распоряжении авторов эмпирические исследования также свидетельствуют об этническом и региональном многообразии представителей элиты Индонезии, которая, тем менее, относительно едина по ключевым вопросам политической повестки дня и часто находится под влиянием комбинации светских и исламских идейных представлений (Mitra & Pal, 2022; Warburton et al., 2021).

Именно фактор сравнительно однородной национальной идентичности в Сингапуре и Индонезии (при всей партийной, региональной, конфессиональной и этнической специфике) оказывается решающим для формирования внешней легитимности статуса этих государств как «мостов» в регионе Юго-Восточной Азии. Легитимность этого статуса не означает отказ от стремления крупных игроков склонить данные страны к более тесному сотрудничеству. Вероятно, в силу размера Индонезии более сложно дается сохранение признания статуса «моста» со стороны КНР и США.

com/travel/article/partner-content-cultures-come-together-in-Singapore (accessed: 20.02.2024).

¹⁵ Country Comparison Tool // The Culture Factor Group. URL: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison-tool?countries=china%2Cindonesia%2Cunited+states> (accessed: 20.02.2024).

¹² Hsien Loong L. The Endangered Asian Century: America, China, and the Perils of Confrontation // *Foreign Affairs*. June 4, 2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2020-06-04/lee-hsien-loong-endangered-asian-century> (accessed: 20.02.2025).

¹³ Census of Population 2010: Advance Census Release // Department of Statistics, Ministry of Trade and Industry, Republic of Singapore. August, 2010. URL: https://www.singstat.gov.sg/-/media/files/publications/cop2010/census_2010_advance_census_release/c2010acr.pdf (accessed: 10.06.2025).

¹⁴ Ken T. J. Singapore: Where Cultures Come Together // *National Geographic*. URL: <https://www.nationalgeographic.com/travel/article/partner-content-cultures-come-together-in-Singapore> (accessed: 20.02.2024).

Заключение

В условиях продолжающихся изменений на международной арене совершенно неудивительно, что появляются и расширяются новые функциональные группы государств. Пример Индонезии и Сингапура наглядно демонстрирует, что положение страны-«моста» сегодня привлекает не только небольшие, но и сравнительно крупные государства. Поскольку каждый политический статус задает определенную инерцию, вполне вероятно, что для многих государств идея стать «мостом» между несколькими группами или блоками государств сохранит свою привлекательность и задаст логику поведения в международных отношениях. Более того, вероятность такого сценария возрастает в условиях сохраняющейся напряженности во взаимоотношениях крупных государств (США, КНР, Россия, Индия).

В этой связи представляется важным уточнить условия возникновения и утраты статуса и функций государства-«моста», соотношения внутренних идентитарных и внешних структурных условий для этих процессов. Сравнение кейсов Индонезии и Сингапура убедительно показывает, что фактор сравнительно однородной национальной (государственной) идентичности играет ключевую роль в сохранении и воспроизводстве «мостов». Кроме того, с учетом предрасположенности государств-«мостов» к неформальным взаимодействиям и «серым» правовым механизмам перспективным может стать изучение контрабандных маршрутов и схем доставки редких товаров (в том числе военного назначения) в привязке к определенным «мостам».

Среди важнейших внешнеполитических целей данной группы стран, вероятно, необходимо выделить две.

Во-первых, государства-«мосты» стремятся избежать прямого противопоставления великим и региональным державам, а потому склонны к поиску форматов ситуативных ко-

алиций и наращивания относительного силового потенциала лишь в некоторых нишах (преимущественно невоенных). Тем самым им удастся снизить опасения стран, которые заведомо сильнее и которые могут воспринять наращивание силового потенциала другими государствами как политический вызов или даже угрозу.

Во-вторых, государства-«мосты» скорее стремятся сохранить статус-кво в политико-географическом делении мира — на военные и экономические блоки, регионы, группы стран. При этом проактивная внешняя политика подобных государств может приводить к участию в каких-либо объединениях без великих и региональных держав или к каким-либо формам привилегированного партнерства с существующими политическими и экономическими блоками (членство Сингапура и Индонезии в АСЕАН, участие Индонезии в деятельности БРИКС и проч.).

Возникает и важный теоретический вопрос: насколько государства-«мосты» способствуют стабилизации отношений между связываемыми группами или блоками государств? Ближайший аналог можно найти в химии, где бициклические молекулы удерживаются вместе благодаря отдельным соединяющим атомам. Из-за устойчивости в реакциях бициклические молекулы часто используют в фармацевтике и промышленности для создания более сложных соединений. В этой связи представляется целесообразным рассуждать о международно-политическом устройстве иначе, снизив внимание к дискурсу по поводу регионализации и глобализации и вместо этого посмотрев на количество, качество и связи между группами стран в международных отношениях, которые обеспечиваются государствами-«мостами». Иными словами, дальнейшее исследование стран-«мостов» подразумевает акцент на связях и типах связанности, а не на группах и принципах (идеологических, военных, культурных) их образования.

Поступила в редакцию / Received: 04.03.2024
Доработана после рецензирования / Revised: 17.03.2025
Принята к публикации / Accepted: 10.06.2025

Список литературы

- Вершинина В. В. «Державы среднего уровня» в международных отношениях: сравнительный анализ концептуальных подходов // Сравнительная политика. 2020. Т. 11, № 3. С. 25–40. EDN: WLZAVZ
- Воронцов А.В., Понька Т.И., Варпаховский Э. Концепция «средней силы» (middle power) во внешней политике Республики Корея: теория и практика // Международные процессы. 2020. Т. 18, № 1. С. 89–105. <https://doi.org/10.17994/IT.2020.18.1.60.5>; EDN: AKYENY
- Дуррани А. Джунгли, основанные на правилах // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20, № 2. С. 199–203. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-2-199-203>; EDN: NMEPHO
- Ефимова Л. М. Внешнеполитическая доктрина президента Индонезии Джоко Видодо // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2016. № 33. С. 55–69. EDN: XHSUXX
- Красняк О. А., Шатерников П. С. Дипломатия малых государств: анализ возможностей и ограничений на примере Восточного Тимора // Вестник МГИМО-Университета. 2023. Т. 16, № 3. С. 138–152. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-3-90-138-152>; EDN: GQBHUU
- Кудряшова И.В. Легко ли быть средневеликим... // Международные процессы. 2008. Т. 6, № 3. С. 78–83. EDN: OHZUDZ
- Куклин Н.С. Влияние религиозно-политических факторов на внешнюю политику Индонезии в период президентства Джоко Видодо // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. Т. 1, № 2. С. 103–112. EDN: PEVWZI
- Лошкарёв И.Д. Концепция «Силы Протея» в международных отношениях: истоки и перспективы // Политика. Анализ. Хроника. Прогноз. 2021. № 3. С. 6–21. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-102-3-6-21>; EDN: RZOIRD
- Adler E., Pouliot V. International Practices // International Theory. 2011. Vol. 3, iss. 1. P. 1–36. <https://doi.org/10.1017/s175297191000031x>
- Agius C., Devine K. ‘Neutrality: A Really Dead Concept?’ A Reprise // Cooperation and Conflict. 2011. Vol. 46, iss. 3. P. 265–284. <https://doi.org/10.1177/0010836711416955>
- Amstrup N. The Perennial Problem of Small States: a Survey of Research Efforts // Cooperation and Conflict. 1976. Vol. 11, iss. 3. P. 163–182. <https://doi.org/10.1177/001083677601100302>; EDN: JQQZCL
- Andika M. T. An Analysis of Indonesia Foreign Policy Under Jokowi’s Pro-People Diplomacy // Indonesian Perspective. 2016. Vol. 1, no. 2. P. 1–13. <https://doi.org/10.14710/ip.v1i2.14284>
- Andrén N. On the Meaning and Uses of Neutrality // Cooperation and Conflict. 1991. Vol. 26, iss. 2. P. 67–83. <https://doi.org/10.1177/001083679102600202>; EDN: JQRDFT
- Anwar D. F. Indonesia’s Hedging Plus Policy in the Face of China’s Rise and the US — China Rivalry in the Indo-Pacific Region // The Pacific Review. 2023. Vol. 36, iss. 2. P. 351–377. <https://doi.org/10.1080/09512748.2022.2160794>; EDN: RXGZLN
- Baehr P. R. Small States: A Tool for Analysis? // World Politics. 1975. Vol. 27, iss. 3. P. 456–466. <https://doi.org/10.2307/2010129>
- Barr M. D. Ordinary Singapore: The Decline of Singapore Exceptionalism // Journal of Contemporary Asia. 2016. Vol. 46, iss. 1. P. 1–17. <https://doi.org/10.1080/00472336.2015.1051387>
- Burges S. W. Brazil as a Bridge Between Old and New Powers? // International Affairs. 2013. Vol. 89, no. 3. P. 577–594. <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12034>
- Clark M. Indonesia’s Postcolonial Regional Imaginary: From a ‘Neutralist’ to an ‘All-Directions’ Foreign Policy // Japanese Journal of Political Science. 2011. Vol. 12, iss. 2. P. 287–304. <https://doi.org/10.1017/s1468109911000089>
- Cummings S. N. Eurasian Bridge or Murky Waters Between East and West? Ideas, Identity and Output in Kazakhstan’s Foreign Policy // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2003. Vol. 19, iss. 3. P. 139–155. <https://doi.org/10.1080/13523270300660021>
- Deutsch K. W. The Analysis of International Relations. Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall, Inc., 1968.
- Fulton J. China — UAE Relations in the Belt and Road Era // Journal of Arabian Studies. 2019. Vol. 9, iss. 2. P. 253–268. <https://doi.org/10.1080/21534764.2019.1756135>
- Galbraith M. H. Between East and West: Geographic Metaphors of Identity in Poland // Ethos. 2004. Vol. 32, iss. 1. P. 51–81. <https://doi.org/10.1525/eth.2004.32.1.51>
- Garnett S. W. Poland: Bulwark or Bridge? // Foreign Policy. 1996. No. 102. P. 66–82. <https://doi.org/10.2307/1149260>; EDN: CEKJEF
- Handel M. I. Weak States in the International System. London, England ; Totowa, N.J. : F. Cass, 1981.
- Jordaan E. The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing Between Emerging and Traditional Middle Powers // Politikon. 2003. Vol. 30, iss. 1. P. 165–181. <https://doi.org/10.1080/0258934032000147282>

- Kabasakal H., Bodur M. Arabic Cluster: A Bridge Between East and West // *Journal of World Business*. 2002. Vol. 37, iss. 1. P. 40–54. DOI: 10.1016/s1090-9516(01)00073-6; EDN: DVYPHH
- Katzenstein P. J., Seybert L. A. Protean Power and Uncertainty: Exploring the Unexpected in World Politics // *International Studies Quarterly*. 2018. Vol. 62, iss. 1. P. 80–93. <https://doi.org/10.1093/isq/sqx092>
- Kaul N. Beyond India and China: Bhutan as a Small State in International Relations // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2022. Vol. 22, no. 2. P. 297–337. <https://doi.org/10.1093/irap/lcab010>; EDN: QPLSUO
- Keohane R. O. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // *International Organization*. 1969. Vol. 23, iss. 2. P. 291–310. <https://doi.org/10.1017/s002081830003160x>
- Lesser I. O. Bridge or Barrier? Turkey and the West after the Cold War. Santa Monica, CA : Rand, 1992.
- Long T. Small States, Great Power? Gaining Influence Through Intrinsic, Derivative, and Collective Power // *International Studies Review*. 2017. Vol. 19, iss. 2. P. 185–205. <https://doi.org/10.1093/isr/viw040>
- Mangundjaya W. L. H. (2013). Is There Cultural Change in the National Cultures of Indonesia // *Steering the Cultural Dynamics: Selected Papers from the 2010 Congress of the International Association for Cross-Cultural Psychology* / ed. by Y. Kashima, E. S. Kashima, R. Beatson. The International Association for Cross-Cultural Psychology, 2013. P. 59–68. URL: https://scholarworks.gvsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1032&context=iaccp_papers (accessed: 20.04.2024).
- Mitra A., Pal S. Ethnic Diversity, Social Norms and Elite Capture: Theory and Evidence from Indonesia // *Economica*. 2022. Vol. 89, iss. 356. P. 947–996. <https://doi.org/10.1111/ecca.12423>; EDN: PEKPWV
- Neuhold H. Permanent Neutrality in Contemporary International Relations: A Comparative Perspective // *Irish Studies in International Affairs*. 1982. Vol. 1, no. 3. P. 13–26. URL: <http://www.jstor.org/stable/30001721> (accessed: 20.04.2024).
- Ozturk M., Yuksel Y.E., Ozek N. A Bridge Between East and West: Turkey's Natural Gas Policy // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2011. Vol. 15, iss. 9. P. 4286–4294. <https://doi.org/10.1016/j.rser.2011.07.122>
- Parameswaran P. Between Aspiration and Reality: Indonesian Foreign Policy After the 2014 Elections // *The Washington Quarterly*. 2014. Vol. 37, iss. 3. P. 153–165. <https://doi.org/10.1080/0163660x.2014.978441>
- Parsons T. On the Concept of Political Power // *Proceedings of the American Philosophical Society*. 1963. Vol. 107, no. 3. P. 232 – 262. URL: <http://www.jstor.org/stable/985582> (accessed: 12.04.2024).
- Purwono R., Heriqbaldi U., Esquivias M. A., Mubin M. Kh. The American–China Trade War and Spillover Effects on Value-Added Exports from Indonesia // *Sustainability*. 2022. Vol. 14, iss. 5. P. 1–22. <https://doi.org/10.3390/su14053093>; EDN: WWEXXA
- Putri E.F., Pambudi K.S., Adriyanto A. Analysis of the Increasing US — China Military Tension in the South China Sea and the Challenges for Indonesia // *International Journal of Social Science and Religion*. 2020. Vol. 1, iss. 2. P. 187–198. <https://doi.org/10.53639/ijssr.v1i2.10>
- Singh B. Singapore: Success at Home, Challenges from Abroad // *Southeast Asian Affairs 2008* / ed. by D. Singh & T. M. M. Than. Singapore : ISEAS Publishing, 2008. P. 313–330. <https://doi.org/10.1355/9789812307910-019>
- Teo A. G., Koga K. Conceptualizing Equidistant Diplomacy in International Relations: the Case of Singapore // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2022. Vol. 22, iss. 3. P. 375–409. <https://doi.org/10.1093/irap/lcab011>; EDN: MSCDNZ
- Warburton E., Muhtadi B., Aspinall E., Fossati D. When Does Class Matter? Unequal Representation in Indonesian Legislatures // *Third World Quarterly*. 2021. Vol. 42, iss. 6. P. 1252–1275. <https://doi.org/10.1080/01436597.2021.1882297>; EDN: LEJVJS
- Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511612183>
- Yoshimatsu H. Indonesia's Response to the Belt and Road Initiative and the Indo-Pacific: A Pivotal State's Hedging Strategy // *Asian Politics & Policy*. 2022. Vol. 14, iss. 2. P. 159–174. <https://doi.org/10.1111/aspp.12629>; EDN: CEJCLK

Сведения об авторах:

Лошкарёв Иван Дмитриевич — кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории; научный сотрудник Центра ближневосточных и африканских исследований, Институт международных исследований, МГИМО МИД России; Российская Федерация, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76; eLibrary SPIN-код: 8111-0056; ORCID: 0000-0002-7507-1669; e-mail: ivan1loshkariov@gmail.com

Копытцев Иван Сергеевич — младший научный сотрудник, Институт международных исследований, МГИМО МИД России; Российская Федерация, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76; eLibrary SPIN-код: 8871-7749; ORCID: 0000-0002-5284-8682; e-mail: www.kopitsev53.ru@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-3-406-417

EDN: UXLPWT

Обзорная статья / Review article

Региональная политика Индонезии в фокусе национальных исследовательских школ: сравнительный анализ

К.С. Каблуков

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

 ki.s.kablukov@my.mgimo.ru

Аннотация. Индонезия — крупнейшая страна Юго-Восточной Азии (ЮВА), оказывающая серьезное влияние на международные процессы в регионе. Вместе с тем формирование внешней политики Индонезии обуславливается целым рядом как внешних, так и внутренних факторов. Используя метод сравнительного анализа, автор ставит целью проанализировать четыре наиболее аналитически разработанные национальные школы, исследующие Индонезию и ее внешнюю политику. Критериями анализа специфики национальных школ выступают оценки экспертов и исследователей региональной политики Индонезии, ее целей и роли в процессах принятия решений по ключевым вопросам регионального развития, включая вопросы безопасности, на фоне пересечения интересов США и Китая в ЮВА и проявления нового пространственного измерения столкновения этих интересов — Индо-Тихоокеанского региона (ИТР). Отдельное внимание уделено исследованиям в области ислама и его влияния на внешнеполитический курс современной Индонезии. Представленное сравнение экспертных оценок различных национальных исследовательских школ индонезийской внешней политики с особым акцентом на региональную политику Индонезии позволяет выявить страновую специфику национальных школ при анализе внешней политики Индонезии и сделать вывод о наборе факторов, которые оказывают влияние или смещают фокус исследования в соответствии с внешнеполитическим курсом тех государств, чьи национальные исследовательские школы рассматриваются в данной статье. Автор приходит к выводу, что восприятие роли и места Индонезии в региональных процессах в ЮВА отличается у исследователей из различных стран и коррелирует не только с национальной спецификой внешнеполитического анализа, но и с теми целями и задачами, которые преследуют во внешней политике их государства по отношению к Индонезии, региону ЮВА и более широкому макрорегиональному пространству, которое становится средой столкновения интересов различных международных игроков.

Ключевые слова: Ассоциация стран Юго-Восточной Азии, АСЕАН, региональные исследования, США, Китай, Россия, Австралия, Индо-Тихоокеанский регион, ИТР, ислам

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Каблуков К. С. Региональная политика Индонезии в фокусе национальных исследовательских школ: сравнительный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 3. С. 406–417. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-406-417>

Indonesian Regional Policy in the Focus of National Research Schools: A Comparative Analysis

Kirill S. Kablukov

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

 ki.s.kablukov@my.mgimo.ru

Abstract. Indonesia is the largest country in Southeast Asia, which has a serious impact on international processes in the region. At the same time, Indonesia's foreign policy is shaped by a number of external and internal factors. Using the method of comparative analysis, the author aims to analyze the four most analytically developed national schools exploring Indonesia and its foreign policy. The criteria for analyzing the specifics of national schools are assessments by experts and researchers of Indonesia's regional policy, its goals and role in decision-making processes on key issues of regional development including security issues amidst the intersection of the interests of the United States and China in Southeast Asia and the emergence of a new spatial dimension of the clash of these interests — the Indo-Pacific region. Special attention in the study is paid to Islam and its influence on the foreign policy course of modern Indonesia. The presented comparison of expert assessments of various national research schools of Indonesian foreign policy with a special focus on its regional policy makes it possible to identify specifics of national schools in the analysis of Indonesian foreign policy and suggest a set of factors which influence or shift the focus of research in accordance with the foreign policy of those states whose national research schools are examined in this article. The author comes to the conclusion that the perception of Indonesia's role and place in regional processes in Southeast Asia differs among researchers from different countries and correlates not only with the national specifics of foreign policy analysis, but also with the goals and objectives pursued in the foreign policy of their state in relation to Indonesia, the Southeast Asian region and the broader macro-regional space, which is becoming an environment where the interests of various international players clash.

Key words: Association of South East Asian Nations, ASEAN, regional studies, USA, China, Russia, Australia, Indo-Pacific region, IPR, Islam

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Kablukov, K. S. (2025). Indonesian regional policy in the focus of national research schools: A comparative analysis. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(3), 406–417. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-406-417>

Введение

В условиях поляризации системы международных отношений и обострения взаимоотношений между крупнейшими игроками на международной арене все большее внимание исследователей привлекает политика малых и средних держав, чье влияние на мировые процессы поступательно растет с начала XXI в. (Богатуров, Косолапов, Хрусталеv, 2002). К одной из таких держав «среднего уровня» исследователи относят Индонезию (Вершинина, 2020; Karim, 2018), которая существенно влияет на региональные процессы в Юго-Восточной Азии (ЮВА), стремясь сохранить стабильное развитие региона путем снижения напряженности в отношениях как между региональными игроками, так и между крупнейшими странами мира.

Наряду с этим отмечается определенная разница в оценках региональной политики Индонезии, ее целей, приоритетов, роли в международных процессах на территории ЮВА и статуса среди исследователей, представляющих различные национальные исследовательские школы.

В зарубежной и российской научной литературе существует ряд комплексных исследований по вопросам внешней политики Индонезии (Ефимова, 2016; Куклин, 2023; Weatherbee, 2013; Grand Design..., 2016; Shekhar, 2018), содержащих глубокий анализ всех вышеуказанных факторов, определяющих региональную повестку Индонезии в ЮВА. Однако при анализе данных работ ученых, представляющих свои национальные научные центры и институты, можно отметить различия как в наборе переменных,

которые используются исследователями для оценки внешней политики Индонезии, так и в выводах о роли и месте Индонезии в современных процессах в ЮВА.

В данном исследовании рассмотрены четыре национальные исследовательские школы, в фокусе внимания которых находится региональная политика Индонезии в ЮВА. Выявлены ключевые составляющие этой политики, а также предпринята попытка объяснения причин, обусловивших различия в видениях роли и места Индонезии в ЮВА в рамках этих школ.

В статье приводится доказательство следующего тезиса: несмотря на то, что ученые разных национальных школ проводят исследования региональной политики Индонезии по схожему набору параметров, выводы о функциональной роли Индонезии в ЮВА будут различаться, поскольку зачастую они коррелируют с внешнеполитическим курсом и интересами их государств в данном регионе. Подобный феномен в исследованиях Индонезии и международных процессов в ЮВА представляет интерес с точки зрения формирования более объективного понимания текущей ситуации в регионе и тех целей, которые преследуют в нем отдельные страны.

Индонезийские национальные исследования региональной политики

Индонезийские национальные исследования внешней политики зародились в первые годы независимости республики на базе ведущих национальных университетов в столице и крупнейших провинциальных центрах на о. Ява.

Одной из наиболее часто встречающихся тем анализа внешней политики Индонезии является вопрос взаимоотношений Индонезии и Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (далее — Ассоциация, АСЕАН). Крупнейший индонезийский ученый и бывший сотрудник аппарата вице-президента Индонезии Юсуфа Каллы по вопросам внешней политики Деви Фортуна Анвар указывает на значительную роль Индонезии как одной из стран — основательниц Ассоциации. Так,

Анвар утверждает, что Индонезия смогла внести в ключевые документы Ассоциации, такие как Балийская декларация 1976 г., тезисы о национальном и региональном суверенитете, а также подтолкнула страны АСЕАН к подписанию подготовленного Индонезией программного документа «Индо-Тихоокеанское видение АСЕАН» в 2019 г. Такой стиль внешней политики Индонезии в АСЕАН исследовательница описывает как «лидерство из тени» (Anwar, 2018, p. 63).

Адриана Элизабет, руководитель центра политических исследований Индонезийского института наук (*LIPi*) — главной государственной научной организации Индонезии, выделяет пять основных особенностей внешней политики Индонезии, одной из которых является «лидерство», причем под этим термином подразумевается сложная ценностно-ориентированная система, в рамках которой за Индонезией неформально закреплена функция формирования повестки дня всего региона (*Grand Design...*, 2016, p. 23).

Вместе с тем в работах индонезийских ученых отмечается, что внешняя политика Индонезии в ЮВА динамична и постоянно адаптируется к международной среде. Так, если в конце 1990-х гг. исследователи указывали, что Индонезия в ущерб своим интересам сотрудничала с партнерами из АСЕАН ради создания безопасного и развивающегося регионального пространства в ЮВА (такую ситуацию Д.Ф. Анвар образно называет «золотой клеткой» (Anwar, 1997, p. 26)), то уже с начала нового тысячелетия приоритеты Индонезии во внешней политике все больше смещаются в пользу продвижения прежде всего своих национальных интересов. Неслучайно в 2014 г. сразу после избрания президентом Индонезии Джоко Видодо его советник по вопросам внешней политики Ризал Сукма в одном из своих первых выступлений заявил, что при Джоко Видодо внешняя политика Индонезии станет менее ориентированной на АСЕАН¹. Схожее мнение выразил

¹ Parameswaran P. Is Indonesia Turning Away from ASEAN under Jokowi? // *The Diplomat*. December 18, 2014. URL: <https://thediplomat.com/2014/12/is-indonesia->

профессор права Университета Индонезии Х. Джувана, отметив смену формулы президента С.Б. Юдойоно «Тысяча друзей, ноль врагов» на лозунг Джоко Видодо «Все друзья, кто уважает суверенитет Индонезии»².

Отдельное внимание в индонезийских исследованиях уделяется роли ислама в формировании региональной политики Индонезии (Anwar, 2011). Рассматривая ислам и его влияние на Индонезию, эксперты отмечают дуализм во внешней политике, который заключается в противоречии между традиционными для Индонезии принципами «независимой и активной» дипломатии, установленной еще в период основания республики президентом Сукарно и попытками связать свою дипломатию с обязательствами перед мусульманскими странами, в отношениях с которыми Индонезия стремится к тому, чтобы занять лидерские позиции, будучи крупнейшей по численности мусульманской страной мира. По мнению Р. Сукмы, ярким проявлением дуализма стал пример политической линии руководства Индонезии по отношению к мусульманскому меньшинству в южной части Филиппин. Индонезия не стала поддерживать откровенно экстремистские лозунги происламских политических групп и оказала поддержку филиппинскому правительству, сославшись на принципы невмешательства во внутренние дела государства. Он отмечает, что «Индонезия однозначно отдает приоритет стабильной деятельности АСЕАН» (Sukma, 2003, p. 142). Схожие выводы можно обнаружить в вышедшем через 15 лет после публикации исследования Р. Сукмы труде Деви Фортун Анвар, в котором подтверждаются дуализм политики Индонезии и трудности по совмещению демократического пути, поддержки происламских политических групп и государств и продвижению национальных интересов в рамках региональной политики

turning-away-from-asean-under-jokowi/ (accessed: 02.04.2023).

² Jokowi Should Extend New Interpretation of RI Foreign Policy Says Expert // The Jakarta Post. October 11, 2014. URL: <https://www.thejakartapost.com/news/2014/11/10/jokowi-should-extend-new-interpretation-ri-s-foreign-policy-says-expert.html> (accessed: 02.04.2023).

Индонезии, а также отмечаются усилия Индонезии в борьбе за лидерство в мире ислама (Values in Foreign Policy..., 2019, p. 186).

Все больший интерес для исследователей внешней политики Индонезии представляет еще один кластер вопросов, связанных последствиями ужесточения борьбы между двумя крупнейшими странами в регионе — Китайской Народной Республикой (КНР) и США.

Индонезийский ученый-международник Н. Сриянто подчеркивает изменчивый характер взаимоотношений между Индонезией и Китаем, в рамках которых Индонезия, по его мнению, ищет баланс между выгодами от экономического сотрудничества и сложностями при обсуждении вопросов урегулирования противоречий в Южно-Китайском море. В этой связи, как отмечает исследователь, «Индонезия открыта для внешних сил, способствующих оздоровлению региональной архитектуры и баланса сил» и старается поддерживать безопасность региона за счет вовлечения в урегулирование вопросов безопасности как Китая, так и США (Sriyanto, 2018, p. 75). Данный подход распространен среди индонезийских специалистов, поскольку он, как подчеркивает Анвар, является следствием стратегических изменений в регионе, где Индонезия стала рассматривать сотрудничество с крупными внерегиональными державами как средство обеспечения безопасности регионального пространства³. Д.Ф. Анвар называет такую политику «хеджированием плюс» (*hedging plus policy*) (Anwar, 2023, p. 365).

В качестве отдельной темы работ индонезийских исследователей необходимо выделить перспективы развития Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), который активно продвигается США в качестве нового формата взаимоотношений в Азии, и оценку позиции Индонезии в отношении трансформирующегося регионального порядка.

³ Anwar D. F. More Continuity Than Change in Indonesia's Security Posture // The Strategist. January 30, 2020. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/more-continuity-than-change-in-indonesias-security-posture/> (accessed: 02.04.2023).

Индонезийские эксперты в целом следуют в русле официальной линии, высказанной действующим министром иностранных дел Индонезии Р. Марсуди на страницах газеты *The Jakarta Times*. Основная цель Индонезии в ИТР, по мнению министра, заключается в том, чтобы асеаноцентричность была закреплена в качестве одного из ключевых принципов существования ИТР. Сама концепция сотрудничества в рамках ИТР будет способствовать безопасности и экономическому росту в акватории обоих океанов⁴.

Положительно относится к переменам в регионе и бывший министр иностранных дел Индонезии (2009–2014 гг.) Марти Натаlegaва, утверждающий, что для достижения равновесия в будущем необходимо расширение регионального пространства и включение в него новых стран, имеющих выход к Индийскому океану, а «Индонезия и США смогут преодолеть свои противоречия в новом региональном пространстве»⁵. Вместе с тем, по мнению ряда индонезийских исследователей, важно, чтобы интересы Индонезии были максимально учтены при формировании ИТР, а концептуальной основой нового регионального порядка должно стать «Индотихоокеанское видение АСЕАН» (Mamentu, Rares & Lond, 2024, p. 4).

Таким образом, индонезийское академическое сообщество в рамках исследований внешней политики Индонезии комплексно рассматривает все аспекты ее региональной политики в ЮВА. В рамках данного кластера исследований существует определенный плюрализм мнений относительно роли и места современной Индонезии в региональных

процессах. Часть индонезийских исследователей видит свою страну в роли «миротворца», который должен нести ответственность за безопасность и развитие в рамках АСЕАН, уделяя Ассоциации ключевое место в своей внешней политике. В то же время существует и альтернативное направление исследований, представители которого критикуют власти за излишнее стремление к региональному лидерству и полагают, что региональная повестка не должна ущемлять национальные интересы, а в первую очередь должна использоваться на благо самой Индонезии.

Австралийская школа индонезийских исследований

Один из ведущих в мире исследовательских институтов по изучению Индонезии располагается на базе Австралийского национального университета. Институт Индонезии занимается изучением широкого круга проблем внутренней и внешней политики, большое внимание уделяется вопросам истории и культуры коренных народов Индонезии.

Причиной такой заинтересованности Австралии в Индонезии является тот факт, что последняя является ближайшим и наиболее значимым соседом для Австралии в Азии. В этой связи австралийские эксперты и ученые ежегодно публикуют сотни работ в области внешней и внутренней политики Индонезии, а выводы подобных исследований зачастую имеют непосредственное отношение к практике двустороннего сотрудничества Индонезии и Австралии⁶.

Австралийский исследователь К. Реншоу отмечает, что отношения Австралии и Индонезии осложнены из-за различий в ценностных ориентирах в их политике. Австралия, по мнению исследовательницы, остается «западной» страной с сильными связями с остальными странами Старого и Нового Света, что ограничивает ее внешнюю политику

⁴ Marsudi R. Time to Deepen Indo-Pacific Cooperation // The Jakarta Post. March 20, 2019. URL: <https://www.thejakartapost.com/academia/2019/03/20/insight-time-to-deepen-indo-pacific-cooperation.html> (accessed: 02.04.2023).

⁵ “An Indonesian Perspective on the Indo-Pacific”: Keynote Address by H.E. Dr. R.M. Marty M. Natalegawa, Minister for Foreign Affairs, Republic of Indonesia, at the Conference on Indonesia. Washington DC, 16 May 2013 // Center for Strategic and International Studies. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/attachments/130516_MartyNatalegawa_Speech.pdf (accessed: 02.04.2023).

⁶ Drysdale P., Sukma R. Bringing More Ambition to the Australia — Indonesia Relationship // East Asia Forum. July 2, 2023. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2023/07/02/bringing-more-ambition-to-the-australia-indonesia-relationship/> (accessed: 18.01.2024).

в отношении азиатских стран ЮВА и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в целом (Renshaw, 2018, p. 176).

Одновременно с этим К. Реншоу отмечает изначальную приверженность Индонезии идее доминирования в ЮВА и попыткам приблизиться к статусу крупной мировой державы. В качестве примера приводится середина XX в., когда в 1960-х гг. целью участия Индонезии в АСЕАН провозглашались урегулирование отношений с Малайзией, а также намерение возглавить движение по объединению ЮВА после провала проекта конфедеративного объединения Малайзии, Филиппин и Индонезии (Мафилиндо) в 1963 г. под тяжестью двусторонних противоречий. К. Реншоу подчеркивает, что Индонезия показательно отказывалась от сотрудничества с организациями, где она не была бы однозначным лидером, имея в виду, в частности, Организацию Договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО) и Ассоциацию ЮВА (АСА) (Renshaw, 2018, p. 169).

Альтернативную точку зрения на региональную политику Индонезии высказывает крупнейший австралийский исследователь ЮВА М. Бисон. Рассматривая Индонезию в качестве державы среднего уровня, он приходит к следующим выводам. Во-первых, Индонезия, по его мнению, придерживается «националистической» внешней политики и использует свое влияние для продвижения индонезийских принципов демократии и прав человека в программные документы АСЕАН, а во-вторых, в свойственной для держав среднего уровня манере реализует свои внешнеполитические цели за счет международных форматов (Beeson, Bloomfield & Wicaksana 2021, p. 185).

В части исследования вопросов региональной безопасности Индонезия, по мнению ряда экспертов⁷, стремится продемонстрировать политику баланса во взаимодействии

⁷ Engel D. Indonesia's 'Free and Active' Foreign Policy on Show in Ministerial Visits to Japan and China // The Strategist. April 13, 2021. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/indonesias-free-and-active-foreign-policy-on-show-in-ministerial-visits-to-japan-and-china/> (accessed: 02.04.2023).

с Китаем и США, а также в ИТР и в отношении связанных с ИТР форматов минилатеральных институтов, таких как четырехсторонний диалог по безопасности (QUAD) и военно-политическое объединение Австралии, Великобритании и США (AUKUS). Так, австралийский ученый-международник Р. Медкальф, один из видных теоретиков ИТР в Австралии, подчеркивает важность ИТР и связанных с данным концептом объединений для Индонезии и Австралии, так как у обеих стран можно обнаружить схожие геополитические свойства (окружены морями, соседствуют с одной из глобальных центров силы — Китаем), что вынуждает эти два государства противостоять китайской экспансии путем создания «противовесов» с участием других крупных мировых и — что немаловажно — морских держав (Medcalf, 2019, p. 58).

Австралийские исследователи уделяют достаточное внимание и исламскому фактору. В ряде работ Индонезия представлена как страна, которая в разные периоды времени имела все основания стать одной из первых мусульманских стран со стабильным демократическим режимом правления западного образца (Fealy, 2018, pp. 149–155). Вместе с тем известный австралийский исследователь внутренней политики Индонезии Э. Аспинал отмечает, что, с одной стороны, современная политика по исламизации Индонезии подрывает демократическое развитие государства⁸, а с другой — ограничивает возможности применения «активной и независимой» региональной политики.

Австралийская экспертиза внешней и внутренней политики Индонезии отличается высокой степенью критики по отношению к руководству Индонезии. Так, исследователи из Австралийского национального университета Хью Уайт и Грег Фили отмечают, что индонезийский МИД остается наиболее слабым ведомством среди крупных стран в ЮВА

⁸ Warburton E., Aspinall E. Indonesian Democracy: From Stagnation to Regression? // The Strategist. August 17, 2017. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/indonesian-democracy-stagnation-regression/> (accessed: 02.04.2023).

(Fealy & White, 2016, p. 98), а другие ученые критикуют политику Индонезии в Западном Папуа (Wanggem & Lawson, 2023, p. 84). Подобная риторика может говорить лишь об очень высокой степени вовлеченности Австралии в дела ЮВА, где Индонезия является крупнейшим игроком, а австралийская политическая экспертиза направлена в первую очередь на выявление слабых мест во внешней и внутренней политике Индонезии и используется для последующего выстраивания внешней политики в отношении Индонезии австралийским правительством.

Национальные особенности анализа внешней политики Индонезии в США

Индонезийские исследования в США представлены целым рядом небольших секций в крупных исследовательских центрах по изучению Азиатско-Тихоокеанского региона. Одновременно с этим на базе Корнеллского университета издается один из старейших профильных журналов *Indonesia*, большая часть публикаций которого посвящена в первую очередь исследованиями культуры, социально-экономического развития и внутренней политики страны.

Известный американский исследователь внешней политики Индонезии и вопросов безопасности в ЮВА Д. Везерби в своей монографии «Индонезия: видение и реальность» выделяет четыре основных принципа региональной политики Индонезии в АСЕАН:

- 1) голос Индонезии должен иметь вес в региональных процессах;
- 2) противодействие любым изменениям в сложившемся региональном порядке, которые могут навредить национальным интересам Индонезии;
- 3) ограничение присутствия крупных мировых держав и предложение индонезийского лидерства в качестве альтернативы;
- 4) многосторонность как способ продвижения интересов Индонезии на международной арене (Weatherbee, 2013, p. 17).

Д. Везерби также соглашается с аргументами Деви Фортуну Анвар и своего коллеги Д.К. Эммерсона о том, что АСЕАН для Индонезии — это лишь один из инструментов

для реализации своей внешней политики, хотя и крайне важный⁹. Вместе с тем новые факторы, такие как обострение отношений между США и Китаем, а также приход к власти Джоко Видодо в Индонезии отразились и на ее региональной политике. В своем исследовании внешней политики Джоко Видодо Д. Везерби отмечает, что заинтересованность Индонезии в АСЕАН постепенно снижается (Weatherbee, 2016, p. 46), а американский ученый-международник В. Шекхар в свою очередь открыто утверждает о «перезагрузке» во внешней политике Индонезии, попытке перехода из категории «средней» державы в ведущую и смещении акцентов с АСЕАН в качестве краеугольного камня в региональной политике на макрорегиональный формат, в частности ИТР (Shekhar, 2018, p. 41).

Выводы американских исследователей и экспертов о снижении роли АСЕАН в политике Индонезии могут косвенно свидетельствовать о попытке смещения дискурса внутри исследовательского сообщества США в сторону альтернативных проектов формирования регионального порядка и безопасности, в частности в рамках ИТР, которые, по мнению американских экспертов, становятся все более перспективными с точки зрения практической реализации. Так, работы последних лет, написанные специалистами из США, ясно формируют нарратив о безальтернативности ИТР и *QUAD* в вопросах безопасности и политической архитектуры в ЮВА. Как отмечают исследователи «Фонда Карнеги»¹⁰, Индонезия на фоне все большей разобщенности членов АСЕАН стремится стать еще более нейтральной по отношению к Ассоциации и рассматривает другие форматы для поддержания безопасности в регионе¹¹.

⁹ Emmerson D. K. Invisible Indonesia // Foreign Affairs. December 1, 1987. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/1987-12-01/invisible-indonesia> (accessed: 20.04.2023).

¹⁰ Деятельность международной неправительственной организации *Carnegie Endowment for International Peace* признана нежелательной на территории Российской Федерации (Прим. ред.).

¹¹ Chivvis C. S., Noor E., Geaghan-Breiner B. Indonesia in the Emerging World Order // The Carnegie Endowment*. November 9, 2023. URL:

Д. Везерби подчеркивает, что рост влияния ислама на жизнь индонезийского общества содействует руководству страны в его стремлении активизировать свою деятельность в вопросах международного сотрудничества с мусульманскими странами и урегулирования кризисов с их участием. Если до 2014 г. работа на данном направлении велась в основном в русле гуманитарной поддержки мусульманских общин на Филиппинах и Таиланде, а также продвижения идеи примирения центрального правительства и мусульманских меньшинств в Мьянме (Weatherbee, 2013, p. 42), то с приходом к власти Джоко Видодо Индонезия стала активным участником урегулирования на Ближнем и Среднем Востоке, активизировав в 2016 г. свою деятельность в вопросе признания независимости Палестины и выступив в качестве посредника между Ираном и Саудовской Аравией (Weatherbee, 2016, p. 14).

Таким образом, анализ региональных процессов в ЮВА и роль в них отдельных государств все чаще рассматриваются в США как часть большого кластера изучения ИТР. Подобная организация исследований позволяет не только отражать, дополнять или обосновывать внешнеполитический курс США в данном регионе, но также формирует концептуальный и понятийный аппарат для западных исследователей, который впоследствии используется различными научными организациями по всему миру, продвигающими тем самым проамериканские интересы.

Российская школа индонезистики

Российская школа индонезистики зародилась в период наиболее активного двустороннего сотрудничества в истории двух стран, когда во главе Индонезии находился президент Сукарно. За несколько десятилетий в СССР было создано несколько центров по подготовке специалистов по Индонезии. Наиболее крупные были сформированы на

базе Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (ИСАА МГУ) и в Ленинградском (ныне — Санкт-Петербургском) государственном университете (СПбГУ). Это позволило подготовить целую плеяду талантливых специалистов со знанием индонезийского языка, чье наследие живо и развивается в настоящее время уже не только в стенах СПбГУ и ИСАА МГУ, но также НИУ «Высшая школа экономики», Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России), Института востоковедения Российской академии наук, Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), Дальневосточного федерального университета и ряда других.

В посвященных вопросам региональной политики Индонезии работах российских исследователей отчетливо прослеживается стремление к более нейтральному и всестороннему подходу к рассмотрению предмета научного интереса. В трудах А.Ю. Другова (Другов, 2017), Е.А. Кутовой (Кутовая, Евдокимов, 2021), Н.П. Малетина, Н.И. Хохловой (Малетин, Хохлова, 2020) и Н.С. Куклина (Куклин, 2023) по внешней политике Индонезии и АСЕАН большое внимание уделяется историческому аспекту формирования внешней политики Индонезии.

Так, Н.С. Куклин, анализируя историю внешней политики Индонезии, приходит к выводу, что она формируется под влиянием комплекса традиций и национальных идей. Именно опора на этот комплекс позволила создать «масштабную самобытную концепцию мировосприятия, философии, традиций, которые по сей день являются важной основой менталитета индонезийцев и политических элит страны» (Понька, Сибарани, Куклин, 2018, с. 290).

Н.П. Малетин, оценивая роль Индонезии в АСЕАН за последние полвека, отмечает, что Индонезия до 1998 г. была неофициальным лидером Ассоциации, однако падение режима «нового порядка» (1968–1998 гг.) при президенте Сухарто лишило ее этого статуса, поставив перед новым руководством

<https://carnegieendowment.org/2023/11/09/indonesia-in-emerging-world-order-pub-90966> (accessed: 18.01.2024).

* Деятельность международной неправительственной организации *Carnegie Endowment for International Peace* признана нежелательной на территории Российской Федерации (*Прим. ред.*).

Индонезии цель по возвращению регионального лидерства Индонезии (Малетин, 2019, с. 185–186).

В вопросах безопасности региона российский исследователь Индонезии Л.М. Ефимова подчеркивает значительную роль индонезийской доктрины «Морская ось мира», согласно которой «главной стратегической целью внешней политики и дипломатии на период 2015–2019 гг. объявлялось утверждение идентичности Индонезии как мировой морской державы» (Ефимова, 2016, с. 57). Для решения поставленной задачи Индонезия должна была, с одной стороны, повысить роль асеаноцентричных структур в мире и параллельно с этим усиливать роль Индонезии в АСЕАН, создавая плацдарм для утверждения себя в качестве морской державы, способствующей безопасности в регионе в период обострения отношений между Китаем и США (Другов, 2017, с. 124), а также усилить позиции в формирующемся ИТР, где должно быть место для Индонезии. Недавние исследования отмечают усиливающееся влияние «индо-тихоокеанской» повестки во внешней политике Индонезии, однако Джакарта «предпочитает сохранять равноудаленность в том числе на уровне дискурса» (Косарева, Королев, 2023, с. 25), предпочитая, как отмечает российский ученый Д.В. Мосяков, «политику общего выигрыша» (*win-win policy*) (Мосяков, 2023, с. 124).

К отдельному направлению относятся исследования ислама в Индонезии и его влияние на различные аспекты индонезийской внешней политики. Российские исследователи индонезийского национализма и ислама М.Н. Гусев и М.В. Кирчанов на протяжении многих лет проводят анализ влияния ислама на внутреннюю и внешнюю политику Индонезии. Подчеркивая все большее влияние ислама на политические процессы в Индонезии, власти все чаще обращаются к данному феномену как причине продвигать свои интересы как на региональном, так и глобальном уровнях¹² в международных организациях

(Кирчанов, 2022). Н.С. Куклин отмечает, что главными точками исламского вектора внешней политики Индонезии на современном этапе стали Палестина и Мьянма, где для Джоко Видодо в качестве очевидной проблемы видится необходимость совмещения региональных интересов и исламской повестки. Последнее же активно используется его политическими оппонентами (Куклин, 2019, с. 109).

Таким образом, у российской школы индонезистики постепенно сформировалось системное представление об основных аспектах региональной политики Индонезии, которое было основано на общепринятом в России комплексном подходе к анализу региональных процессов.

Итоги проведенного анализа четырех национальных школ представлены в таблице.

Заключение

Каждая из представленных в исследовании национальных школ по-разному воспринимает роль и место Индонезии в региональных процессах в ЮВА. Индонезийские эксперты приписывают Индонезии роль неформального лидера в ЮВА и гаранта региональной стабильности и развития на основе принципа асеаноцентричности. АСЕАН же в этой парадигме выступает в роли ключевого инструмента продвижения индонезийских интересов и поддержания устоявшегося регионального порядка. Данный подход полноценно проявляется в анализе перспектив развития такого нового пространственного формата, как ИТР. В исследованиях индонезийских экспертов четко прослеживается вывод о возможности существования подобного формата взаимодействия в ЮВА, но только при сохранении центральной роли АСЕАН. В части, касающейся внутренних факторов и их влияния на принятие решений по вопросам внешней политики, индонезийское научное сообщество сходится во мнении, что ислам, который составляет культурную основу Индонезии, может и должен использоваться руководством Индонезии для продвижения своей страны в качестве лидера мира ислама.

¹² Гусев М. Н., Илюточкин А. С. Индонезия стремится повысить свою роль в мусульманском мире // Институт Ближнего Востока. 17.04.2017. URL: <http://www.iimes.ru/?p=34095> (дата обращения: 02.04.2023).

**Особенности региональной политики Индонезии
в анализе национальных исследовательских школ России, Индонезии, США и Австралии**

Критерий	Национальная школа			
	Россия	Индонезия	США	Австралия
Роль Индонезии в АСЕАН	«Равная среди равных»	– «Первая среди равных» – «Лидерство из тени»	Постепенное снижение своей роли лидера в угоду национальным интересам	Ложное представление о своей лидирующей роли
Цели Индонезии в АСЕАН	Сохранение асеаноцентричности с учетом национальных интересов Индонезии		Использование АСЕАН как инструмента для продвижения своих национальных интересов на международной арене и повышения своего статуса	
Отношение Индонезии к ИТР	Политика включения ИТР в архитектуру асеаноцентричного пространства Азиатско-Тихоокеанского региона		Безальтернативность ИТР для сохранения безопасного и развивающего пространства в ЮВА	
Отношения Индонезии с Китаем/США	Политика баланса за счет равного вовлечения обоих государств в вопросы регионального развития и безопасности			
Роль ислама во внешней политике Индонезии	Отражение внутренней политики и способ продвижения Индонезии на международной арене			Феномен, подрывающий демократическое развитие и региональную безопасность

Источник: составлено К.С. Каблуквым.

В свою очередь американская и австралийская исследовательские школы приводят отличные от индонезийских коллег оценки внешней политики Индонезии и ее влияния на региональное развитие и безопасность. Большинство австралийских и американских исследователей придерживаются мнения, что Индонезия использует свое влияние в ЮВА в первую очередь для повышения своего статуса на международной арене, где АСЕАН и неформальное лидерство в данной организации представляют собой лишь один из инструментов становления Индонезии в качестве ведущей мировой державы. Схожее мнение у двух национальных школ присутствует и по вопросу влияния ислама на внешнюю политику Индонезии. Ислам, так же как и АСЕАН, рассматривается в качестве инструмента продвижения Индонезией своих национальных интересов за пределы ЮВА, при этом австралийские эксперты подчеркивают, что подобная политика может деструктивно

влиять на урегулирование конфликтов в странах ЮВА, где проживают мусульманские меньшинства.

Российская исследовательская школа определяет сложную ценностно-идейную основу индонезийской внешней политики, в которой Индонезия должна оставаться активной и независимой, но при этом учитывать традиционные для индонезийского общества основы, одной из которых является ислам.

Таким образом, национальные школы изучения региональной политики Индонезии подвергают анализу широкий круг проблем, связанных с особенностями и проблемами в реализации внешнеполитического курса Индонезии на региональном уровне. Различия в выводах можно отнести как к национальным особенностям каждой из школ, связанных с методологией исследования, так и к политическим курсам их стран, что определенным образом отражается на результативной части их исследований.

Поступила в редакцию / Received: 08.09.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 27.08.2024
Принята к публикации / Accepted: 10.06.2025

Список литературы

- Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. Москва : НОФМО, 2002. EDN: RAVHKT
- Вершинина В. В. «Державы среднего уровня» в международных отношениях: сравнительный анализ концептуальных подходов // Сравнительная политика. 2020. Т. 11, № 3. С. 25–40. EDN: WLZAVZ
- Другов А. Ю. Индонезия: реакция на перемены в США // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. № 34. С. 115–130. EDN: ZELRSJ
- Ефимова Л. М. Внешнеполитическая доктрина президента Индонезии Джоко Видодо // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2016. № 33. С. 55–69. EDN: XHSUXX
- Кирчанов М. В. Радикальный ислам и умма в Индонезии в 2021 г.: акторы, процессы и противоречия // Minbar. Islamic Studies. 2022. Т. 15, № 2. С. 353–376. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2022-15-2-353-376>; EDN: XNEDXA
- Косарева Е. С., Королев А. С. Особенности концептуализации Индо-Тихоокеанского региона Индонезией и Индией // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. Т. 4, № 3. С. 20–33. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2023-4-3-60-020-033>; EDN: LSATSJ
- Куклин Н. С. Влияние религиозно-политических факторов на внешнюю политику Индонезии в период президентства Джоко Видодо // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. Т. 1, № 2. С. 103–112. EDN: PEVWZI
- Куклин Н. С. Концептуальные основы внешней политики Индонезии. Москва : Аспект Пресс, 2023. EDN: LQWJGV
- Кутовая Е. А., Евдокимов И. О. Внешнеполитическая стратегия Индонезии в исследованиях индонезийских мозговых центров в период 2014–2019 гг. // Научные записки: некоторые проблемы политического развития стран афро-азиатского региона / отв. ред. А. Л. Стрёмовская. Москва : Ключ-С, 2021. С. 205–218.
- Малетин Н. П. Индонезия в АСЕАН: от первой среди равных к равной среди равных? // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. Т. 2, № 4. С. 178–186. EDN: WTHREI
- Малетин Н. П., Хохлова Н. И. Отношения Индонезии с США при Джоко Видодо // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020. Т. 3, № 4. С. 60–82. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2020-3-4-49-060-082>; EDN: FFTTTE
- Мосяков Д. В. Индонезийская «вин-вин полиси» (политика общего выигрыша) как альтернатива западным «правилам» международной политики // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. Т. 5, № 4. С. 117–124. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2023-5-4-61-117-124>; EDN: YKGISR
- Понька Т. И., Сибарани Д. М. Н., Куклин Н. С. Индонезийские подходы к восприятию международных отношений и мировой политики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10, № 3. С. 282–296. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2018-10-3-282-296>; EDN: YYVGJN
- Anwar D. F. Indonesia's Vision of Regional Order in East Asia amid U.S. — China Rivalry: Continuity and Change // Asia Policy. 2018. Vol. 13, no. 2. P. 57–63. <https://doi.org/10.1353/asp.2018.0024>
- Anwar D. F. ASEAN and Indonesia: Some Reflections // Asian Journal of Political Science. 1997. Vol. 5, iss. 1. P. 20–34. <https://doi.org/10.1080/02185379708434092>
- Anwar D. F. Foreign Policy, Islam and Democracy in Indonesia // Journal of Indonesian Social Sciences and Humanities. 2011. Vol. 3. P. 37–54. URL: <https://ejournal.brin.go.id/jissh/article/view/8530/6565> (accessed: 12.02.2025).
- Anwar D. F. Indonesia's Hedging Plus Policy in the Face of China's Rise and the US — China Rivalry in the Indo-Pacific Region // The Pacific Review. 2023. Vol. 36, iss. 2. P. 351–377. <https://doi.org/10.1080/09512748.2022.2160794>; EDN: RXGZLN
- Beeson M., Bloomfield A., Wicaksana W. Unlikely Allies? Australia, Indonesia and the Strategic Cultures of Middle Powers // Asian Security. 2021. Vol. 17, iss. 2. P. 178–194. <https://doi.org/10.1080/14799855.2020.1846525>; EDN: SXBDMY
- Grand Design : Kebijakan Luar Negeri Indonesia (2015–2025) / ed. by A. Elisabeth. Jakarta : Yayasan Pustaka Obor Indonesia, 2016.
- Fealy G. Islam in Australia — Indonesia Relations: Fear, Stereotypes and Opportunity // Strangers Next Door? Indonesia and Australia in the Asian Century / ed. by T. Lindsey, D. McRae. Portland : Bloomsbury Publishing, 2018. P. 149–168.
- Fealy G., White H. Indonesia's 'Great Power' Aspirations: A Critical View // Asia & the Pacific Policy Studies. 2016. Vol. 3, iss. 1. P. 92–100. <https://doi.org/10.1002/app5.122>

- Karim M. F.* Middle Power, Status-Seeking and Role Conceptions: The Cases of Indonesia and South Korea // *Australian Journal of International Affairs*. 2018. Vol. 72, iss. 4. P. 343–363. <https://doi.org/10.1080/10357718.2018.1443428>
- Mamentu M., Rares J. J., Lond V. Y.* Indonesian Foreign Policy in Encouraging the Acceleration of Implementation of the ASEAN Outlook on the Indo-Pacific // *Journal of Law and Sustainable Development*. 2024. Vol. 12, no. 1. P. 1–28. <https://doi.org/10.55908/sdgs.v12i1.2776>; EDN: RBLCCW
- Medcalf R.* An Australian Vision of The Indo-Pacific and What it Means for Southeast Asia // *Southeast Asian Affairs*. 2019. P. 53–60. URL: <https://www.jstor.org/stable/26939686> (accessed: 02.04.2023).
- Renshaw C.* Indonesia, Australia and ASEAN // *Strangers Next Door? Indonesia and Australia in the Asian Century* / ed. by T. Lindsey, D. McRae. Portland : Bloomsbury Publishing, 2018. P. 169–192.
- Shekhar V.* Indonesia's Foreign Policy and Grand Strategy in the 21st Century : Rise of an Indo-Pacific Power. London : Routledge, 2018. <https://doi.org/10.4324/9781315560977>
- Values in Foreign Policy : Investigating Ideals and Interests* / ed. by K. Srinivasan, J. Mayall, S. Pulipaka. Lanham : Rowman & Littlefield, 2019.
- Sriyanto N.* Indonesia — China Relations: A Political-Security Perspective // *Six Decades of Indonesia — China Relations* / ed. by L. Christin Sinaga. Singapore : Springer, 2018. P. 65–79. https://doi.org/10.1007/978-981-10-8084-5_5
- Sukma R.* Islam in Indonesian Foreign Policy. London, New York : Routledge, 2003.
- Wanggem H. R., Lawson S.* The West Papua Issue in Pacific Regional Politics: Explaining Indonesia's Foreign Policy Failure // *The Pacific Review*. 2023. Vol. 36, iss. 1. P. 61–89. <https://doi.org/10.1080/09512748.2021.1931417>; EDN: AJCGUV
- Weatherbee D. E.* Indonesia in ASEAN : Vision and Reality. Singapore : ISEAS Publishing, 2013.
- Weatherbee D. E.* Understanding Jokowi's Foreign Policy. Singapore : ISEAS — Yusof Ishak Institute, 2016.

Сведения об авторе:

Каблуков Кирилл Сергеевич — аспирант кафедры востоковедения, Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; Российская Федерация, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76; eLibrary SPIN-код: 4137-5686; ORCID: 0000-0003-0238-6683; e-mail: ki.s.kablukov@my.mgimo.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-3-418-427

EDN: UYFNDE

Научная статья / Research article

Присоединение Кашмира к Индийскому Союзу в 1947 г.: по материалам Национального архива Индии

Л.А. Черешнева

Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк,
Российская Федерация
 chara.62@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены отдельные аспекты истории возникновения кашмирской проблемы в индо-пакистанских отношениях в октябре-ноябре 1947 г., в том числе — роль политических лидеров Индии, Кашмира и Пакистана. Решена задача уточнения обстоятельств присоединения Кашмира к Индийскому Союзу, позиции индийских, кашмирских и пакистанских властей в условиях вторжения пуштунских боевиков на территорию княжества. Новизна исследования заключается в привлечении неопубликованных документов о присоединении Кашмира к Индийскому Союзу, хранящихся в фондах Национального архива Индии и изученных автором в ходе научных командировок в Республику Индия. Также использованы опубликованные документы Национального архива Индии, которые ранее не были введены в научный оборот. Опираясь на объективный и критический анализ источников, автор приходит к выводу, что возникновение кашмирской проблемы как результата расчленения колониальной Индии стало возможным в том числе в силу субъективного фактора — отсутствия политической воли махараджи Кашмира Хари Сингха, чье бездействие и нерешительность были использованы сторонами конфликта в своих целях. Авторский вывод заключается в том, что руководство Пакистана, включая генерал-губернатора Мухаммеда Али Джинну и премьер-министра Лиакат Али Хана, не инициировало агрессию против Кашмира и лично махараджи Хари Сингха, но оно располагало всей полнотой информации о продвижении пуштунских террористов по направлению к княжеству Кашмир и о вторжении на его территорию. Официальный Карачи не принял никаких мер для задержания вооруженной группировки и недопущения кровавого рейда по Кашмиру по политическим причинам: сыграло роль его опасение вызвать негативную реакцию пуштунских племен Северо-Западной провинции Пакистана, антиправительственные выступления и акции против первых лиц новообразовавшегося государства. Лидеры Пакистана также рассчитывали на поддержку пуштунского десанта мусульманским населением княжества и его возможное включение в состав своего государства. Документальные данные свидетельствуют о том, что выступавший за независимый Кашмир махараджа Хари Сингх был не способен обеспечить безопасность его границ и обращался за помощью к Карачи, но не получил ответа. Его шаг по присоединению к Индийскому Союзу был вынужденной мерой, однако именно он стал спасением для княжества и махараджи от масштабной террористической атаки пуштунских боевиков, нацеленной на дестабилизацию ситуации и убийство Хари Сингха. Автор подчеркивает, что официальный Дели не ставил обязательным условием оказания помощи Кашмиру его немедленное вхождение в состав индийского государства, оставляя право принять это историческое решение кашмирцам посредством плебисцита. Сделан вывод о значительной роли заместителя премьер-министра Индии Валлабхаи Пателя в принятии решения о направлении индийского десанта для спасения Кашмира. Вплоть до настоящего времени кашмирский кризис, один из самых продолжительных в мире, то переходит в латентную фазу, то вновь обостряется, поскольку Пакистан не признает законность интеграции княжества в состав Индии.

Ключевые слова: Пакистан, Сринагар, Джавахарлал Неру, Валлабхаи Патель, Маунтбеттен, Мухаммед Али Джинна, Лиакат Али Хан, махараджа Хари Сингх, Шейх Абдулла

© Черешнева Л.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00478.

Для цитирования: Черешнева Л. А. Присоединение Кашмира к Индийскому Союзу в 1947 г.: по материалам Национального архива Индии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 3. С. 418–427. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-418-427>

The Accession of Kashmir to the Indian Union in 1947: Based on Materials from the National Archives of India

Larisa A. Chereshneva

P.P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, Russian Federation
 chara.62@mail.ru

Abstract. The article focuses on specific aspects of the history of the Kashmir conflict, which emerged in October and November 1947, including the role of political leaders of India, Kashmir and Pakistan. The author clarifies the circumstances surrounding Kashmir's accession to the Indian Union and the positions of the Indian, Kashmiri, and Pakistani authorities in the context of the invasion of Pashtun militants into the territory of the State. The novelty of the study lies in its use of unpublished documents on Kashmir's accession to the Indian Union from the collections of the National Archives of India, obtained by the author during her research trips to the Republic of India. Published documents from the National Archives of India, which had not previously been included in scientific circulation, were also used. Through an objective and critical analysis of sources, the author concludes that the Kashmir problem emerged as a result of the dismemberment of colonial India became possible due to a subjective factor too, the lack of political will of the Maharaja of Kashmir, Hari Singh, and the use of his inaction and indecision by the parties to the conflict. Although the Pakistani leadership, including Governor-General Muhammad Ali Jinnah and Prime Minister Liaquat Ali Khan, did not initiate aggression against Kashmir and Maharaja Hari Singh personally, they were fully aware of the Pashtun terrorist raid on Kashmir and the invasion of its territory. Official Karachi did not take any measures to detain the armed group and prevent the bloody raid on Kashmir because of its fear of causing a negative reaction from the Pashtun tribes of the North-West Province of Pakistan, anti-government protests and actions. Maharaja Hari Singh was unable to ensure the security of its borders and appealed to Karachi for help, but received no response. His decision to join the Indian Union was a forced measure, but it was precisely this that saved the State. Delhi did not make immediate accession to the Indian state a mandatory condition for providing assistance to Kashmir, leaving the right to make this historic decision to the Kashmiris through a plebiscite. The Deputy Prime Minister of India, Vallabhbhai Patel, played a significant role in deciding to send an Indian landing force to save Kashmir. To this day, the Kashmir crisis, one of the longest in the world, alternately goes into a latent phase and then flares up again, as Pakistan does not recognize the legitimacy of the princely state's integration into India.

Key words: Pakistan, Srinagar, Jawaharlal Nehru, Vallabhbhai Patel, Mountbatten, Muhammad Ali Jinnah, Liaquat Ali Khan, Maharaja Hari Singh, Sheikh Abdullah

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00478.

For citation: Chereshneva, L. A. (2025). The accession of Kashmir to the Indian Union in 1947: Based on materials from the National Archives of India. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(3), 418–427. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-418-427>

Введение

Изучение кашмирского кризиса в исторической науке ведется успешно и давно, с момента его зарождения в 1947 г. Являясь и

в наше время неразрешенным, — то пребывающим в латентной фазе, то вновь пробуждающимся, — он ярко иллюстрирует историю разделенных народов и возвращает нас

к исследованию роли малоизученных политических фигур той эпохи. Это пример трагического наследия колониальной системы. Актуальность теме придает открытие новых архивных документов, позволяющих более точно воссоздать детали политической истории кашмирского кризиса 1947 г. и с их помощью показать роль и место премьер-министра Индии Джавахарлала Неру, его заместителя и министра по делам княжеств и внутренних дел Валлабхаи Пателя, генерал-губернатора Индии лорда Маунтбеттена, генерал-губернатора Пакистана Мухаммеда Али Джинны и премьер-министра Лиаката Али Хана, а также махараджи Кашмира Хари Сингха в этом кризисе. Уровень достоверности используемых в статье архивных документов очень высок, они представляют собой рассекреченную официальную и полуофициальную переписку главных действующих лиц политической арены кашмирского кризиса 1947 г. Неопубликованные и опубликованные материалы почерпнуты из фондов Правительства Индии, находящихся в Национальном архиве Республики в г. Дели¹.

В отечественной индологии и пакистановедении кашмирскому кризису и его состоянию в XXI в. посвящены работы таких авторов, как В.Я. Белокреницкий², В.П. Кашин (2018), М.Ю. Крысин и Т.Г. Скороходова (Крысин, Скороходова, 2004), В.Н. Москаленко и Н.В. Рубина (Москаленко, Рубина, 2003), О.В. Плешов (2003), А.Л. Филимонова (2013), Т.Л. Шаумян (2023; Белокреницкий, Москаленко, Шаумян, 2003), Л.А. Черешнева (Черешнева Л., 2019), М.С. Черешнева (Черешнева М., 2019) и др. В трудах россий-

ских историков прослеживается понимание сложности взаимодействия светских и религиозных националистических идей, нашедших воплощение в кашмирском кризисе.

Зарубежная историография, привлеченная для проведения данного исследования, представлена монографиями и статьями А. Ахмад Дара и Х. Ахмад Шаха (Ahmad Dar & Ahmad Shah, 2022), С. Дасгупты (Dasgupta, 2002), С. Козна (Cohen, 2002), И. Копленда (Copland, 2005), Д.П. Мисры (Misra, 2007), Дж. Сингха (Singh, 2009), Х. Сингха (Singh, 2017) и других авторов. Также привлечены труды следующих авторов по политической биографии: Р.Р. Дивакар (Diwakar, 1985), К. Гха (Gha, 2011), Б. Хоэй (Hoey, 1994), С. Вакхлу (Wakhlu, 2004), П. Зиглер (Ziegler, 1985) и др. Кашмирский кризис в их работах предстает проявлением политического ислама, связанного с доктриной и практикой сепаратистской Мусульманской лиги и ее лидера Мухаммада Али Джинны, которые считали индийских мусульман отдельной нацией, имеющей право создать собственное государство.

В целом в историографии интересующего нас вопроса еще не использован весь корпус документов в силу их множества и отсутствия доступа к значительной части засекреченных источников, что делает кашмирскую проблематику и ее политическую биографику перманентно актуальной.

Истоки кризиса

Княжество Джамму и Кашмир к 1947 г. являлось одним из сотен княжеств колониального Индостана, находившихся в подчинении Великобритании и было смешанным по национальному и религиозному составу населения. Более 77 % его жителей составляли мусульмане, меньшинствами являлись индусы и сикхи, при этом правящая династия во главе с махараджей Хари Сингхом была индусской (Белокреницкий, Москаленко, Шаумян, 2003, с. 252; Wakhlu, 2004, pp. 8–15). В княжестве действовали политические организации различной конфессиональной окраски, но наиболее влиятельной силой, объединявшей сторонников реформирования

¹ См.: National Archives of India (NAI). Government of India. Ministry of State. Political Branch. File No. 11(18)-PR/47. "Accession of Kashmir State to the Dominion of India"; Thematic Volumes on Sardar Vallabhbhai Patel: Kashmir and Hyderabad / ed. by P.N. Chopra. Delhi: Konark Publishers, 2002.

² Белокреницкий В. Я. Кашмирский тупик: кто, как и почему воюет в Кашмире? // Российский совет по международным делам. 28.02.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kashmirskiy-tupik-kto-kak-i-pochemu-voyuet-v-kashmire/?ysclid=me2oalzflb39037176> (дата обращения: 12.11.2024). См. также: (Белокреницкий, 2003; 2004).

восточно-деспотического режима, была «Национальная конференция Кашмира» во главе с Шейхом Абдуллой (Черешнева Л., 2019, с. 416–418).

Середина 1947 г. стала переломным моментом не только в судьбе Кашмира: ослабленная Второй мировой войной и освободительным движением, Великобритания вынужденно передала власть индийским партиям и разделила Индостан на два доминиона. 14–15 августа были провозглашены Пакистан и Индийский Союз, образованные по религиозному признаку. Во главе новой Индии встал лидер ведущей светской партии Индийский национальный конгресс Джавахарлал Неру (Misra, 2007), генерал-губернатором был назначен последний вице-король лорд Маунтбеттен (Ziegler, 1985). Пакистан возглавил лидер Мусульманской лиги Мухаммад Али Джинна, сторонник раздела Индостана и образования отдельного мусульманского государства, главой правительства же стал Лиакат Али Хан (Cohen, 2002, pp. 109–122). На переходный период в обоих доминионах еще оставались британцы — командующие отдельными родами войск. Княжества Индостана в подавляющем большинстве присоединились к Индийскому Союзу (Черешнева М., 2019, с. 58–64).

Кашмирский махараджа Хари Сингх принял решение остаться независимым, и на момент создания двух доминионов Кашмир не вступил в состав ни одного из них (Singh, 2017). Расположенное в стратегически важном регионе Северного Индостана, граничившее с Индией и Пакистаном, СССР и Китаем, это княжество стало предметом спора между Дели и Карачи, столицей Пакистана до 1958 г. Каждый из доминионов стремился влиять на Кашмир, но махараджа лавировал: Пакистан был чужд ему по религиозной принадлежности и доктрине «двух наций — двух Индий» (Филимонова, 2013, с. 4, 23–29), а в Индийском Союзе его не прельщала перспектива превратиться из махараджи в гражданина демократического государства. С протестами собственного мусульманского населения, симпатизировавшего М.А. Джинне, он пока справлялся, поскольку княжеская армия

была достаточно сильна для поддержания внутреннего порядка. Принимая депутации и послания в своем дворце в Сринагаре, столице княжества, Хари Сингх не внял ни убеждениям лорда Маунтбеттена, ни увещаниям Дж. Неру, ни советам уважаемого им министра по делам княжеств С.В. Пателя, который был убежден, что княжество очень скоро окажется жертвой провокаций, а самому махарадже это может стоить жизни (Крысин, 2004, с. 10–18).

В задачи данного исследования входит уточнение ответов на ряд конкретных вопросов зарождения кашмирского кризиса:

– Почему Хари Сингх все же склонился к вступлению в Индийский Союз?

– В условиях возникшей внешней угрозы обращался ли он за помощью к пакистанским властям?

– Соглашаясь оказать военную помощь Кашмиру, ставило ли правительство Неру — Пателя обязательное условие Хари Сингху по вступлению в состав Индии?

– Кто из индийских политиков сыграл решающую роль в принятии страной решения о переброске войск для спасения Кашмира, невзирая на политические издержки?

– Причастно ли правительство Пакистана к вторжению племен в Кашмир, осуществленному с пакистанской территории?

Приказ «Помочь Кашмиру!»

Трагедия разыгралась через два месяца после празднования Дня независимости Индии. 15 октября 1947 г. с территории Пакистана в Кашмир вторглись мусульманские боевики из числа пуштунских племен афридиев и махсудов (Dasgupta, 2002, pp. 42–45). Продвигаясь сначала практически беспрепятственно на джипах и автобусах, вооруженные современным оружием боевики численностью до 5 тыс. человек ворвались в округа Пунч, Мирпур, а через неделю взяли город Музаффарабад (Dasgupta, 2002, pp. 42–45; Tanveer, 2019, pp. 91–92). Их успеху способствовало то, что часть мусульманских батальонов армии Хари Сингха поддержала захватчиков. Сжигая дома, насилая и убивая местное население, они сеяли террор и хаос и

безостановочно рвались к Сринагару. Их целью было захватить и убить махараджу, а затем добиться присоединения Кашмира к Пакистану.

23 октября 1947 г. премьер-министр Кашмира Мехр Чанд Махаджан написал С.В. Пателю: «Мы на военном положении... Обстановка ухудшается... Практически вся мусульманская часть нашей армии и полиции либо дезертировала, либо повела себя неподобающим образом, и мы окружены со всех сторон»³. С.В. Патель предложил Дж. Неру немедленно начать военную операцию в Кашмире, но премьер-министр рассчитывал, что вопрос можно разрешить дипломатическим путем. Он опасался непредсказуемой реакции со стороны М.А. Джинны, справедливо полагая, что кашмирский вопрос может быть поднят на площадке ООН. К тому же использование насильственных мер им, лучшим учеником Махатмы Ганди — абсолютного пацифиста и лидера борьбы за свободу страны, — могло отразиться на репутации премьера и выставить Индию в ложном свете в глазах международной общественности. К тому же и лорд Маунтбеттен надеялся на дипломатические методы.

Итак, Кашмир оказался в сложном положении, и Хари Сингх начал осознавать масштаб катастрофы, которую не мог предотвратить без помощи извне. Он обратился за помощью к Индийскому Союзу⁴. Премьер-министр Индии Неру должен был дать ответ, отказать ему или принять решение о начале военной операции. В беседе с вице-премьером Валлабхаи Пателем Дж. Неру открыто высказал свои опасения насчет возможного негативного международного

резонанса. Патель же безоговорочно настаивал на немедленных действиях по спасению Кашмира, и Неру согласился⁵.

25 октября 1947 г. решение правительства Индии о начале военной операции в Кашмире было принято⁶. Дж. Неру представил соответствующий документ в Комитете обороны и заявил: «Войска, оружие, боеприпасы и технику надо подготовить немедленно и завтра переправить самолетами в Сринагар»⁷. Политическая составляющая решения касалась присоединения Кашмира: «Махараджа должен инициировать вступление в Индийский Союз... Мы не имеем в виду немедленное присоединение, народ Кашмира решит этот вопрос на референдуме, когда восстановятся закон и порядок... Сейчас же надо создать администрацию во главе с Шейхом Абдуллой, возможно именно он потом сформирует Временное правительство»⁸. Использовало ли правительство Неру — Пателя сложности Кашмира для включения княжества в свой состав или же решило защищать его вне зависимости от результатов будущего волеизъявления народа? По этому поводу Дж. Неру отметил: «Независимо от будущего решения кашмирцев, мы окажем княжеству помощь. Завтра будут отправлены самолеты»⁹.

Комитет обороны решил задействовать батальоны Сикхских полков для осуществления этой сложной операции¹⁰. Аэродром

³ Mehr Chand Mahajan to Home and Sates Minister Sardar Vallabhbhai Patel on Worsening Border Situation as Also in the State Due to Desertion by the Muslim League and Police. Srinagar dated 23 October 1947 // Thematic Volumes on Sardar Vallabhbhai Patel : Kashmir and Hyderabad / ed. by P.N. Chopra. Delhi : Konark Publishers, 2002. P. 31.

⁴ Note in the Prime Minister's Secretariat. Note for Kashmir. The Decisions of the Defence Committee of the India Cabinet dated 25th October 1947 // NAI. Government of India. Ministry of State. 1947. Political Branch. File No. 11(18)-PR/47. L. 1.

⁵ Факт, подтвержденный всеми историками Кашмирского кризиса. См., например: Белокреницкий В. Я. Кашмирский тупик: кто, как и почему воюет в Кашмире? // Российский совет по международным делам. 28.02.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kashmirskiy-tupik-kto-kak-i-pochemu-voyuet-v-kashmire/?ysclid=me2oalzf1b39037176> (дата обращения: 12.11.2024). См. также: (Кашин, 2018; Белокреницкий, Москаленко, Шаумян, 2003). Из новейших зарубежных работ о махарадже Хари Сингхе см.: (Singh, 2017).

⁶ Note in the Prime Minister's Secretariat. Note for Kashmir. The Decisions of the Defence Committee of the India Cabinet dated 25th October 1947 // NAI. Government of India. Ministry of State. 1947. Political Branch. File No. 11(18)-PR/47. L. 1.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid. L. 3.

Сринагара находился в западном направлении от города. Члены Комитета, посетившие Сринагар за день до заседания, отметили, что взлетно-посадочная полоса близ города «вероятно, окажется в руках боевиков через 36 часов»¹¹. В этих обстоятельствах Комитет считал, что «риск, связанный с отправкой батальонов в Сринагар, стоит того» и «с прибытием индийских войск моральный дух кашмирцев значительно поднимется»¹².

Таким образом, Индия приняла историческое решение, от которого зависела судьба Кашмира. Политические последствия такого шага для самой Индии могли быть неоднозначными — как позитивными (рост авторитета молодого индийского государства в глазах собственных граждан и кашмирцев, возможное вхождение Кашмира в состав Индийского Союза), так и крайне негативными (обострение отношений с Пакистаном вплоть до вооруженных столкновений; возникновение внутрикашмирской оппозиции правительству Неру, международный резонанс и т. д.). Одобрение плана военной операции происходило с учетом всех обстоятельств.

25 октября 1947 г. Дж. Неру сообщил в Лондон премьер-министру К. Эттли: «Мы получили срочный призыв о помощи от правительства Кашмира... и мы поможем ему, это наша обязанность, отвечающая национальным интересам Индии»¹³. Касательно вопроса о дальнейшей судьбе княжества он особо отметил: «Вопрос о помощи Кашмиру в этой чрезвычайной ситуации не направлен на то, чтобы принудить его присоединиться к Индии»¹⁴. Возражений на это из Лондона не последовало.

¹¹ Note in the Prime Minister's Secretariat. Note for Kashmir. The Decisions of the Defence Committee of the India Cabinet dated 25th October 1947 // NAI. Government of India. Ministry of State. 1947. Political Branch. File No. 11(18)-PR/47. L. 4.

¹² Ibid.

¹³ Secret Telegram from Prime Minister of India Jawaharlal Nehru to Prime Minister of the United Kingdom Clement Attlee dated 25th October 1947 // NAI. Government of India. Ministry of State. 1947. Political Branch. File No. 11(18)-PR/47. L. 11.

¹⁴ Ibid.

Десант с неба

26 октября 1947 г. махараджа Кашмира подписал Акт о присоединении к Индии и назначил Шейха Абдуллу главой администрации, что стало вынужденным шагом, но правительство Неру — Пателя и после этого не отказалось от идеи проведения референдума в Кашмире¹⁵. В тот же день Хари Сингх отправил лорду Маунтбеттену пространное письмо¹⁶, оказавшееся очень информативным и полезным для нашего исследования.

«Мой дорогой Маунтбеттен, — писал он, — мне потребовалось время, чтобы решить, к какому доминиону следует присоединиться»¹⁷. Хари Сингх сообщал, что его войска не смогли остановить «разгул насилия и убийств, разрушение электростанции Махура, которая снабжала электроэнергией весь Сринагар... Дикие силы двигаются вперед, [стремясь] захватить столицу»¹⁸. Важным является его утверждение о роли Пакистана в бедствиях княжества. «Массовое проникновение племен, прибывших по дороге Маншера — Музаффарабад, невозможно было бы осуществить без ведома руководства Пакистана... Радио и пресса Карачи сообщали об этих происшествиях и даже о том, что в Кашмире пуштунами создано провинциальное правительство», — отмечалось в письме¹⁹.

Хари Сингх не скрыл, что «несмотря на его неоднократные просьбы, Карачи не предпринял никаких попыток остановить боевиков на пути в Кашмир»²⁰. При этом из документа не следовало, что махараджа признал трагедию следствием своих попыток «усидеть на двух стульях», напротив, он представлял

¹⁵ Instrument of Accession of Jammu and Kashmir State dated 26 October 1947 // NAI. Government of India. Ministry of State. 1947. Political Branch. File No. 11(18)-PR/47. L. 6.

¹⁶ Maharaja of Jammu and Kashmir Hari Singh to the Governor-General of India Lord Mountbatten Regarding Pakistani Infiltration into Kashmir dated 26 October, 1947 // Thematic Volumes on Sardar Vallabhbhai Patel: Kashmir and Hyderabad / ed. by P.N. Chopra. Delhi: Konark Publishers, 2002. P. 31–32.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

себя в качестве преданного лидера кашмирцев: «Пока я жив и управляю Кашмиром, [я] не оставляю свой народ на произвол судьбы»²¹. Остается лишь добавить, что из Сринагара он эвакуировался в Джамму, где и переждал наиболее опасный период интервенции.

27 октября индийский десант самолетами был переброшен в Кашмир. Сикхские подразделения немедленно приступили к выполнению боевой задачи, координируя свои действия с армией княжества. На заседании Комитета обороны 28 октября лорд Маунтбеттен отметил: «Всего было осуществлено около 30 авиарейсов. Исходя из своего опыта военных операций, считаю, что все ответственные стороны проделали замечательную работу по организации перелета в Сринагар такого большого числа людей»²².

Главнокомандующий ВВС Индии Т. Элмхерст привлек внимание к тому факту, что «ни один пакистанский истребитель с авиабазы в Равалпинди не был поднят в воздух, чтобы остановить движение индийских самолетов в Сринагар»²³. Пакистан не предполагал, что Индия рискнет осуществить такую операцию, а любые меры по сдерживанию Дели требовали согласования с британскими властями, поскольку могли вылиться в индо-пакистанскую войну. Поэтому в первом раунде противостояния победа досталась Индии. Шейх Абдулла сообщал Дж. Неру: «Моральный дух людей очень возрос, особенно после того, как наши истребители взялись за дело»²⁴. Таким образом, военная

операция Индии по спасению Кашмира началась стремительно, организованно и совершенно внезапно для противника.

Первая реакция лидеров Пакистана

Разъяснения пакистанской стороне, тем не менее, необходимо было дать, и генерал-губернатор Маунтбеттен взял эту непростую миссию на себя, детально информируя Джавахарлала Неру о ходе переговоров. В нашем распоряжении имеется запись встречи Маунтбеттена с Лиакатом Али Ханом в Лахоре 1 ноября 1947 г., направленная конфиденциальным письмом в адрес Дж. Неру²⁵. Премьер-министр Пакистана был очень болен, и Маунтбеттен посетил его резиденцию. Эта рассекреченная информация содержит несколько важных моментов для нашего исследования.

Во-первых, Лиакат Али Хан сообщил Маунтбеттену о том, что «махараджа категорически отказывался от любой формы переговоров с Пакистаном»²⁶. Это утверждение противоречит вышеприведенным словам Хари Сингха о его неоднократных обращениях за помощью к пакистанским властям, и выяснить истину в этом вопросе представляется весьма непростой задачей. Тактика лавирования вполне могла быть присуща и Лиакату Али Хану, и Хари Сингху.

Во-вторых, вопреки распространенному в литературе тезису, что официальный Карачи не был причастен к вторжению племен в Кашмир и его глубоко оскорбила позиция махараджи (Dasgupta, 2002, pp. 70–85), в записи Маунтбеттена есть еще один эпизод: «Я спросил Лиаката Али Хана, неужели он ожидает, что мы поверим, будто вооруженные афридии и махсуды смогли приехать из-под Пешавара на автотранспорте, и правительство Пакистана ничего не знало об этом? Премьер-министр не отрицал, что пакистанское правительство знало о движении пуштунов

²¹ Maharaja of Jammu and Kashmir Hari Singh to the Governor-General of India Lord Mountbatten Regarding Pakistani Infiltration into Kashmir dated 26 October, 1947 // Thematic Volumes on Sardar Vallabhbhai Patel : Kashmir and Hyderabad / ed. by P.N. Chopra. Delhi : Konark Publishers, 2002. P. 31–32.

²² Proceedings of the Meeting of the Defence Committee Held on 28th October 1947 // NAI. Government of India. Ministry of State. 1947. Political Branch. File No. 11(18)-PR/47. L. 10.

²³ Ibid.

²⁴ Demi-Official Letter from Sheikh Mohammed Abdullah, Kashmir, to the Honorable Prime Minister of India, Dated the 31th of October 1947 // NAI. Government of India. Ministry of State. 1947. Political Branch. File No. 11(18)-PR/47. L. 33.

²⁵ Note of a Talk with Mr. Liaquat Ali Khan at Lahore on 1 November 1947 // Thematic Volumes on Sardar Vallabhbhai Patel : Kashmir and Hyderabad / ed. by P.N. Chopra. Delhi : Konark Publishers, 2002. P. 36.

²⁶ Ibid. P. 37.

на Кашмир (курсив наш. — Л.Ч.). Но он объяснил, что если бы „наше правительство предприняло попытку помешать этому передвижению, то создало бы себе проблемы с остальными племенами в Пограничной провинции“»²⁷.

Таким образом, согласно архивному источнику, Карачи если не организовал налет боевиков на Кашмир, то, безусловно, содействовал ему, находя, что резня в Пунче, Мирпуре и Сринагаре будет для него менее опасным, а значит, более выгодным явлением, чем волнения племен внутри собственно государства.

Второе письмо Маунтбеттена в адрес Дж. Неру представляет собой запись переговоров с генерал-губернатором Пакистана М.А. Джинной²⁸ в Доме правительства в Лахоре, где также присутствовал и начальник штаба Маунтбеттена лорд Исмэй. Основная претензия Джинны, высказанная им без промедления, заключалась в том, что правительство Индии «своевременно не оповестило»²⁹ его о своих действиях. Объяснения о сложности ситуации, требовавшей немедленного разрешения, Джинну не убеждали. Тогда Маунтбеттен заметил, что Джавахарлал Неру все же «телеграфировал»³⁰ Лиакату Али Хану 26 октября о решении об отправке войск. М.А. Джинна проверил свои записи и ответил, что телеграмма пришла уже после высадки войск и присоединение Кашмира основывалось «на мошенничестве и насилии со стороны Индии»³¹. Наконец, лидер Пакистана решительно заявил, что его страна «никогда не признает присоединения Кашмира»³².

²⁷ Note of a Talk with Mr. Liaquat Ali Khan at Lahore on 1 November 1947 // Thematic Volumes on Sardar Vallabhbhai Patel: Kashmir and Hyderabad / ed. by P.N. Chopra. Delhi: Konark Publishers, 2002. P. 37.

²⁸ Note of a Talk with Mr. Jinnah in Presence of Lord Ismay at Government House, Lahore on 1 November 1947 // Thematic Volumes on Sardar Vallabhbhai Patel: Kashmir and Hyderabad / ed. by P.N. Chopra. Delhi: Konark Publishers, 2002. P. 38.

²⁹ Ibid. P. 39.

³⁰ Ibid. P. 40.

³¹ Ibid.

³² Ibid.

Маунтбеттен парировал, сказав, что «насилие исходило от племен, за которые Пакистан несет ответственность»³³. Подытоживая, он не скрыл торжества: «Перспективы вторжения племен в Сринагар теперь, при расположении индийских войск на важнейших позициях Кашмира, считаю маловероятными»³⁴.

Разгром боевиков был полностью завершен к 8 ноября 1947 г. Бесспорно, это событие стало большой победой Индии, но одновременно — прелюдией эпохи индо-пакистанских войн из-за Кашмира и превращения региона в «горячую точку» на политической карте Южной Азии.

Заключение

Объективные причины кашмирского кризиса сложились еще в период британского владычества в Индии. Созданное по окончании завоевания индийских земель, княжество Дхамму и Кашмир было будто запрограммировано на межконфессиональное противостояние при малейших перекосах в правительственной политике. При Хари Сингхе, особенно в 1947 г., выступления мусульман против режима индусского князя участились, и для их подавления была использована армия. Значительная часть мусульман стремилась вступить в Пакистан, многих переубедило лишь вторжение боевиков, не пощадивших даже единоверцев из кашмирских селений.

Проблема возникла и в силу субъективного фактора, своекорыстия и отсутствия политической воли махараджи Хари Сингха, а также использования его бездействия и нерешительности сторонами конфликта. Провокационное вторжение боевиков-афридиев и махсудов на территорию княжества было осуществлено при полной осведомленности властей Пакистана, не остановивших агрессию по причине политики умиротворения племен Пограничной провинции, а также из расчета на ослабление Кашмира и возможность его присоединения к Пакистану. Обращение махараджи к руководству Индии,

³³ Ibid. P. 41.

³⁴ Ibid. P. 42.

активное участие индийской стороны в защите княжества, разгром пуштунских агрессоров в конце октября — начале ноября 1947 г., а также присоединение Кашмира к Индийскому Союзу стали неожиданностью для пакистанских властей. Индия не ставила условием своей помощи немедленное вхождение Кашмира в ее состав, но, без сомнений, подразумевала это и в итоге получила свои дивиденды от кризиса 1947 г.

В ходе событий особенно важной для судьбы княжества оказалась позиция заместителя премьер-министра Индии Валлабхаи Пателя, который не только обеспечивал интеграцию княжеств, но и предположил возможный драматический сценарий развития событий для неприсоединившегося Кашмира. Именно он в чрезвычайных обстоятельствах настоял на начале военной операции по защите кашмирцев, в то время как как генерал-губернатор Маунтбеттен и премьер-министр Неру до последнего момента верили в мирное урегулирование вопроса. Как представляется, именно С.В. Патель предотвратил наиболее

негативный для Индии сценарий — силовое присоединение Кашмира к Пакистану.

Генерал-губернатор Пакистана Мухаммад Али Джинна был визави Пателя в этом поединке стратегий. Его ставка на подрыв режима махараджи изнутри княжества и восстания кашмирских мусульман оказалась неверной. Провокация с участием боевиков осенью 1947 г. красноречиво убедила многих мусульман Кашмира, включая лидера Национальной конференции Шейха Абдуллу, в необходимости приверженности Индии в этот период. По существу, присоединение Кашмира к Индии стало результатом дуэли политического мышления Пателя и Джинны.

Кашмирский кризис не мог быть разрешен в ходе описанных событий 1947 г., так как сохранились причины претензий сторон на обладание княжеством. Однако Дели изначально находился в более выигрышной позиции, поскольку Хари Сингх в 1947 г. официально подписал Акт о присоединении Кашмира к Индии, что, тем не менее, не остановило маховик войны.

Поступила в редакцию / Received: 01.12.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 07.03.2025

Принята к публикации / Accepted: 10.06.2025

Список литературы

- Белокреницкий В. Я. Исламский радикализм, кашмирский кризис и геополитическая ситуация в центре Азии // Ближний Восток и современность. Вып. 17 / отв. ред. М.Р. Арунова, А.О. Филоник. Москва : ИВ РАН, 2003. С. 3–11. EDN: SBVPVN
- Белокреницкий В. Я. Исламский фактор в истории и политике Пакистана // Ислам на современном Востоке. Регион Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии : сборник статей. Москва : ИВ РАН, 2004. С. 140–152.
- Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шаумян Т. Л. Южная Азия в мировой политике. Москва : Международные отношения, 2003. EDN: QOTLLX
- Кашин В. П. Индия — Пакистан: восьмой десяток лет военного противостояния // Азия и Африка сегодня. 2018. № 6. С. 18–25. <https://doi.org/10.7868/S032150751806003X>; EDN: XPTRBR
- Крысин М. Ю., Скороходова Т. Г. История необъявленной войны в Кашмире (1947–1948). Пенза : Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, 2004. EDN: NGQMWТ
- Москаленко В. Н., Рубина Н. В. Исламизм и сепаратистское движение в Кашмире // Ближний Восток и современность. Вып. 19 / отв. ред. М.Р. Арунова. Москва : ИВ РАН, 2003. С. 81–99.
- Плешов О. В. Исторические корни политического ислама в Пакистане // Ближний Восток и современность. Вып. 19 / отв. ред. М.Р. Арунова. Москва : ИВ РАН, 2003. С. 202–209.
- Филимонова А. Л. Идея национальной идентичности : опыт Пакистана. Санкт-Петербург, Москва : Нестор-История, 2013. EDN: XSFJCA
- Черешнева Л. А. Шейх Абдулла: портрет в кашмирских тонах // Диалог со временем. 2019. № 66. С. 416–427. <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.66.25347>; EDN: VUGFCM
- Черешнева М. С. Сардар Патель. Политическая деятельность соратника Махатмы Ганди Валлабхаи Пателя в 1947–1950 гг. Липецк : ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. EDN: HSKFJF

- Шаумян Т. Л. Кашмирская проблема: международно-правовой аспект // Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 4. С. 250–264. <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2023-4-250-264>; EDN: BZAFYP
- Ahmad Dar A., Ahmad Shah H. *Concise History of Kashmir — 14 to 20 Century A.D.* New Delhi : Gulshan Books, 2022.
- Cohen S. P. The Nation and the State of Pakistan // *The Washington Quarterly*. 2002. Vol. 25, iss. 3. P. 109–122. <https://doi.org/10.1162/01636600260046271>; EDN: HAUNSL
- Copland I. *State, Community and Neighbourhood in Princely North India, c. 1900–1950.* New York : Palgrave Macmillan, 2005. <https://doi.org/10.1057/9780230005983>
- Dasgupta C. *War and Diplomacy in Kashmir, 1947–48.* New Delhi : Sage Publications, 2002.
- Divakar R. R. Lord Mountbatten. A Retrospect // *Gandhi Marg*. 1985. Vol. 7, no. 1. P. 35–37.
- Gha K. *Pragmatism of Sardar Patel.* Delhi : Axis Publications, 2011.
- Hoey B. *Mountbatten : The Private Story.* London : Sidgwick & Jackson, 1994.
- Misra D. P. *The Nehru Epoch : From Democracy to Monocracy.* New Delhi : Har Anand, 2007.
- Singh H. *Jammu-Kashmir aur Maharaja Hari Singh [Джамму-Кашмир и махараджа Хари Сингх].* New Delhi : Brahaspati Publications, 2017. (На хинди).
- Singh J. *Jinnah : India — Partition — Independence.* New Delhi : Rupa, 2009. URL: <https://archive.org/details/jinnah-india-partition-independence-pdfdrive/page/n3/mode/2up> (accessed: 01.03.2025).
- Tanveer H. *Mahatma, Nehru and Beyond.* Greater Noida : Edukeen Publisher, 2019.
- Wakhlu S. *Hari Singh : The Maharaja, the Man, the Times : A Biography of Maharaja Hari Singh of Jammu and Kashmir State, 1895–1961.* New Delhi : National Publishing House, 2004.
- Ziegler P. *Mountbatten : The Official Biography.* London : Collins, 1985.

Сведения об авторе:

Черешнева Лариса Александровна — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт истории, права и общественных наук, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского; Российская Федерация, 398020, г. Липецк, ул. Ленина, д. 42; ORCID: 0000-0002-1491-4968; e-mail: chara.62@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-3-428-448

EDN: VJYBJQ

Научная статья / Research article

Повестка национальной безопасности африканских участников и партнеров БРИКС

Е.А. Абрамова, **Д.А. Зеленова**

Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация

 ekaterina_abramova23@mail.ru

Аннотация. По итогам XVI саммита БРИКС 2024 г. три государства Африки (Алжир, Нигерия и Уганда) получили право быть представленными в формате в качестве государств-партнеров. Расширяется не только география, но и тематическая повестка деятельности БРИКС, где наряду с вопросами развития центральное место занимают проблемы обеспечения безопасности (в том числе на Африканском континенте). Однако и сама концепция безопасности за несколько последних десятилетий кардинально изменилась: от традиционного представления о безопасности как состоянии защищенности государства от внешних угроз военного характера к комплексному подходу, позволяющему рассматривать различные измерения (политическое, социально-экономическое, технологическое, экологическое) в их взаимосвязи. Принимая во внимание концепцию секьюритизации, предложенную Копенгагенской школой исследований безопасности, авторы представили африканские страны БРИКС+ (участников — Южно-Африканская Республика (ЮАР), Египет, Эфиопия и новых партнеров — Уганду и Нигерию) в качестве акторов, формулирующих повестку национальной безопасности. Фокус исследования был направлен на то, какие угрозы обозначаются в официальном дискурсе этих стран, каким отводится приоритетное значение, каким образом это аргументируется и соотносится с особенностями национального контекста. Решаемая исследовательская проблема соотносится с задачами российской внешней политики по углублению взаимодействия со странами Африки в сфере безопасности (в том числе в рамках БРИКС). Кроме того, исследование может представлять значимость для дальнейшего теоретического осмысления незападного дискурса по вопросам безопасности. Представлен сравнительный анализ соответствующих доктринальных документов, принятых в ЮАР, Эфиопии, Уганде и Нигерии. Анализ повестки национальной безопасности Египта был проведен главным образом на основе выступлений официальных лиц стран на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. Отдельно была рассмотрена проблема противоречий между Египтом и Эфиопией относительно использования р. Нил через призму подхода, основанного на взаимозависимости водных, энергетических и продовольственных ресурсов. Изучены также стратегические документы в сфере кибербезопасности Египта, ЮАР, Нигерии и Уганды. Авторы пришли к выводу, что при очевидных расхождениях в национальных подходах к обеспечению безопасности (в том числе на этапе идентификации и ранжирования угроз) страновые стратегии отвечают глобальным тенденциям секьюритизации проблематики развития и усложнения предметного поля концепта безопасности.

Ключевые слова: угрозы, секьюритизация, Африка, ЮАР, Египет, Эфиопия, Нигерия, Уганда

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Абрамова Е.А.: концептуализация, разработка методологии и теоретической рамки, написание текста. Зеленова Д.А.: концептуализация, написание текста. Все авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

© Абрамова Е.А., Зеленова Д.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Абрамова Е. А., Зеленова Д. А. Повестка национальной безопасности африканских участников и партнеров БРИКС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 3. С. 428–448. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-428-448>

The National Security Agenda of the African Participants and Partners of the BRICS

Ekaterina A. Abramova , Daria A. Zelenova

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
 ekaterina_abramova23@mail.ru

Abstract. Following the 16th BRICS Summit in 2024, three African states — Algeria, Nigeria and Uganda — were granted the designation of partner states. The geographical scope and thematic agenda of BRICS activities are expanding, with development and security issues (including on the African continent) occupying a central place. However, the concept of security itself has undergone a significant transformation in recent decades, evolving from the traditional state security paradigm, which focused on countering external military threats, to a more comprehensive approach that encompasses various dimensions, including political, socio-economic, technological and environmental. Referring to the concept of securitization proposed by the Copenhagen School of security studies, the authors proceed from the need to present the African BRICS+ countries (South Africa, Egypt, Ethiopia as member-states, Uganda and Nigeria as new partners) as actors formulating the national security agenda. The present study focuses on the threats identified in the official discourse of these countries, which ones are prioritized and how this is argued in relation to the specifics of the national context. The research problem being solved aligns with the objectives of Russian foreign policy to strengthen interaction with the countries of the African continent in the field of security (including through BRICS). Furthermore, the study could contribute to a deeper theoretical understanding of non-Western discourse on security issues. The article provides a comparative analysis of the relevant doctrinal documents adopted in South Africa, Ethiopia, Uganda and Nigeria. The analysis of the national security agenda of Egypt was conducted mainly through the examination of official speeches delivered at the UN General Assembly. The problem of contradictions between Egypt and Ethiopia regarding the use of the Nile River was examined through the prism of an approach based on the interdependence of water, energy and food resources. Strategic documents in the field of cybersecurity of Egypt, South Africa, Uganda and Nigeria were not ignored. Despite obvious differences in national approaches to ensuring security, the authors concluded that country strategies respond to global trends of securitizing development issues and complicating the scope of the security concept.

Key words: threats, securitization, Africa, South Africa, Egypt, Ethiopia, Nigeria, Uganda

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. E.A. Abramova: conceptualization, development of the research methodology and theoretical framework, text writing; D.A. Zelenova: conceptualization, text writing. Both authors have read the final version of the article and approved it.

For citation: Abramova, E. A., & Zelenova, D. A. (2025). The national security agenda of the African participants and partners of the BRICS. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(3), 428–448. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-428-448>

Введение

По итогам XVI саммита БРИКС, состоявшегося в Казани в октябре 2024 г., обозначилась третья волна расширения диалогового формата. Алжир, Нигерия и Уганда получили возможность быть представленными в БРИКС на правах государств-партнеров.

Таким образом, африканское измерение деятельности БРИКС приобретает все более широкий и комплексный характер, но не только с точки зрения географических масштабов. В принятой на саммите в Казани декларации «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности» подтвердились устремления стран БРИКС

взаимодействовать на основе предельно широкого мандата, не ограничиваясь торговыми и финансовыми аспектами. Как справедливо отмечают российские аналитики¹, текст документа построен на тонко выверенном балансе между повесткой в сфере безопасности и вопросами развития.

Проблематика безопасности фигурирует во всех без исключения декларациях саммитов БРИКС (то есть с 2009 г.), причем как в традиционном (военном) ее понимании, так и в сопряжении с вопросами развития и международного сотрудничества (Дегтерев, 2024а, с. 40–41). Африканские страны рассматривают БРИКС в качестве международной площадки для продвижения национальных интересов в сфере безопасности. Неслучайно в текстах Йоханнесбургской² и Казанской деклараций³ присутствует небезызвестная фор-

мула «Африканским проблемам — африканские решения» (см. подробнее: (Денисова, Костелянец, 2023)).

Теоретические рамки и методология исследования

За последние десятилетия концепт безопасности претерпел существенную эволюцию — от традиционного подхода, приравнивающего обеспечение безопасности к отражению военных угроз и использованию силы, к более широкому толкованию данного понятия (Baldwin, 1997; Buzan, 1997). Нередко вызовы в сфере безопасности обусловлены уязвимостью самой государственной системы, то есть имеют внутреннее происхождение. Тем не менее внешние факторы легального и экстралегального характера представляют не меньший вызов системе национальной безопасности, а в ряде случаев им отдается приоритет над внутренней повесткой. Эксперты нередко обращаются к концепции «регионального комплекса безопасности» (*regional security complex*) (см., например: (Идахоса и др., 2023; Walsh, 2020)) применительно к странам, безопасность которых не может рассматриваться в отрыве друг от друга (Buzan & Wæver, 2003). Актуальность данной концепции в контексте Африки обусловлена помимо прочего высокой степенью проницаемости национальных границ, что создает благоприятные условия для эффекта «перелива» (*spillover effect*).

Во времена холодной войны исследования проблем безопасности были сфокусированы на военной атрибутике последней: как правило, между понятиями *Security Studies*, *Military Studies* и *War Studies* ставился знак равенства, а остальные вопросы, не подчинявшиеся логике военной силы, попадали под категорию так называемой «низкой политики» (*low politics*) (Baldwin, 1997, p. 9). Таким образом, концепт безопасности долгое время оставался вне поля теоретического дискурса,

¹ Картунов А. В. «Манифест нового мирового порядка»: разбираем Казанскую декларацию БРИКС // Российский совет по международным делам. 25.10.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/manifest-novogo-mirovogo-poryadka-razbiraem-kazanskuyu-deklaratsiyu-briks/> (дата обращения: 01.11.2024).

² XV Саммит БРИКС. Йоханнесбургская декларация-II «БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности». Сэндтон, Гаутенг, ЮАР. Среда, 23 августа 2023 года // Национальный комитет по исследованию БРИКС, Россия. URL: [https://nkibrics.ru/system/asset_docs/data/6749/d08d/6272/6906/a461/0000/original/%D0%A5%D1%81%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B8%D1%82_%D0%91%D0%A0%D0%98%D0%9A%D0%A1_%D0%98%D0%CC%D0%BE%D1%85%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%B5%D1%81%D0%B1%D1%83%D1%80%D0%B3%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_\(%D0%B3_%D0%98%D0%CC%D0%BE%D1%85%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%B5%D1%81%D0%B1%D1%83%D1%80%D0%B3_%D0%AE%D0%90%D0%A0_24_%D0%B0%D0%B2%D0%B3%D1%83%D1%81%D1%82%D0%B0_2023_%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0\).pdf?1732890765](https://nkibrics.ru/system/asset_docs/data/6749/d08d/6272/6906/a461/0000/original/%D0%A5%D1%81%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B8%D1%82_%D0%91%D0%A0%D0%98%D0%9A%D0%A1_%D0%98%D0%CC%D0%BE%D1%85%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%B5%D1%81%D0%B1%D1%83%D1%80%D0%B3%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_(%D0%B3_%D0%98%D0%CC%D0%BE%D1%85%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%B5%D1%81%D0%B1%D1%83%D1%80%D0%B3_%D0%AE%D0%90%D0%A0_24_%D0%B0%D0%B2%D0%B3%D1%83%D1%81%D1%82%D0%B0_2023_%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0).pdf?1732890765) (дата обращения: 18.06.2025).

³ XVI Саммит БРИКС. Казанская декларация «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». Казань, Российская Федерация, 23 октября 2024 года // Национальный комитет по исследованию БРИКС, Россия. URL: https://nkibrics.ru/system/asset_docs/data/6749/d14d/6272/6906/a464/0000/original/%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf?1732890957 (дата обращения: 18.06.2025).

выступая, скорее, ярлыком, нежели содержательно наполненным смысловым конструктом (Baldwin, 1997, p. 9).

Существенную динамику процессу теоретического осмысления безопасности на рубеже веков придала плеяда исследователей из Копенгагена (в частности, такие знаковые фигуры, как Б. Бузан и О. Вэйвер), ставившие перед собой амбициозную задачу «заново создать концепцию безопасности» (см. подробнее: (Гайдаев, 2021)). Следует заметить, что в дебатах между сторонниками традиционного и широкого подхода к определению безопасности представители Копенгагенской школы открыто не занимали чью-либо сторону: конечной целью ученые видели не определение границ предметного поля концепта безопасности, а логики, в соответствии с которой эти границы устанавливаются (Buzan, 1997, pp. 13–14).

Как справедливо заметил Б. Бузан, содержание понятия «безопасность» настолько же вариативно, насколько разнообразен определяющий его национальный контекст. Национальную безопасность⁴ невозможно привязать к стандартному набору параметров и тем более — свести к одному из них (военному потенциалу) (Buzan, 1983, p. 43). В этой связи представляет ценность введенная в научный оборот Копенгагенской школой *теория секьюритизации*. В данном процессе *секьюритизирующий актор* формулирует повестку безопасности, высвечивая насущные угрозы для *референтного объекта*. Таким образом, вызовы как военного, так и невоенного характера входят в повестку безопасности (то есть секьюритизируются), когда политическая, интеллектуальная элита обращает на них внимание государства и общества, представляя их в качестве экзистенциальной угрозы (Buzan, 1997, pp. 13–14). Например, экологическая и экономическая повестки в международных отношениях были секьюритизированы еще в 1970–1980-х гг., проблема

международной преступности — в 1990-х гг. и т. д. (Buzan, 1997, pp. 8–9).

Секьюритизация повестки развития (как, впрочем, и девелопментализация безопасности) нашла концептуальное воплощение в конструкте связки «безопасность — развитие» (*security — development nexus*), который выражается формулой «*Нет безопасности без развития, как и развития без безопасности*». Хотя в трудах представителей Копенгагенской школы, датированных 1990-ми гг., в числе нетрадиционных измерений безопасности не упоминалась сфера содействия развитию, отставание в развитии на рубеже веков обращает на себя все большее внимание в числе угроз безопасности в международном дискурсе (Бартенев, 2011). Интеграции предложенного в 1980-х гг. шведским ученым Б. Хеттне концепта «связки» в международно-политический дискурс во многом поспособствовало появление в 1990-х гг. концепции «человеческой безопасности» (*human security*)⁵, а события 11 сентября 2001 г. в США послужили мощнейшим катализатором для того, чтобы вопросы развития перешли в разряд «высокой политики» (Бартенев, 2015).

Закрепление проблематики безопасности в мандате БРИКС можно отнести к 2012 г., когда дефиниция «безопасность» стала составной частью названия саммита в Нью-Дели. При всей зыбкости концепта «связки» странам БРИКС удалось увязать вопросы безопасности и развития не только в теории, но и на практике (Бокерия, 2020). Процесс секьюритизации различных аспектов устойчивого развития отражен и в декларациях саммитов БРИКС, где в качестве вызовов безопасности из года в год указывается проблема продовольственного обеспечения, а также достаточно регулярно выделяются энергетическое и информационное измерения безопасности (Дегтерев, 2024а, с. 40–41). С 2015 г. в повестку безопасности БРИКС

⁴ Б. Бузан выделял три уровня для анализа безопасности (безопасность индивидов, национальная и международная безопасность), уделяя приоритетное внимание в своих исследованиях национальному уровню. См.: (Гайдаев, 2021, с. 23).

⁵ В противопоставление традиционному подходу к безопасности сторонники данной концепции выдвигали на передний план защиту индивида и общества. Провозглашалось два основополагающих принципа: «свобода от страха» (*freedom from fear*) и «свобода от нужды» (*freedom from want*).

были включены проблемы в сфере здравоохранения, которые получили стремительное развитие в декларациях 2019–2022 гг. на фоне пандемии COVID-19 (Дегтерев, 2024а, с. 40–41).

Дискурс скандинавских теоретиков безопасности не чужд и африканской интеллектуальной среде, в которой безопасность представляется субъективным, многоаспектным и до конца не определенным социальным конструктом (см., например: (Human Security and Sustainable Development in East Africa, 2023, pp. 47–48)). В особенности такой тезис применим в отношении сложной конфликтогенной среды в странах Африки южнее Сахары, где повестка безопасности напрямую зависит от того, кем и по какому принципу она формулируется (Human Security and Sustainable Development in East Africa, 2023, pp. 47–48).

Фокус данного исследования направлен на Южно-Африканскую Республику (ЮАР) (участник БРИКС с 2011 г.), Египет, Эфиопию (присоединились на правах участников по итогам XV саммита в Йоханнесбурге с 1 января 2024 г.), Уганду и Нигерию (партнеры БРИКС с января 2025 г.)⁶ с точки зрения в первую очередь их акторной, а не объектной роли в формулировании повестки национальной безопасности. Представляется, что такая постановка исследовательской проблемы отвечает не только прикладным задачам российской внешней политики в рамках БРИКС, но и современным научным трендам в осмыслении незападных подходов к обеспечению безопасности (Худайкулова, 2020; Миротворчество в многополярном мире, 2024). Авторы акцентировали внимание на том, какие угрозы фигурируют в повестке национальной безопасности рассматриваемых стран, каким образом происходит ранжирование угроз и обоснование такого выбора секьюритизирующим актором.

Методология исследования базируется на сравнительном анализе доктринальных документов в сфере национальной безопасности

соответствующих стран (определяющих в том числе политику в киберпространстве) и анализе официального дискурса, представленного в различных источниках. Так, по причине отсутствия в информационном поле документов в сфере национальной безопасности Египта происходило обращение к стенограммам выступления и видеоматериалам Генеральной Ассамблеи (ГА) ООН (2022–2024 г.)⁷.

Эволюция стратегии безопасности ЮАР после апартеида

Главным трендом в определении стратегии национальной безопасности демократической ЮАР являлось существенное переосмысление самого концепта безопасности, а именно — отход от авторитарной политики внутренних и внешних угроз времен апартеида к новому демократическому пониманию безопасности (Africa, 2015). Первое правительство национального единства 1994–1997 гг. под руководством Н. Манделы опубликовало серию стратегических документов по государственной безопасности (табл. 1), в которых были сформулированы ее новые основы: сокращение роли национальных вооруженных сил, а также включение борьбы с нелегальной иммиграцией и транснациональной преступностью в сферу внешней безопасности.

Кроме того, произошло смещение фокуса внешней безопасности на региональные угрозы, было определено новое место демократической ЮАР в международных отношениях. Внутренними угрозами (преступность и социальные беспорядки) стало заниматься реформированное подразделение полиции, в задачи которого входило вернуть доверие жителей страны к новым силам правопорядка, утраченное во времена апартеида. В концептуальном плане главной особенностью нового подхода к безопасности стало включение человеческого измерения (*human security*).

⁶ На момент написания данной статьи Алжир не подтвердил статус партнера БРИКС.

⁷ General Debate. General Assembly — All Sessions // United Nations. URL: <https://gadebate.un.org/en/sessions-archive> (accessed: 15.11.2024).

Таблица 1. Угрозы национальной безопасности в доктринальных документах ЮАР

Документ	Год	Специфика	Угрозы
Белая книга п о разведке: проект правительства ЮАР (<i>White Paper on Intelligence</i>)	1994	– Новый документ демократического правительства, который заложил структуру для нынешних разведывательных структур ЮАР – Представлено новое широкое определение безопасности и национальных интересов, внедрение системы сдержек и противовесов и уважения прав человека. Безопасность рассматривается как целостное явление и включает в себя политические, социальные, экономические и экологические вопросы. Цели политики безопасности выходят за рамки достижения отсутствия войны и включают стремление к демократии, устойчивому экономическому развитию и социальной справедливости – Политика региональной безопасности направлена на продвижение принципов коллективной безопасности, ненападения и мирного разрешения споров.	Уязвимость ЮАР перед международными наркокартелями, которые используют территорию страны как транзитный маршрут Рост деятельности иностранных / враждебных разведывательных служб и агентов в экономической, технологической и научной областях
Белая книга национальной обороны ЮАР (<i>National Defence White Paper</i>)	1996	– Первый документ по безопасности, написанный новым правительством «черного большинства» – Безопасность рассмотрена комплексно – Ограничение внешней роли вооруженных сил страны, но отведение особой роли для обеспечения региональной стабильности через миротворческие операции с Сообществом развития Юга Африки (САДК). Контроль над вооружениями — признание окончания холодной войны – Приоритет — защита внутренней целостности и демократии в ЮАР. Важность приобретают новые для постапартеидной ЮАР невоенные измерения безопасности	Внутренние: бедность и неравенство, унаследованные от апартеида Внешние: региональная нестабильность; маргинализация Африки и слабая роль в международных институтах
Рамочный документ национальной кибербезопасности (<i>National Cybersecurity Policy Framework</i>)	2012	Направлен на усиление киберзащиты и защиту критически важной информационной инфраструктуры от киберпреступности и терроризма. Особое внимание уделено безопасности человека (<i>human security</i>)	Транснациональные: организованная преступность, изменения климата (продовольственная безопасность), региональная нестабильность
Белая книга национальной безопасности ЮАР (<i>Safety and Security White Paper: Draft</i>) Статус: черновик	2015	Интегрированный подход к безопасности (<i>safety + security</i>), сопряжение целей с Национальным планом развития – 2030	Внутренние: преступность, бедность, неравенство Внешние: традиционные и нетрадиционные

Источник: составлено Е.А. Абрамовой и Д.А. Зеленовой на основе: Intelligence White Paper // South African Government. January 1995. URL: <https://www.gov.za/documents/white-papers/intelligence-white-paper-01-jan-1995#:~:text=The%20goal%20of%20this%20White,relevant%2C%20credible%20and%20reliable%20intelligence> (accessed: 03.04.2025); National Defence White Paper // South African Government. May 1996. URL: <https://www.gov.za/documents/white-papers/national-defence-white-paper-01-may-1996> (accessed: 03.04.2025); National Cybersecurity Policy Framework // South African Government. December 4, 2015. URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201512/39475gon609.pdf (accessed: 03.04.2025); Safety and Security White Paper: Draft // South African Government. March 3, 2015. URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201503/38526gen178.pdf (accessed: 03.04.2025).

Так, демократическая ЮАР в духе целостное) прочтение безопасности как взаимосвязи защиты от внешних угроз (*security*) и нового холистического (то есть комплексное, обеспечения стабильности (*safety*). В новых

стратегических документах ЮАР прописывается связка «безопасность — развитие»⁸. Таким образом, бедность и неравенство стали главными угрозами внутренней безопасности страны, а главными целями новой политики безопасности были обозначены стремление к демократии, устойчивому экономическому развитию и социальной справедливости.

Итоги внедрения руководством ЮАР новых концептов в жизнь весьма противоречивы. С одной стороны, на международной арене за 30 лет демократии страна показала себя как ответственный и лидирующий участник обеспечения мира и безопасности в регионе, выступая в миротворческих миссиях в странах — членах Сообщества развития Юга Африки (САДК) (например, в Мозамбике). Южноафриканский контингент (самый многочисленный среди задействованных сил объединения — около 1,8 тыс. чел.⁹) участвовал в Миссии САДК в Демократической Республике Конго (ДРК), развернутой в 2023 г. для оказания поддержки конголезскому правительству в восстановлении мира в восточных районах страны. Важным вкладом ЮАР в определение региональной безопасности является разработка концепции региональной безопасности САДК, включая подготовку рамочных соглашений региональной организации для борьбы с транснациональной преступностью и последствиями катастроф, а также предоставление гуманитарной помощи.

Что касается внутренней безопасности, то подходы ЮАР к ней неоднозначны. Забота о безопасности граждан в ЮАР делегирована отчасти в руки их самих. В Плане национального развития до 2030 г. прописана роль

«активного гражданина», который сам возьмет на себя ответственность за мониторинг преступности в сообществах¹⁰. Несмотря на то, что прогрессивная Конституция ЮАР 1996 г. гарантирует всем жителям доступ и к адекватному жилью, и к бесплатному образованию, а также к бесплатному медицинскому здравоохранению и прочие социальные блага¹¹, уровень неравенства в распределении этих благ в стране остается крайне высоким¹². Самым печальным итогом имплементации новых подходов к внутренней безопасности ЮАР является практически полная несостоятельность полиции в борьбе с организованной преступностью и связанная с ней тяжелая ситуация с личной безопасностью граждан. Сегодня «демократическая» ЮАР известна как самая небезопасная страна в мире по ряду показателей¹³.

¹⁰ National Development Plan. Vision for 2030 // Department of Forestry, Fisheries and the Environment, Republic of South Africa. November 11, 2011. URL: https://www.dffe.gov.za/sites/default/files/docs/ndp_vision_2030.pdf (accessed: 17.06.2025).

¹¹ Constitution of the Republic of South Africa, 1996 // South African Government. URL: <https://www.gov.za/documents/constitution/constitution-republic-south-africa-1996-04-feb-1997> (accessed: 17.06.2025).

¹² Коэффициент Джини для ЮАР равен 0.63. См.: Gini Coefficient for South Africa (2014) // World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations=ZA> (accessed: 19.01.2025). Официальный уровень безработицы в 2024 г. — 34 %. См.: Unemployment Rate in Southern Africa from 2014 to 2025 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1323958/unemployment-rate-in-southern-africa/> (accessed: 19.01.2025).

¹³ Например, по Индексу глобальной безопасности (Global Security and Safety Index) в 2024 г. ЮАР занимала 144-е место (из 163) в рейтинге самых опасных стран мира. Согласно государственной статистике, в 2024 г. ЮАР имела самый высокий уровень похищений людей в Африке. См.: Number of Kidnappings in South Africa from 2022/23 to 2023/24 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1400928/number-of-kidnappings-in-south-africa-by-province/> (accessed: 19.01.2025). Уровень уличных протестных выступлений в стране также можно оценить как один из самых высоких в Африке.

⁸ Это отчетливо просматривается в стратегическом документе страны «План национального развития до 2030 года» (*National Development Plan, NDP 2030*). В плане развивается идея децентрализованного государства, которое при активном участии граждан должно искоренить бедность и неравенство.

⁹ САДК договорились о выводе войск из захваченного повстанцами города Гомы в ДРК // ТАСС. 29.03.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23546705> (дата обращения: 25.06.2025).

Повестка национальной безопасности в доктринальных документах Эфиопии, Уганды и Нигерии

Эфиопия: сначала внутреннее, потом внешнее

Под руководством премьер-министра М. Зенауи (1995–2012) Эфиопия на рубеже веков избрала курс на ускоренное развитие. За основу была принята модель восточноазиатских стран, предполагавшая активную борьбу с бедностью, исторически характерную для страны сильную роль государства и индустриализацию на основе развития сельского хозяйства (Дегтерев, 2024b). Сокращение государственного участия в экономике, как объяснял премьер-министр, само по себе не способно решить проблему отставания в развитии африканских стран. Таким образом, модель развития Эфиопии тяготела скорее к западным образцам, в большей степени характерным для стран БРИКС (Дегтерев, 2024b), и была построена на противопоставлении господствовавшей в то время неолиберальной модели (Gebresenbet, 2014, pp. S66–S67).

Секьюритизация повестки развития определила подход правительства Эфиопии к разработке доктринального документа в сфере внешней политики и национальной безопасности (2002 г.)¹⁴, который в тексте документа выражен емкой формулой: «Сначала внутреннее, потом внешнее» (*domestic first, external second*). Примечательно, что в определяющей ориентире международной политики стратегии звучит решимость сосредоточить усилия на внутреннем фронте работ. Главная угроза безопасности имеет внутреннюю природу и коренится в трех основных «недугах» Эфиопии — бедности (слово в тексте упомянуто более 20 раз!) (Дегтерев, 2024b, с. 139–140), отсталости и неэффективном управлении (табл. 2). Уязвимости госу-

дарственной системы Эфиопии, как демонстрирует исторический опыт страны, могут быть использованы во вред внешними силами, а также спровоцировать внутренний хаос, поэтому быстрое развитие является гарантией выживания нации.

Важно подчеркнуть, что документ в редакции от 2002 г. в настоящее время действует в неизменном виде, что дает повод для критики относительно его актуальности. В тексте не отражены ключевые метаморфозы в двусторонних отношениях со странами региона (например, подписание в 2018 г. совместной декларации о мире и дружбе с Эритреей, положившее конец 20-летней войне). Несмотря на преемственность власти в стране¹⁵, за прошедшее с момента принятия документа время изменились и внутрисистемные параметры. Однако стенограммы выступлений официальных лиц Эфиопии на сессиях ГА ООН подтверждают, что десекуритизации проблем бедности и неравенства в эфиопском дискурсе за последние годы не произошло¹⁶. Так, в 2024 г. они были обозначены главой МИД Эфиопии Т.А. Селассие (с октября 2024 г. занимает должность президента страны) с трибуны ГА ООН в качестве экзистенциальных угроз наряду с гонкой вооружений и климатическими изменениями¹⁷.

Уганда: сдерживание угроз извне

Республика Уганда на протяжении нескольких десятилетий сохраняет статус «очага региональной стабильности» во многом благодаря политической системе, выстроенной в годы президентства Й. Мусевени, кото-

¹⁴ The Federal Democratic Republic of Ethiopia Foreign Affairs and National Security Policy and Strategy. November 2002. Addis Ababa : Ministry of Information, 2002 // University of Surrey. URL: https://www.surrey.ac.uk/sites/default/files/2024-09/2002_Ethiopia.pdf (accessed: 18.06.2025).

¹⁵ Возглавляемый М. Зенауи Революционно-демократический фронт эфиопских народов (РДФЭН) был преобразован в Партию процветания под руководством А. Ахмеда, премьер-министра Эфиопии с 2018 г.

¹⁶ Этому есть вполне рациональное объяснение: несмотря на то, что с начала 2000-х гг. уровень бедности в стране упал более чем в два раза (с 58 % в 1999 г. до 27 % — в 2015 г.), Эфиопия по-прежнему входит в число наименее развитых стран мира. См.: World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org> (accessed: 14.11.2024).

¹⁷ 79th General Debate Session — Ethiopia // United Nations. September 27, 2024. URL: <https://gadebate.un.org/en/79/ethiopia> (accessed: 12.01.2025).

рый занимает свой пост с 1986 г. Лидеру страны удалось обернуть появление в конце 1980-х гг. вооруженной группировки «Армия сопротивления Господа» в Уганде «в свою пользу, заработав имидж „последовательного борца с терроризмом“», что позволило привлечь военно-политическую поддержку и экономические преференции со стороны западных партнеров¹⁸. Однако Уганда переняла от западных доноров (крупнейшие из которых — США и Европейский союз (ЕС)) не только проблему зависимости от внешней помощи¹⁹ (фигурирует в списке угроз национальной безопасности), но и в каком-то смысле — концептуальные установки, которые нашли отражение и в Белой книге в сфере обороны от 2004 г.²⁰ В унисон с передовыми западными идеями в документе был зафиксирован подход, основанный на взаимосвязи проблем безопасности и развития. Соответственно, следом за внешними угрозами национальной безопасности (вооруженное иностранное вторжение, рейды незаконных вооруженных формирований, миграционные потоки²¹) в ранжированный список были включены факторы нестабильности внутреннего происхождения (табл. 2). К последним относятся среди прочего нетрадиционные аспекты безопасности, то есть экономические, экологические и социальные: «Эти угрозы как оказывают прямое воздействие на благосостояние граждан, так и имеют

долгосрочный пагубный эффект в контексте политической стабильности в стране»²². Не случайно измерение безопасности было также отражено и в Повестке развития Уганды до 2040 г.²³ Согласно документу, обеспечение безопасности — непереносимое условие для социально-экономической трансформации, демократического развития и сохранения национального единства. В выступлении на сессии ГА ООН в 2022 г. вице-президент Уганды Дж. Алуло заявила, что вопросы мира, безопасности и развития неразрывно связаны и что работа на данных направлениях должна осуществляться параллельно²⁴.

Холистический подход к безопасности четко обозначается и в более актуальном документе — Плате развития сектора безопасности Уганды от 2015 г. Дефиниция безопасности в документе достаточно пространная и выводится через категорию свободы — жизни, действий и выбора, «свободы от угроз и давления любого происхождения, способных ущемить основные права, нанести вред благополучию жителей Уганды и надлежащему функционированию системы государственного управления»²⁵. В итоге безопасность представляется в документе не только многоаспектной, но и в широком смысле до конца не определенной концепцией. Несмотря на ряд нововведений (например, вместо угроз безопасности в менее алармистской форме называются факторы, определяющие стратегическую обстановку в сфере безопасности; в соответствии с духом времени фигурируют риски в киберсфере и т. д.) (табл. 2),

¹⁸ Денисова Т. С. Президентские выборы 2021 г. в Уганде // Институт Африки Российской академии наук. 29.03.2021. URL: <https://www.inafran.ru/node/2435> (дата обращения: 13.11.2024).

¹⁹ В партнерстве с БРИКС Уганда видит возможность для диверсификации источников финансирования и сокращения зависимости от западных институтов помощи. См. подробнее: Уганда рассчитывает привлечь инвестиции через сотрудничество с БРИКС // Африканская инициатива. 11.01.2025. URL: <https://afrinz.ru/2025/01/uganda-rasschityvaet-privlech-investiczii-cherez-sotrudnichestvo-s-briks/> (дата обращения: 12.01.2025).

²⁰ White Paper on Defence Transformation. Republic of Uganda. June 2004 // University of Surrey. URL: https://www.surrey.ac.uk/sites/default/files/2024-09/2004_Uganda.pdf (accessed: 18.06.2025).

²¹ Миграционный кризис в Уганде остается крайне острым и по сей день и упоминается из года в год в выступлениях официальных лиц государства на сессиях ГА ООН.

²² White Paper on Defence Transformation. Republic of Uganda. June 2004. P. 19 // University of Surrey. URL: https://www.surrey.ac.uk/sites/default/files/2024-09/2004_Uganda.pdf (accessed: 18.06.2025).

²³ Uganda Vision 2040. National Planning Authority, the Republic of Uganda // Green Policy Platform. URL: [https://www.greenpolicyplatform.org/sites/default/files/downloads/policy-database/UGANDA\)%20Vision%202040.pdf](https://www.greenpolicyplatform.org/sites/default/files/downloads/policy-database/UGANDA)%20Vision%202040.pdf) (accessed: 18.06.2025).

²⁴ 77th General Debate Session — Uganda // United Nations. September 22, 2022. URL: <https://gadebate.un.org/en/77/uganda> (accessed: 12.01.2025).

²⁵ Security Sector Development Plan 2015/16–2019/20. Republic of Uganda, September 2016. P. 12 // National Planning Authority of Uganda. URL: <https://www.npa.go.ug/wp-content/uploads/2023/03/Security-Sector-Plan-SSDP2015.2020new.pdf> (accessed: 18.06.2025).

в целом в Плате подтверждается приверженность обозначенному в более ранних документах подходу к обеспечению национальной безопасности.

Приоритетность внешней повестки над внутренней в обеспечении безопасности Уганды обусловлена в первую очередь особенностями ее географического положения. Незащищенность границ природными барьерами делает страну уязвимой для различных конфликтогенных факторов, характеризующих Регион Великих Озер, то есть для «эффекта перелива» («Уганда находится в сердце охваченного конфликтом региона», — говорится в Белой книге от 2004 г.²⁶). Относительно небольшие по меркам региона размеры страны не позволяют ей долго обороняться. В связи с отсутствием доступа к морским путям сообщения безопасность цепочек поставок также находится в прямой зависимости от региональной конъюнктуры. В таких условиях Уганда избрала упреждающую региональную стратегию, направленную на сдерживание потенциальных противников и минимизацию степени угрозы извне. Существенная доля внимания отводится участию в миротворческих инициативах в рамках Восточноафриканского сообщества (ВАС), Межправительственной организации по развитию (ИГАД), Африканского союза (АС). Усилия Й. Мусевени по интеграции Руанды, Бурунди (2007 г.) и Республики Южный Судан (2016 г.) в ВАС способствуют оформлению регионального комплекса безопасности в Восточной Африке (Walsh, 2020, pp. 312–313). Членство в региональных и международных организациях фигурирует в числе факторов, определяющих обстановку в сфере безопасности: эти площадки важны для проецирования влияния и продвижения национальных интересов Уганды, а также создают дополнительные международные обязательства для Кампалы²⁷.

²⁶ White Paper on Defence Transformation. Republic of Uganda. June 2004. P. 17 // University of Surrey. URL: https://www.surrey.ac.uk/sites/default/files/2024-09/2004_Uganda.pdf (accessed: 18.06.2025).

²⁷ Security Sector Development Plan 2015/16–2019/20. Republic of Uganda, September 2016. P. 16 // National

Нигерия: границы между внутренним и внешним размыты

Стратегия национальной безопасности (СНБ) Нигерии от 2019 г.²⁸ стала результатом пересмотра первого доктринального документа в этой области, принятого в 2014 г. Пришедшая к власти в 2015 г. администрация президента М. Бухари (2015–2023), отмечается в СНБ-2019, столкнулась с экзистенциальной угрозой в лице «Боко Харам»²⁹, которая к тому моменту находилась на пике своей активности и контролировала значительную часть территории на северо-востоке страны. Терроризм сохраняет статус угрозы номер один в повестке обеспечения национальной безопасности. Нигерия из года в год входит в мировую десятку стран, наиболее подверженных террористическим атакам³⁰. Из-за активизации деятельности «Боко Харам» с середины 2010-х гг. укрепление сотрудничества со странами региона бассейна о. Чад, очага терроризма, приобрело ключевую роль во внешней политике Нигерии (одна из инициатив — Многонациональная объединенная целевая группа, созданная для противодействия радикальным исламистским группировкам) (Костелянец, Океке, 2021, с. 62–63). Экономическая система Нигерии находилась в не лучшем положении, повсеместная коррупция разрушала общественное доверие к правительству.

Обновленная СНБ была призвана отразить меняющийся контекст (обострение конфликтов между скотоводами и фермерами, эскалация насилия и бандитизма и др.),

Planning Authority of Uganda. URL: <https://www.npa.go.ug/wp-content/uploads/2023/03/Security-Sector-Plan-SSDP-2015.2020new.pdf> (accessed: 18.06.2025).

²⁸ National Security Strategy. Federal Republic of Nigeria. December 2019 // The National Counter Terrorism Centre, Office of the National Security Adviser. URL: <https://nctc.gov.ng/storage/2024/01/NSS-2019.pdf> (accessed: 18.06.2025).

²⁹ Внесена Советом Безопасности ООН в список террористических организаций в 2014 г.

³⁰ Global Terrorism Index 2024: Measuring the Impact of Terrorism // Institute for Economics & Peace. February 2024. URL: <https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2024/02/GTI-2024-web-290224.pdf> (accessed: 18.06.2025).

требующий адаптации подходов к новым, более комплексным по своей природе вызовам и угрозам. Разработчики стратегии намеренно отказались проводить разграничительные линии между внутрисистемными и внешними факторами уязвимости (табл. 2).

В визуализированном виде подход Абуджи к определению угроз национальной безопасности мог бы иметь вид «паутины», где внешнее тесно переплетается с внутренним, аспекты социально-экономической жизни — с императивами политики и безопасности.

Таблица 2. Соотношение внутренних и внешних угроз национальной безопасности в доктринальных документах Эфиопии, Уганды и Нигерии

Страна	Документ	Год	Специфика	Угрозы
Эфиопия	Политика и стратегия Эфиопии в области иностранных дел и национальной безопасности (<i>The Federal Democratic Republic of Ethiopia Foreign Affairs and National Security Policy and Strategy</i>)	2002	Приоритет отдается внутренней повестке (борьбе с бедностью). Внешние угрозы — продолжение внутренних. Список угроз четко не сформулирован	Бедность
				Отсталость (экономическая, технологическая и т. д.)
Уганда	Белая книга в сфере обороны (<i>White Paper on Defence Transformation</i>)	2004	— Есть четкое разделение на внутренние и внешние угрозы. Приоритет отдается реагированию на внешние угрозы — Обозначена четкая корреляция между повесткой безопасности и развития	Небезопасность границ
				Дестабилизирующее внешнее влияние
				Политическая нестабильность
				Экологическая нагрузка и ограниченность ресурсов
				Недостаточное развитие человеческого капитала
				Внутренняя небезопасность
				Экономические потрясения
	План развития сектора безопасности на 2015/2016–2019/2020 гг. (<i>Security Sector Development Plan 2015/2016–2019/2020</i>)	2015	— Список угроз не представлен, вместо этого выделяются факторы, определяющие стратегическую обстановку в сфере безопасности (см. столбец «Угрозы») — Выдвигается холистический подход к безопасности — Признается многоаспектность безопасности, ее внутреннее и внешнее измерения	Поляризация общества
				Гражданские бедствия
				Геостратегический контекст
Нигерия	Стратегия национальной безопасности (<i>National Security Strategy</i>)	2019	— Признается размытость границ между внешними и внутренними факторами риска (поэтому нет четкого деления угроз на внутренние и внешние) — Обозначена взаимосвязь между экономикой и национальной безопасностью	Небольшая стратегическая глубина
				Трансграничные природные ресурсы
				Климатические изменения
				Проницаемые границы
				Размер и природа экономической системы
				Вызовы в киберсфере
				Вызовы в энергетической сфере
				Дефицит социальной сплоченности
				Вызовы в сфере здравоохранения
				Негативные последствия глобализации
				Терроризм и насильственный экстремизм
				Вооруженный бандитизм, похищение, сепаратизм
				Конфликт между скотоводами и земледельцами
				Транснациональная организованная преступность
				Пиратство и морской грабеж
				Проницаемость границ
				Киберпреступления и вызовы в технологической сфере

Окончание табл. 2

Страна	Документ	Год	Специфика	Угрозы
				Угрозы в социально-политической сфере
				Фейковые новости и разжигание ненависти
				Экологические угрозы
				Угрозы в секторе здравоохранения
				Вызовы в сфере экономики (энергодифицит, преступления, связанные с сырой нефтью, безработица и бедность, глобальные экономические вызовы)
				Региональные и глобальные вызовы безопасности

Источник: составлено Е.А. Абрамовой и Д.А. Зеленовой на основе: The Federal Democratic Republic of Ethiopia Foreign Affairs and National Security Policy and Strategy. November 2002. Addis Ababa : Ministry of Information, 2002 // University of Surrey. URL: https://www.surrey.ac.uk/sites/default/files/2024-09/2002_Ethiopia.pdf (accessed: 18.06.2025); White Paper on Defence Transformation. Republic of Uganda. June 2004 // University of Surrey. URL: https://www.surrey.ac.uk/sites/default/files/2024-09/2004_Uganda.pdf (accessed: 18.06.2025); Security Sector Development Plan 2015/16–2019/20. Republic of Uganda, September 2016. P. 12 // National Planning Authority of Uganda. URL: <https://www.npa.go.ug/wp-content/uploads/2023/03/Security-Sector-Plan-SSDP2015.2020new.pdf> (accessed: 18.06.2025); National Security Strategy. Federal Republic of Nigeria. December 2019 // The National Counter Terrorism Centre, Office of the National Security Adviser. URL: <https://nctc.gov.ng/storage/2024/01/NSS-2019.pdf> (accessed: 18.06.2025).

К примеру, одна из острых проблем национальной безопасности страны, имеющая международное измерение, — пиратство в Гвинейском заливе. Территориальные воды Нигерии представляют зону высокого риска для осуществления международных морских перевозок, что не только связано с проблемой морского патрулирования, но и обнажает проблемы более внутрисистемного характера (в первую очередь высокий уровень безработицы в стране). Другой пример — конфликт между скотоводами и земледельцами, где отчетливо проявляется взаимосвязь между социально-экономическими и экологическими факторами. Последствия изменения климата и демографического бума обостряют проблему дефицита ресурсов (земельных, водных и др.) и конкуренцию за них. Демографическое богатство страны, как и ресурсное, рассматриваются в двух ипостасях: как дивиденд для развития и одновременно — точки уязвимости. Не случайно, что в числе угроз национальной безопасности Нигерии обозначены преступления, связанные с сырой нефтью. Кроме того, как признает Абуджа, экономика Нигерии в высокой степени зависима от экспорта сырой нефти, а значит, — и от конъюнктуры мировых энергетических рынков³¹.

³¹ National Security Strategy. Federal Republic of Nigeria. December 2019. P. 15 // The National Counter

Официальный дискурс Египта по вопросам обеспечения национальной безопасности

Вопросы безопасности традиционно являются приоритетными для Арабской Республики Египет (АРЕ) как во внутренней, так и во внешней политике (Piazza, 2019), что в немалой степени обусловлено особенностями географического положения страны (Mushoffa & Juniatama, 2020, p. 1600). Расположенный на территории Египта Суэцкий перешеек соединяет Африку с Азией, связывая страну с ближневосточным комплексом безопасности (табл. 3). Как отмечают российские исследователи, при всем бесспорном статусе региональной державы в масштабах Африканского континента государство начало позиционировать себя как африканское только с 2014–2017 гг., а до этого отдавало предпочтение преимущественно панарабской солидарности (Лошкарёв, Протасов, 2024). Синайский п-ов и Суэцкий канал, можно сказать, являются «ахиллесовой пятой» национальной безопасности Египта, в особенности в связи с неурегулированным палестино-израильским конфликтом. Эскалация конфликтов на Ближнем Востоке негативным

Terrorism Centre, Office of the National Security Adviser. URL: <https://nctc.gov.ng/storage/2024/01/NSS-2019.pdf> (accessed: 18.06.2025).

образом влияет на морское судоходство в Аденском заливе и Красном море, нарушает глобальные цепочки поставок³². Так, в 2023 г. напряженность в Красном море привела к потере до 50 % прибыли от эксплуатации Суэцкого канала, важного источника средств для бюджета Египта³³.

Таблица 3. Ключевые проблемы безопасности, обозначенные Египтом в ходе заседаний Генеральной Ассамблеи ООН в 2022–2024 гг.

Год	Проблемы безопасности				
	Водный кризис	Палестино-израильский конфликт	Сирийский кризис	Ливийский кризис	Кризис в Судане
2024	+	+	+	+	+
2023	+	+	+	+	+
2022	+	+	+	+	+

Источник: составлено Е.А. Абрамовой и Д.А. Зеленовой по: General Debate. General Assembly — All Sessions // United Nations. URL: <https://gadebate.un.org/en/sessions-archive> (accessed: 15.11.2024).

Противодействие терроризму и экстремизму остается главным фронтом обеспечения национальной безопасности Египта³⁴. Пришедшая к власти в 2014 г. администрация президента А. ас-Сиси развернула антитеррористическую операцию на севере Синайского п-ова, где в связи с образовавшимся в ходе революционных потрясений «вакуумом власти» укрепились исламистские организации радикального толка. Существует мнение, что Каир, позиционируя себя в качестве гаранта безопасности от исламистской угрозы, использует это для как укрепления своих

региональных позиций, так и для подпитки легитимности военного режима (Piazza, 2019).

Объясняя повестку безопасности африканских стран через объектив связки «вода — энергия — продовольствие»: кейс Эфиопии и Египта

В начале 2010-х гг. в политический и научный дискурс стремительно входит концепт «связки», основанный на взаимозависимости водных, энергетических и продовольственных ресурсов (*water — energy — food nexus*). Глобальный спрос на эти базисные ресурсы продолжит свой рост на фоне поступательно направленных мегатрендов в сфере демографии, экономического и технологического развития.

На сельское хозяйство приходится 70 % от общего мирового забора пресной воды, что делает этот сектор экономики крупнейшим потребителем данного ресурса. Кроме того, вода используется при производстве или транспортировке энергии, которая, в свою очередь, задействована в производстве и цепочках поставок продовольствия (около 30 % от общего объема потребляемой в мире энергии), а также в добыче, транспортировке и очистке водных ресурсов. Таким образом, по мере расширения масштабов человеческой деятельности закономерно будет набирать обороты и конкуренция за доступ к соответствующим ресурсам между различными секторами хозяйственной системы, в том числе энергетическим, агропромышленным и водоснабжающим³⁵. Связка «вода — энергия — продовольствие» заключается в осознании зачастую противоречащих друг другу интересов и их искусном управлении при сохранении целостности экосистемы³⁶.

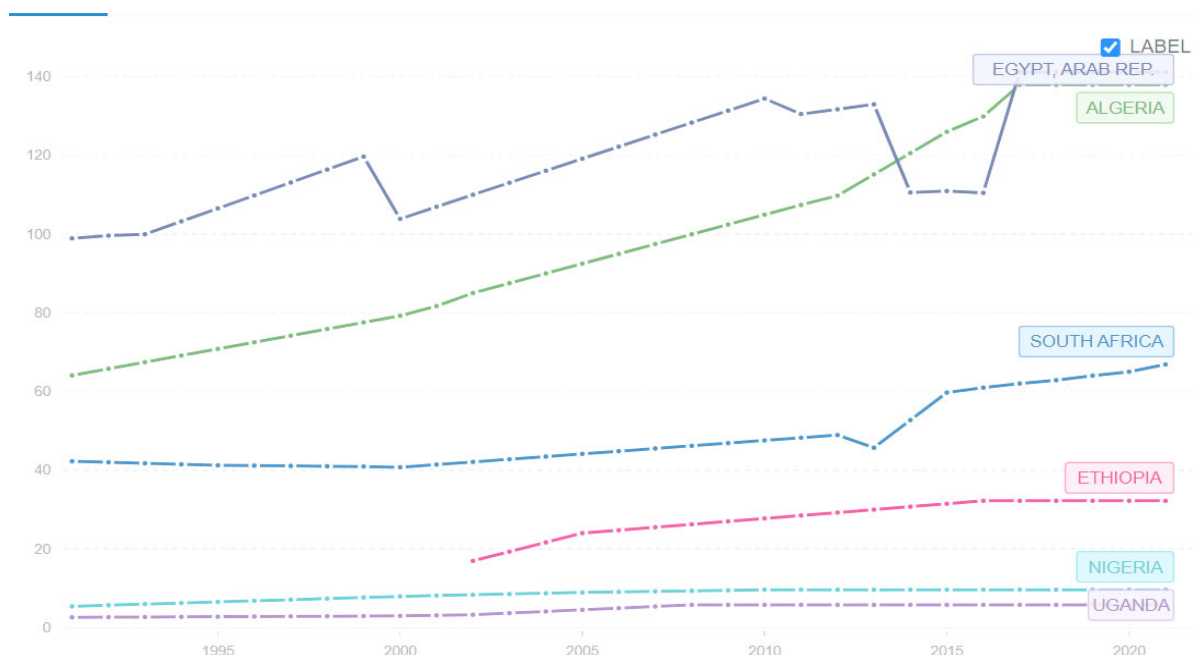
³² President El-Sisi's Speech at BRICS Plus Summit // State Information Service of Egypt. October 24, 2024. URL: <https://www.sis.gov.eg/Story/197576/President-El-Sisi's-Speech-at-BRICS-Plus-Summit?lang=en-us> (accessed: 14.11.2024).

³³ Доходы Суэцкого канала снизились более чем на 20 % из-за ситуации в Красном море // ТАСС. 18.07.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21393749> (дата обращения: 14.11.2024).

³⁴ Army Ready to Protect Egypt National Security, Confront Challenges: Spokesperson (Interview) // Ahramonline. October 15, 2024. URL: <https://english.ahram.org.eg/News/533496.aspx> (accessed: 14.11.2024).

³⁵ The Water — Energy — Food Nexus: A New Approach in Support of Food Security and Sustainable Agriculture // Rome : Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2014. P. 1, 3. URL: <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/86fe97cc-4a38-4511-a37f-8eb8ea8fe941/content> (accessed: 18.06.2025).

³⁶ Water — Energy — Food Nexus // Food and Agricultural Organization of the United Nations. URL: <https://www.fao.org/land-water/water/watergovernance/waterfoodenergyxexus/en/> (accessed: 13.11.2024).

Уровень водного стресса (забор пресной воды в % от имеющихся запасов пресной воды) в Уганде, Нигерии, Эфиопии, ЮАР, Алжире и Египте в 1991–2021 гг.

Источник: Level of Water Stress: Freshwater Withdrawal as a Proportion of Available Freshwater Resources — South Africa, Algeria, Egypt, Arab Rep., Ethiopia, Nigeria, Uganda // World Bank Group.

URL: <https://data.worldbank.org/indicator/ER.H2O.FWST.ZS?end=2021&locations=ZA-DZ-EG-ET-NG-UG&start=1991> (accessed: 14.11.2024).

Водные ресурсы играют центральную роль в этой трехкомпонентной конфигурации, выступая в качестве контрольной переменной. Вода незаменима в производстве биомассы, необходимой для энергетической и продовольственной безопасности в рамках «зеленой» экономики (Hoff, 2011, р. 16). Данные, отображенные на рисунке, демонстрируют, насколько остро может стоять проблема обеспечения водными ресурсами в повестке национальной безопасности африканских стран. Предельно иллюстративны примеры стран Магриба (Египет, Алжир) с показателями уровня водного стресса, превышающими отметку в 100 %.

Источники таких дефицитных ресурсов попадают в фокус секьюритизации и нередко становятся предметом межгосударственных противоречий, как это произошло в случае с проблемой использования вод р. Нил. В стратегии внешней политики и национальной безопасности Эфиопии от 2002 г. воды Нила обозначены в качестве ключевого раздражителя в отношениях с Египтом. Признавая, что египетская цивилизация была построена на

священных водах Нила, Аддис-Абеба оправдывает свое право на использование водных богатств тем, что не менее 85 % вод, поступающих в Египет по данной артерии, происходит из Эфиопии (по притоку Голубой Нил). Политика египтян предстает в документе стремлением навязать Эфиопии свое единоличное право³⁷, основанное на ошибочной логике «игры с нулевой суммой»³⁸.

Представляется, что река Нил имеет сакральное значение для египтянина не только исходя из культурно-исторического контекста, но и по вполне объективным и рациональным причинам: ее воды обеспечивают жизнеспособность 98 % динамично растущего населения страны. Занимающая ключевое место в структуре египетской экономики

³⁷ По договору, заключенному в 1959 г. между Египтом и Суданом, Эфиопия не получала никаких прав на использование водных богатств Нила.

³⁸ The Federal Democratic Republic of Ethiopia Foreign Affairs and National Security Policy and Strategy. November 2002. Addis Ababa: Ministry of Information, 2002. P. 112, 117–119 // University of Surrey. URL: https://www.surrey.ac.uk/sites/default/files/2024-09/2002_Ethiopia.pdf (accessed: 18.06.2025).

сельскохозяйственная отрасль целиком питается за счет вод Нила, обеспечивая приблизительно 40 % спроса на рабочую силу в стране (Abdulrahman, 2019, p. 142). Несмотря на неоднократную смену власти за период существования независимого египетского государства, риторика правящей верхушки в отношении значения р. Нил, в сущности, сохраняла свой «решительный» и в какой-то мере даже «воинствующий» тон. Президент Египта (1970–1981) А. Садат угрожал в адрес Эфиопии применением силы в случае нарушений прав египетского народа на использование Нила; президент страны ас-Сиси (с 2014 г.) рассматривает этот вопрос в категориях жизни и смерти (Abdulrahman, 2019, pp. 137, 144).

Вполне закономерна реакция Египта на строительство Эфиопией плотины «Возрождение», крупнейшей в Африке ГЭС, которая расположена на Ниле. «При всем уважении права эфиопского народа на развитие, оно не может быть реализовано за счет права египетского народа на жизнь и выживание», — заявляла египетская сторона на сессии ГА ООН в 2022 г.³⁹ По прогнозам Каира, реализация эфиопского проекта катастрофическим образом отразится как на продовольственной, так и на энергетической безопасности Египта (по некоторым прогнозам, объемы генерации энергии Асуанской плотинной сократятся до трети (Abdulrahman, 2019, p. 142)), не говоря уже о сопутствующих экономических и экологических последствиях. Следует, однако, заметить, что как в «Стратегии увеличения и управления водными ресурсами 2050» от 2018 г., так и в других плановых и стратегических документах Египта не допускается вероятность наступления сценария, при котором будет сокращен объем поступления водных ресурсов в страну. Эксперты квалифицируют это как возможный признак уверенности египетских властей в том, что такую ситуацию они попросту не допустят⁴⁰.

³⁹ General Debate of the 77th Session — Egypt: His Excellency Sameh Hassan Shoukry Selim, Minister for Foreign Affairs // United Nations. URL: <https://gadebate.un.org/en/77/egypt> (accessed: 15.11.2024).

⁴⁰ Веселов Ю. А. О стратегии Египта в обеспечении внутренних потребностей страны в водных ресурсах // Институт Ближнего Востока. 05.05.2021. URL:

Администрации Х. Мубарака (1981–2011) в значительной степени удалось отрезать Эфиопию от внешнего финансирования, переориентировав эфиопское руководство на поиск внутренних источников для реализации масштабного проекта по строительству плотины. Здесь речь идет не только об осуществлении планов Аддис-Абебы стать крупнейшим производителем энергии в Восточной Африке, но и об обеспечении бесперебойной подачи электроэнергии на территории самой Эфиопии (Брагин, 2012).

Таким образом, проблема использования вод р. Нил, тесно сопрягающаяся с вопросами продовольственной и энергетической безопасности, рассматривается египетской и эфиопской сторонами в категориях национальной безопасности. Причем если в доктринальном документе Эфиопии⁴¹ была заложена формулировка о возможности нахождения взаимоприемлемого решения по этому вопросу, то в риторике Каира скорее прослеживается бескомпромиссность. Категоричная позиция египетских властей может быть объяснена данными, отображенными на рисунке, а также исторически сложившейся спецификой расселения египтян вдоль берегов Нила. Река Нил играет огромное значение одновременно во всех измерениях триады «вода — энергия — продовольствие» экономики АРЕ⁴². Напротив, для Аддис-Абебы использование водных ресурсов притока Голубой Нил связано прежде всего с вопросами обеспечения энергетической безопасности, которые остро стоят в повестке государственного развития⁴³.

<http://www.iimes.ru/?p=77067> (дата обращения: 15.11.2024).

⁴¹ The Federal Democratic Republic of Ethiopia Foreign Affairs and National Security Policy and Strategy. November 2002. Addis Ababa : Ministry of Information, 2002. P. 112–119. URL: https://www.surrey.ac.uk/sites/default/files/2024-09/2002_Ethiopia.pdf (accessed: 18.06.2025).

⁴² Хотя в случае с энергетикой — в меньшей степени, так как основная доля электрогенерации в Египте (порядка 90 %) приходится на тепловые электростанции. См. подробнее: (Волков, Шарова, 2018).

⁴³ Почти половина населения Эфиопии не имеет доступа к электричеству. См.: World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org> (accessed: 14.11.2024).

Таблица 4. Структурные блоки в стратегиях кибербезопасности Египта, ЮАР, Уганды и Нигерии

Государство, год принятия документа	Список угроз	Спецификация (угрозы)	План действий	Временные рамки	Распределение компетенций	Распределение ресурсов
Египет (2018)	+	1. Проникновение в критическую ИКТ-инфраструктуру 2. Кибертерроризм и кибервойны 3. Кража цифровой «идентичности» и персональных данных	+	+	–	–
ЮАР (2012)	+	1. Киберпреступность 2. Кибертерроризм 3. Кибервойны 4. Кибершпионаж	+	–	+	–
Уганда (2014)	–	–	+	–	–	–
Уганда (2022)	–	–	+	+	+	–
Нигерия (2021)	+	1. Киберпреступность 2. Кибертерроризм и использование интернета террористическими организациями 3. Эксплуатация детей в интернете 4. Гендерная эксплуатация в интернете 5. Вмешательство в выборы 6. Киберугрозы, вызванные последствиями пандемии COVID-19 7. Другие угрозы	+	+	+	–

Источник: составлено Е.А. Абрамовой и Д.А. Зеленовой на основе: Ajijola A.-H., Allen Nate D. F. African Lessons in Cyber Strategy // Africa Center for Strategic Studies. March 8, 2022. URL: <https://africacenter.org/spotlight/african-lessons-in-cyber-strategy/> (accessed: 12.11. 2024).

Реагируя на вызовы современности: стратегия кибербезопасности африканских стран

Процесс секьюритизации не обошел стороной и информационное пространство, которое стало рассматриваться в качестве одной из сфер национальной безопасности (Рамич, Пискунов, 2022, с. 246). С освоением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) появляются все новые вызовы и угрозы, связанные, например, с атаками на критическую инфраструктуру стран, злонамеренным вторжением в информационное пространство и т. д. Африканский континент — наиболее подверженный киберугрозам регион в мире. В 2017 г. ущерб африканских стран от преступлений в киберпространстве составил 3,5 млрд долл. США (ЮАР — в числе главных пострадавших, там ущерб от кибератак составил 157 млн долл. США) (Панцеров, 2022, с. 294). Очевидно, что такие

показатели связаны с проблемой развития соответствующей инфраструктуры и шире — обеспечения технологического суверенитета (Панцеров, 2022, с. 292). Около 40 африканских стран разработали законодательное регулирование в киберпространстве (Панцеров, 2022, с. 292). Однако менее половины государств континента располагают национальными стратегиями в сфере кибербезопасности, причем единицы из них (табл. 4) содержат необходимые смысловые блоки (определение угроз, план действий, временные рамки, распределение компетенций и ресурсов)⁴⁴.

Среди африканских участников БРИКС стратегия кибербезопасности существует у ЮАР, Нигерии, Уганды (в числе первых на континенте приняли соответствующие

⁴⁴ Ajijola A.-H., Allen Nate D. F. African Lessons in Cyber Strategy // Africa Center for Strategic Studies. March 8, 2022. URL: <https://africacenter.org/spotlight/african-lessons-in-cyber-strategy/> (accessed: 12.11.2024).

документы), а также у Египта. В соответствии с курсом Эфиопии на ускоренное развитие доктринальным документом в цифровой сфере является стратегия «Цифровая Эфиопия – 2025» (*Digital Ethiopia 2025*), ориентирующая страну на пути инновационной экономики. Вместе с тем, несмотря на такую «зрелость» ЮАР, Нигерии и Уганды в отношении регулирования киберсферы, в отчете Международного союза электросвязи (2024 г.) эти страны не попали в первый эшелон государств по уровню обеспечения кибербезопасности: в числе лидеров — Египет, ЮАР — во втором эшелоне (хотя ее национальное законодательное регулирование получило высшую оценку), Эфиопия, Нигерия и Уганда — в третьем эшелоне (из пяти)⁴⁵.

Наиболее комплексный в структурном плане документ был принят в Нигерии (табл. 4). В национальной политике и стратегии кибербезопасности страны подтверждается центральная роль киберпространства в обеспечении национальной безопасности и социально-экономического развития страны (п. 1.2)⁴⁶. Так, в СНБ Нигерии от 2019 г. выражаются опасения относительно роста финансовых и технологических возможностей террористических организаций, что создает угрозу атаки на критическую информационную инфраструктуру⁴⁷. В некоторых аспектах местные экстремистские организации уже превзошли национальное правительство. Например, «Боко Харам» использует более продвинутые в техническом плане дроны по сравнению с аппаратами, имеющимися

в распоряжении нигерийских властей (Панцеров, 2022, с. 297). Кроме того, для разжигания ненависти, пропаганды экстремизма и вербовки новобранцев в террористические сети радикальными группировками используются социальные сети и другие интернет-платформы.

Примечательно также, что в СНБ Нигерии выработан широкий подход к трактовке понятия «кибербезопасность», в рамках которой рассматриваются не только ее технологическое, но и информационное и социальное измерения. Большое внимание уделено проблемам уязвимости различных социальных групп (в частности детей) перед угрозами интернет-пространства, кибербуллингу, клевете и оскорблению человеческого достоинства в информационной среде. Напротив, в стратегии Египта⁴⁸ просматривается ориентация скорее на государственно-центричный подход к кибербезопасности (в числе первоочередных задач — защита критической ИКТ-инфраструктуры и отражение киберугроз, исходящих от иностранных государств и террористических группировок), хотя и аспекты человеческой безопасности в ней также содержатся.

Как и в случае с обновленной Стратегией национальной безопасности, в стратегии кибербезопасности Уганды в новой редакции⁴⁹ нашел отражение холистический подход, продиктованный «комплексной природой киберпространства»⁵⁰. Примечательно, что и

⁴⁵ Global Cybersecurity Index 2024: 5th Edition. International Telecommunication Union, 2024 // ITU Publications. URL: <https://www.itu.int/publications/publication/global-cybersecurity-index-2024> (accessed: 18.06.2025).

⁴⁶ National Cybersecurity Policy and Strategy. Federal Republic of Nigeria. February 2021 // Nigerian Investment Promotion Commission. URL: <https://www.nipc.gov.ng/product/national-cybersecurity-policy-and-strategy/> (accessed: 18.06.2025).

⁴⁷ National Security Strategy. Federal Republic of Nigeria. December 2019 // The National Counter Terrorism Centre, Office of the National Security Adviser. URL: <https://nctc.gov.ng/storage/2024/01/NSS-2019.pdf> (accessed: 18.06.2025).

⁴⁸ Al-istratigiyya al-wataniyya lil-amn as-sibraniy 2023–2027 [Национальная стратегия кибербезопасности на 2023–2027 гг.] // Министерство коммуникаций и информационных технологий Арабской Республики Египет. (На арабском языке). URL: https://mcit.gov.eg/Upcont/Documents/Publications_1412024000_National_Cybersecurity_Strategy_2023_2027.pdf (accessed: 18.06.2025).

⁴⁹ National Cybersecurity Strategy. Republic of Uganda, 2022 // The National Information Technology Authority-Uganda (NITA-U). URL: <https://www.nita.go.ug/sites/default/files/2024-02/National%20Cybersecurity%20Strategy-UG.pdf> (accessed: 18.06.2025).

⁵⁰ National Cybersecurity Strategy. Republic of Uganda, 2022 // The National Information Technology Authority-Uganda (NITA-U). P. 23. URL: <https://www.nita.go.ug/sites/default/files/2024-02/National%20Cybersecurity%20Strategy-UG.pdf> (accessed: 18.06.2025).

в данном измерении правительство Уганды демонстрирует высокую степень открытости для международного сотрудничества (как в рамках АС, так и на региональном уровне). Будучи приверженной принципам превентивной дипломатии, Кампала выступает за ответственное поведение государств в киберсфере⁵¹. Аналогичный призыв был зафиксирован и в п. 54 Казанской декларации БРИКС, в которой обеспечению безопасности в сфере использования ИКТ отводится большое внимание (на нескольких страницах текста документа общим объемом в 43 страницы)⁵².

Вместо заключения: возможности для взаимодействия по вопросам безопасности в рамках БРИКС

В доктринальных документах в сфере национальной безопасности рассмотренных стран отмечается различие в подходах к определению приоритетных угроз. Правительство Эфиопии отдает предпочтение внутренней повестке (обеспечению благоприятной социально-экономической среды), Уганда — нивелированию угроз извне (посредством превентивной дипломатии). ЮАР, в свою очередь, стремится к соблюдению баланса между внутренним и внешним. В СНБ Нигерии классификация источников угроз по данному принципу и вовсе отсутствует. То же самое касается и регулирования киберсферы, где в разной степени соотносятся государственно-центричный подход и аспекты человеческой безопасности. Однако из такого национального многозвучия

африканской повестки можно вывести некие общие знаменатели.

Во-первых, *широкий, холистический подход стран к определению национальной безопасности* соотносится с повесткой БРИКС, в которой наряду с традиционными аспектами безопасности выделяются ее нетрадиционные измерения (продовольственное, информационное, энергетическое, экологическое, финансовое и др.) (см. подробнее: (Дегтерев, 2024b)). Как представляется, в результате расширения БРИКС за счет новых африканских участников логика сопряжения вопросов безопасности и развития может на долгосрочной основе укрепиться в качестве одной из детерминант в повестке деятельности этого формата.

Во-вторых, отмечается *схожий характер угроз*. Терроризм и преступность, экономическая и технологическая отсталость, неэффективное государственное управление, деградация окружающей среды, вызовы в информационном пространстве — все эти угрозы в той или иной степени артикулируются на официальном уровне в рассматриваемых государствах. В тексте Казанской декларации БРИКС эти «африканские проблемы» нашли достаточно полное отражение⁵³, что весьма наглядно демонстрирует мотивы африканских государств для вступления в объединение. С учетом такого широкого мандата БРИКС не исключено, что этот формат спо-

⁵¹ National Cybersecurity Strategy. Republic of Uganda, 2022 // The National Information Technology Authority-Uganda (NITA-U). P. 36. URL: <https://www.nita.go.ug/sites/default/files/2024-02/National%20Cybersecurity%20Strategy-UG.pdf> (accessed: 18.06.2025).

⁵² XVI Саммит БРИКС. Казанская декларация «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». Казань, Российская Федерация, 23 октября 2024 года // Национальный комитет по исследованию БРИКС, Россия. URL: https://nkibrics.ru/system/asset_docs/data/6749/d14d/6272/6906/a464/0000/original/%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf?1732890957 (дата обращения: 18.06.2025).

⁵³ См., например, п. 57: «...Обязуемся активизировать усилия в областях, представляющих взаимный интерес, включая (но не ограничиваясь) торговлю, борьбу с бедностью и голодом, устойчивое развитие, в том числе обеспечение доступа к источникам энергии, воде и продовольствию, топливу, удобрениям, смягчение последствий изменения климата и адаптацию к ним, образование и здравоохранение, профилактику пандемий, обеспечение готовности к ним и реагирование на них». См.: XVI Саммит БРИКС. Казанская декларация «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». Казань, Российская Федерация, 23 октября 2024 года. С. 20 // Национальный комитет по исследованию БРИКС, Россия. URL: https://nkibrics.ru/system/asset_docs/data/6749/d14d/6272/6906/a464/0000/original/%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf?1732890957 (дата обращения: 18.06.2025).

собен выступить переговорной площадкой для урегулирования / снижения градуса конфликта между Египтом и Эфиопией вокруг вод р. Нил. Вместе с тем объединение в новом (расширенном) составе, вероятно, будет проявлять бóльшую избирательность в содержательном наполнении повестки своей деятельности, по возможности дистанцируясь от обсуждения вопросов, которые отвечают национальным интересам узкого круга государств из числа участников формата и потенциально могут завести принцип консенсуса «в тупик».

В-третьих, *трансграничный характер угроз* обуславливает важность *регионального измерения* в обеспечении национальной безопасности этих государств, их все более проактивную позицию в формировании региональных комплексов безопасности. Данное обстоятельство необходимо принимать во внимание в качестве одного из внешних факторов, определяющих политику национальной безопасности африканских стран БРИКС и соответственно повестку, продвигаемую ими в рамках объединения. Так, в тексте Казанской декларации отчетливо прослеживается голос не только ЮАР (например, отмечены успехи САДК по стабилизации обстановки в Мозамбике), но и двух новых африканских участников — Египта и Эфиопии. Очаги нестабильности в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (сектор Газа и Западный берег⁵⁴, Сирия, Йемен,

Судан), где сосредоточены императивы национальной безопасности Египта, были перечислены в тексте итогового документа⁵⁵. Кроме того, отдельное упоминание получила чувствительная для Египта проблема судоходства в Красном море (п. 33). Удостоился упоминания и регион Африканского Рога⁵⁶, в комплекс безопасности которого тесно вплетена Эфиопия (хотя бы в связи с нерешенной проблемой доступа страны к морским коммуникациям Красного моря).

Важно сделать оговорку о том, что статус партнера БРИКС, как видится на данном этапе, не предполагает прямого участия в формулировании повестки и ориентиров деятельности, а также разработке итоговых деклараций объединения. Речь в первую очередь идет о предоставлении доступа к осуществляемым под эгидой БРИКС проектам и платформам. Тем не менее это не умаляет важности рассмотрения подходов Уганды и Нигерии к обеспечению безопасности, которые могут оказывать если и не прямое, то опосредованное влияние на процесс выработки общих подходов в рамках БРИКС, хотя бы в силу высокой субъектности этих стран в африканской подсистеме международных отношений (в том числе на уровне региональных комплексов безопасности).

комитет по исследованию БРИКС, Россия. URL: https://nkibrics.ru/system/asset_docs/data/6749/d14d/6272/6906/a464/0000/original/%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf?1732890957 (дата обращения: 18.06.2025).

⁵⁵ XVI Саммит БРИКС. Казанская декларация «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». Казань, Российская Федерация, 23 октября 2024 года. С. 10–14 // Национальный комитет по исследованию БРИКС, Россия. URL: https://nkibrics.ru/system/asset_docs/data/6749/d14d/6272/6906/a464/0000/original/%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf?1732890957 (дата обращения: 18.06.2025).

⁵⁶ Там же. С. 13.

⁵⁴ В декларации ответственность за эскалацию насилия была возложена на правительство Израиля, что означало дипломатический успех в том числе для ЮАР и Египта, выступавших с решительным осуждением действий израильской стороны. Кроме того, в позитивном ключе были отмечены «постоянные усилия Арабской Республики Египет и Государства Катар, другие региональные и международные усилия, направленные на немедленное прекращение огня, ускорение поставок гуманитарной помощи и вывод израильских войск из сектора Газа» (п. 30). См.: XVI Саммит БРИКС. Казанская декларация «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». Казань, Российская Федерация, 23 октября 2024 года. С. 11 // Национальный

Поступила в редакцию / Received: 16.11.2024
Доработана после рецензирования / Revised: 04.04.2025
Принята к публикации / Accepted: 10.06.2025

Список литературы

- Бартенев В. И.* Секьюритизация сферы содействия международному развитию: анализ политического дискурса // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2011. Т. 6, № 3. С. 37–50. EDN: MNRPWE
- Бартенев В. И.* Связка «безопасность — развитие» в современных западных исследованиях: от деконструкции к концептуализации // *Международные процессы*. 2015. Т. 13, № 3. С. 78–97. EDN: UXZTYX
- Бокерия С. А.* Концепт «безопасность — развитие» в деятельности БРИКС // *Вестник Томского университета*. 2020. № 454. С. 123–130. <https://doi.org/10.17223/15617793/454/14>; EDN: NUIGLL
- Брагин А. Н.* Эфиопия: «великая дамба возрождения» // *Азия и Африка сегодня*. 2012. № 1. С. 56–58. EDN: OTRMWF
- Волков С. Н., Шарова А. Ю.* Роль электроэнергетики в экономическом развитии Египта // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2018. Т. 11, № 5. С. 86–104. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-5-86-104>; EDN: LFQAMI
- Гайдаев О. С.* Теория секьюритизации, или Хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2021. Т. 21, № 1. С. 20–32. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32>; EDN: NNEVCH
- Дегтерев Д. А.* Ресуверенизация Африки в контексте формирования нового миропорядка // *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024а. № 4. С. 29–48. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-69-4-29-48>; EDN: KVTKGO
- Дегтерев Д. А.* Эфиопия в БРИКС: первый год вместе // *Проблемы национальной стратегии*. 2024б. № 5. С. 132–149. EDN: HVNELR
- Денисова Т. С., Костелянец С. В.* «Африканским проблемам — африканские решения»: миротворчество в деятельности Африканского союза и африканских региональных организаций // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2023. Т. 23, № 3. С. 451–465. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-451-465>; EDN: FQDWAU
- Идахоса С. О., Савичева Е. М., Ихидеро С. А., Адебайо К. М.* Комплекс региональной безопасности и динамика угроз государствам Сахеля // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2023. Т. 23, № 1. С. 67–87. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-67-87>; EDN: USAWTB
- Костелянец С. В., Океке О. А.* Динамика африканской политики Нигерии в постколониальный период // *Ученые записки Института Африки РАН*. 2021. № 4. С. 56–71. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2021-57-4-56-71>; EDN: NIRQVL
- Лошкарёв И. Д., Протасов Д. В.* Региональные державы Африканского континента: тенденции и перспективы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68, № 4. С. 54–65. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-4-54-65>; EDN: TUAAGR
- Миротворчество в многополярном мире / под ред. С. А. Бокерия, Д. А. Дегтерева.* Москва : Аспект Пресс, 2024. EDN: MLCRDA
- Панцерев К. А.* Злонамеренное использование технологий искусственного интеллекта в странах Африки южнее Сахары: вызовы panaфриканской кибербезопасности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2022. Т. 22, № 2. С. 288–302. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-288-302>; EDN: RFWMPU
- Рамич М. С., Пискунов Д. А.* Секьюритизация информационного пространства: от конструирования норм до создания правовых режимов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2022. Т. 22, № 2. С. 238–255. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-238-255>; EDN: KSSXFK
- Худайкулова А. В.* Объясняя безопасность Глобального Юга: западные и незападные подходы // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2020. Т. 13, № 3. С. 394–417. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.307>; EDN: ZCPIRP
- Abdulrahman S. A.* The River Nile and Ethiopia's Grand Renaissance Dam: Challenges to Egypt's Security Approach // *International Journal of Environmental Studies*. 2019. Vol. 76, no. 1. P. 136–149. <https://doi.org/10.1080/00207233.2018.1509564>
- Africa S.* Human Security in South Africa // *Strategic Review for Southern Africa*. 2015. Vol. 37, no. 1. P. 178–189. <https://doi.org/10.35293/srsa.v37i1.219>; EDN: VMKCDF

- Baldwin D.* The Concept of Security // Review of International Studies. 1997. Vol. 23, iss. 1. P. 5–26. <https://doi.org/10.1017/S0260210597000053>; EDN: FOQWVB
- Buzan B.* People, States and Fear : The National Security Problem in International Relations. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1983.
- Buzan B.* Rethinking Security after the Cold War // Cooperation and Conflict. 1997. Vol. 32, iss. 1. P. 5–28. <https://doi.org/10.1177/0010836797032001001>; EDN: JQRESF
- Buzan B., Wæver O.* Regions and Powers : The Structure of International Security. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511491252>
- Gebresenbet F.* Securitisation of Development in Ethiopia: The Discourse and Politics of Developmentalism // Review of African Political Economy. 2014. Vol. 41, no. S1. P. S64–S74. <https://doi.org/10.1080/03056244.2014.976191>
- Hoff H.* Understanding the Nexus. Background Paper for the Bonn 2011 Conference: The Water, Energy and Food Security Nexus. Stockholm, Sweden : Stockholm Environment Institute, 2011.
- Human Security and Sustainable Development in East Africa / ed. by J. O. Asaka, A. A. Oluoko-Odingo. London, New York : Routledge, 2023.
- Mushoffa E., Juniata A. G.* Egypt's Security Policy in the Post Arab-spring Periods: Pragmatism and Fluidity in the Wake of Renewed Regional Security Threats // Proceedings of the 1st International Conference on Recent Innovations (ICRI 2018), Jakarta, Indonesia. 2020. Vol. 1. P. 1598–1605. <https://doi.org/10.5220/0009932515981605>
- Piazza B. A.* The Foreign Policy of Post-Mubarak Egypt and the Strengthening of Relations with Saudi Arabia: Balancing Between Economic Vulnerability and Regional and Regime Security // The Journal of North African Studies. 2019. Vol. 24, iss. 3. P. 401–425. <https://doi.org/10.1080/13629387.2018.1454650>
- Walsh B.* Revisiting Regional Security Complex Theory in Africa: Museveni's Uganda and Regional Security in East Africa // African Security. 2020. Vol. 13, no. 4. P. 300–324. <https://doi.org/10.1080/19392206.2021.1873507>

Сведения об авторах:

Абрамова Екатерина Александровна — младший научный сотрудник Центра изучения африканской стратегии БРИКС, аспирант, Институт Африки РАН; Российская Федерация, 123001, г. Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1; eLibrary SPIN-код: 3900-3394; ORCID: 0009-0004-6761-4215; e-mail: ekaterina_abramova23@mail.ru

Зеленова Дарья Александровна — кандидат политических наук, старший научный сотрудник, заведующая Центром изучения африканской стратегии БРИКС, Институт Африки РАН; Российская Федерация, 123001, г. Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1; eLibrary SPIN-код: 8187-6389; ORCID: 0000-0002-5237-4413; e-mail: d.zelenova@gmail.com

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

REGIONAL ASPECTS OF INTERNATIONAL RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-3-449-468

EDN: WBQKJX

Научная статья / Research article

Постбиполярный Ближний Восток: движение от конфликтов к устойчивому развитию в условиях формирующегося многополярного мира

И.А. Матвеев

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

 iamatveev@fa.ru

Аннотация. Современный макрорегион Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) и после распада биполярной системы международных отношений представляет собой пространство с более чем двумя десятками государств с различными политическими режимами, экономическими моделями, уровнями социально-экономического развития и целым рядом конфликтов, которые по типам делятся на межгосударственные, внутренние и гибридные с участием государств и негосударственных акторов (НГА), по видам — на территориальные, идеологические, политические, этнические, религиозные и экономические, а также отличаются по интенсивности и степени интернационализации. Противоречивость БВСА проявляется в параллельном генезисе очагов устойчивого развития, обуславливающих заинтересованность государств в установлении долгосрочного мира, что коррелирует с важным транзитным местом БВСА в глобальных логистических проектах, будь то китайская инициатива «Один пояс, один путь» или транспортный коридор «Индия — Ближний Восток — Европа». Отсутствие определенности в военно-политических сценариях, от которых зависит развитие стран БВСА, повышает значимость экспертных оценок и прогнозирования, чем объясняется актуальность темы исследования. Автор ставит перед собой задачу доказать тезис о том, что, несмотря на эскалацию напряженности и провал попыток США «умиротворить» регион на монетарной основе, учитывая преимущественно интересы Израиля, но не других стран, шансы избежать масштабной региональной войны остаются. При переходе от так до конца и не сложившегося однополярного мира к многополярности это связано с суверенизацией внешней политики стран БВСА и дипломатией новых глобальных центров силы, в частности России и Китая. С опорой на широкий пласт российских и зарубежных источников автор применяет принцип историзма и системный подход, анализируя процессы в динамике и в ретроспективе. Новизна исследования состоит в том, что, руководствуясь принципом связи теории и практики и обращаясь к теории глубоко разделенных обществ (ГРО), автор вводит в научный оборот понятие «глубоко разделенного региона» (ГРР). Практическая значимость исследования заключается в предложении ряда рекомендаций по реализации Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г.

Ключевые слова: система международных отношений, страны Глобального Юга, глубоко разделенное общество, «арабская весна», внутренний конфликт, интернационализация конфликта, суверенизация внешней политики, диверсификация экономики, Концепция внешней политики РФ 2023 г.

© Матвеев И.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Примечание. Мнения, высказанные в статье, принадлежат автору и могут не совпадать с позицией редколлегии журнала.

Для цитирования: Матвеев И. А. Постбиполярный Ближний Восток: движение от конфликтов к устойчивому развитию в условиях формирующегося многополярного мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 3. С. 449–468. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-449-468>

Post-Bipolar Middle East: Moving from Conflicts to Sustainable Development in an Emerging Multipolar World

Igor A. Matveev

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

 iamatveev@fa.ru

Abstract. After the collapse of the bipolar system of international relations, the contemporary macro-region of the Middle East and North Africa (MENA) still encompasses more than two dozen states that differ in terms of their political regimes, economic models and levels of socio-economic development. The region also experiences a variety of conflicts, divided by type into interstate, internal, and hybrid with the participation of both states and non-state actors (NSA). Furthermore, these conflicts can be categorized as territorial, ideological, political, ethnic, religious, and economic, and can vary in intensity and degree of internationalization. The contradictory nature of MENA is manifested by the parallel genesis of the foci of sustainable development, which determine the interest of states in establishing long-lasting peace. This is correlated with the significant role of MENA as a transit point in global logistics projects, such as the Chinese Belt and Road Initiative and the India — Middle East — Europe transport corridor. The uncertainty surrounding the political and military scenarios on which MENA countries depend highlights the importance of expert assessments and forecasts, which explains the relevance of the topic of the present study. The author sets out to prove the thesis that, despite the escalation of tensions and the failure of the US's attempts to “pacify” the region on a monetary basis, mostly taking into account the interests of Israel, but not other countries, the chances of avoiding a large-scale regional war remain. Facing the transition from the unipolar to a multipolar world, this could be linked to both the sovereignization of the foreign policies of MENA countries and the diplomacy of the new global centers of power, including Russia and China. Based on a wide range of Russian and foreign sources together with his own field research data, the author applies the principle of historicism using a systemic approach and analyzing processes in retrospective dynamics. The novelty of the research lies in the fact that the author, guided by the principle of the connection between theory and practice and turning to the theory of deeply divided societies (DDSs), introduces the concept of “deeply divided region” (DDR) into the scientific domain. The practical significance of the study is embodied by a few recommendations for implementing the 2023 Concept of Foreign Policy of the Russian Federation.

Key words: system of international relations, countries of the Global South, deeply divided society, Arab Spring, internal conflict, internationalization of conflict, sovereignization of foreign policy, diversification of economy, 2023 Foreign Policy Concept of the Russian Federation

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Disclaimer. The opinions expressed in this article are those of the author. They do not purport to reflect the opinions or views of the editorial team.

For citation: Matveev, I. A. (2025). Post-bipolar Middle East: Moving from conflicts to sustainable development in an emerging multipolar world. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(3), 449–468. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-449-468>

Введение

Ближний Восток в широком понимании его историко-географического пространства, включающего в себя арабские страны

Западной Азии и Северной Африки, а также Израиль, Иран и Турцию, после окончания Второй мировой войны (хотя предпосылки для этого появились гораздо раньше)

превратился в макрорегион с разноуровневыми множественными противоречиями.

В эпоху глобализации, которой присущ рост взаимозависимости регионов и стран, коллективный Запад, пытаясь сохранить неоколониальный доступ к сырьевым ресурсам арабского и исламского мира, зачастую использует в своих интересах или провоцирует множественные конфликты в государствах с различными политическими системами, уровнем развития и моделями экономик. В результате возникают серьезные риски различного рода не только на региональном, но и на глобальном уровне, что чревато неконтролируемым перерастанием региональных конфликтов в трансрегиональные и шире — в третью мировую войну. Более того, уже сейчас конфликты в Газе и Йемене блокируют реализацию перспективных глобальных проектов, таких как китайская инициатива «Один пояс, один путь» или транспортно-логистический коридор «Индия — Ближний Восток — Европа».

Нельзя, однако, сказать, что Ближний Восток остается в стороне от позитивных тенденций. Не только форпост Запада в лице Израиля, но и ряд других государств региона энергично пытаются строить «экономики XXI века», что отражает генезис очагов устойчивого развития.

От экспертных оценок и прогнозов, учитывающих расклад сил на различных уровнях, динамику и вариативность изменений, а также потенциалы устойчивости политических режимов, зависит эффективность реализации задач, изложенных в Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г.¹ Все перечисленное обосновывает актуальность и практическую значимость темы данной статьи.

Объектом исследования является меняющийся комплекс деструктивных и стабилизирующих факторов, которые определяют

политическое и социально-экономическое развитие и модернизацию стран Глобального Юга в первой трети XXI в. на уровне обществ, региональных систем международных отношений (СМО) и экономик. Предметом изучения служит *дихотомия «конфликт — мирное развитие»* в макрорегионе Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА).

Ввиду отсутствия единого международного определения границ этого региона (геосхемы на основе стандарта ООН М.49, Всемирного банка и Международного валютного фонда различаются) под макрорегионом БВСА в этом исследовании будут пониматься страны Лиги арабских государств (ЛАГ), включая Коморы в силу их удаленности и неучастия в региональной СМО, Израиль как участник региональных конфликтов, а также Иран и Турция как державы, активно вовлеченные в региональные дела. Выделяются также субрегионы БВСА: Магриб, регион Красного моря и Африканского Рога, Восточное Средиземноморье и Средний Восток², а также субрегион Персидского залива.

Цель исследования — проверка гипотезы о том, что, несмотря на конфликты, шансы избежать масштабной войны между, например, Ираном и его союзниками (негосударственными акторами, НГА), с одной стороны, и Израилем и США — с другой, в макрорегионе БВСА сохраняются по ряду причин:

— распад биполярной системы международных отношений в конце XX в. привел к утрате со стороны стран БВСА интереса в участии в блоковой межгосударственной конфронтации ради экономических и финансовых дивидендов;

— начался процесс суверенизации внешней политики государств Глобального Юга, направленный на установление более справедливого миропорядка;

— наблюдается генезис очагов и зон устойчивого развития, что формирует заинтересованность государств в долгосрочном мире, который, однако, не означает их отказа от регионального соперничества;

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом России В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 31.10.2023. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 17.11.2024).

² В данном случае к Среднему Востоку (англ. *Middle East*) относятся Иран и Турция — отдельно от остального региона БВСА (англ. *Near East*).

— государства БВСА ищут новые форматы интеграции и взаимодействия между собой и новыми глобальными центрами силы. Примером служит рост интереса стран БВСА к БРИКС.

Материалы и методы исследования

Основные аспекты теории и истории международных отношений, развития СМО на различных уровнях анализируются с использованием системного подхода в трудах российских ученых в рамках научной школы А.Д. Богатурова (От системной истории..., 2020). Многие вопросы, связанные с теорией международных конфликтов, конфликтами на Ближнем Востоке и проблемами социально-экономического развития стран региона, нашли отражение в трудах российских и зарубежных авторов, которые, в частности, осуществили классификацию конфликтов (Глухова, 2020) и типологизацию поведения акторов в них (Сушенцов, 2010).

По характеру выделяют конфликты-сражения, игры и споры (Rapoport, 1960), по пространственному охвату — глобальные, региональные и локальные, которые с учетом столкновения интересов, борьбы за сферы влияния и ресурсы при высокой степени интернационализации становятся геополитическими. По типу конфликты делятся на межгосударственные, внутренние и гибридные, по видам — на территориальные, политические, идеологические, этнические, религиозные и экономические конфликты.

Вопросы эволюции региональной СМО на Ближнем Востоке освещены как в работах российских (Яковлев, 2020; Рыжов, Бородин, Савичева, 2021; Поляков, 2023), так и зарубежных (Halliday, 2005; Hinnebusch, 2015) исследователей.

Российский востоковед В.В. Наумкин (2015) применительно к БВСА развивает концепт «глубоко разделенного общества», основоположником которого считается А. Гелке (Guelke, 2012). В.В. Наумкин и В.А. Кузнецов (Наумкин, Кузнецов, 2020) также адаптировали к Ближнему Востоку типологию негосударственных акторов Ф. Тейлора (Taylor, 1984).

Причины «арабской весны» и «волн турбулентности», которые «встряхнули» арабский мир в 2011 г. и 2012–2018 гг., анализируются К.М. Труевцевым (Труевцев, 2020). На Западе на тему «арабской весны» вышли монографии Дж. Гелвина (Gelvin, 2012) и М. Хааса (Haas, 2017).

Тенденции и игроки на Ближнем Востоке в «постбиполярный период» исследуются И.Д. Звягельской (Звягельская, 2017). Существуют также работы по интернационализации конфликтов (Лукьянов, Кулиева, 2024) и вызову исламистского терроризма (Исаев и др., 2020).

Обширный пласт исследований посвящен проблемам модернизации и интеграции государств БВСА (Мамедова, 2016; Мельянцев, Амиров, 2018; Руденко, 2016; Арабский Восток в лабиринте социально-экономических проблем, 2022), анализу динамики основных характеристик геополитической и культурно-цивилизационной идентичности на Ближнем Востоке (Белов, Савичева, 2021), а также обзору роли России на Ближнем Востоке (Звягельская и др., 2021).

Если в упомянутых работах конфликты и императивы устойчивого развития анализируются по отдельности, то в данном исследовании все они рассматриваются в совокупности применительно к Ближнему Востоку, что позволяет продемонстрировать его возросшую противоречивость.

Методологически исследование опирается на следующие подходы и принципы:

— системный подход, подразумевающий подготовку геосхем конфликтов, очагов и зон устойчивого развития, которые рассматриваются через призму региональной СМО;

— междисциплинарный подход;

— принцип единства теории и практики, который позволяет представить авторскую оценку зачастую противоречивых на первый взгляд сообщений из мирового информационного потока, касающегося БВСА, делая обоснованные выводы об их реальном содержании.

Набор методов исследования включает в себя классификацию, сравнительный анализ и применение элементов методики

визуализации данных с их изложением в объектах инфографики в удобном для зрительного восприятия виде.

Глубоко разделенные общества

Макрорегиону БВСА присущи глубоко разделенные общества. В.В. Наумкин относит к ним Ирак и Сирию, а также Бахрейн, Йемен, Ливан и Ливию (Наумкин, 2015, с. 67). На наш взгляд, явные признаки ГРО присущи Бахрейну, Джибути, Ираку, Йемену, Ливану, Ливии, Мавритании, Сирии, Сомали, Судану, Турции (рис. 1).

В Магрибе ГРО сложились в условиях культурно-сложных обществ Алжира, Ливии и Мавритании. Несмотря на признаки ГРО в Марокко и Тунисе, связанные с имущественным неравенством (именно в Тунисе началась «арабская весна»), в первом случае властям удается предотвращать поляризацию общества при помощи патернализма и за счет внешней помощи, во втором — идя на политические уступки гражданам и поощряя диалог между общественными силами.

Долгое время основным бинарным противоречием в Алжире оставался политико-идеологический конфликт между властями и исламистами, который в 1992–2002 гг. принял вооруженную форму. Сейчас боестолкновения в основном завершены. Сохраняются также этнические противоречия между арабами и кабилами (берберами).

Чертой ГРО в Ливии стали многоуровневые деления, развивавшиеся в колониальный и монархический период, затем — при Муаммаре Каддафи и после падения его режима в 2011 г. Первый уровень представлен регионализмом (арабск. *иклимийя*) — делением на области Киренаика на западе, Триполитания на востоке и Феццан на юго-западе, второй уровень — этническими делениями на арабов, берберов, туарегов (группу берберов). На третьем уровне — племенные (*кабилиия*) и семейно-клановые деления. Свержение М. Каддафи, который как мог старался поддерживать баланс между племенами, привело к резкому росту влияния клановой системы (Махмутова, 2022, с. 363).

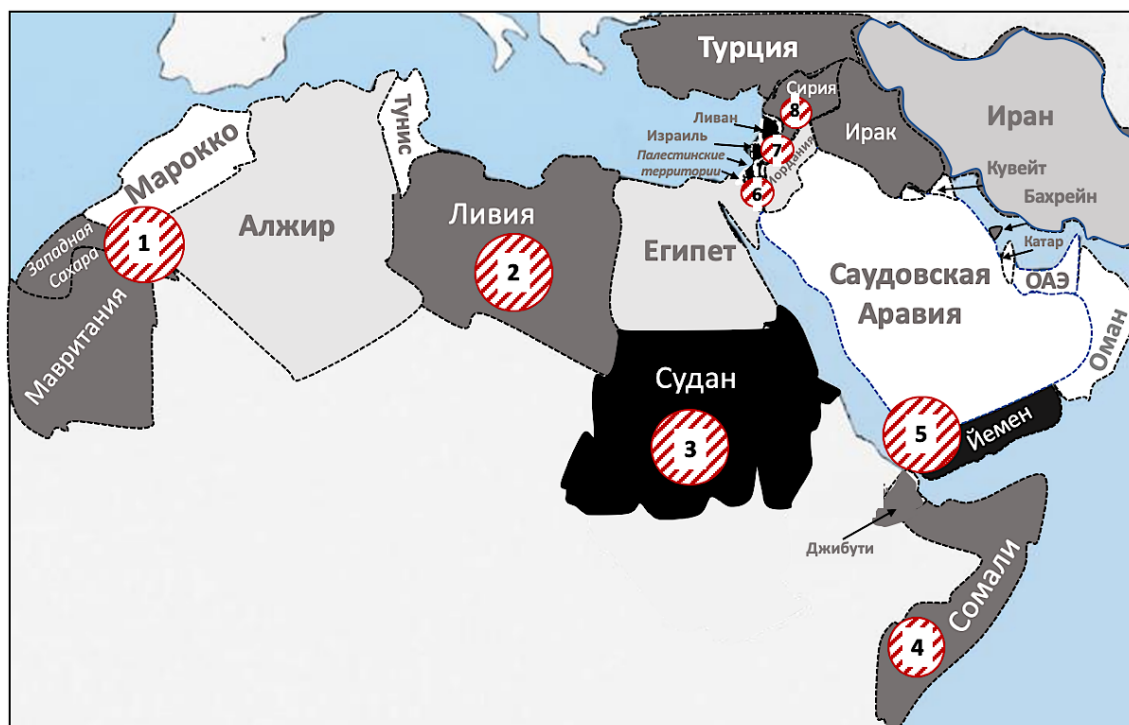

Рис. 1. Конфликты в макрорегионе БВСА:

черным цветом выделены страны (территории) в состоянии горячей фазы конфликта, темно-серым — страны с вооруженными конфликтами, имеющими тенденцию к эскалации или деэскалации, и страны с ярко выраженными признаками ГРО, светло-серым — с признаками ГРО. Штриховкой отмечены конфликтные зоны.

Источник: составлено И.А. Матвеевым.

В мавританском ГРО главным является расово-этническое деление первого уровня на негроидное население Юга и проживающих на Севере туарегов и арабов-берберов, которые ориентируются соответственно на Западную Африку и арабский мир (Гришина, 2021, с. 60–61). На втором уровне — родоплеменные противоречия, обуславливающие частоту военных переворотов³ (неудачный путч 2003, 2005 и 2008 гг.).

В регионе Красного моря / Африканского Рога ГРО сложились во всех пяти странах. В Египте признаком ГРО со времен президентства Анвара Садата стали антагонизмы между компрадорскими и консервативными группами населения, симпатизирующими движению «Братья-мусульмане»⁴, в том числе идейными сторонниками архаизации ислама, а также религиозно настроенными малоимущими горожанами и жителями сельской местности.

Менее острые антагонизмы связаны с религиозным делением на мусульман и христиан-коптов, а также этническим нубийским вопросом. Протесты «арабской весны» привели к отстранению правившего с 1981 г. президента Хосни Мубарака, вместо которого в 2012 г. был избран Мухаммед Мурси, близкий к «Братьям-мусульманам» (запрещены в РФ). При этом стабилизирующим фактором со времен «июльской революции» 1952 г. остается особая роль военных, которые видят себя в качестве гаранта национальной целостности (Ибрагимов, 2019, с. 73). Именно они, сместив М. Мурси в 2013 г., поставили во главе государства генерала Абдельфаттаха ас-Сиси.

В колониальном Джибути сложилось ГРО с делением на два народа: афаров и исса. На референдуме 1967 г. афары поддержали

сохранение статуса заморской территории Франции, тогда как представители этноса исса, относящегося к сомалийскому племени дир, выступили за присоединение к Сомали. После обретения в 1977 г. страной независимости ее возглавил выходец из исса Хасан Аптидон, которого в 1999 г. сменил его племянник, нынешний президент страны Исмаил Гелле. В 1991 г. разразилась война между правительством и афарским Фронтом за восстановление единства и демократии, завершившаяся в 1994 г. победой исса. Пока властям удастся контролировать ситуацию за счет исламизации общества и привлечения внешней помощи. Так, Китаю предлагаются выгодные проекты для инвестирования, в частности, в морской порт Джибути (Пономаренко, Пискунов, 2022, с. 162).

В Йемене племенная рознь переплетается с делением на мусульман-суннитов и мусульман-зейдитов (течение внутри шиитского ислама) в условиях исторического деления страны на Север и Юг. Значительная часть зейдитов является сторонниками хуситского политического движения. Элиты ориентируются на различных внешних акторов: хуситы на севере — на Иран⁵, международно признанные власти, временно обосновавшиеся на юге в Адене, — на Саудовскую Аравию, Южный переходный совет — на Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ)⁶. Существуют и исламисты (в 2014 г. провозглашен «Вилайат Йемен» в структуре «Исламского государства»⁷).

⁵ Гельман З. XXI век и племенное государство // Независимая газета. 26.07.2019. URL: https://nvo.ng.ru/nvo/2019-07-26/1_1054_yemen.html (дата обращения: 22.07.2025).

⁶ См.: Рябов П. П. Йемен: разногласия между КСА и ОАЭ фактически развалили аравийскую коалицию против хоуситов // Институт Ближнего Востока. 31.05.2017. URL: <https://www.iimes.ru/?p=35220> (дата обращения: 22.07.2025); Субботин И. Йеменский конфликт ссорит Эр-Рияд и Абу-Даби // Независимая газета. 26.04.2020. URL: https://web.archive.org/web/20200501202506/http://www.ng.ru/world/2020-04-26/2_7853_yemen.html (дата обращения: 22.07.2025).

⁷ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций,

³ Берг И. С. Межэтнические конфликты в Мавритании в свете военных переворотов (1978–2008) // Институт Ближнего Востока. 25.10.2009. URL: <http://www.iimes.ru/?p=9537> (дата обращения: 18.11.2024).

⁴ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

Примером выраженной формы ГРО является Сомали с конгломератом пересекающихся и параллельных делений. Первый, региональный, уровень обусловлен сложившимся в еще колониальные времена делением страны на Британское Сомали — современный Сомалиленд, не признанный в качестве государства, но со своей экономикой и валютой, и Итальянское Сомали, в настоящее время — Федеративную Республику Сомали, куда де-юре входят регионы Джубаленд, Пунтленд, Хиршабелле, Юго-Западное Сомали и Государство Центральных районов Сомали. Второй уровень — этническое деление между сомалийцами и несомалийцами (банту, эфиопы и др.). Третий уровень — деление на племенные союзы и кланы (дарод, дир, исаак, хавийе, раханвейн), а также на подкланы (Демидов, 2023, с. 199) и семейно-клановые группы. Не случайно Сомали называют страной «кланового федерализма» (Исаев, Бобарыкина, 2023, с. 248). Отдельно следует упомянуть продолжающуюся войну между правительством в Могадишо и местными властями, с одной стороны, и исламистами из «Харакат аш-Шабаб аль-Муджахедин» («Аш-Шабаб») — с другой.

В Судане после раздела в 2011 г. на европеоидный арабо-мусульманский Север и негроидный христианско-анимистический Юг оказались отчасти нивелированы межрасовые и религиозные противоречия. Удалось приглушить Дарфурский этнический конфликт 2003–2020 гг. Однако в 2023 г. борьба за власть между армейской верхушкой и полевыми командирами Сил быстрого реагирования (СБР) привела к началу внутреннего политического конфликта.

Признаки ГРО присущи всем странам Восточного Средиземноморья и Среднего Востока, включая Израиль с его политической поляризацией в рамках многопартийной системы, отражающей в том числе деление по степени религиозности населения (есть ортодоксальные партии). Существует этно-религиозное деление на евреев-иудеев,

признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

арабов-мусульман — граждан Израиля и друзов, которое пока не приобрело антагонистический характер ввиду интегрированности последних в социум. В то же время израильское общество в условиях конфликта с палестинцами, террористических и внешних угроз сохраняет способность к консолидации, в очередной раз сплотившись на фоне войны с ХАМАС.

Непростая ситуация сложилась в Иордании, где деления внутри ГРО связаны с присутствием 2 млн палестинских и 1,4 млн сирийских беженцев (данные за 2024 г.)⁸. И если палестинцы смогли интегрироваться в социум, то приход сирийцев тяжким бременем лег на экономику. Власти, опасаясь внутреннего конфликта, возражают против нового наплыва палестинских беженцев из-за войны в Газе, не забывая о «Черном сентябре» 1970 г., когда тысячи палестинских боевиков чуть было не свергли короля Хусейна. Кроме того, сохраняется кланово-племенная структура общества, токсичный эффект которой нивелируется за счет дискурса патернализма.

В многосоставном иракском обществе сохраняются бинарное этническое разделение на арабов и курдов и конфессиональное разделение на суннитов и шиитов, которые образуют нетипичное для большинства ГРО троичное деление (Guelke, 2012, p. 14). Его отражением является неформальное квотирование государственных должностей (*мухаса-са таифийя*) и рекрутирования элиты (Мамедов, Сапронова, 2021, с. 364–365): согласно политическим договоренностям 2003 г. президентом страны должен быть этнический курд-суннит, премьер-министром — араб-шиит, а спикером парламента — араб-суннит⁹.

В Иране главным маркером деления ГРО является принадлежность к консервативному либо реформаторскому лагерю. К примеру, действующий президент Масуд Пезешкиан

⁸ Where We Work: Jordan // Anera. 2024. URL: <https://www.anera.org/where-we-work/jordan/> (accessed 18.11.2024).

⁹ Бельнская М. Ирак остался без президента // Коммерсантъ. 08.02.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5205612> (дата обращения: 06.08.2025).

считается реформатором, а его предшественник Ибрахим Раиси, погибший в авиакатастрофе, — консерватором. Среди иранцев, особенно молодежи, распространены критические настроения к власти, которые в 2021–2023 гг. не раз приобретали форму массовых протестов. Однако консолидирующим фактором остается «синдром осажденной крепости» в условиях конфронтации с Израилем.

В ливанском ГРО существует ряд конфессиональных делений (*таифийя*): на христиан-маронитов, суннитов, шиитов, друзов, причем — и это уникальность Ливана — не бинарных и троичных, а скорее сетевых. Марониты ориентированы на Запад, сунниты — на Запад и аравийские монархии¹⁰, тогда как местные шииты во многом симпатизируют Ирану. Шаткого баланса удалось достичь благодаря Национальному пакту 1943 г., который закрепил посты президента страны за маронитами, премьер-министра — за суннитами, председателя парламента — за шиитами. Самостоятельным фактором стало присутствие беженцев: в 1975 г. конфликт между палестинцами, создавшими «государство в государстве» на юге Ливана, и маронитами вылился в 15-летнюю гражданскую войну. Сейчас история отчасти повторяется с шиитским движением «Хизбалла», которое сумело не только установить контроль над югом страны, но и интегрироваться в общество, будучи с 1992 г. представленным в парламенте и экономике (Махмутова, 2020, с. 83). Конфессиональное деление накладывается на другие антагонизмы, например, между арабами-мусульманами и частью местных христиан, которые, невзирая на этническую принадлежность к арабам, называют себя «левантийцами» по аналогии с католиками средневековых государств, учрежденных крестоносцами на Ближнем Востоке.

Для ГРО на палестинских территориях главным является бинарное противоречие политико-идеологического характера между Движением за национальное освобождение

Палестины (ФАТХ) и «Исламским движением сопротивления» (ХАМАС). В 2007 г. хамасовцам удалось установить контроль над Газой, а за ФАТХ остался Западный берег. Война в Газе сплотила «палестинскую улицу», но не элиту.

Наличие бинарных делений в Сирии стало одной из причин внутреннего конфликта. В числе таких делений — политические антагонизмы между противниками и сторонниками экс-президента Башара Асада, идеологические — между исламистами и остальным населением, этнические — между арабами и курдами, конфессиональные — между суннитами и шиитами, суннитами и общиной алавитов, к которой принадлежит правившая Сирией в 1970–2024 гг. семья Асадов. В отличие от Ирака двоичные деления в Сирии не стали троичными, хотя иногда пересекались. Примером служит политико-идеологический конфликт радикалов из «Исламского государства» (запрещено в РФ) и «Джабхат ан-нусрой»¹¹ между собой, с властями, умеренной и светской оппозицией.

Явным признаком ГРО в Турции является непримиримый политико-идеологический раскол общества. Президентские, парламентские и муниципальные выборы 2023–2024 гг. выявили ориентацию одной половины общества на исламские ценности и неоосманизм, а другой половины — на сближение с Западом и светские идеалы. Выразителем интересов первой группы является правящая с 2002 г. Партия справедливости и развития во главе с президентом Турции Реджепом Тейипом Эрдоганом. Сторонники второй группы консолидируются вокруг Республиканской народной партии, основателем которой считается Мустафа Кемаль Ататюрк. Пиком противостояния стала неудавшаяся попытка переворота, предпринятая в 2016 г. частью турецких военных. Существуют также антагонизмы между турками и курдами, составляющими крупнейшее этническое

¹⁰ Здесь и далее под аравийскими монархиями подразумеваются шесть стран, которые входят в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ): Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман и Саудовская Аравия.

¹¹ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

меньшинство (21 % на 2019 г.) (Филиппова, 2020, с. 102). Власти, однако, до сих не выделяют их в качестве отдельного этноса и не признают курдский язык. С 1984 по 2025 г. продолжался вооруженный конфликт между властями и сторонниками Рабочей партии Курдистана¹² в Турции, Ираке и Сирии. Эти противоречия коррелируют с политико-идеологическими, образуя троичное деление, в рамках которого на президентских выборах 2024 г. прокурдская Партия демократии народов поддержала оппозиционного кандидата Кемаля Кылычдароглу¹³. Кроме того, антисирийские погромы в Турции 30 июня 2024 г. выявили остроту этнических противоречий между турками и сирийцами.

Относительно благополучным выглядит субрегион Персидского залива, где из шести монархий выраженные признаки ГРО наблюдаются только в Бахрейне с бинарным делением на шиитское большинство населения и суннитскую элиту во главе правящей семьей Аль Халифа. В 2011 г. данное деление привело к вспышке протестов на волне «арабской весны», которые пришлось подавлять силовикам из Саудовской Аравии и ОАЭ.

Открытые конфликты

Более серьезным, чем ГРО, вызовом для БВСА являются конфликты, отличные друг от друга по типу, виду, степени интенсивности и интернационализации (рис. 2).

В Магрибе существует два конфликта.

Первый — западносахарский (с 1970-х гг.) — является территориальным и гибридным политическим конфликтом между Марокко и Фронтом ПОЛИСАРИО. С 1992 г. конфликт отличается низкой интенсивностью (здесь и далее см. шкалу на рис. 3) и интернационализацией (здесь и далее см. шкалу на рис. 4). Фронт ПОЛИСАРИО стремится мирно заручиться максимальным международным при-

знанием самопровозглашенной Сахарской Арабской Демократической Республики, хотя продолжают отмечаться вспышки боестолкновений, как в 2020 г.¹⁴ Западносахарским повстанцам помогает Алжир, остающийся в состоянии конфронтации с Марокко¹⁵ (зона 1 на рис. 1, линия 20 на рис. 2).

Второй конфликт — ливийский. В ходе внешней интервенции и гражданской войны в Ливии сложилось двоевластие между Правительством национального единства (ПНЕ) в Триполи и Правительством национальной стабильности (ПНС), а до этого — Временным правительством в Сирте. Это политический конфликт с этноплеменным и экономическим компонентами (зона 2 на рис. 1), который отличается средней интенсивностью (в 2020–2021 гг. активные боевые действия не велись, в 2022 г. столкновения возобновились), сохраняя высокую степень интернационализации. Признанное Организацией Объединенных Наций ПНЕ поддерживают Турция и Катар (линия 13 на рис. 2), ПНС — Египет, ОАЭ и Саудовская Аравия (линии 14 и 15 на рис. 2).

В регионе Красного моря / Африканского Рога выделяются три конфликта в «горячей» стадии.

Гражданская война в Йемене (зона 5 на рис. 1) представляет собой конфликт внутреннего типа с антагонизмами между международно признанным правительством и НГА в лице хуситов, южан, племен и исламистов, с чертами гибридного конфликта, если учитывать столкновения хуситов и стран Запада.

Здесь же присутствует политико-идеологическое противостояние между исламистами и другими акторами. Конфликт сохраняет высокую интенсивность с тенденцией к эскалации на фоне войны в Газе.

¹⁴ Мустафин Р. Западная Сахара балансирует на грани войны // Независимая газета. 16.11.2020. URL: https://www.ng.ru/world/2020-11-16/6_8015_sahara.html (дата обращения: 22.07.2025).

¹⁵ К чему приведет обострение отношений между Францией и Алжиром. Его причиной стала позиция Парижа по Западной Сахаре // РБК. 17.08.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/08/2024/66bf5ee69a79475b71fd5e89> (дата обращения: 22.07.2025).

¹² В марте 2025 г. партия заявила о прекращении вооруженной борьбы против турецкого государства, а в мае — о самороспуске (*Прим. ред.*).

¹³ Зайнашев Ю. Главной угрозой для Эрдогана стали курдские резервы // Взгляд: деловая газета. 26.05.2023. URL: <https://vz.ru/amp/world/2023/5/26/1213551.html> (дата обращения: 18.11.2024).

Рис. 2. Линии конфликтов с вовлеченностью региональных акторов в макрорегионе БВСА (без учета векторов влияния нерегиональных акторов):

в кружочках указаны номера конфликтных линий. Линия с одной стрелкой указывает на односторонний вектор конфликтной линии, линия с двумя стрелками — на ее двустороннюю направленность.

Источник: составлено И.А. Матвеевым.

Конфликты низкой интенсивности	Конфликты средней интенсивности	Конфликты высокой интенсивности
Западносахарский конфликт Конфликт между Ираном и Саудовской Аравией Конфликт между Катаром и Саудовской Аравией и другими странами ССАГПЗ и ЛАГ Внутренний конфликт в Сомали	Конфликт между Израилем и Ираном Внутренний конфликт в Ливии Внутренний конфликт в Сирии Сирийско-турецкий конфликт	Внутренний конфликт в Йемене Внутренний конфликт в Судане Палестино-израильский конфликт Конфликт между Израилем и ливанской «Хизбаллой»

Рис. 3. Шкала интенсивности конфликтов

Источник: составлено И.А. Матвеевым.

Конфликты низкой степени интернационализации	Конфликты средней степени интернационализации	Конфликты высокой степени интернационализации
Западносахарский конфликт Конфликт между Ираном и Саудовской Аравией	Конфликт между Израилем и Ираном Внутренний конфликт в Судане Конфликт между Израилем и ливанской «Хизбаллой» Конфликт между Катаром и Саудовской Аравией и другими странами ССАГПЗ и ЛАГ Сирийско-турецкий конфликт	Внутренний конфликт в Йемене Внутренний конфликт в Ливии Внутренний конфликт в Сирии Внутренний конфликт в Сомали Палестино-израильский конфликт

Рис. 4. Шкала интернационализации конфликтов

Источник: составлено И.А. Матвеевым.

К проявлениям высокой интернационализации относятся военное противостояние хуситов с Саудовской Аравией (линия 10 на рис. 2), поддержка йеменских южан властями ОАЭ (линия 11 на рис. 2), ведущаяся с декабря 2023 г. военная операция США против хуситов и обмена ударами между хуситами и Израилем (линия 9 на рис. 2).

Идущая с 1988 г. гражданская война в Сомали (зона 4 на рис. 1) представляет собой многоуровневый внутренний конфликт между федеральными, местными властями и НГА с признаками политического, территориального (спор между Пунтлендом и Сомалилендом), идеологического, экономического и этнического конфликтов. Хотя в настоящее время интенсивность данного конфликта низкая, продолжаются операции центральных властей вместе с США против «Аш-Шабаб». Сохраняется высокая степень интернационализации, в связи с чем вспоминаются территориальный спор Сомали и Эфиопии из-за области Огаден (Григорьева, Михеев, 2022, с. 18) (линия 18 на рис. 2) и военная операция Кении «Линда Нчи» на юге Сомали в 2011–2012 гг.¹⁶ (линия 19 на рис. 2). Имеют место также военное присутствие Турции (тренировочный лагерь ТЮРКСОМ в Могадишо)¹⁷ и связи ОАЭ с Сомалилендом (проект военной базы в Бербере)¹⁸.

В Судане продолжается внутренний политический конфликт высокой интенсивности между командованием армии и СБР (зона 3 на рис. 1). Не влияя, как йеменский конфликт, на свободу судоходства в Красном море, он имеет среднюю степень интернационализации. На стороне правительства и армии выступает Египет (линия 16 на рис. 2), а Ливийская национальная армия Халифы Хафтара

и ОАЭ поддерживают СБР¹⁹ (линии 12 и 17 на рис. 2).

Самым длительным по времени (более 75 лет) является высокоинтенсивный гибридный конфликт между Государством Израиль и палестинцами (зона 6 на рис. 1). Он может быть отнесен к территориальным (сопротивление Израиля попыткам палестинцев создать свое государство), этническим (антагонизмы между арабами и евреями), религиозным (борьба за Иерусалим — священный город для мусульман и иудеев) и идеологическим конфликтам, если учитывать во многом сохраняющееся восприятие Израиля в исламском мире как «сионистского врага».

Из-за гуманитарной катастрофы в Газе конфликт приобрел еще более высокую степень интенсивности (рис. 3) и интернационализации (рис. 4). Действия Израиля осудили не только на Глобальном Юге, но и в ЕС²⁰. 11 ноября 2023 г. и 11 ноября 2024 г. в Эр-Рияде прошли первый и второй саммиты государств — членов ЛАГ и Организации исламского сотрудничества (ОИС), посвященные событиям в Газе. 13 ноября 2024 г. президент Турции Р.Т. Эрдоган подтвердил факт разрыва отношений с Израилем²¹, тогда как США продолжили оказывать израильтянам поддержку, в частности налагая вето на анти-израильские резолюции в Совете Безопасности (СБ) ООН.²² Пока что нельзя спрогнозировать,

¹⁶ Алейников С. В. О ходе операции ВС Кении в Сомали // Институт Ближнего Востока. 25.10.2011. URL: <http://www.iimes.ru/?p=13515> (дата обращения: 22.07.2025).

¹⁷ Орлов А. С. Об эскалации антитурецких настроений среди боевиков «Аш-Шабаб» в Сомали // Институт Ближнего Востока. 13.04.2022. URL: https://www.iimes.ru/?p=85142#_edn2 (дата обращения: 22.07.2025).

¹⁸ Субботин И. Израиль проявляет интерес к военной базе на Африканском Роге // Независимая газета. 05.08.2024. URL: https://www.ng.ru/world/2024-08-05/2_9064_israel.html (дата обращения: 22.07.2025).

¹⁹ См.: Копытцев И. Внешнеполитическая проекция конфликта в Судане: соседи // New Eastern Outlook. 24.05.2024. URL: <https://journal-neo.su/ru/2024/05/24/vneshnepoliticheskaya-proekciya-konflikta-v-sudane-sosedi/> (дата обращения: 22.07.2025); Слушания в Международном Суде: Судан обвиняет ОАЭ в причастности к актам геноцида // Новости ООН. 10.04.2025. URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/04/1463206> (дата обращения: 22.07.2025).

²⁰ Галоян Г. Евросоюз подготовил санкции против Израиля из-за военной операции в Газе // Газета.RU. 05.07.2025. URL: <https://www.gazeta.ru/army/news/2025/07/05/26201804.shtml> (дата обращения: 07.07.2025).

²¹ Турция разорвала отношения с Израилем // РИА Новости. 13.11.2024. URL: <https://ria.ru/20241113/turtsiya-1983518724.html> (дата обращения: 18.11.2024).

²² Обзор резолюций, на которые США наложили вето в поддержку сионистского режима // ParsToday. 24.11.2024. URL: https://parstoday.ir/ru/news/world-i206294-Обзор_резолюций_на_которые_США_

положит ли достигнутое 15 января 2025 г. при дипломатическом содействии США, Египта и Катара Соглашение о трехэтапном прекращении огня между Израилем и ХАМАС (вступило в силу 19 января, изначально на 42-дневный срок²³) конец войне в Газе.

Самая опасная, на наш взгляд, ось конфронтации пролегает между Израилем, с одной стороны, а с другой — Ираном и пусть ослабленными за период войны в Газе (2023–2024 гг.) его союзниками по «оси сопротивления» в лице йеменских хуситов, ливанской «Хизбаллы», зонтичных «Сил народной мобилизации»²⁴ в Ираке и — до свержения в декабре 2024 г. Башара Асада — иранских прокси в Сирии (линии 1, 2 и 3 на рис. 2), в контексте палестино-израильского конфликта. Сама же конфронтация представляет собой межгосударственный конфликт идеологий (Иран не признает Израиль) средней интенсивности и интернационализации. Израильяне, невзирая на зависимость от Вашингтона, предпочитают здесь действовать самостоятельно.

Несмотря на враждебные действия Израиля в 2024 г. (удар по консульскому отделу Посольства Ирана в Дамаске²⁵, ликвидация в Тегеране лидера ХАМАС Исмаила Хании²⁶ и др.), в Тегеране не отказались от доктрины «стратегического терпения»²⁷, ограничиваясь

наложили вето в поддержку сионистского режима (дата обращения: 07.06.2025).

²³ Правительство Израиля одобрило соглашение о прекращении огня с ХАМАС // РБК. 18.01.2025. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/01/2025/678ae5e99a7947c5e14b10c8> (дата обращения: 24.01.2025).

²⁴ В «Силы народной мобилизации» входят не только проиранские, но и националистически настроенные группировки (и суннитские и шиитские), выступающие против слишком тесного сотрудничества Ирака с Исламской Республикой Иран (*Прим. ред.*).

²⁵ Что известно об израильском ударе по консульству Ирана в Сирии // ТАСС. 02.04.2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20415991> (дата обращения: 22.07.2025).

²⁶ Какие последствия может иметь ликвидация главы политбюро ХАМАС Хании // РБК. 31.07.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/31/07/2024/66aa30939a79477d7a90aa11> (дата обращения: 22.07.2025).

²⁷ Эксперты объяснили истоки «стратегического терпения» Ирана: чем закончится конфликт с Израилем // Институт востоковедения РАН. 05.10.2024. URL:

демонстративными ударами по израильской территории. Иранские власти стараются избежать разрастания конфликта на Ближнем Востоке в большую войну²⁸, которая пагубно отразилась бы на национальной экономике, и так находящейся под санкциями²⁹. Шансы на перерастание конфронтации в открытый конфликт, однако, сохраняются в свете того, что при Дональде Трампе американцы, как нам представляется, начнут наращивать свое военное присутствие на Ближнем Востоке.

Опасным следствием войны в Газе стал новый виток гибридного и идеологического вооруженного конфликта между Израилем и «Хизбаллой» (зона 7 на рис. 1, линия 4 на рис. 2), 23 сентября 2024 г. ЦАХАЛ начал операцию «Стрелы севера» против «Хизбаллы» в Ливане. До конца 2024 г. конфликт отличался высокой интенсивностью (рис. 3) с тенденцией к эскалации при средней степени интернационализации (рис. 4), когда за спиной «Хизбаллы» во многом остается Иран, а израильяне зачастую осуществляют самостоятельные шаги, пусть и не без оглядки на США. Ввиду неизвестного исхода ирано-израильского противостояния остается неясным, насколько долговечным окажется режим прекращения огня между Израилем и «Хизбаллой», соглашение о котором было достигнуто при посредничестве США и Франции и вступило в силу 27 ноября 2024 г., первоначально на 60-дневный срок³⁰.

По структуре едва ли не самым сложным в макрорегионе БВСА остается конфликт в

<https://ivran.ru/ivran-v-smi?artid=219666> (дата обращения: 22.07.2025).

²⁸ Иран предупредил США о риске большой войны на Ближнем Востоке // РБК. 17.11.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/11/2023/6557487e9a79473f939f3eab> (дата обращения: 22.07.2025).

²⁹ Немтырев М. Иран между войной и сделкой // Ведомости. 10.02.2025. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/02/10/1090950-iran-mezhdu-voinoi> (дата обращения: 22.07.2025).

³⁰ Coote D., Godfrey P. Israel — Hezbollah Cease-Fire: Displaced Lebanese Begin to Head Home as Guns, Bombs Fall Silent // UPI. November 27, 2024. URL: https://www.upi.com/Top_News/World-News/2024/11/27/lebanon-cease-fire-begins/3361732695775 (accessed: 24.01.2025).

Сирии (зона 8 на рис. 1), который изначально был обусловлен борьбой сторонников свержнутого в декабре 2024 г. режима Башара Асада против сил оппозиции, от светских группировок и курдских сепаратистов до исламистов. Сирийский конфликт представляет собой внутренний политический конфликт с конфессиональными, этническими, экономическими и идеологическими антагонизмами. После побед сил Б. Асада и его союзников в 2016–2018 гг. интенсивность конфликта, на первый взгляд, снизилась до средней с локализацией боев на севере, северо-востоке, северо-западе и в восточной провинции Дейр-эз-Зор. Однако, несмотря на кажущуюся стабилизацию, имели место теракты, будь то удар беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) по Военной академии в Хомсе 5 октября 2023 г. или вылазки боевиков «Исламского государства» (запрещено в РФ) из Сирийской пустыни, сохранялась напряженность в южной провинции Ас-Сувейда, где местные друзья протестовали против падения уровня жизни³¹.

На всем своем протяжении конфликт в Сирии отличался очень высокой степенью интернационализации: военно-политическим присутствием России и Ирана с одобрения властей, параллельной дислокацией в стране турецких и американских военных без согласия Дамаска и западными санкциями против Сирии. Ярким проявлением интернационализации стал межгосударственный конфликт Сирии и Турции (линия 5 на рис. 2), сопряженный с эпизодическими боевыми столкновениями между их регулярными армиями (например, в ходе сирийской военной операции «Рассвет над Идлибом – 2» в декабре 2019 — марте 2020 г.) и постоянным гибридным конфликтом между Анкарой и военизированными формированиями сирийских курдов. Со временем интенсивность этого конфликта уменьшилась до средней: если в 2015–2022 гг. Турция провела шесть военных

операций, оккупировав север Сирии³², то в 2023–2024 гг. турки наносили только точечные удары по курдам на севере Сирии и Ирака³³ (линия 6 на рис. 2), а в мае 2023 г. на встрече «квартета» министров иностранных дел России, Сирии, Ирана и Турции в Москве была даже анонсирована дорожная карта нормализации сирийско-турецких отношений³⁴. Вместе с тем в конечном счете неафишируемая военно-техническая поддержка Турцией 11-дневного блицкрига антиасадских сил³⁵ в конце ноября — начале декабря 2024 г., на наш взгляд, привела к столь быстрому падению режима Б. Асада.

В субрегионе Персидского залива открытых конфликтов нет, что, впрочем, не означает отсутствия разногласий между государствами. В первую очередь, речь о соперничестве за региональное лидерство между Ираном и Саудовской Аравией, идейной основой которого является деление мусульман на суннитов и шиитов (линия 7 на рис. 2). Конфликт между Тегераном и Эр-Риядом является межгосударственным с идейно-конфессиональной и политической компонентами. В 2023 г. в Пекине обе стороны заявили о готовности нормализовать отношения³⁶. Степень

³² См.: История военных операций Турции в Сирии // ТАСС. 09.10.2019. URL: <https://tass.ru/info/6981077> (дата обращения: 22.07.2025); Агаев М. А. Оценка эффективности военных операций Турции как фактора роста рейтинга правящей партии // Институт Ближнего Востока. 27.11.2022. URL: <https://www.iimes.ru/?p=92173> (дата обращения: 22.07.2025).

³³ BBC Турции нанесли удары по целям РПК в Ираке и Сирии // Smotrim.ru. 24.10.2024. URL: <https://smotrim.ru/article/4187372> (дата обращения: 22.07.2025).

³⁴ В Москве встретились главы МИД России, Турции, Ирана и Сирии // Первый канал – Новости. 14.05.2023. URL: https://www.1tv.ru/news/2023-05-14/453056-v_moskve_vstretilis_glavy_mid_rossii_turtsii_irana_i_sirii (дата обращения: 22.07.2025).

³⁵ Иванова М. Bloomberg: Эрдоган укрепил влияние Турции после падения Асада // Взгляд: деловая газета. 10.12.2024. URL: <https://vz.ru/news/2024/12/10/1302584.html> (дата обращения: 22.07.2025).

³⁶ Щегловин Ю. Б. О нормализации дипломатических отношений между Саудовской Аравией и Ираном при посредничестве Китая // Институт Ближнего Востока. 13.03.2023. URL: <https://www.iimes.ru/?p=95832> (дата обращения: 22.07.2025).

³¹ Семенов К. В. Сирия приближается к новой «арабской весне»? // Российский совет по международным делам. 08.09.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/siriya-priblizhaetsya-k-novoy-arabskoy-vesne/> (дата обращения: 18.11.2024).

интернационализации данного конфликта остается низкой, ограничиваясь главным образом вовлеченностью Китая.

Другой межгосударственный политический конфликт связан с соперничеством Катара, с одной стороны, и Саудовской Аравии и ОАЭ — с другой (линия 8 рис. 2). В 2017–2021 гг. он привел к острому кризису, когда отношения с Катаром разорвали Бахрейн, Египет, ОАЭ, Саудовская Аравия и некоторые другие страны. На текущий момент кризис уже урегулирован. Однако Катар и Саудовская Аравия занимают полярные позиции в ливийском конфликте и в отношении ХАМАС. С 2012 г. в Дохе обосновалось политическое крыло данного движения, но в ноябре 2024 г. власти Катара попросили его лидеров покинуть страну³⁷. Интернационализация катарского дипломатического кризиса даже на пике оставалась средней, практически не затронув внерегиональные державы.

Очаги и зоны устойчивого развития

В большинстве стран Ближнего Востока разработаны планы модернизации экономик в русле парадигмы догоняющего развития. В отличие от восточноазиатской модели экономического роста, основанной на создании новых ниш в мировой экономике, ее суть заключается в преодолении отсталости путем импортозамещения и диверсификации народного хозяйства. Особняком стоит экономика инноваций Израиля, созданная при помощи США.

Императивы модернизации отвечают перечню из 17 целей устойчивого развития (ЦУР), который был утвержден Генассамблеей ООН 25 сентября 2015 г. на период до 2030 г. Для БВСА традиционно важны ЦУР, касающиеся ликвидации бедности, укрепления продовольственной безопасности и рационального использования водных ресурсов³⁸. Однако растущий дисбаланс в

уровнях развития с началом XXI в. обусловил деление на государства с ГРО и конфликтами, перед которыми стоят задачи выживания, и более стабильные страны с амбициозными стремлениями к форсированному строительству «экономик XXI века». Последнее обстоятельство ведет к генезису очагов устойчивого развития (ОУР), ограниченных территориями отдельных стран, и зон устойчивого развития (ЗУР), которые объединяют в единое пространство ряд государств с дружественными или по крайней мере неконфронтационными двусторонними отношениями (трансграничная зона) либо включают в себя по отдельности несколько государств со сложными двусторонними отношениями (субрегиональная зона).

Данная тенденция важна как причина коренного переформатирования национальных интересов. Если отталкиваться от классификации А.Б. Рапопорта (Rapoport, 1960, p. viii), от конфликтов-сражений, когда ради выживания ставятся задачи уничтожения противника, благополучные государства переходят к играм с целью обретения лидерства в соперничестве (но не в войне) и далее — к спорам с нивелированием разногласий через сотрудничество и интеграцию, даже если потребуется примирение с врагом, например с Израилем.

Для определения ОУР и ЗУР в данном исследовании применяются две шкалы. Первая — «Рейтинг стран по выполнению 17 целей в области устойчивого развития ООН» (далее — P1) (табл. 1).

Чтобы скорректировать искажения из-за различий в западных и исламских оценках ЦУР, касающихся всеохватности образования, гендерного равенства, снижения неравенства внутри стран и между ними³⁹ (так, в аравийских монархиях реализуется модель «государства для своих», что снижает места в P1), задействован также «Глобальный инновационный индекс» (далее — P2), показывающий масштабы внедрения инноваций в экономику (табл. 2).

³⁷ FT: Катар попросил лидеров ХАМАС покинуть страну под давлением США // ТАСС. 09.11.2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22357583> (дата обращения: 22.07.2025).

³⁸ Список целей 1, 2, 6. См.: 17 целей // Департамент ООН по экономическим и социальным вопросам — Устойчивое развитие. URL: <https://sdgs.un.org/ru/goals> (дата обращения: 17.11.2024).

³⁹ Список целей 4, 5, 10. См.: 17 целей // Департамент ООН по экономическим и социальным вопросам — Устойчивое развитие. URL: <https://sdgs.un.org/ru/goals> (дата обращения: 17.11.2024).

Таблица 1. Рейтинг стран, касающийся выполнения 17 целей в области устойчивого развития ООН

№ п/п	Страна	2020			2024		
		Число баллов (из 100)	Место в мировом рейтинге (из 166)	Место на Ближнем Востоке	Число баллов (из 100)	Место в мировом рейтинге (из 167)	Место на Ближнем Востоке
1	Израиль	74,6	40	1	73,53	↓ 53	1
2	Тунис	71,4	63	4	72,53	↑ 60	2
3	Марокко	71,3	64	5	70,85	↓ 69	3
4	ОАЭ	70,3	71	7	70,52	↑ 70	4
5	Алжир	72,3	56	2	70,47	↓ 71	5
6	Турция	70,3	70	6	70,47	↓ 72	6
7	Египет	68,8	83	10	69,15	→ 83	7
8	Иордания	68,1	89	11	69,06	↑ 85	8
9	Иран	71,8	59	3	68,96	↓ 86	9
10	Оман	69,7	76	8	66,11	↓ 100	10
11	Катар	64,7	103	14	64,93	↑ 102	11
12	Саудовская Аравия	65,8	97	13	64,91	↓ 103	12
13	Ирак	63,1	113	16	64,18	↑ 108	13
14	Ливан	66,7	95	12	63,89	↓ 110	14
15	Кувейт	63,1	112	15	63,76	↑ 111	15
16	Бахрейн	68,8	82	9	63,56	↓ 113	16

Источник: составлено И.А. Матвеевым на основе: Sachs J., Schmidt-Traub G., Kroll C., Lafortune G., Fuller G., Woelm F. Sustainable Development Report 2020: The Sustainable Development Goals and COVID-19. Cambridge : Cambridge University Press, 2020. P. 26–27. URL: https://s3.amazonaws.com/sustainabledevelopment.report/2020/2020_sustainable_development_report.pdf (accessed: 01.04.2025); Sachs J., Lafortune G., Fuller G. Sustainable Development Report 2024 : The SDGs and the UN Summit of the Future. Dublin : Dublin University Press, 2024. P. 20–21. URL: <https://files.unsdsn.org/sustainable-development-report-2024.pdf> (accessed: 01.04.2025).

Таблица 2. Глобальный инновационный индекс за 2020 и 2024 гг.

№ п/п	Страна	2020			2024		
		Число баллов (из 100)	Место в мировом рейтинге (из 133)	Место на Ближнем Востоке	Число баллов (из 100)	Место в мировом рейтинге (из 133)	Место на Ближнем Востоке
1	Израиль	53,55	13	1	52,7	↓ 15	1
2	ОАЭ	41,79	34	2	42,8	↑ 32	2
3	Турция	34,90	51	3	39,0	↑ 37	3
4	Саудовская Аравия	30,94	66	5	33,9	↑ 47	4
5	Катар	30,81	70	7	32,9	↑ 49	5
6	Иран	30,89	67	6	28,9	↑ 64	6
7	Марокко	28,97	75	8	28,8	↑ 66	7
8	Кувейт	28,40	78	9	28,1	↑ 71	8
9	Бахрейн	28,37	79	10	27,6	↑ 72	9
10	Иордания	27,79	81	11	27,5	↑ 73	10
11	Оман	26,50	84	12	27,1	↑ 74	11
12	Тунис	31,21	65	4	25,4	↓ 81	12
13	Египет	24,23	96	14	23,7	↑ 86	13
14	Ливан	26,02	87	13	21,5	↓ 94	14
15	Алжир	19,48	121	15	16,2	↑ 115	15

Источник: составлено И. А. Матвеевым на основе: Global Innovation Index 2020 : Who Will Finance Innovation? : 13th edition / ed. by S. Dutta, B. Lanvin, S. Wunsch-Vincent. Geneva : Cornell University, INSEAD, WIPO, 2020. P. xxxii-xxxiii. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2020.pdf (accessed: 14.05.2025); Global Innovation Index 2024 : Unlocking the Promise of Social Entrepreneurship : 17th edition / ed. by S. Dutta, B. Lanvin, L. R. León, S. Wunsch-Vincent. Geneva : WIPO, 2024. P. 18. URL: https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024/assets/67729/2000%20Global%20Innovation%20Index%202024_WEB3lite.pdf (accessed: 14.05.2025).

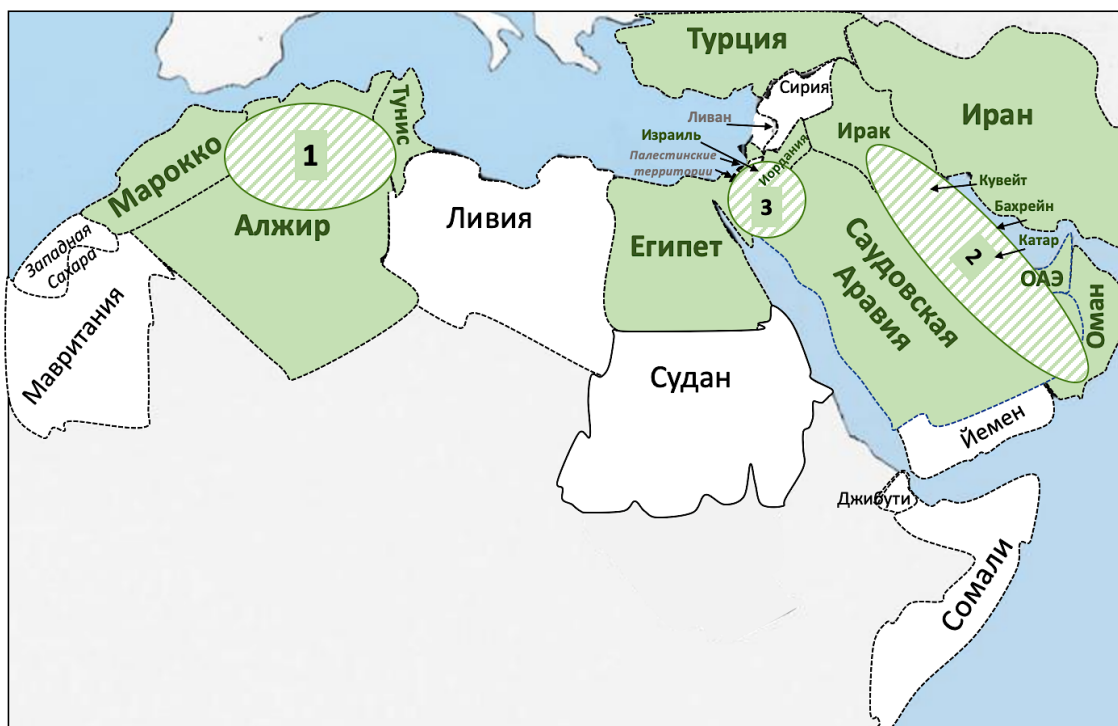

Рис. 5. Зоны и очаги устойчивого развития в макрорегионе БВСА:
цветом выделены государства с ОУР, штриховкой показаны ЗУР.

Источник: составлено И.А. Матвеевым.

После перекрестного рассмотрения оценок по 17 ЦУР и инноваций за 2020 и 2024 гг. (именно эти годы взяты автором, чтобы показать актуализированную динамику сразу за пятилетний период) проявляется следующая палитра ОУР и ЗУР (рис. 5).

В Магрибе ЗУР сформировалась в Алжире (в 2020–2024 гг. опустился со 2-го на 5-е место в P1, оставшись на 15-м месте в P2; здесь и далее указаны места в макрорегионе БВСА), Марокко (поднялось с 5-го на 3-е место в P1 и с 8-го на 7-е — в P2) и Тунисе (опустился с 4-го на 12-е место в P2, поднявшись с 4-го на 2-е в P1). Учитывая политические разногласия между Алжиром и Марокко, которые являются главным препятствием для интеграции в рамках созданного в 1989 г. Союза арабского Магриба (Фролова, 2017, с. 140), здесь уместно говорить не о трансграничной, а субрегиональной ЗУР (зона 1 на рис. 5).

С поправкой на массу нерешенных экономических проблем можно признать факт наличия ОУР в Египте (поднялся с 10-го на 7-е место в P1 и с 14-го на 13-е — в P2),

где с 1970-х гг. используется экономическая стратегия открытых дверей (*инфитах*) с опорой в том числе на ежегодную финансовую помощь США на военные нужды в размере 1,3 млрд долл. США (Савченко, 2023, с. 117).

В Восточном Средиземноморье сложились ОУР в Израиле (1-е место в P1 и P2), Иордании (поднялась с 11-го на 8-е место в P1 и с 11-го на 10-е — в P2), с оговоркой — в Ливане (только в крупных городах Бейрут, Триполи, Сайда, Захле⁴⁰) (из-за внутреннего кризиса Ливан опустился с 12-го на 14-е место в P1 и с 13-го на 14-е — в P2) и в Турции (страна стабильно занимает 6-е место в P1 и 3-е — в P2). Спорным представляется вопрос по поводу наличия ОУР на палестинском Западном берегу, экономика которого тесно привязана к израильской. Ввиду сотрудничества Израиля и Иордании в сфере инноваций, водных ресурсов и энергетики⁴¹ допустимо

⁴⁰ Информация, полученная в ходе полевых наблюдений автора в Ливане.

⁴¹ Израиль и Иордания подписали проект «Вода в обмен на энергию» // ИА Красная Весна. 08.11.2022.

говорить о генезисе израильско-иорданской трансграничной ЗУР (зона 3 на рис. 5).

Что касается Ирана, то в его «экономике сопротивления» наметились первичные признаки ОУР, обусловленные диверсификацией, импортозамещением и опытом обхода санкций (вследствие внутреннего экономического кризиса страна опустилась с 3-го сразу на 9-е место в P1, сохранив, однако, стабильное 6-е место в P2).

Пока до конца неясно, складывается ли ОУР в Ираке, где реализуются программы устойчивого развития при помощи международных организаций и монархий ССАГПЗ, но вместе с тем экономика остается монокультурной с долей нефти в экспорте до 95 % (Batool & Ibrahim, 2023, p. 189). (Ирак поднялся с 16-го на 13-е место в P1, но отсутствует в P2).

Больше всего ОУР сформировалось в субрегионе Персидского залива — шесть по числу монархий ССАГПЗ. Поскольку существует действующий интеграционный орган в лице ССАГПЗ, а подходы к ЦУР, несмотря на нюансы, схожи (суть — в догоняющем развитии на базе инфитаха и диверсификации экономики), можно признать генезис трансграничной ЗУР (зона 2 на рис. 5). Вместе с тем, судя по P1 и P2, результаты достижения ЦУР и внедрения инноваций варьируются от страны к стране: лидером остаются ОАЭ с подъемом с 7-го на 4-е место в P1 и стабильным 2-м местом после Израиля — в P2.

Сопоставив геосхемы на рис. 1 и 2 с рис. 5, становится очевидно, что ОУР и ЗУР зачастую находятся географически близко от конфликтов. Так, ОУР в Марокко соседствует с зоной западносахарского конфликта. Алжир, Египет и Тунис граничат с Ливией. Египет имеет границу с сектором Газа и Израилем. Все это создает риски для устойчивого развития этих государств в плане инвестиций и логистики. В Ливане, ставшем заложником конфликта между Израилем и «Хизбаллой», реализация ЦУР находится под угрозой. В тревожной ситуации оказался Иран, усилия

которого в рамках ЦУР будут похоронены в случае перехода от прокси-войны к открытому конфликту с Израилем. Несколько лучше обстоят дела у Турции, которая географически удалена от конфликтов и в качестве торгового «хаба» извлекает дивиденды из украинского конфликта. В максимальном проигрыше от большой войны окажутся монархии ССАГПЗ, уже потратившие многие миллиарды долларов на ЦУР, что заставляет их воздерживаться от эскалации с Израилем, наблюдая за Ираном и продолжая укреплять обороноспособность с помощью США.

Заключение

Обзор ГРО, конфликтов, ОУР и ЗУР позволил сформулировать определение глубоко разделенного региона, который представляет собой геополитическое и геоэкономическое пространство с системой международных отношений, характеризующееся наличием множественных глубоко разделенных обществ, внутренних, межгосударственных и гибридных конфликтов и в то же время генезисом очагов и зон устойчивого развития.

Составлены геосхемы ГРО/конфликтов и ОУР/ЗУР, шкалы интенсивности и интернационализации конфликтов (рис. 3 и 4). Планируется работа по конкретизации обеих шкал с выработкой балльной системы оценивания по критериям (продолжительность, состав участников, число жертв, беженцев и др.).

Сопоставление геосхем друг с другом и шкалами позволило сделать вывод о высокой вероятности, но в то же время отсутствии предопределенности сценария большой войны на пространстве БВСА до конца 2025 г. В дальнейшем полезными были бы ежегодные срезы текущей ситуации с отслеживанием динамики рисков разрастания конфликтов.

В абсолютном большинстве стран БВСА сложились глубоко разделенные общества, в шести случаях (Ирак, Йемен, Ливия, Сирия, Сомали, Судан) послужившие катализатором внутренних конфликтов. Вместе с тем сами по себе ГРО не вызывают критическую

URL: <https://rossaprimavera.ru/news/f2a5e758> (дата обращения: 17.11.2024).

хрупкость БВСА. Это показала «арабская весна», которая, несмотря на сходные проблемы в ряде стран, привела к радикальной смене лидеров и власти лишь в четырех странах (в Египте, и то условно, поскольку особая роль военных в обществе сохранилась, а также в Йемене, Ливии — в данном случае с учетом решающего значения внешнего фактора, и в Тунисе).

Разнообразие и растущая взаимосвязь конфликтов, и не только в регионе, являются дестабилизирующим фактором, обуславливая геополитические и геоэкономические сдвиги. Это повышает градус непредсказуемости обстановки и, как следствие, создает пусть пока, к счастью, ограниченные риски случайного повода для большой войны. К примеру, вмешательство Турции в Ливии переводит ливийский конфликт из орбиты Магриба в орбиту Восточного Средиземноморья, а украинский конфликт провоцирует волатильность на рынках продовольствия, чреватую новой «арабской весной». Война в Газе по принципу домино вызвала столкновения Израиля с Ираном, «Хизбаллой» и хуситами.

Новый «пояс устойчивого развития» в ЗУР Персидского залива с подключением к нему Ирана в случае достижения реального и окончательного примирения между Тегераном и Эр-Риядом, а также ОУР в Магрибе, Египте и Турции становятся противовесом конфликтогенности. Главным императивом становится прочный мир, о чем свидетельствуют «соглашения Авраама» 2020–2021 гг. о нормализации отношений между Бахрейном, Марокко и ОАЭ и Израилем. Провал усилий Вашингтона по «умиротворению» БВСА на монетарной основе и даже война в Газе не изменили новой реальности.

После 2025 г. ситуация способна поменяться как в лучшую, так и в худшую сторону. Нельзя исключать, что в пользу первого, позитивного, сценария сыграют успехи в выполнении ЦУР, запуск глобальных логистических проектов и нормализация отношений между Ираном и Саудовской Аравией, Израилем и Саудовской Аравией. Напротив, второй, негативный, сценарий может быть

спровоцирован критическим ростом взаимозависимости и хаотичности конфликтов и возвратом к логике игр с нулевой суммой, если тех же иранцев вынудят отказаться от доктрины «стратегического терпения» в пользу открытого конфликта с Израилем.

Резюмируя, представляется целесообразным высказать ряд рекомендаций по реализации Концепции внешней политики Российской Федерации.

1. *На макрорегиональном уровне* — укреплять координацию органов государственной власти РФ, Российского экспортного центра, Торгово-промышленной палаты РФ с отечественными академическими центрами с целью выявления рисков и перспектив для диалогов со странами БВСА, модальностей их участия в многосторонних форматах через призму иерархии национальных интересов и степени готовности к партнерству с Россией.

2. *На региональном и субрегиональном уровне* — с учетом эволюции конфликтов и ОУР/ЗУР уточнять с привлечением российских посольств, торгпредств и экспертов приоритетные, в том числе новые направления для торгово-экономического сотрудничества со странами БВСА с разбивкой на субрегионы.

3. *На страновом уровне* — вести разработку предложений по активизации роли России в свете императивов устойчивого развития, интеграции и сотрудничества. Имеется в виду поиск модальностей мирного урегулирования внутренних конфликтов (йеменский, ливийский, с 2026 г. или позднее, возможно, вновь сирийский) и путей продвижения в деле решения палестинской проблемы (поощрение контактов между палестинскими фракциями, возобновление работы «ближневосточного квартета»).

В этой связи достаточно перспективным в контексте урегулирования внутренних конфликтов выглядит позитивный российский опыт в Сирии. Речь идет прежде всего о модели «матрицы безопасности», разрабатываемой автором данного исследования, суть которой заключается в создании за счет

присутствия «на земле» российской военной полиции условий для оживления социальной и экономической жизни. Нельзя исключать, что, несмотря на свержение Б. Асада, конкретные наработки по политической деэскалации на местном уровне уже начиная

с 2025 г. могут оказаться востребованными в плоскости других конфликтов в арабском мире, например, в Ливии и Судане, а также в Африке южнее Сахары — Нигере, Мали, Центрально-Африканской Республике.

Поступила в редакцию / Received: 06.04.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 09.06.2025
Принята к публикации / Accepted: 10.06.2025

Список литературы

- Арабский Восток в лабиринте социально-экономических проблем / отв. ред. А. О. Филоник. Москва : Институт востоковедения РАН, 2022. EDN: FFYQCB
- Белов В. И., Савичева Е. М. Ближний Восток от настоящего к будущему: вызовы меняющейся идентичности. Москва : Российский университет дружбы народов, 2021. EDN: WZRCHF
- Глухова А. В. Политические конфликты в глобальную эпоху (к проблеме теоретической идентификации) // Политическая наука. 2020. № 3. С. 13–33. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.01>; EDN: GPHPXW
- Григорьева С. В., Михеев Н. И. Огаденская война на страницах газеты «Правда» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 4. С. 18–24. https://doi.org/10.52452/19931778_2022_4_18; EDN: HCBYTS
- Гришина Н. В. Мавритания: эволюция политических структур // Ученые записки Института Африки РАН. 2021. 3. С. 56–65. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2021-56-3-56-65>; EDN: FFHQKO
- Демидов А. В. Современное Сомали: политико-этнический анализ // Символ науки: международный научный журнал. 2023. № 5–2. С. 198–206. EDN: IXTMMW
- Звягельская И. Д. Конфликты на Ближнем Востоке: тенденции и игроки // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2017. № 3. С. 16–24. EDN: YSEZZZ
- Звягельская И. Д., Богачева А. С., Давыдов А. А., Ибрагимов И. Э., Лазовский С. О. и др. Российская политика на Ближнем Востоке. Перспективы и вызовы // Свободная мысль. 2021. № 6. С. 71–86. <https://doi.org/10.24412/0869-4435-2021-61690-71-86>; EDN: NHCARY
- Ибрагимов И. Э. Роль военно-политической элиты Египта в борьбе за национальную независимость в период после Второй мировой войны (1945–1952) // Вестник МГИМО-Университета. 2019. Т. 12, № 4. С. 72–88. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-4-67-72-88>; EDN: EYXRRS
- Исаев Л. М., Айсин М. Б., Медведев И. А., Коротаев А. В. Исламский терроризм на Ближнем Востоке и его влияние на мировую безопасность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22, № 4. С. 713–730. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-713-730>; EDN: KYIRWO
- Исаев Л. М., Бобарыкина Д. А. Клановый федерализм в Сомали // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2023. № 2. С. 248–284. EDN: NVRDXX
- Лукиянов Г. В., Кулиева Н. С. Представления о роли внешних акторов в ливийском конфликте в современном экспертно-аналитическом сообществе Турции (на примере анализа материалов SETA) // Современные востоковедческие исследования. 2024. Т. 6, № 1. С. 111–127. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-111-127>; EDN: ORGLIO
- Мамедов Р. Ш., Сапронова М. А. Особенности политического развития Ирака в 2003–2020 годах: формирование новой элиты // Научный диалог. 2021. № 1. С. 357–370. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-357-370>; EDN: JJLSU
- Мамедова Н. М. Роль планирования в экономическом развитии Ирана // Восточная аналитика. 2016. № 3. С. 64–82. EDN: QAWXLT
- Махмутова М. И. Организационная структура Хизбаллы и ее участие в ливанской политике // Современная научная мысль. 2020. № 5. С. 76–85. EDN: BAGPAE
- Махмутова М. И. Политические позиции ливийских племен в ходе гражданской войны (2019–2020 гг.) // *Historia provinciae* — Журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 2. С. 361–406. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-1>; EDN: GYSLYX
- Мельянцева В. А., Амиров Э. Р. Арабские страны: достижения, проблемы и ключевые факторы экономического развития // Международная торговля и торговая политика. 2018. № 3. С. 6–18. <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2018-3-6-18>; EDN: YLGJXN

- Наумкин В. В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. Т. 7, № 1. С. 66–96. EDN: TXHWHV
- Наумкин В. В., Кузнецов В. А. К вопросу о типологизации негосударственных акторов на Ближнем Востоке // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 6. С. 104–113. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-104-113>; EDN: DY0XZL
- От системной истории к российской теории международных отношений. Интервью с профессором Алексеем Демосфеновичем Богатуровым // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20, № 3. С. 574–584. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-3-574-584>; EDN: YOWWAZ
- Поляков Д. С. Ближневосточная подсистема международных отношений в двадцатые годы XXI века // Восточный курьер. 2023. № 1. С. 48–62. <https://doi.org/10.18254/S268684310025306-4>; EDN: CFNOLH
- Пономаренко Л. В., Пискунов Д. А. Китай — Джибути: стратегическое партнерство в Восточной Африке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14, № 2. С. 158–174. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-2-158-174>; EDN: BBVATN
- Руденко Л. Н. Экономическая модернизация в арабских странах // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 12. С. 18–30. EDN: XEQNKD
- Рыжов И. В., Бородин М. Ю., Савичева Е. М. Основные проблемы региональной безопасности на Ближнем Востоке // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2021. Т. 7, № 1. С. 48–55. <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2021-7-1-48-55>; EDN: PVCBXL
- Савченко Е. О. Специфика американо-египетских отношений после событий «арабской весны» // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14, № 4. С. 113–131. <https://doi.org/10.31862/2500-2988-2023-14-4-113-131>; EDN: AMDMNS
- Сушенцов А. А. Типология поведения в международных конфликтах // Международные процессы. 2010. Т. 8, № 3. С. 70–84. EDN: PXAOZH
- Труевцев К. М. Глобализация и исламский мир: после двух волн турбулентности // Труды Института востоковедения РАН. 2020. № 26. С. 565–584. EDN: LMCKLM
- Филиппова А. А. Демографические аспекты курдского вопроса в Турции // Казанский вестник молодых ученых. 2020. Т. 4, № 1. С. 99–107. EDN: XBUWCP
- Фролова И. Б. Союз Арабского Магриба: задачи, проблемы, перспективы // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 1. С. 136–141. EDN: YPIYFZ
- Яковлев А. И. Перебалансировка системы международных отношений на Ближнем Востоке в XXI в. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2020. № 2. С. 119–130. <https://doi.org/10.31857/S086919080009061-4>; EDN: SXXVRD
- Batool M. I., Ibrahim B. H. The Role of Oil Revenues to Enhance International Reserves in Iraq for the Period (2004–2021) // Russian Law Journal. 2023. Vol. 11, no. 10S. P. 173–191. <https://doi.org/10.52783/rj.v11i10s.1693>; EDN: WREIOX
- Gelvin J. L. The Arab Uprisings: What Everyone Needs to Know. New York : Oxford University Press, 2012.
- Guelke A. Politics in Deeply Divided Societies. Malden, MA : Polity Press, 2012.
- Haas M. L. The Arab Spring : The Hope and Reality of the Uprisings. 2nd edition. New York : Routledge, 2017. <https://doi.org/10.4324/9780429494581>
- Halliday F. The Middle East in International Relations. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511790829>
- Hinnebusch R. The International Politics of the Middle East. 2nd edition. Manchester, New York : Manchester University Press, 2015.
- Rapoport A. B. Fights, Games, and Debates. Ann Arbor : University of Michigan Press, 1960.
- Taylor P. Nonstate Actors in International Politics : From Transregional to Substate Organizations. Boulder, Colorado; London : Westview Press, 1984.

Сведения об авторе:

Матвеев Игорь Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры международного бизнеса, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; Российская Федерация, 125167, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2; eLibrary SPIN-код: 2933-1143; ORCID: 0000-0002-4611-5669; e-mail: iamatveev@fa.ru

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ APPLIED ANALYSIS

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-3-469-484

EDN: WNKTNS

Научная статья / Research article

ИКТ-безопасность во внешней политике США в отношении Латинской Америки: кейс дискурса администрации Дж. Байдена

Л.М. Сокольщик¹, И.О. Яникеева¹, Г.В. Торопчин^{2,3}¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация²Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Российская Федерация³Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Российская Федерация lsokolshchik@hse.ru

Аннотация. Проблема безопасности в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) приобретает все возрастающее значение в контексте международных отношений и внешней политики. Исследование посвящено анализу дискурса администрации Дж. Байдена в области международной ИКТ-безопасности на латиноамериканском направлении. Цель — выявление скрытой в дискурсе идеологии, поддерживающей и оправдывающей властные отношения США со странами Латинской Америки. Научная новизна работы состоит в комплексном применении метода критического дискурс-анализа (КДА), позволяющего рассмотреть, как языковые практики формируют восприятие ИКТ-безопасности и политической реальности, а также количественного контент-анализа, дающего представление об атрибутируемых угрозах, в первую очередь среди государственных акторов, что ранее не получило должного внимания в научной литературе. КДА проводится на контекстуальном и дискурсивном уровнях. Исследование опирается на широкую источниковую базу, включающую материалы государственных органов США за период с января 2021 по ноябрь 2024 г. Авторы критически осмысливают образ США как агента, конструирующего международную ИКТ-безопасность на латиноамериканском направлении, в ракурсе своих гегемонистских устремлений. Выявлено, что значимым элементом американского дискурса является образ Латинской Америки как региона, уязвимого в ИКТ-пространстве и нуждающегося в патернализме со стороны Вашингтона. Образы Китая и России представляются как основные источники угроз в регионе для оправдания доминирующей роли США. На втором плане американского дискурса присутствуют образы Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) и Исламской Республики Иран (ИРИ), которые позиционируются как ограниченные, но растущие угрозы в ИКТ-пространстве. Авторы приходят к выводу, что подобные дискурсивные практики служат инструментом легитимации влияния США и продвижения ими своих стратегических интересов в регионе.

Ключевые слова: информационная безопасность, кибербезопасность, критический дискурс-анализ, контент-анализ, Китай, Россия, Иран, Корейская Народно-Демократическая Республика, КНДР

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Сокольщик Л.М., Яникеева И.О., Торопчин Г.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов. Соколыщик Л.М.: концептуализация, разработка методологии и дизайна исследования, научное руководство, написание — подготовка черновика рукописи, научное редактирование. Яникеева И.О.: сбор и обработка данных, проведение качественного анализа, написание — подготовка черновика рукописи, оформление рукописи. Торопчин Г.В.: обработка данных, проведение количественного анализа, визуализация, написание — подготовка черновика рукописи. Все авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10014, <https://rscf.ru/project/22-78-10014>

Для цитирования: Соколыщик Л. М., Яникеева И. О., Торопчин Г. В. ИКТ-безопасность во внешней политике США в отношении Латинской Америки: кейс дискурса администрации Дж. Байдена // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 3. С. 469–484. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-469-484>

ICT Security in U.S. Foreign Policy Towards Latin America: The Case of the Biden Administration's Discourse

Lev M. Sokolshchik¹ , Inna O. Yanikeeva¹ , Gleb V. Toropchin^{2,3}

¹National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

²Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation

³National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

 lsokolshchik@hse.ru

Abstract. The issue of information and communication technology (ICT) security is becoming increasingly important in the context of international relations and foreign policy. In the present study, the authors analyze the discourse of the Joseph Biden administration in the field of international ICT security in the Latin American dimension, with the aim of identifying the underlying ideology that supports and justifies the U.S. power relations with the region. The scientific novelty of the present study lies in the integrated application of the critical discourse analysis (CDA) method, which allows examining how language practices shape ICT security perceptions and political reality. In addition, the study employs quantitative content analysis, which provides insights into attributed threats, primarily among state actors. The authors conduct the CDA at the contextual and discursive levels. The study's extensive source base includes materials from U.S. government agencies, encompassing the period from January 2021 to November 2024. The authors critically examine the image of the United States as an agent constructing international ICT security in the Latin American dimension from the perspective of its hegemonic aspirations. The image of Latin America as a region vulnerable in the ICT space and in need of paternalism from Washington is a significant element of the U.S. discourse. At the same time, the images of China and Russia are presented as the main sources of threat to the region to justify the dominant role of the United States. In the background of American discourse, the Democratic People's Republic of Korea (DPRK) and the Islamic Republic of Iran (IRI) are presented as limited but growing threats to ICT security. These discursive practices serve as a tool to legitimize American influence and promote its strategic interests in the region.

Key words: information security, cybersecurity, critical discourse analysis, content analysis, China, Russia, Iran, the Democratic People's Republic of Korea, the DPRK

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. L.M. Sokolshchik: conceptualization, development of methodology and research design, scientific supervision, writing — preparation of a draft manuscript, scientific editing. I.O. Yanikeeva: data collection and processing, qualitative analysis, writing — preparation of a draft manuscript, manuscript design. G.V. Toropchin: data processing, quantitative analysis, visualization, writing — preparation of a draft manuscript. All authors have read and approved the final version of the article.

Acknowledgements. The research was supported by RSF (project No. 22-78-10014, <https://rscf.ru/project/22-78-10014/>).

For citation: Sokolshchik, L. M., Yanikeeva, I. O., & Toropchin, G. V. (2025). ICT security in U.S. foreign policy towards Latin America: The case of the Biden administration's discourse. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(3), 469–484. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-469-484>

Введение

Проблема безопасности в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в последние десятилетия стала неотъемлемой частью политической повестки на международном и национальном уровнях. Усиливается интерес к данной теме и со стороны научного сообщества (Крутских, 2022; Понька, Рамич, У, 2020; Bolgov, 2020; Henshaw, 2024; Hurel, 2022). При этом на уровне Организации Объединенных Наций (ООН) признается, что ИКТ-проблематика все больше политизируется¹. Нередко за стремлением обеспечить безопасность в этой сфере скрываются гегемонистские устремления международных игроков. Одним из характерных примеров реализации подобной логики может служить внешняя политика США в отношении Латинской Америки при администрации Дж. Байдена.

В научной литературе пока не сформировалось единого понятийного аппарата, описывающего данную область изучения. Существует ряд подходов к пониманию безопасности в ИКТ-сфере. Широкая трактовка охватывает информационную безопасность и включает все аспекты безопасности в цифровой среде, в том числе политические. Узкая трактовка подразумевает под кибербезопасностью технические вопросы предотвращения угроз и рисков для цифровой инфраструктуры, программного обеспечения и оборудования (Зиновьева, Игнатов, 2023, с. 107–108).

Нередко в исследованиях понятия «кибербезопасность» и «информационная безопасность» смешиваются и используются как синонимы. В связи с этим в работе применяется аналитическая категория «ИКТ-безопасность» как компромиссный термин, включающий весь спектр вопросов

безопасности в рассматриваемой области (Зиновьева, Игнатов, 2023, с. 107–108) и предполагающий противодействие угрозам в ИКТ-сфере, а также угрозам, возникающим при использовании ИКТ, в военно-политическом, политико-идеологическом, общественном, экономическом, инфраструктурном и технологическом измерениях.

Несмотря на то, что Вашингтон официально придерживается трактовки безопасности в ИКТ-сфере, соотносящейся с понятием «кибербезопасность», в американском дискурсе присутствуют элементы более широкого концепта информационной безопасности, включающего борьбу с кибертерроризмом, дезинформацией и информационным вмешательством во внутренние дела государства². В этом плане использование широкого понятия «ИКТ-безопасность» применительно к американскому кейсу представляется более чем оправданным.

США играют важную роль в цифровой трансформации мира. Они стояли у истоков Интернета и в настоящее время активно используют свой потенциал в сфере ИКТ для реализации целей внешней политики. Одним из способов выстраивания властных отношений являются дискурсивные практики как систематические и спланированные речевые акты политических агентов (Соколышник, Соколышник, Теремецкий, 2024, с. 113). Во многом из-за своего прикладного значения для внешней политики вопросы ИКТ-безопасности достаточно редко рассматриваются в дискурсивном измерении. Данное исследование призвано заполнить эту лакуну за счет комплексного исследования дискурса о безопасности в ИКТ-пространстве в период администрации Дж. Байдена в рам-

¹ Group of Governmental Experts on Advancing Responsible State Behaviour in Cyberspace in the Context of International Security: Note by the Secretary-General (A/76/135) // UN. July 14, 2021. URL: <https://docs.un.org/en/A/76/135> (accessed: 15.01.2025).

² United States International Cyberspace & Digital Policy Strategy // U.S. Department of State. May 6, 2024. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2024/07/United-States-International-Cyberspace-and-Digital-Strategy-FINAL-2024-05-15_508v03-Section-508-Accessible-7.18.2024.pdf (accessed: 15.01.2025).

ках латиноамериканского направления внешней политики США.

Дискурсы США, содержащиеся в официальных материалах по тематике ИКТ-безопасности, отражают международные амбиции Вашингтона в условиях трансформирующегося международного порядка. С момента провозглашения «доктрины Монро» в первой четверти XIX в. Латинская Америка входит в число наиболее приоритетных регионов для реализации внешней политики США. Закономерно, что регион занимает одно из центральных мест в рассматриваемом дискурсе. При этом с точки зрения США Латинская Америка очень уязвима в ИКТ-пространстве, поэтому она нуждается в патернализме со стороны Вашингтона.

Под Латинской Америкой в работе понимается весь континент Южной Америки, а также Мексика, страны Центральной Америки и острова Карибского бассейна, жители которых говорят на романских языках (Соколыщик, Сакаев, Галимуллин, 2023, с. 108).

Фундаментальной предпосылкой для исследования выступает конструктивистская идея о том, что политическая реальность существует не сама по себе, ее значение для нас является продуктом социального конструирования и интерпретаций со стороны различных агентов (Campbell, 1993), которые преследуют политические цели (Krebs, 2015, p. 810). Агенты создают субъективный мир политики, который не тождествен объективной реальности, хотя может иметь в ней референты (Соколыщик, Соколыщик, Теремецкий, 2024, с. 111; Sokolshchik, 2024). Государства как основные агенты на мировой арене в процессе коммуникативной интеракции взаимно признают право на суверенитет, легитимизируя существование друг друга и формируя саму систему международных отношений (Wendt, 1999, pp. 10–11). Конструирование политического бытия агентами происходит за счет создания дискурсов, которые не только отражают политические отношения, но и оказывают на них серьезное влияние (Miao, Xu & Zhu, 2019, p. 2).

В контексте исследования важное значение имеет процесс секьюритизации (Buzan,

Wæver & de Wilde, 1998) как дискурсивная практика (Sokolshchik & Sokolshchik, 2023), при которой *агент* обозначает некий *объект* в качестве угрозы безопасности и приводит *реципиенту* аргументы в пользу контрмер в отношении этого секьюритизированного объекта (Miao, Xu & Zhu, 2019, p. 2).

Цель исследования заключается в анализе идеологии, которая скрывается в дискурсе США по проблематике ИКТ-безопасности на латиноамериканском направлении, поддерживая и оправдывая властные отношения между Вашингтоном и государствами региона.

Дискурс об ИКТ-безопасности анализируется на глобальном и национальном уровнях как комплекс опасений и угроз (Tikk & Kerttunen, 2020). Применительно к страновым случаям метод контент-анализа используется к доктринальным документам в области ИКТ-безопасности ряда латиноамериканских стран (Аргентина, Бразилия, Колумбия, Мексика, Перу, Чили) (Urbanovics, 2022). Р. Сюдак выделяет два основных типа дискурса ИКТ-безопасности с точки зрения их влияния на политику: технический дискурс и дискурс национальной безопасности (Siudak, 2022).

Потенциал критического дискурс-анализа (КДА) был опробован в ходе анализа двусторонних отношений США и России в области ИКТ-безопасности в работе И.Т. Стадник (2024). В целом работы, исследующие дискурсивное конструирование ИКТ-безопасности и критически осмысляющие его структуры, носят фрагментарный характер.

Методологическая и источниковая база исследования

Методологическую рамку исследования формирует КДА в сочетании с методом количественного контент-анализа. КДА подразумевает выявление в речи *агента* скрытой идеологии, которая поддерживает социальную власть, доминирование и неравенство. Отправной точкой для КДА служит предположение о том, что посредством дискурса *агент* навязывает *реципиенту* тот или иной

образный или символический порядок в качестве исключительно правильного (Пахалюк, 2018, с. 165). В подобном ракурсе под дискурсом понимается политический акт и способ воспроизводства власти.

Исследование фокусируется на прагматическом аспекте дискурса (Фомин, 2014а, с. 129), поскольку он соотносится с некоторой частью социополитической реальности или «полем действия» (Reisigl & Wodak, 2009, pp. 90–91). Это «поле» конструируется агентом через *когнитивные модели*, которые задают контекст для дискурса (van Dijk, 2006, p. 163), отражая связи между личными знаниями о событиях, с одной стороны, и разделяемыми обществом убеждениями — с другой. Как отмечает Т. ван Дейк, когнитивные модели контекста являются основой «прагматического» понимания дискурса в силу того, что их структура обуславливает его реализацию и понимание (van Dijk, 2006, pp. 168–170).

С учетом специфики предмета исследования в работе «поле действия» определяется как конструируемая США когнитивная модель международного ИКТ-пространства, которая выступает в качестве контекста для частного случая дискурса об ИКТ-безопасности на латиноамериканском направлении. В рамках когнитивной модели международного ИКТ-пространства США выделяются следующие структурные элементы: *глобальное* и *региональное измерения*, а также *ИКТ-угрозы* и *методы / инструменты их решения*.

В сфере коммуникативного взаимодействия скрытая идеология реализуется через конструируемые *образы агента, реципиента* и *объектов секьюритизации* (Фомин, 2014б, с. 51). В данном случае образ осмысливается как «семиотическая конструкция, формируемая в рамках того или иного дискурса и аккумулирующая акты осмысления и означивания, характерные для этого дискурса» (Свирчевский, Фомин, 2023, с. 29). Образы создаются через дискурсивные стратегии, которые можно определить как намеренно реализуемые планы агента по использованию языка для достижения политических целей (Фомин, 2014а, с. 129). Выделяют следующие

основные дискурсивные стратегии: *референция* (конструирование явлений, акторов, процессов), *предикация* (атрибутирование позитивных или негативных характеристик явлений, акторов, процессов) и *аргументация* (обоснование / оспаривание истинности тезисов).

Таким образом, в данном исследовании КДА был проведен на 1) контекстуальном уровне («поле действия») — через анализ *когнитивной модели международного ИКТ-пространства США* как контекста рассматриваемого дискурса и 2) дискурсивном уровне — через анализ *образов агента (США), реципиента (Латинская Америка) и объектов секьюритизации*, создаваемых посредством дискурсивных стратегий *референции* и *предикации*, а также приводимой в пользу конструируемой образной системы *аргументации*.

Дополняет качественный анализ количественный контент-анализ, который применяется для исследования частотности упоминаний в корпусе источников *объектов* в качестве угроз и предлагаемых политических решений. Для проведения контент-анализа использовалось программное обеспечение *QDA Miner Lite*³, посредством которого был проведен анализ собранного корпуса документов внешней политики США, загруженного в приложение для определения частоты упоминаний государственных акторов как объектов секьюритизации и атрибутируемых ими угроз.

Источниковая база исследования состоит из материалов официальных сайтов государственных органов США (Белый дом, Государственный департамент, Министерство обороны, Министерство юстиции, Министерство внутренней безопасности). Хронологические рамки исследования охватывают период с 20 января 2021 г. (инаугурация президента Дж. Байдена) до 13 ноября 2024 г. (последние доступные данные на момент написания текста исследования).

³ QDA Miner // Provalis Research. URL: <https://provalisresearch.com/products/qualitative-data-analysis-software/freeware/> (accessed: 25.12.2024).

Сбор данных был осуществлен в три этапа. Первоначально был произведен поиск по лексическому маркеру «Латинская Америка» (*Latin America*). Затем из полученного массива были извлечены документы, содержащие лексемы «кибер-» (*cyber*), «цифровой» (*digital*), «искусственный интеллект» (*artificial intelligence*). На завершающей стадии была осуществлена выборка документов, непосредственно относящихся к теме ИКТ-безопасности, через поиск лексического маркера «безопасность» (*security*). Таким образом, для анализа было отобрано 47 документов⁴. Основной массив данных был дополнен материалами СМИ, международных организаций, международных проектов в области ИКТ-безопасности, а также аналитических центров.

Когнитивная модель международного ИКТ-пространства

Глобальное измерение

В рамках американского дискурса констатируется факт, что международная система переживает кризис. Эпоха мирового развития, начавшаяся после распада биполярной системы, завершается. В международных отношениях на первый план выходит великодержавное соперничество за влияние в ключевых регионах, среди которых значится Латинская Америка, и различных областях,

включая ИКТ. В этой связи в американских официальных документах и заявлениях акцентируется необходимость сохранения доминирования страны на мировой арене. Постулируется, что центральную роль в продвижении интересов США играет лидерство в ИКТ-пространстве, цифровой экономике и новых технологиях. Утверждается также, что первенство США в сфере ИКТ не только укрепляет национальную безопасность страны, но и поддерживает демократические ценности и способствует «улучшению жизни людей во всем мире»⁵.

В рамках американской концепции ИКТ-пространства особое внимание уделяется институциональному аспекту, международным нормам и сотрудничеству. Заявляется, что США совместно с партнерами стремятся укрепить многосторонние институты, в частности ООН, для совершенствования правил взаимодействия в этой области. При этом подчеркивается, что международные нормы должны быть «справедливыми» по отношению к американским рабочим и корпорациям, защищая «конкуренцию» и поддерживая экономическое и технологическое превосходство США⁶. Таким образом, глобальный институциональный каркас ИКТ-пространства — в представлениях Вашингтона — должен поддерживать доминирующее положение США в мировой экономике и политике.

Вместе с тем заявляется, что противники США стремятся использовать международные институты для достижения целей, которые противоречат американским интересам⁷.

⁴ Среди них см., например: 2022 National Defense Strategy of the United States of America // U.S. Department of Defense. October 27, 2022. URL: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF> (accessed: 15.01.2025); National Security Strategy // The White House. October 2022. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 15.01.2025); United States International Cyberspace & Digital Policy Strategy // U.S. Department of State. May 6, 2024. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2024/07/United-States-International-Cyberspace-and-Digital-Strategy-FINAL-2024-05-15_508v03-Section-508-Accessible-7.18.2024.pdf (accessed: 15.01.2025); National Cybersecurity Strategy // The White House. March 2, 2023. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/oncd/national-cybersecurity-strategy/> (accessed: 15.01.2025).

⁵ Joint Strategic Plan FY 2022–2026 // U.S. Department of State. March 2022. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/03/Final-State-USAID-FY-2022-2026-Joint-Strategic-Plan_29MAR2022.pdf (accessed: 15.01.2025).

⁶ National Security Strategy // The White House. October 2022. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 15.01.2025).

⁷ United States International Cyberspace & Digital Policy Strategy // U.S. Department of State. May 6, 2024. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2024/07/United-States-International-Cyberspace-and-Digital-Strategy-FINAL-2024-05-15_508v03-Section-508-Accessible-7.18.2024.pdf (accessed: 15.01.2025).

США описывают Россию и Китай как страны, которые используют многосторонние институты, в том числе ООН, для оказания влияния на развивающиеся страны и предпринимают попытки изменить нормы в ИКТ-пространстве. При этом разделение мира осуществляется на основе идеологической антитезы «демократия — автократия». Подобный дискурс призван сформировать образ мира, в котором цифровизация приносит пользу государствам только в том случае, если процесс возглавляет Вашингтон.

Поскольку продвижение интересов США в рамках Совета Безопасности ООН ограничено правом вето Китая и России, Вашингтон попытался подменить универсальные институты «саммитами за демократию»⁸. Через подобные форумы США стремились выдать свою ИКТ-повестку за мнение «международного сообщества». В частности, на саммитах в 2023 и 2024 гг., помимо прочего, было подчеркнуто обязательство стран-участниц развивать «новые технологии в соответствии с демократическими ценностями и правами человека»⁹. При этом основным критерием для «демократичности» той или иной страны служат партнерские отношения с США. Таким образом, происходит оправдание дискриминационного дискурса США с помощью разграничения по принципу «свой — чужой» (Соколышник, Сакаев, Галимуллин, 2023, с. 119).

Региональное измерение

Для успешной реализации ИКТ-повестки на региональном уровне администрация Дж. Байдена стремилась использовать такие многосторонние форумы, как Организация американских государств (ОАГ). Учрежденная на заре холодной войны под эгидой США, ОАГ объединила все государства Северной и Южной Америки, кроме Кубы, и стала стержнем межамериканской системы

международных отношений (Хейфец, Хадорич, 2015, с. 94). Организация во многом осталась проводником интересов США и после завершения биполярного противостояния (Хейфец, Хадорич, 2015, с. 94–96). В рассматриваемом дискурсе подчеркивается, что США оказывают содействие усилиям ОАГ в таких областях, как реагирование на инциденты в ИКТ-пространстве, повышение осведомленности об ИКТ-безопасности и подготовке кадров для работы в этой сфере. При этом ОАГ с 2003 г. реализует «Программу кибербезопасности», которая призвана формировать концептуальные основы для национальных стратегий стран-участниц в этой области¹⁰.

Кроме того, ОАГ является коллективным членом международных платформ в области ИКТ-безопасности, осуществляющих свою деятельность под эгидой США, в частности Международной инициативы по борьбе с программами-вымогателями¹¹ и Глобального форума по киберэкспертизе¹². Ряд стран Латинской Америки самостоятельно участвуют в инициативах и партнерствах в области ИКТ-безопасности при лидирующей роли США, среди которых можно отметить Декларацию о будущем Интернета (Аргентина, Колумбия, Коста-Рика, Перу, Тринидад и Тобаго, Уругвай)¹³ и Коалицию за свободу в Интернете (Аргентина, Колумбия, Коста-Рика, Мексика, Чили)¹⁴. Опора на ОАГ и другие многосторонние институты позволяет

⁸ Summit for Democracy. URL: <https://summit4democracy.org/> (accessed: 15.01.2025).

⁹ 2024 Report on the Cybersecurity Posture of the United States // The White House. May 2024. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2024/05/2024-Report-on-the-Cybersecurity-Posture-of-the-United-States.pdf> (accessed: 15.01.2025).

¹⁰ Cybersecurity Program // OAS. 2003. URL: <https://www.oas.org/ext/en/security/prog-cyber> (accessed: 15.01.2025).

¹¹ International Counter Ransomware Initiative 2024 Joint Statement // The White House. October 2, 2024. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/statements-releases/2024/10/02/international-counter-ransomware-initiative-2024-joint-statement/> (accessed: 15.01.2025).

¹² GFCE. URL: <https://thegfce.org/> (accessed: 15.01.2025).

¹³ A Declaration for the Future of the Internet // The White House. April 28, 2022. URL: https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/04/Declaration-for-the-Future-for-the-Internet_Launch-Event-Signing-Version_FINAL.pdf (accessed: 15.01.2025).

¹⁴ Freedom Online Coalition. URL: <https://freedomonlinecoalition.com/> (accessed: 15.01.2025).

повысить координацию при продвижении американской повестки на региональном уровне и представить действия США как проводника «коллективной» ИКТ-безопасности. Кроме того, США активно развивают сотрудничество на двусторонней основе, взаимодействуя почти со всеми странами региона.

Угрозы в ИКТ-пространстве

В американском дискурсе можно выделить четыре обширные области, где проявляются ИКТ-угрозы, которые в целом соотносятся с классификацией Министерства внутренней безопасности США¹⁵:

1) общественная безопасность (например, распространение дезинформации, кибертерроризм, вмешательство в выборы);

2) охрана границ и миграционная безопасность (например, транснациональные криминальные организации);

3) безопасность критической инфраструктуры (например, кибератаки и кибершпионаж в отношении объектов энергетики и транспорта);

4) экономическая безопасность (например, кибератаки и кибершпионаж в финансовых целях, манипулирование рынками).

Руководство США заявляет, что международные конфликты все чаще разворачиваются в ИКТ-пространстве, усиливая риски для безопасности США и их союзников¹⁶. Среди государственных акторов, которые воспринимаются США в качестве ключевых угроз в ИКТ-сфере, в первую очередь выделяются Китай и Россия. Список дополняют Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) и Исламская Республика Иран (ИРИ).

Американский дискурс также содержит описание следующих методов / инструментов противодействия ИКТ-угрозам:

– укрепление союзов и партнерств в ИКТ-сфере (коллективная кибероборона);

– расширение деятельности на базе международных организаций и институтов;

– разработка международных норм и правил в ИКТ-пространстве, в том числе в области искусственного интеллекта (ИИ);

– создание международных правоохранительных механизмов в ИКТ-пространстве;

– идеологизация повести ИКТ-безопасности через разделение мира по принципу «свой — чужой»;

– расширение присутствия США, в том числе агентов спецслужб, за рубежом;

– усиление контроля над экспортом и распространением передовых ИКТ и компонентов;

– инвестиции в национальную ИТ-отрасль, в том числе ИИ, 5G и 6G, облачную инфраструктуру, центры обработки данных;

– оказание международной помощи развитию в ИКТ-сфере, включая подготовку специалистов;

– применение санкций для обеспечения национальных интересов и безопасности в ИКТ-пространстве.

Скрытая идеология в дискурсе США

Образ агента

США как агент дискурсивного процесса стремятся продвинуть на международной арене свое представление об ИКТ-безопасности как исключительное и истинное. Вашингтон преподносит себя как «защитника свободы и демократии», «лидера в технологиях», «партнера по безопасности», подчеркивая свою уникальную роль в противодействии ИКТ-угрозам и заинтересованность в сотрудничестве. Постулируется, что США должны играть ведущую роль в формировании глобальных норм и институтов ИКТ-пространства, особенно применительно к сфере ИИ. В рамках американского дискурса утверждается, что США на протяжении всей своей истории были мировым лидером в развитии передовых технологий, которые они использовали не только для укрепления своей

¹⁵ Homeland Threat Assessment 2024 // Homeland Security. URL: https://www.dhs.gov/sites/default/files/2023-09/23_0913_ia_23-333-ia_u_homeland-threat-assessment-2024_508C_V6_13Sep23.pdf (accessed: 15.01.2025).

¹⁶ 2024 Report on the Cybersecurity Posture of the United States // The White House. May 2024. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2024/05/2024-Report-on-the-Cybersecurity-Posture-of-the-United-States.pdf> (accessed: 15.01.2025).

национальной безопасности, но и для продвижения демократии во всем мире¹⁷.

США склонны гиперболизировать свои положительные качества и маскировать стремление к доминированию в Латинской Америке. Деятельность США в области ИКТ-безопасности описывается как исключительное благо для региона, поскольку они стремятся укрепить потенциал латиноамериканских стран в ИКТ-сфере для защиты прав человека и демократии, их экономического и технологического развития, укрепления суверенитета. В подобной интерпретации успешное развитие стран Латинской Америки возможно только при использовании технологических решений США, поскольку только они могут предоставить «безопасную цифровую инфраструктуру». Тем самым США формируют свой образ как незаменимого «поставщика» ИКТ-безопасности для латиноамериканских стран.

Образ реципиента

Как уже отмечалось, в представлении США Латинская Америка — регион с высоким уровнем уязвимости в ИКТ-пространстве, который нуждается в патернализме. Это, с одной стороны, позволяет оправдывать приниженное и преимущественно пассивное положение латиноамериканских государств, а с другой — лидирующую и априори активную роль США в регионе. Учитывая значимость многостороннего подхода, в который нередко облачается американский гегемонистский дискурс, США отмечают, что страны Латинской Америки «вносят свой вклад в коллективные усилия по развитию киберпространства»¹⁸.

¹⁷ Memorandum on Advancing the United States' Leadership in Artificial Intelligence; Harnessing Artificial Intelligence to Fulfill National Security Objectives; and Fostering the Safety, Security, and Trustworthiness of Artificial Intelligence // The White House. October 24, 2024. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/presidential-actions/2024/10/24/memorandum-on-advancing-the-united-states-leadership-in-artificial-intelligence-harnessing-artificial-intelligence-to-fulfill-national-security-objectives-and-fostering-the-safety-security/> (accessed: 15.01.2025).

¹⁸ Remarks: National Cyber Director Coker at LATAM CISO // The White House. September 13, 2024. URL:

Руководство США характеризует Западное полушарие как сообщество единомышленников для убеждения реципиента в необходимости совместных действий в ИКТ-пространстве так, как это видят США. За американскими тезисами скрывается намерение убедить Латинскую Америку в важности выбора в качестве партнера в цифровой среде Вашингтона, а не кого-то «чужого». Дискурс усиливается заявлениями о том, что для США в приоритете, чтобы в регионе присутствовали «надежные поставщики» ИКТ-безопасности, коим может выступать только Вашингтон.

С точки зрения США, латиноамериканские страны не способны на самостоятельное развитие в ИКТ-пространстве. Модель неравных отношений имплицитно содержит практически во всех аспектах рассматриваемого дискурса, в том числе в вопросе помощи развитию. Американский дискурс акцентирует низкий технологический уровень стран региона и широкие возможности США для помощи их развитию в данной области. Отмечается, что латиноамериканским странам приходится, в частности, делать «выбор между инвестициями в цифровое будущее или в возобновляемые источники энергии»¹⁹, в то время как США готовы вкладывать ресурсы в регион для поддержки его цифрового развития, например инфраструктуры 5G.

Образы объектов секьюритизации

Среди государственных акторов в американском дискурсе в области ИКТ-безопасности в качестве основных угроз и источников дестабилизации для Латиноамериканского региона обозначаются Китай и Россия. Пекин описывается как «стратегический конкурент, способный угрожать

<https://bidenwhitehouse.archives.gov/oncd/briefing-room/2024/09/13/remarks-national-cyber-director-coker-at-latam-ciso/> (accessed: 15.01.2025).

¹⁹ Remarks by President Biden at the Fourth CEO Summit of the Americas // The White House. June 9, 2022. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/06/09/remarks-by-president-biden-at-the-fourth-ceo-summit-of-the-americas/> (accessed: 15.01.2025).

интересам США и доминировать в области новых технологий». Москва представляется в качестве «постоянной киберугрозы, поскольку совершенствует свои возможности» для ослабления альянсов и партнерств США²⁰. Вместе с тем заявляется, что страны Латинской Америки обеспокоены возможностью дезинформации со стороны России: «США оказали техническую помощь и поддержку, чтобы колумбийские институты смогли защитить свою инфраструктуру и противостоять [российской] дезинформации»²¹. При этом деятельность Китая позиционируется как более серьезная угроза для США и всех стран Латинской Америки, так как Пекин стремится превзойти Вашингтон в сфере ИКТ и предлагает комплексные решения развития в этой области. Образ Китая формируется как системная угроза США по всему спектру вопросов ИКТ-безопасности. Так, в американском дискурсе постулируется, что «за последние 10 лет Китай расширил сферу киберопераций... став самым продвинутым стратегическим конкурентом США, способным угрожать американским интересам и доминировать в области новых технологий»²². В свою очередь Россия, по мнению США, постепенно наращивает ИКТ-потенциал для расширения «вредоносной» деятельности против США, в том числе в Латинской Америке. Утверждается, что Россия стремится сохранить влияние в Западном полушарии за счет развития сотрудничества с узким кругом стран, состоящим из Аргентины, Бразилии, Венесуэлы, Кубы и Никарагуа²³.

²⁰ National Cybersecurity Strategy // The White House. March 2, 2023. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/oncd/national-cybersecurity-strategy/> (accessed: 15.01.2025).

²¹ Background Press Call by Senior Administration Officials Previewing the Visit of President Duque of Colombia // The White House. March 9, 2022. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/press-briefings/2022/03/10/background-press-call-by-senior-administration-officials-previewing-the-visit-of-president-duque-of-colombia/> (accessed: 15.01.2025).

²² National Cybersecurity Strategy // The White House. March 2, 2023. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/oncd/national-cybersecurity-strategy/> (accessed: 15.01.2025).

²³ Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community // Office of the Director of National

На втором плане американского дискурса присутствуют КНДР и Иран, которые представляют ограниченную угрозу, но увеличивают масштабы «вредоносной деятельности» в ИКТ-пространстве²⁴. Иран «использует киберпотенциал для угроз союзникам США», а КНДР «получает доходы от преступной деятельности» с использованием ИКТ²⁵. Констатируется, что дальнейшее развитие возможностей этих стран в ИКТ-сфере может оказать серьезное влияние на безопасность США и их партнеров²⁶.

Таким образом, державы, способные предложить альтернативный американскому путь развития стран Латинской Америки в рассматриваемой сфере, то есть в первую очередь Китай и Россия, однозначно маркируются в дискурсе США в качестве наиболее значимых ИКТ-угроз.

Аргументация

Для легитимации образной системы «агент — реципиент — объект» (табл. 1) США используют широкий спектр аргументов. Они стремятся обосновать свою особую роль для Латинской Америки через тезис об общей безопасности и акцентируют внимание на необходимости коллективных действий. Это позволяет им выступать в роли координатора многосторонних усилий в области ИКТ-безопасности. Утверждается, что партнерство с латиноамериканскими странами имеет решающее значение для формирования общего видения киберпространства. Приводятся аргументы о тесных экономических связях и общих ценностях стран Северной

Intelligence. February 6, 2023. URL: <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2023-Unclassified-Report.pdf> (accessed: 15.01.2025).

²⁴ United States International Cyberspace & Digital Policy Strategy // U.S. Department of State. May 6, 2024. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2024/07/United-States-International-Cyberspace-and-Digital-Strategy-FINAL-2024-05-15_508v03-Section-508-Accessible-7.18.2024.pdf (accessed: 15.01.2025).

²⁵ National Cybersecurity Strategy // The White House. March 2, 2023. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/oncd/national-cybersecurity-strategy/> (accessed: 15.01.2025).

²⁶ Ibid.

и Южной Америки. Активно используется идеологически окрашенная аргументация. Так, постулируется, что «страны, ответственно использующие цифровые технологии, соблюдающие права человека и демократические ценности, становятся сильнее, когда работают вместе»²⁷. При этом имплицитно подразумевается, что совместная деятельность должна осуществляться при лидирующей роли США.

Вашингтон использует гипотетические сценарии, например, возможный коллапс критической инфраструктуры и масштабные кибератаки для обоснования необходимости своего присутствия в регионе. Вместе с тем в американском дискурсе прослеживается риторика альтруизма. Политика США преподносится как направленная исключительно на защиту прав человека и демократических институтов. Действительно, США оказывают широкую техническую и экспертную помощь странам Латинской Америки в разработке стратегий ИКТ-безопасности, создании центров реагирования на инциденты, укреплении инфраструктуры и борьбе с международной преступностью, использующей ИКТ²⁸. Нередко политика помощи преподносится как проявление «доброй воли» США. При этом скрытые стратегические цели, такие как усиление экономического и политического влияния в регионе, остаются неясными.

²⁷ Remarks: National Cyber Director Coker at Singapore International Cyber Week 2024 // The White House. October 15, 2024. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/oncd/briefing-room/2024/10/15/remarks-national-cyber-director-coker-at-singapore-international-cyber-week-2024/> (accessed: 15.01.2025).

²⁸ См.: Fact Sheet: Advancing Technology for Democracy // The White House. March 29, 2023. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/statements-releases/2023/03/29/fact-sheet-advancing-technology-for-democracy-at-home-and-abroad/> (accessed: 15.01.2025); Digital Connectivity and Cybersecurity Partnership (DCCP) // Cybil. URL: <https://cybilportal.org/projects/digital-connectivity-and-cybersecurity-partnership-dccp/> (accessed: 15.01.2025); Joint Statement on the U.S. — Chile High-Level Dialogue // U.S. Embassy in Chile. October 2, 2024. URL: <https://cl.usembassy.gov/joint-statement-on-the-u-s-chile-high-level-dialogue/#:~:text=During%20the%20HLD%2C%20the%20United,cybercrime%2C%20and%20emerging%20threats%3B%20and> (accessed: 15.01.2025).

Контент-анализ атрибутируемых государственным акторам угроз

В ходе проведения количественного контент-анализа каждый документ из собранного массива данных был изучен на предмет упоминания угроз в ИКТ-пространстве. Результаты анализа представленной выборки дают представление о конкретных государственных акторах, упоминаемых в непосредственной связке с исходящими от них конкретными угрозами в сфере ИКТ-безопасности. Связанные угрозы в области ИКТ-безопасности для каждого государства визуально представлены в табл. 2 и при помощи облака «тэгов» (ключевых слов), где размер шрифта зависит от количества упоминаний конкретных угроз (рис. 1–4).

Результаты количественного контент-анализа корпуса документов в сфере ИКТ-безопасности в контексте связей США со странами Латинской Америки можно интерпретировать следующим образом.

Именно четыре державы — Россия, Китай, Иран и КНДР — подаются реципиенту, то есть латиноамериканским странам в качестве основных источников угроз в ИКТ-пространстве. Набор конкретных ассоциаций, связанных с угрозами в области ИКТ-безопасности, представляется достаточно разнообразным. Всем четырем государственным акторам приписываются кибератаки и использование вирусов-вымогателей, трем государствам за исключением КНДР — агрессивные разведывательные операции, кибероперации и угрозы цифровой инфраструктуре в целом. Наконец, трем странам за вычетом Ирана атрибутируется деятельность по кибершпионажу.

Обращает на себя особое внимание тот факт, что администрация Дж. Байдена рассматривала в качестве максимально серьезной угрозы стремление КНР к превосходству в ИКТ-сфере. Второй по важности угрозой оказывается Россия в связи с ее намерением усилить свой ИКТ-потенциал и подорвать влияние США. Соответственно, деятельность китайских и российских компаний на IT-рынках Латиноамериканского региона, в частности при предоставлении услуг в сфере ИКТ-безопасности, трактуется как нежелательная.

Таблица 1. Образная система в дискурсе США в области ИКТ-безопасности

Образ	Референция	Предикация
США как агент	– Глобальный лидер в ИКТ – Защитник свободы и демократии – Арбитр в ИКТ-пространстве – Наиболее привлекательный партнер в ИКТ-пространстве – Надежный поставщик ИКТ-безопасности	– Проводит политику по сохранению мирового порядка, основанного на правилах – Отстаивает либеральные ценности – Устанавливает международные нормы в ИКТ-пространстве – Использует ИКТ в благих целях – Заинтересован в сотрудничестве – Намерен помогать партнерам – Стремится укрепить многосторонние институты – Стремится обеспечить честную конкуренцию с учетом своих интересов – Стремится обеспечить коллективную безопасность
Латинская Америка как реципиент	– Регион с высоким уровнем уязвимости в ИКТ-пространстве – Регион с низким уровнем развития ИКТ – Зависимый от внешней помощи – Преимущественно пассивный партнер	– Нуждается в патернализме со стороны США – Нуждается в помощи для обеспечения ИКТ-безопасности – Нуждается в ресурсах для развития ИКТ – Вносит вклад в коллективную ИКТ-безопасность
Китай как объект	– Нелиберальное государство – Стратегический конкурент – Наиболее серьезная угроза для США и стран Латинской Америки – Системная угроза – Источник дестабилизации в политике, экономике и ИКТ-пространстве	– Проводит ревизионистскую политику – Стремится превзойти США в ИКТ-пространстве – Продвигает цифровой авторитаризм – Использует ИКТ для достижения агрессивных целей – Подорывает международные нормы – Способен совершать серьезные кибератаки – Нарушает права человека с использованием ИКТ
Россия как объект	– Нелиберальное государство – Тактический конкурент – Значимая угроза для интересов США в отдельных латиноамериканских странах – Источник дестабилизации в политике, экономике и ИКТ-пространстве	– Проводит ревизионистскую политику – Совершенствует ИКТ-потенциал для расширения вредоносной деятельности против США и их союзников – Осуществляет дезинформацию и пропаганду – Использует ИКТ для достижения агрессивных целей – Подорывает международные нормы – Нарушает права человека с использованием ИКТ
КНДР как объект	– Нелиберальное государство – Ограниченная угроза для США и их союзников, включая страны Латинской Америки – Источник дестабилизации в политике, экономике и ИКТ-пространстве	– Проводит ревизионистскую политику – Расширяет масштаб вредоносной деятельности в ИКТ-пространстве – Использует ИКТ для достижения агрессивных целей – Получает доходы от преступной деятельности с использованием ИКТ – Нарушает права человека с использованием ИКТ
Иран как объект	– Нелиберальное государство – Ограниченная угроза для США и их союзников, включая страны Латинской Америки – Источник дестабилизации в политике, экономике и ИКТ-пространстве	– Проводит ревизионистскую политику; – Расширяет масштаб вредоносной деятельности в ИКТ-пространстве – Использует ИКТ для достижения агрессивных целей – Нарушает права человека с использованием ИКТ

Примечание. Основным критерием классификации угроз является коннотативная окраска объектов секьюритизации в рамках рассматриваемого дискурса.

Источник: составлено Л.М. Соколыцким, И.О. Яникеевой и Г.В. Торопчиным на основе контент-анализа собранной базы данных.

Таблица 2. Атрибутируемые государственным акторам угрозы по количеству упоминаний

Угроза	Россия	Китай	Иран	КНДР
Агрессивные разведывательные операции	1	1	1	–
Вирусы-вымогатели	2	1	1	2
Вредоносное программное обеспечение	–	–	1	–
Дезинформация	2	1	–	–
Дестабилизирующие киберинструменты	2	–	–	–
Кибератаки	3	2	1	2
Кибервливание	3	–	–	–
Кибероперации	1	1	2	–
Киберпреступления	–	–	–	2
Киберсбои	1	–	–	–
Киберугроза (в целом)	4	4	1	–
Кибершпионаж	3	2	–	2
Манипуляция информацией	1	–	–	–
Операции по влиянию	–	1	–	–
Попытки стереть данные	1	–	–	–
Присвоение киберинфраструктуры	–	–	–	1
Присвоение криптовалюты	–	–	–	1
Угроза технологической конкурентоспособности	–	4	–	–
Цифровой авторитаризм	–	2	–	–

Источник: составлено Л.М. Соколыщиком, И.О. Яникеевой и Г.В. Торопчиным на основе контент-анализа собранной базы данных.

Рис. 1. Угрозы в сфере ИКТ-безопасности, атрибутируемые России:

кегль находится в прямой зависимости от количества упоминаний

Источник: составлено Г.В. Торопчиным на основе данных из табл. 2.

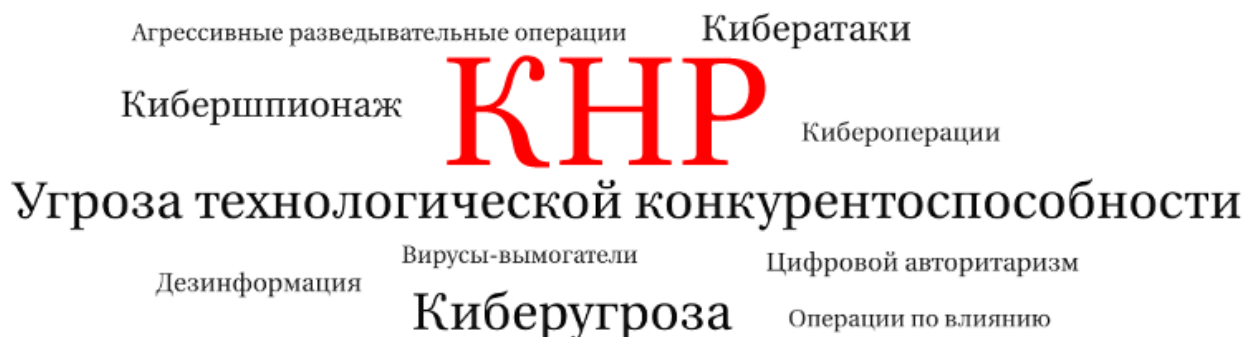

Рис. 2. Угрозы в сфере ИКТ-безопасности, атрибутируемые Китаю:

кегль находится в прямой зависимости от количества упоминаний

Источник: составлено Г.В. Торопчиным на основе данных из табл. 2.

Кибероперации

Вирусы-вымогатели Кибератаки
Киберугроза **ИРАН** Вредоносное ПО
Агрессивные разведывательные операции

Рис. 3. Угрозы в сфере ИКТ-безопасности, атрибутируемые Ирану:
кегель находится в прямой зависимости от количества упоминаний
Источник: составлено Г.В. Торопчиным на основе данных из табл. 2.

Кибершпионаж Вредоносное ПО

Кибератаки **КНДР** Киберпреступления
Вирусы-вымогатели
Присвоение криптовалюты Присвоение киберинфраструктуры

Рис. 4. Угрозы в сфере ИКТ-безопасности, атрибутируемые КНДР:
кегель находится в прямой зависимости от количества упоминаний
Источник: составлено Г.В. Торопчиным на основе данных из табл. 2.

При этом ИКТ-угрозы, приписываемые России, в документах неоднократно связываются с проведением специальной военной операции на Украине, что подтверждает вывод об использовании идеологической аргументации при продвижении американских ИКТ в Латинской Америке.

Заключение

Критический анализ дискурса администрации Дж. Байдена в области ИКТ-безопасности позволил выявить механизмы реализации скрытой идеологии доминирования США в отношении Латинской Америки. Исследование показало, что официальный дискурс играет центральную роль в легитимации гегемонистских устремлений США, представляя их как направленные на защиту демократических ценностей и обеспечение

глобальной стабильности. Когнитивная модель контекстного «поля», представленная в американском дискурсе, отражает стремление США сохранить лидерство в глобальном ИКТ-пространстве, укрепляя свои позиции через многосторонние институты и региональное сотрудничество, одновременно противодействуя влиянию других крупных держав, в первую очередь Китая и России, через конструирование образа Вашингтона как исключительного поставщика международной ИКТ-безопасности.

США, выстраивая образную систему «агент — реципиент — объект» через дискурсивные стратегии референции, предикации и аргументации, стремятся оправдать свою активную роль в Латинской Америке, закрепить пассивную позицию латиноамериканских стран, а также легитимизировать

дискриминированное положение Китая, России, Ирана и КНДР как в сфере ИКТ в целом, так и в качестве акторов в Латинской Америке. При этом подобный дискурсивный конструкт обосновывает возможность и даже необходимость вмешательства США в региональные и внутривластные процессы в области ИКТ-безопасности. Несмотря на то, что в американском дискурсе присутствует стремление к обоснованию данной образной системы технологическими, экономическими, ценностными и альтруистическими аргументами, в конечном счете она оказывается политически мотивирована, а риторика о сотрудничестве во многом лишь вуалирует продвижение американских стратегических интересов в регионе.

Важным направлением для будущих исследований является анализ восприятия дискурса США в области ИКТ-безопасности в странах Латинской Америки. Изучение того, как региональные акторы интерпретируют и реагируют на него, поможет более глубоко понять процесс международного взаимодействия в этой сфере. Кроме того, перспективным является исследование альтернативных моделей международного ИКТ-пространства и его безопасности. Необходимо также углубленное изучение роли других крупных акторов, таких как Евросоюз, Китай и Россия, в формировании политики в области ИКТ-безопасности в Латиноамериканском регионе, чтобы выявить более широкий контекст для анализа.

Поступила в редакцию / Received: 17.01.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 07.04.2025
Принята к публикации / Accepted: 10.06.2025

Список литературы

- Зиновьева Е., Игнатов А. БРИКС в глобальном режиме ИКТ-безопасности // *Международные процессы*. 2023. Т. 21, № 4. С. 104–132. <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.4.75.2>; EDN: AVLWZW
- Крутских А. В. Международная информационная безопасность: в поисках консолидированных подходов : интервью с Андреем Владимировичем Крутских, Специальным представителем Президента Российской Федерации по вопросам международного сотрудничества в области информационной безопасности / интервью провел Д. А. Пискунов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2022. Т. 22, № 2. С. 342–351. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-342-351>; EDN: DVBSIA
- Пахалюк К. А. Истоки дискурсивного подхода в политических исследованиях // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2018. Т. 24, № 1. С. 71–97. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2018-24-1-71-97>; EDN: YUPVIN
- Понька Т. И., Рамич М. С., У Ю. Информационная политика и информационная безопасность КНР: развитие, подходы и реализация // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2020. Т. 20, № 2. С. 382–394. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-2-382-394>; EDN: UANODL
- Свирчевский Д. А., Фомин И. В. Образы Европы в дискурсе левых и правых популистов Германии: между Европой солидарности и Европой-крепостью // *Полис. Политические исследования*. 2023. № 2. С. 27–40. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.03>; EDN: YGN0EA
- Соколыц Л. М., Сакаев В. Т., Галимуллин Э. З. Нелегальная иммиграция из Латинской Америки в контексте президентской кампании в США 2024 г.: эффекты поляризации // *Международная аналитика*. 2023. Т. 14, № 3. С. 106–126. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-3-106-126>; EDN: FTAUME
- Соколыц Л. М., Соколыц Ю. С., Теремецкий К. С. Дискурсивные стратегии легитимации санкционной политики США в отношении России (2021–2023) // *Полис. Политические исследования*. 2024. № 3. С. 109–125. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.03.08>; EDN: NTYWXM
- Стадник И. Т. Как изучать политику безопасности в области ИКТ: возможности и ограничения критического дискурса-анализа // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2024. Т. 17, № 2. С. 183–200. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2024.205>; EDN: NKMILI
- Фомин И. В. Возможности анализа репрезентаций государственных образований в политических дискурсах (на примере образа Косова) // *Полис. Политические исследования*. 2014а. № 2. С. 124–137. <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.02.09>; EDN: RXHOPN
- Фомин И. В. Категория образа как средство изучения политической действительности (на примере образа Южной Осетии в российском внешнеполитическом дискурсе) // *Символическая политика : сборник статей. Вып. 2.: Споры о прошлом как проектирование будущего*. Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2014б. С. 40–65. EDN: ULCLXR

- Хейфец В. Л., Хадорич Л. В. Латинская Америка между ОАГ и СЕЛИАК // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 4. С. 90–100. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2015-4-90-100>; EDN: TRNTVZ
- Bolgov R. The UN and Cybersecurity Policy of Latin American Countries // 2020 7th International Conference on eDemocracy and eGovernment, ICEDEG 2020. Buenos Aires : Institute of Electrical and Electronics Engineers Inc., 2020. P. 259–263. <https://doi.org/10.1109/ICEDEG48599.2020.9096798>; EDN: CFHGPI
- Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. London : Boulder, Lynne Rienner Publishers, 1998. URL: https://www.academia.edu/39047709/Buzan_Waever_and_De_Wilde_1998_Security_A_New_Framework_For_Analysis (accessed: 14.01.2025)
- Campbell D. Politics Without Principle : Sovereignty, Ethics, and the Narratives of the Gulf War. Boulder, USA : Lynne Rienner Publishers, 1993. <https://doi.org/10.1515/9781685856090>
- Henshaw A. Capacity Building and Cyber Insecurity in Latin America: Geopolitics, Surveillance, and Disinformation // *Critical Perspectives on Cybersecurity: Feminist and Postcolonial Interventions* / ed. by A. Mhajne, A. Henshaw. New York : Oxford University Press, 2024. P. 173–193. <https://doi.org/10.1093/oso/9780197695883.003.0008>
- Hurel L. M. Interrogating the Cybersecurity Development Agenda: A Critical Reflection // *The International Spectator*. 2022. Vol. 57, iss. 3. P. 66–84. <https://doi.org/10.1080/03932729.2022.2095824>; EDN: SPVBPZ
- Krebs R. R. How Dominant Narratives Rise and Fall: Military Conflict, Politics, and the Cold War Consensus // *International Organization*. 2015. Vol. 69, iss. 4. P. 809–845. <https://doi.org/10.1017/S0020818315000181>
- Miao W., Xu J., Zhu H. From Technological Issue to Military-Diplomatic Affairs: Analysis of China's Official Cybersecurity Discourse (1994–2016) // *Second International Handbook of Internet Research* / ed. by J. Hunsinger, M. Allen, L. Klasturp. Dordrecht : Springer, 2019. P. 1–13. https://doi.org/10.1007/978-94-024-1202-4_61-1
- Reisigl M., Wodak R. The Discourse-Historical Approach (DHA) // *Methods of Critical Discourse Analysis* : 2nd revised edition / ed. by R. Wodak, M. Meyer. London: SAGE, 2009. URL: https://www.researchgate.net/publication/251636976_The_Discourse-Historical_Approach_DHA (accessed: 14.01.2025).
- Siudak R. Cybersecurity Discourses and Their Policy Implications // *Journal of Cyber Policy*. 2022. Vol. 7, iss. 3. P. 318–335. <https://doi.org/10.1080/23738871.2023.2167607>; EDN: MLSWMA
- Sokolshchik L. M. Year One of the Biden Administration: U.S. Foreign Policy Towards Russia // *Journal of Eurasian Studies*. 2024. Vol. 15, iss. 1. P. 70–80. <https://doi.org/10.1177/18793665231170639>; EDN: AMHXNS
- Sokolshchik L., Sokolshchik Y. Why U.S. — Russia Relations Failed: An Analysis of Competing National Security Narratives // *Russian Politics*. 2023. Vol. 8, no. 4. P. 468–492. <https://doi.org/10.30965/24518921-00803009>; EDN: YFYVMB
- Tikk E., Kerttunen M. Introduction // *Routledge Handbook of International Cybersecurity* / ed. by E. Tikk, M. Kerttunen. New York : Routledge, 2020. P. 1–8. <https://doi.org/10.4324/9781351038904>
- Urbanovics A. Cybersecurity Policy-Related Developments in Latin America // *AARMS — Academic and Applied Research in Military and Public Management Science*. 2022. Vol. 21, no. 1. P. 79–94. <https://doi.org/10.32565/aarms.2022.1.6>; EDN: JOBKFG
- Van Dijk T. A. Discourse, Context and Cognition // *Discourse Studies*. 2006. Vol. 8, iss. 1. P. 159–177. <https://doi.org/10.1177/1461445606059565>
- Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511612183>

Сведения об авторах:

Соколыц Лев Маркович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр комплексных европейских и международных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 119017, г. Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17; eLibrary SPIN-код: 6958-8932; ORCID: 0000-0002-0945-1022; e-mail: lsokolshchik@hse.ru

Яникеева Инна Олеговна — кандидат политических наук, научный сотрудник, Центр комплексных европейских и международных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 119017, г. Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17; eLibrary SPIN-код: 5148-7454; ORCID: 0000-0001-9590-5301; e-mail: iyanikeeva@hse.ru

Торопчин Глеб Вячеславович — кандидат исторических наук, заместитель декана по научной работе, факультет гуманитарного образования, Новосибирский государственный технический университет; Российская Федерация, 630073, г. Новосибирск, проспект К. Маркса, д. 20; старший научный сотрудник, Центр евразийских исследований, Национальный исследовательский Томский государственный университет; Российская Федерация, 634050, г. Томск, проспект Ленина, 36; eLibrary SPIN-код: 1524-2434; ORCID: 0000-0002-8055-1202; e-mail: glebtoropchin@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-3-485-504

EDN: WSYKTH

Научная статья / Research article

Ответные ограничительные меры Китая в условиях санкционного противостояния

Д.Ю. Карасев

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

 dk89@mail.ru

Аннотация. В последние годы происходит оформление санкционного режима Китая, которое выражается, во-первых, в росте интенсивности и многообразия ограничительных мер, используемых Китаем в ответ на односторонние санкции оппонентов начиная с 2010-х гг. Наглядной становится дифференциация инструментов контрсанкций Китайской Народной Республики (КНР) в зависимости от мотивации Пекина и их объекта. Растет список триггеров, провоцирующих КНР на контрмеры, умножаются преследуемые с помощью них цели. Во-вторых, с 2018 г. у КНР появились нормативно-правовые механизмы введения контрсанкций и противодействия иностранным санкциям. Цель исследования — на основе собранной базы данных «Односторонние санкции Китая, 1956–2023» проследить эволюцию контрсанкций Китая и предложить теоретические обобщения о них, количественно подтверждающие или опровергающие результаты предшествующих исследований. Исследование опирается как на анализ предшествующих работ о контрсанкциях КНР на английском и русском языках, научный консенсус о которых отсутствует, лишь некоторые выводы количественно обоснованы и подкреплены базами данных, так и на сбор базы данных и методы описательной статистики. Новизна исследования обусловлена тем, что в нем проводится различие между этапом активного оформления санкционного режима Китая в течение последних 10 лет и долгой предысторией, в рамках которой имели место лишь отдельные неофициальные контрмеры: бойкотирование Китаем участия в Олимпийских играх в 1950–1970-х гг.; частичный отказ КНР от импорта из тех стран, лидеры которых принимали у себя с официальным визитом Далай-ламу XIV в 2000–2010-х гг.; потребительские бойкоты товаров иностранных компаний в КНР и бюрократические блокады на таможне начиная с 2008 г. Перечисляются и описываются механизмы действия основных контрсанкционных законов КНР, принятие которых было спровоцировано торговой войной с США. В итоге стали преобладать зеркальные контрсанкции КНР, применяемые адресно против отдельных лиц и компаний и предполагающие барьеры на въезд и ведение бизнеса в КНР, ограничения инвестиций, сотрудничества, торговли, заморозку активов и т. д. Автор приходит к выводу о «разделении труда» между скрытыми санкциями, максимизирующими ущерб для стороны, на которую наложены санкции, и формализованными санкциями, максимизирующими перформативное воздействие на третью сторону. Вторые не заменяют собой первые, а дополняют их.

Ключевые слова: санкции, дипломатия принуждения, потребительский бойкот иностранных товаров, ограничения торговли, торговая война, Китай, США, база данных

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Автор признателен за комментарии к тексту статьи Е.Я. Араповой, к.э.н., директору, в.н.с. Центра экспертизы санкционной политики ИМИ МГИМО МИД России, И.Ю. Зуенко, к.и.н., с.н.с. Центра Китая, Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО МИД России. Исследование поддержано внутренним грантом ИМИ МГИМО МИД России.

© Карасев Д.Ю., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Карасев Д. Ю. Ответные ограничительные меры Китая в условиях санкционного противостояния // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 3. С. 485–504. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-485-504>

China's Retaliatory Measures in the Context of the Sanctions Confrontation

Dmitry Yu. Karasev

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

 dk89@mail.ru

Abstract. In recent years, China's sanctions regime has been taking shape, which is expressed, first, in the growing intensity and diversity of retaliatory coercive measures in response to foreign unilateral sanctions since the 2010s. The differentiation of the counter-sanction instruments of the People's Republic of China (PRC) depending on Beijing's motivation and their object is becoming clear. The list of triggers provoking the PRC to take countermeasures is growing, and the goals pursued with their help are multiplying. Second, since 2018, the PRC has had regulatory and legal mechanisms for introducing counter-sanctions and countering foreign sanctions. This study aims to trace the evolution of China's counter-sanctions based on the collected database "China's Unilateral Sanctions, 1956–2023" and offer theoretical generalizations about them that quantitatively confirm or refute the results of previous studies. The study draws on both the analysis of previous works on China's counter-sanctions in English and Russian, about which there is no scientific consensus and only some of the conclusions are quantitatively substantiated and supported by databases, and the collection of a database and descriptive statistics methods. The novelty of the study is due to the fact that it distinguishes between the stage of active formation of China's sanctions regime over the past 10 years and a long prehistory, during which only individual unofficial countermeasures took place: China's boycott of participation in the Olympic Games in the 1950s — 1970s; China's partial refusal to import from those countries whose leaders hosted the 14th Dalai Lama on an official visit in the 2000s — 2010s; consumer boycotts of foreign goods in China; and bureaucratic blockades at customs since 2008. This article lists and describes the mechanisms of action of the main counter-sanction laws of the PRC, the adoption of which was provoked by the trade war with the United States. As a result, mirror counter-sanctions of the PRC have become prevalent, applied specifically against individuals and companies and implying barriers to entry and doing business in the PRC, restrictions on investment, cooperation, trade, and freezing of assets. The author concludes that there is a "division of labor" between hidden sanctions, which maximize damage to the targeted party, and formalized sanctions, which maximize the performative impact on a third party. The latter does not replace the former but complements it.

Key words: sanctions, coercive diplomacy, consumer boycott of foreign goods, trade restrictions, trade war, China, USA, database

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Acknowledgements. The author is grateful to E.Ya. Arapova and I.Yu. Zuenko for their helpful comments on earlier drafts. The research is funded by IIS MGIMO University grant.

For citation: Karasev, D. Yu. (2025). China's retaliatory measures in the context of the sanctions confrontation. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(3), 485–504. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-485-504>

Введение

Официальный Пекин осуждает практику односторонних санкций в терминах превознесения национального права над международным¹, однако вынужден прибегать к ответным односторонним ограничительным мерам

¹ МИД КНР осудил односторонние санкции, не одобренные ООН // Рамблер. 25.02.2025. URL: https://news.rambler.ru/world/54257244/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 25.04.2025).

в рамках противостояния со странами, использующими против него односторонние санкции или иные действия, грубо нарушающие ключевые национальные интересы Китая. Такие ограничительные меры, следуя номиналистской традиции, в данном исследовании будут именоваться «санкциями Китая».

В последние годы наблюдается рост количества и многообразия ограничительных мер, используемых Китаем в ответ на аналогичные меры западных стран, а также появление у него правового механизма введения

санкций, в результате чего на смену (или в дополнение к) скрытым санкциям, вводимым без использования специфических юридических процедур, приходят официальные санкции, напоминающие западные. Этот процесс ниже будем называть оформлением санкционного режима Китая (далее — СРК). Под СРК понимается весь репертуар ограничительных мер и особенности их использования, отличающие китайский подход к введению санкций от санкционного режима США или Европейского союза (ЕС).

Растет объем научной литературы, посвященной предмету исследования, однако говорить о достижении научного консенсуса пока сложно. При этом лишь немногие работы основаны на количественном подходе и подкреплены базами данных кейсов односторонних санкционных мер Китая (см., например: (Zhang, 2018) и отчеты «фабрики мысли»²). На русском языке непосредственно формированию СРК посвящено считанное количество работ (Кашин, Пятачкова, Крашенинникова, 2020; Бакулина, Кузьмина, 2021; Сафронова, 2021), поскольку исследовательский интерес в большей степени направлен на смежные проблемы внешней политики КНР (см., например: (Киреева, 2013; Виноградов, Салицкий, Семенова, 2019)).

Задачи исследования — на основе собранной базы данных «Односторонние санкции Китая, 1956–2023»³ (далее — БД)

² См.: Hanson F., Currey E., Beattie T. The Chinese Communist Party's Coercive Diplomacy // The Australian Strategic Policy Institute (ASPI). September 1, 2020. URL: <https://www.aspi.org.au/report/chinese-communist-party-coercive-diplomacy> (accessed: 11.07.2023); Kuno A. China's Economic Sanctions: Its Features and Effectiveness // The Japan Forum on International Relations (JFIR). April 1, 2021. URL: <https://www.jfir.or.jp/en/wp-content/uploads/sites/2/2021/04/210420ka-en.pdf> (accessed: 11.07.2023); Bohman V., Pärup H. Purchasing with the Party: Chinese Consumer Boycotts of Foreign Companies, 2008–2021 // Swedish National China Center Report. 2022. No. 2. URL: <https://kinacentrum.se/wp-content/uploads/2022/07/purchasing-with-the-party-chinese-consumer-boycotts-of-foreign-companies-20082021-3.pdf> (accessed: 11.07.2023).

³ База данных «Односторонние санкции Китая, 1956–2023». Зарегистрирована в ФИПС 12.10.2023. Ссылка непосредственно на базу данных предоставляется правообладателем (Институтом международных исследований МГИМО МИД России) по запросу.

проследить эволюцию ограничительных мер Китая, описать оформляющийся СРК, а также предложить теоретические обобщения о нем, подтверждающие или опровергающие результаты предшествующих исследований.

Подходы к СРК и обзор литературы

Сложилось несколько подходов к оценке характера и особенностей СРК.

В рамках *первого подхода* формирующийся СРК рассматривается как «рудиментарный», «оборонительный», «реактивный», копирующий западные образцы (Webster, 2022). Сильной стороной такого подхода является анализ СРК только в контексте взаимодействия с санкционными режимами США и ЕС, слабой — игнорирование новизны и особенностей СРК.

Второй подход объединяет авторов, исследующих СРК сквозь призму национальных интересов КНР, расчета и сравнения потенциального ущерба от санкционных мер для страны, на которую направлены санкции, и для самой КНР, поскольку именно национальные интересы и расчет ущерба определяют инструменты, форму, интенсивность принуждения и объекты санкций внутри страны, в отношении которой вводятся ограничения (Zhang, 2018). Сильной стороной такого неореалистского подхода является то, что экономические санкции анализируются только в контексте прочих форм дипломатии принуждения, включая военное принуждение. Среди ограничений подхода видится недостаточное внимание, уделяемое гегемонистской стабильности США, а также гетерогенности национальных интересов КНР относительно санкций.

Третий подход объединяет работы, изучающие микродетерминанты санкционных мер в КНР и стране, в отношении которой вводятся меры⁴. Поскольку санкции нарушают сложившиеся до них условия междуна-

⁴ Kuno A. China's Economic Sanctions: Its Features and Effectiveness // The Japan Forum on International Relations (JFIR). April 1, 2021. URL: <https://www.jfir.or.jp/en/wp-content/uploads/sites/2/2021/04/210420ka-en.pdf> (accessed: 11.07.2023). См. также: (Lim & Ferguson, 2022).

родной торговли, а их последствия (прибыли и ущерб) по-разному распределены для акторов и групп интересов внутри КНР, разные санкции встречают поддержку и сопротивление различных групп интересов внутри Китая, что свидетельствует о различии в понимании национальных интересов страны различными группами внутри политического истеблишмента КНР. Выбор объектов контрсанкций обусловлен не только их уязвимостью, но и влиянием групп интересов в КНР (например, производители заинтересованы в бойкотировании импортных аналогов), а также способностью объекта оказать влияние на национальную политику государства, на изменение которой нацелены контрсанкции.

В рамках *четвертого подхода* (Glosny, 2012; Johnston, 2013) экономическое принуждение КНР изучается сквозь призму того, бросает ли оно вызов гегемонии США и международному порядку на основе правил.

В ряду исследований СРК выделяется корпус материалов западных «фабрик мысли». Отчет Центра новой американской безопасности (*Center for a New American Security*, CNAS)⁵ 2018 г. — одно из первых заметных исследований (не считая работ Дж. Рейлли, речь о которых пойдет ниже), в котором на конкретных кейсах проблематизированы вопросы оформления и детерминант СРК, а также предложены впоследствии сбывшиеся прогнозы о СРК и стратегия противодействия Китаю со стороны США. За первым последовал второй отчет соавторов⁶.

Авторы последующих отчетов прочих западных «фабрик мысли» отталкивались уже не от кейс-стади, а от баз данных центров, содержали описание и некоторые детерминанты эволюции СРК, а также опыт

противодействия соответствующих стран контрсанкциям КНР⁷. Так, база данных Института китаеведения Меркатора (*Mercator Institute for China Studies*, MERICS)⁸ содержит 123 случая экономического принуждения КНР за 2010–2022 гг., база Австралийского института стратегической политики (*Australian Strategic Policy Institute*, ASPI)⁹ — 152 случая принудительной дипломатии КНР в основном после 2018 г., БД Шведского национального центра китаеведения (*Swedish National China Centre*)¹⁰ — 90 случаев потребительских бойкотов иностранных товаров внутри КНР за 2008–2021 гг. Кроме того, на основе кейс-стади компаний из Восточной

⁷ См.: Hanson F., Currey E., Beattie T. The Chinese Communist Party's Coercive Diplomacy // The Australian Strategic Policy Institute (ASPI). September 1, 2020. URL: <https://www.aspi.org.au/report/chinese-communist-partys-coercive-diplomacy> (accessed: 11.07.2023); Adachi A., Brown A., Zenglein M. J. Fasten Your Seatbelts: How to Manage China's Economic Coercion // Mercator Institute for China Studies (MERICS). August 25, 2022. URL: <https://merics.org/en/report/fasten-your-seatbelts-how-manage-chinas-economic-coercion> (accessed: 11.07.2023); Szczepański M. China's Economic Coercion: Evolution, Characteristics and Countermeasures // European Parliamentary Research Service (EPRS). November 1, 2022. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/738219/EPRS_BRI\(2022\)738219_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/738219/EPRS_BRI(2022)738219_EN.pdf) (accessed: 11.07.2023); Hunter F., Impiombato D., Lau Y., Zhang A., Deb U., Triggs A. Countering China's Coercive Diplomacy: Prioritising Economic Security, Sovereignty and the Rules-Based Order // The Australian Strategic Policy Institute (ASPI). February 22, 2023. URL: <https://www.aspi.org.au/report/countering-chinas-coercive-diplomacy/> (accessed: 11.07.2023).

⁸ Adachi A., Brown A., Zenglein M. J. Fasten Your Seatbelts: How to Manage China's Economic Coercion // Mercator Institute for China Studies (MERICS). August 25, 2022. URL: <https://merics.org/en/report/fasten-your-seatbelts-how-manage-chinas-economic-coercion> (accessed: 11.07.2023).

⁹ Hanson F., Currey E., Beattie T. The Chinese Communist Party's Coercive Diplomacy // The Australian Strategic Policy Institute (ASPI). September 1, 2020. URL: <https://www.aspi.org.au/report/chinese-communist-partys-coercive-diplomacy> (accessed: 11.07.2023).

¹⁰ Bohman V., Pårup H. Purchasing with the Party: Chinese Consumer Boycotts of Foreign Companies, 2008–2021 // Swedish National China Centre Report. 2022. No. 2. URL: <https://kinacentrum.se/wp-content/uploads/2022/07/purchasing-with-the-party-chinese-consumer-boycotts-of-foreign-companies-20082021-3.pdf> (accessed: 11.07.2023).

⁵ Harrell P., Rosenberg E., Saravalle E. China's Use of Coercive Economic Measures // Center for a New American Security (CNAS). June 11, 2018. URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/chinas-use-of-coercive-economic-measures> (accessed: 11.07.2023).

⁶ Rosenberg E., Harrell P., Feng A. A New Arsenal for Competition. Coercive Economic Measures in the U.S. — China Relationship // Center for New American Security (CNAS). April 24, 2020. URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/a-new-arsenal-for-competition> (accessed: 11.07.2023).

Азии MERICS разработал профиль риска компаний по формальным признакам и производные от этого профиля стратегии реагирования компаний на санкции со стороны КНР¹¹.

Дж. Рейлли — автор ряда работ о СРК (Reilly, 2012a; 2012b; 2012c), в 2012 г. предложивший объяснение обращения КНР к ответным санкциям (одно из первых исследований на основе национального интереса и идейного сдвига после прихода к власти Си Цзиньпина), а также сравнение санкционных режимов США и КНР. Он также описал основные санкционные инструменты КНР и объяснил, на основе чего Пекин отдает предпочтение тем или иным инструментам в каждом конкретном случае¹².

На основе статистики внешней торговли КНР А. Фукс и Н.-Х. Кланн (Fuchs & Klann, 2013) построили модель, которая позволила выявить, что неформальные санкции КНР, такие как отмены закупок, срыв заключения сделок, отмены визитов делегаций бизнесменов и политиков из КНР, в отношении стран, лидеры которых встречались с Далай-ламой XIV, приводили к закономерному снижению экспорта товаров из этих стран в Китай вследствие блокирования последним своего внутреннего рынка для этих товаров.

В своей диссертации и монографии К. Чжан (Zhang, 2018), опираясь на собственную качественно-количественную базу данных, предложила теорию баланса издержек, производную от «баланса угроз» в неореализме С. Уолта и при этом объясняющую, где и когда Китай предпочитал использовать военное либо экономическое принуждение во внешней политике.

В статье 2020 г. Д. Лим, В. Фергюсон и Р. Бишоп (Lim, Ferguson & Bishop, 2020)

¹¹ Adachi A., Brown A., Zenglein M. J. Fasten Your Seatbelts: How to Manage China's Economic Coercion // Mercator Institute for China Studies (MERICS). August 25, 2022. URL: <https://merics.org/en/report/fasten-your-seatbelts-how-manage-chinas-economic-coercion> (accessed: 11.07.2023).

¹² Reilly J. China's Economic Statecraft: Turning Wealth into Power // Lowy Institute for International Policy. November 27, 2013. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/175042/reilly_chinas_economic_statecraft_web.pdf (accessed: 11.07.2023).

исследовали нормативно-правовое регулирование выездного туризма в КНР, который используется Пекином в качестве санкционного инструмента. Эти же ученые (Lim & Ferguson, 2022) продолжили изучение СРК на основе проверки гипотезы о микродетерминантах неформальных санкций КНР против Республики Корея в ответ на развертывание Сеулом противоракетной системы THAAD. Авторы предложили типологию неформальных санкций КНР, объяснили выбор объектов санкций внутри Южной Кореи, а также конкретных санкционных мер, опираясь на базу сообщений СМИ о реакции КНР на THAAD и статистику торговли между КНР и Южной Кореей.

Б. Гласер¹³ изучил успешные кейсы санкций КНР и попытался выявить факторы, объясняющие их эффективность. Статья Т. Вебстера (Webster, 2022) посвящена описанию и объяснению нормативно-правового оформления СРК. Автором выявлено, какие принципы и механизмы западного санкционного законодательства (прежде всего американского) были адаптированы Китаем.

Вместе с тем внушительное количество исследований посвящены не СРК в целом, а пристальному изучению отдельных его аспектов:

1) отдельным санкционным инструментам КНР:

- ограничению сотрудничества в сфере спорта (Xu, 2008);
- потребительским бойкотам иностранных компаний¹⁴;

¹³ Statement before the Congressional-Executive Commission on China "How China Uses Economic Coercion to Silence Critics and Achieve its Political Aims Globally:" A Testimony by: Bonnie S. Glaser, Director, Asia Program, German Marshall Fund of the United States // German Marshall Fund of the United States. December 7, 2021. URL: <https://www.gmfus.org/sites/default/files/2021-12/CECC%20Economic%20coercion%20testimony%2C%209-7-21.pdf> (accessed: 11.07.2023).

¹⁴ Bohman V., Pårup H. Purchasing with the Party: Chinese Consumer Boycotts of Foreign Companies, 2008–2021 // Swedish National China Center Report. 2022. No. 2. URL: <https://kinacentrum.se/wp-content/uploads/2022/07/purchasing-with-the-party-chinese-consumer->

– ограничениям выездного китайского туризма (Lim, Ferguson & Bishop, 2020);

2) санкциям КНР, вызванным отдельными триггерами, такими как:

- тибетский вопрос (Fuchs & Klann, 2013);
- тайваньский вопрос¹⁵;
- протесты в Гонконге¹⁶;

3) санкциям КНР против отдельных стран:

- Австралии (Reilly, 2012b; Laurenceson, Zhou & Pantle, 2020);
- Японии (Reilly, 2012c; Weiss, 2014);
- Республики Корея (Lim & Ferguson, 2022);
- США¹⁷.

Предыстория оформления СРК и скрытые санкции

Нормативно-правовое оформление СРК началось в 2018–2019 гг. на фоне торговой войны с США (Webster, 2022; Виноградов, Трощинский, 2022). До этого имели место скрытые санкции КНР, вводимые в ответ на

boycotts-of-foreign-companies-20082021-3.pdf (accessed: 11.07.2023). См. также: (Schär, 2020).

¹⁵ Tanner M. S. Chinese Economic Coercion Against Taiwan: A Tricky Weapon to Use // RAND Corporation*. 2007. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2007/RAND_MG507.pdf (accessed: 11.07.2023). См. также: (Lai, 2022).

* Деятельность международной неправительственной организации *RAND Corporation* признана нежелательной на территории Российской Федерации (Прим. ред.).

¹⁶ Priyandita G. Chinese Economic Coercion in Southeast Asia: Balancing Carrots and Sticks // The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats Working Paper. 2023 (October). No. 25. URL: <https://www.hybridcoe.fi/wp-content/uploads/2023/10/20231026-Hybrid-CoE-Working-Paper-25-Chinese-economic-coercion-WEB.pdf> (accessed: 11.07.2023).

¹⁷ См.: Rosenberg E., Harrell P., Feng A. A New Arsenal for Competition. Coercive Economic Measures in the U.S. — China Relationship // Center for New American Security (CNAS). April 24, 2020. URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/a-new-arsenal-for-competition> (accessed: 11.07.2023); Bown Ch. P., Kolb M. Trump's Trade War Timeline: An Up-to-Date Guide // Peterson Institute for International Economics. January 20, 2025. URL: <https://www.piie.com/blogs/trade-and-investment-policy-watch/trumps-trade-war-timeline-date-guide> (accessed: 11.07.2025).

действия оппонентов без использования специфических юридических процедур (Бакулина, Кузьмина, 2021). КНР стала объектом санкций США с момента своего провозглашения в связи с проблемой «двух Китаев». В ответ на действия Белого дома в 1950–1970-х гг. КНР бойкотировала участие в Олимпийских играх, отстаивая принципы «политики одного Китая» в международных отношениях. В 1979 г. дипломатические отношения США и КНР были восстановлены.

Отношения США и КНР снова ухудшились после событий на площади Тяньаньмэнь. В 1990-е гг. КНР активно использовала военное принуждение (инциденты) в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях — по оценкам К. Чжан (Zhang, 2018) так же часто, как и экономическое. В конце 1990–2000-х гг. страны Запада провоцировали КНР, активно приглашая Далай-ламу XIV на встречи со своими национальными лидерами. КНР ответила на такие встречи скрытыми санкциями в форме ограничений экспорта этих стран в КНР (Fuchs & Klann, 2013). К 2010-м гг. эти санкции КНР достигли цели — частота официальных визитов Далай-ламы в зарубежные страны сократилась.

В 2008 г. глобальный экономический кризис обострил отношения между странами. Подавление Китаем беспорядков в Тибете привело к выступлениям в поддержку Тибета в Европе во время эстафеты олимпийского огня для летней Олимпиады в Пекине, когда протестующие препятствовали эстафете. Китай ответил потребительскими бойкотами европейских компаний. Также с 2008 г. участились инциденты у островов Сенкаку/Дяоюйдао с участием японских, китайских и тайваньских рыболовецких кораблей и катеров береговой охраны, спровоцировавшие обширные антияпонские протесты и потребительские бойкоты товаров японских компаний в КНР (Reilly, 2012c; Weiss, 2014).

С 2013 г. Си Цзиньпин перешел к более решительному использованию дипломатии принуждения для защиты национальных интересов Китая. После переизбрания Си Цзиньпина Генеральным секретарем Центрального комитета Коммунистической

партии Китая (ЦК КПК) на второй срок США начали рассматривать его режим как «авторитарный»¹⁸. Как следствие выросли масштаб и интенсивность санкций США и их союзников в отношении Китая, с одной стороны, и контрсанкций КНР — с другой.

В этот период аналитики западных «фабрик мысли» перешли от изображения Китая как «державы статуса-кво» к дискуссии о «новой напористости Китая», развернувшейся в 2013 г. (Johnston, 2003; 2013). Впоследствии их интерпретации нередко становились поводом для новых витков санкционного противостояния: так, отчет *ASPI* 2020 г.¹⁹, посвященный Синьцзян-Уйгурскому автономному району Китая (СУАР), спровоцировал очередной обмен санкциями между США и КНР. В свою очередь эксперты китайских «мозговых центров» пересмотрели многие легальные, моральные и идеологические преграды на пути использования Китаем односторонних санкций против агрессивных стран (подробнее см.: (Кривохиж, Соболева, 2017; Шарипов, Тимофеев, 2023)), придя к выводу, что «Китаю следует освободить свое мышление и полностью осознать важность использования инструмента односторонних санкций» (Reilly, 2012a, p. 122).

С 2016 г. санкционное противостояние обострилось в связи с эскалацией напряженности в Восточной Азии, вызванной победой на президентских выборах на Тайване Цай Инвэнь, развертыванием системы *THAAD* Республикой Корея в 2017 г., а также протестами против закона об экстрадиции в Гонконге в 2018 г.

Таким образом, торговая война между США и Китаем (Виноградов, Салицкий, Семенова, 2019) запустила нормативно-

правовое оформление СРК. В свою очередь на фоне COVID-19 участились случаи дискриминации китайцев в ряде стран, а правительство Австралии инициировало расследование причин распространения вируса. Это спровоцировало торговую войну между Китаем и Австралией и введение новых санкций со стороны КНР в отношении последней (Laurenceson, Zhou & Pantle, 2020). Арест финансового директора *Huawei* Мэн Ваньчжоу и отказ ряда стран от использования устройств компании для развития национальных 5G-инфраструктур также вынудили Пекин принять ответные меры, что превратило торговые войны в «войну чипов».

Нормативно-правовое оформление СРК и его механизмы

К основным нормативно-правовым механизмам СРК относятся «Закон о контроле экспорта» (октябрь 2020)²⁰, Постановление о «списке ненадежных субъектов» (сентябрь 2020) (далее — СНС)²¹, «Правила противодействия необоснованному экстерриториальному применению иностранного законодательства и иным мерам» (далее — Блокирующие меры) (январь 2021)²², а также «Закон о противодействии иностранным санкциям» (июнь 2021)²³. Принятие данных документов выступало

²⁰ Export Control Law of the People's Republic of China // The National People's Congress of the People's Republic of China. October 17, 2020. URL: http://www.npc.gov.cn/englishnpc/c2759/c23934/202112/t20211209_384804.html (accessed: 12.10.2023).

²¹ MOFCOM Order No. 4 of 2020 on Provisions on the Unreliable Entity List // Ministry of Commerce of the People's Republic of China. September 19, 2020. URL: https://english.mofcom.gov.cn/Policies/GeneralPolicies/art/2020/art_1889a24134054b5b841134c3fba44654.html (accessed: 12.10.2023).

²² MOFCOM Order No. 1 of 2021 on Rules on Counteracting Unjustified Extra-territorial Application of Foreign Legislation and Other Measures // Ministry of Commerce of the People's Republic of China. January 9, 2021. URL: https://english.mofcom.gov.cn/Policies/AnnouncementsOrders/art/2021/art_f47febb76da64411b8de1845aeba4af4.html (accessed: 12.10.2023).

²³ Anti-Foreign Sanctions Law // The National People's Congress of the People's Republic of China. June 1, 2021. URL: http://www.npc.gov.cn/englishnpc/c2759/c23934/202106/t20210611_385113.html (accessed: 12.10.2023).

¹⁸ United States Strategic Approach to the People's Republic of China // The White House. May 2020. P. 5. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2020/05/U.S.-Strategic-Approach-to-The-Peoples-Republic-of-China-Report-5.24v1.pdf> (accessed: 11.07.2025).

¹⁹ Xu V. X., Cave D., Leibold J., Munro K., Ruser N. Uyghurs for Sale: 'Re-Education,' Forced Labour and Surveillance Beyond Xinjiang // The Australian Strategic Policy Institute (ASPI). March 1, 2020. URL: <https://www.aspi.org.au/report/uyghurs-sale> (accessed: 11.07.2023).

в качестве зеркальной реакции на вводимые в отношении КНР санкции либо являлось заимствованием западных санкционных инструментов и механизмов (Webster, 2022).

«Закон о контроле экспорта» предполагает получение предприятиями — экспортерами лицензий на экспорт перечня товаров, технологий и услуг и дает правительству санкционный инструмент ограничения и аннулирования иностранных коммерческих сделок. «Закон о контроле экспорта» и механизм его действия весьма напоминает «Список контроля торговли» (Commerce Control List, CCL) Министерства торговли США²⁴.

В СНС будут включать иностранные компании, организации или физических лиц, которые либо «ставят под угрозу государственный суверенитет, безопасность и интересы развития Китая», либо «нарушают принципы рыночной торговли, культуру соблюдения договорных обязательств, принимают дискриминационные меры в отношении китайских компаний, организаций или физических лиц, серьезным образом подрывают их законные интересы»²⁵.

Субъект может попасть в СНС как по ходатайству китайской компании, так и по инициативе Министерства торговли КНР. Министерство может провести предварительное расследование или включить субъект в список без расследования и предупреждения. Однако основной механизм СНС — именно вынесение предупреждений и период ожидания, в течение которого иностранные субъекты могут исправить свое поведение, чтобы избежать попадания в список. Постановление о СНС предполагает возможность получения лицензий, с помощью которых китайские компании будут запрашивать товары у

иностраных компаний из списка, а также процедуру исключения из списка²⁶.

К субъектам, включенным в СНС, могут быть применены следующие санкционные инструменты: ограничение или запрет на торговлю с Китаем (импорт и/или экспорт), ограничение или запрет на инвестиции в Китае, ограничение или запрет на въезд в Китай сотрудников и транспортных средств, ограничение или аннулирование разрешения на работу и права проживания в Китае, а также штраф²⁷.

СНС и его инструменты являются китайским аналогом «Списка особо обозначенных граждан и заблокированных лиц» (*Specially Designated Nationals and Blocked Persons list, SDN*) Управления по контролю за иностранными активами Министерства финансов США²⁸, куда включены индивиды и организации, представляющие угрозу национальным или международным интересам США. На 2023 г. в СНС включены всего две американские компании, поставлявшие оружие Тайваню, — *Lockheed Martin* и *Raytheon Missiles & Defense*. Они, а также другие американские оружейные компании и компании двойного назначения не раз становились целью санкций КНР по той же причине в 2019, 2020 и 2022 гг. В 2010-х г. Китай лишь угрожал им санкциями.

Блокирующие меры направлены на нейтрализацию негативного воздействия иностранных санкций и предполагают судебное признание необоснованности экстерриториального применения иностранного санкционного законодательства, оценку ущерба интересам и правам Китая, китайских компаний, организаций и физических лиц. В случае судебного признания санкций необоснованными их действие отменяется, и правительство КНР выделяет компенсацию субъектам, пострадавшим от них²⁹.

²⁴ Interactive Commerce Control List // Bureau of Industry and Security, U.S. Department of Commerce. URL: <https://www.bis.gov/regulations/ear/interactive-commerce-control-list?isExpanded=&category=&keyword=> (accessed: 12.10.2023).

²⁵ MOFCOM Order No. 4 of 2020 on Provisions on the Unreliable Entity List // Ministry of Commerce of the People's Republic of China. September 19, 2020. Article 2. URL: https://english.mofcom.gov.cn/Policies/GeneralPolicies/art/2020/art_1889a24134054b5b841134c3fba44654.html (accessed: 12.10.2023).

²⁶ Ibid. Article 6, 9, 12, 13.

²⁷ Ibid.

²⁸ Specially Designated Nationals and Blocked Persons List (SDN List) // The Office of Foreign Assets Control of the US Department of the Treasury. URL: <https://sanctionssearch.ofac.treas.gov/> (accessed: 12.10.2023).

²⁹ MOFCOM Order No. 1 of 2021 on Rules on Counteracting Unjustified Extra-territorial Application of Foreign Legislation and Other Measures // Ministry of Commerce of the People's Republic of China.

Блокирующие меры заимствуют многие механизмы «Блокирующего статута ЕС» (1996 г.), направленного на защиту европейского бизнеса от экстерриториального применения санкций США в отношении третьих стран. В отличие от статута Евросоюза блокирующие меры предполагают больше контроля со стороны правительства Китая, а также возможность введения контрсанкций.

«Закон о противодействии иностранным санкциям» предоставляет официальный инструмент задействования зеркальных мер в ответ на иностранные санкции. Он был обоснован «острой необходимостью противостоять гегемонизму и силовой политике некоторых западных стран»³⁰. Закон о противодействии стал зеркальной реакцией на принятые в США «Закон о правах человека и демократии Гонконга» (ноябрь 2019) и «Закон о политике в области прав человека в отношении уйгуров» (июнь 2020), которые предполагали санкции (заморозку активов, запрет на въезд и ведение бизнеса в США для лиц и членов их семей) против китайских чиновников, которые, по мнению Вашингтона, несли ответственность за нарушения прав человека в указанных автономных регионах КНР³¹.

Результатом применения Закона о противодействии стали контрсанкции МИД КНР против 28 сотрудников администрации президента США Д. Трампа, которых КНР обвиняла в санкциях против государственных служащих КНР в связи с предполагаемыми нарушениями прав человека в Гонконге и СУАР, а также против 28 европейских субъектов, включая парламентариев, некоммерческие организации (НКО), «фабрики мысли», лидеров мнений за «ложь и дезинформацию»

January 9, 2021. URL: https://english.mofcom.gov.cn/Policies/AnnouncementsOrders/art/2021/art_f47febb76da64411b8de1845aeba4af4.html (accessed: 12.10.2023).

³⁰ Anti-Foreign Sanctions Law Necessary to Fight Hegemonism, Power Politics: Official // Xinhua. June 10, 2021. URL: <https://www.mps.gov.cn/n2255079/n6865805/n7355748/n7355818/c7929329/content.html> (accessed: 25.04.2025).

³¹ Public Law 116–76 — NOV. 27, 2019 // U.S. Congress. November 27, 2019. URL: <https://www.congress.gov/116/plaws/publ76/PLAW-116publ76.pdf> (accessed: 25.01.2025).

о нарушении прав человека в СУАР³². Против указанных 56 объектов санкций внешнеполитическое ведомство КНР использовало те же самые санкционные инструменты, что и США против китайских чиновников.

Реакцией США и американского бизнеса на нормативно-правовое оформление СРК стали закон (H.R. 6256) о запрете импорта товаров из СУАР (декабрь 2021), присоединение американских розничных сетей по продаже одежды к *Better Cotton Initiative (BCI)*³³, а также провокационный визит спикера Палаты представителей Конгресса США Н. Пелоси на Тайвань (август 2022). КНР незамедлительно ответила на эти меры санкциями против 15 объектов: 6 организаций и 9 чиновников Тайваня³⁴, позднее список «сторонников независимости» Тайваня был расширен³⁵. В 2023 г. США, ЕС и Япония ввели ограничения на экспорт в Китай оборудования для производства чипов. В ответ КНР прекратила покупки микрочипов американской компании *Micron Technology*³⁶

³² Foreign Ministry Spokesperson Hua Chunying's Regular Press Conference on January 21, 2021 // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. January 21, 2021. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xw/fyrbt/lxjzh/202405/t20240530_11346971.html (accessed: 25.01.2025).

³³ Better Cotton Initiative (BCI) — крупная экологическая некоммерческая организация, деятельность которой направлена на поддержание устойчивого развития в сфере производства хлопка. Основана в 2009 г. В 2020–2021 гг. входящие в нее сетевые магазины одежды бойкотировали использование хлопка, выращенного в СУАР.

³⁴ Lun Tian Y., Blanchard B. China Sanctions Seven Taiwanese 'Independence Diehard' Officials // Reuters. August 16, 2022. URL: <https://www.reuters.com/world/china/china-sanctions-seven-taiwanese-officials-supporting-taiwan-independence-xinhua-2022-08-16/> (accessed: 25.04.2025).

³⁵ Update: China's Top Office on Taiwan Affairs Sanctions Diehard Separatist, Two Institutions Advocating 'Taiwan Independence' // Global Times. April 7, 2023. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202304/1288677.shtml> (accessed: 25.04.2025).

³⁶ Lingling W. Beijing Bans Micron as Supplier to Big Chinese Firms, Citing National Security // The Wall Street Journal. May 21, 2023. URL: <https://www.wsj.com/world/beijing-bans-micron-as-supplier-to-big-chinese-firms-citing-national-security-5f326b90> (accessed: 25.04.2025).

и ограничила экспорт редкоземельных металлов в Японию и США³⁷.

Методология исследования

Исследование опирается на БД, содержащую табличное описание 446 кейсов ответных ограничительных мер (санкций или их угроз), принятых Китаем за 1956–2023 г. в хронологическом порядке. Каждый кейс описан 10 переменными, включая:

- годы действия санкций;
- их инициатора в Китае;
- страну, на которую они направлены;
- тип объектов санкций (из 22) санкций внутри страны, в отношении которой введены санкции;
- тип целей (из 8), которые преследуют санкции;
- тип триггеров (из 7), которые провоцируют введение санкций;
- тип используемых санкционных инструментов (из 17);
- ранговые оценки эффективности санкций (для тех случаев, для которых это возможно);
- оценки экономического ущерба от них в млрд долл. США (для тех случаев, для которых это возможно).

В БД приведены гиперссылки и ссылки на источник информации (или цитаты с указанием источника), подтверждающие применение Китаем санкционных мер или угроз. Источники, на основе которых составлена БД, можно разделить на три группы:

- западные СМИ;
- базы данных западных «фабрик мысли» и научные работы о СРК;
- официальные сайты КНР.

Обращение к указанным источникам соответствует истории и предыстории оформления СРК и обосновано тем, что сбор информации о необъявленных санкциях КНР крайне трудоемок и невозможен без обраще-

ния к обобщающим исследованиям. Подтверждение случаев скрытых санкций КНР ссылками на зарубежные СМИ является общепринятой практикой в исследованиях, посвященных СРК. При этом заимствование кейсов санкций КНР из существующих баз данных не было просто копированием. Подлинность каждого кейса проверялась, дополнялась новой информацией и статистическими сведениями в соответствии с переменными и структурой БД. Производилась оценка ущерба и успешности санкций. Сведения об официальных санкциях извлекались из публикаций на официальных сайтах МИД и Министерства торговли КНР, а также информационного агентства Синьхуа.

Общие принципы оценки успешности санкций, заложенные в БД, состоят в следующем.

Успешными считались те санкции, которые приводили к желаемому изменению поведения непосредственного объекта, не требовали повторного введения ограничений с той же целью, а также служили уроком для других однотипных объектов в данной стране и/или отрасли. Иными словами, успешные санкции снимали необходимость в повторном использовании аналогичных санкционных инструментов против подобных же целей в стране и отрасли. Также в качестве успешных признаются санкции, которые приводили к публичному признанию оппонентом «красных линий» в отношениях с КНР, извинениям либо упреждающему отказу от нежелательных для Китая действий или высказываний. Оценки эффективности представляют собой ранги, сопоставимые для однотипных санкционных инструментов и несопоставимые для разнородных в силу наличия для них различного количества факторов ранжирования успеха санкций. Например, количество факторов ранжирования эффективности санкций за визиты Далай Ламы превышало количество факторов ранжирования эффективности потребительских бойкотов товаров иностранных компаний, поэтому диапазон шкалы для первых был больше, чем для вторых: максимальный ранг 15 и 4 соответственно. Целесообразнее работать с оценками эффективности одних и других санкционных

³⁷ Liu S., Patton D. China Bans Export of Rare Earths Processing Tech Over National Security // Reuters. December 22, 2023. URL: <https://www.reuters.com/markets/commodities/china-bans-export-rare-earths-processing-technologies-2023-12-21/> (accessed: 25.04.2025).

инструментов по отдельности, а после сводить выводы по инструментам. Например, и те и другие инструменты эффективнее против небольших, менее важных в торговом отношении стран или компаний из таких стран.

Паттерны СРК: консенсус и дискуссия

Триггеры

«Китай использует односторонние санкции в ответ на специфические события-триггеры»³⁸. Триггером служит грубое нарушение ключевых национальных интересов, среди которых государственный суверенитет, национальная безопасность, территориальная целостность и национальное воссоединение, политическая система Китая, установленная Конституцией, и общая социальная стабильность, а также основные гарантии обеспечения устойчивого экономического и социального развития (Zeng, Xiao & Breslin, 2015). Пекин открыто провозглашает свои национальные интересы и отстаивает их в том числе при помощи угроз и/или санкций³⁹. При этом оппоненты Китая используют именно эти вопросы для того, чтобы вызвать некие ответные действия со стороны КНР.

Со временем список триггеров расширяется. К традиционным триггерам относятся принцип одного Китая в отношении Тайваня, Гонконга, Тибета, права человека в Гонконге, СУАР и производные от них тайваньский, тибетский, уйгурский и гонконгский вопросы; территориальные споры⁴⁰; военное

присутствие США и поставки оружия в Восточную Азию. К новым триггерам можно отнести дискриминацию китайцев и китайской культуры за рубежом, в том числе в связи с COVID-19; иностранные ограничения против *Huawei*; торговые войны Китая с США и Австралией, а также политические разногласия⁴¹. Пока по количеству спровоцированных санкций традиционные триггеры преобладают над новыми (рис. 1, 2).

Мотивация

Помимо защиты национальных интересов КНР использует односторонние санкции, преследуя внутренние и внешние цели⁴². Внешние цели можно разделить на *принуждение* (наказание за переход «красных линий» в двусторонних отношениях; принудительное исправление поведения) и *перформанс* (обозначение «красных линий»; демонстративное наказание одних, чтобы отпугнуть от нежелательных действий других). Исследователи расходятся в том, какие из этих целей санкций важнее для Китая, однако все чаще склоняются к большей важности и высокой успешности перформативных внешних целей.

море и на границе с Индией. Санкции, т.е. экономическое, а не военное принуждение (инциденты), стали активно использоваться для решения части из них — споров в Южно- и Восточно-Китайском морях — в определенный период, после 2007 г.

⁴¹ В «политические разногласия» как категорию триггеров контрсанкций в данном исследовании включены контрсанкции, вызванные действиями оппонентов, которые не представляли угрозы территориальной целостности или экономическим интересам КНР. Как правило, контрсанкции, введенные в результате действия таких триггеров, были ответом на попытку оказать влияние на внутреннюю политику КНР, реже — недовольством Пекина политическими решениями соседних стран региона и важных торговых партнеров, задевающими ключевые национальные интересы. Чаще всего целью введения контрсанкций, спровоцированных триггерами такого типа, было поддержание национальной безопасности.

⁴² Harrell P., Rosenberg E., Saravalle E. China's Use of Coercive Economic Measures // Center for New American Security (CNAS). June 11, 2018. URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/chinas-use-of-coercive-economic-measures> (accessed: 11.07.2023).

³⁸ Harrell P., Rosenberg E., Saravalle E. China's Use of Coercive Economic Measures // Center for New American Security (CNAS). June 11, 2018. URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/chinas-use-of-coercive-economic-measures> (accessed: 11.07.2023).

³⁹ Adachi A., Brown A., Zenglein M. J. Fasten Your Seatbelts: How to Manage China's Economic Coercion // Mercator Institute for China Studies (MERICS). August 25, 2022. URL: <https://merics.org/en/report/fasten-your-seatbelts-how-manage-chinas-economic-coercion> (accessed: 11.07.2023).

⁴⁰ С 1956 по 2023 г. КНР была вовлечена в целый ряд территориальных споров. В зависимости от региона спора К. Чжан (Zhang, 2018) предлагает разделять их на три большие группы: территориальные конфликты в Южно-Китайском море, Восточно-Китайском

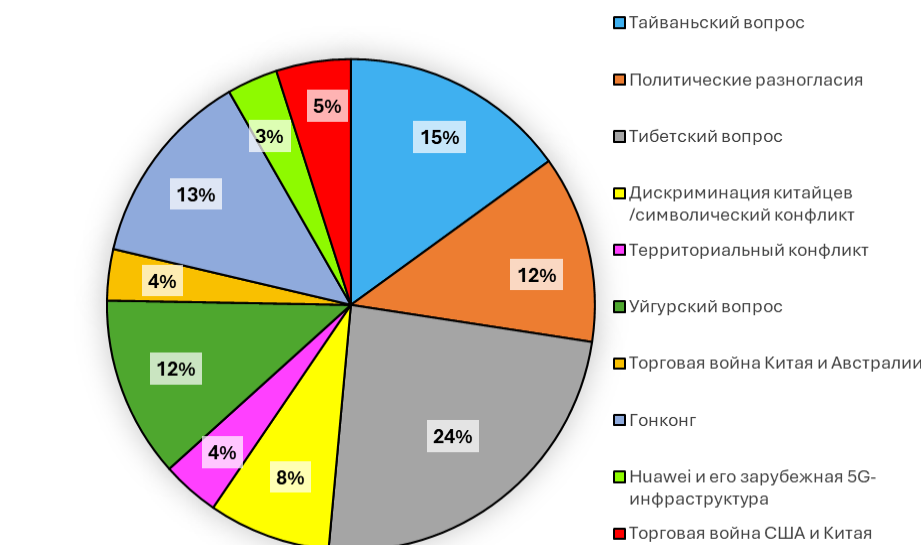

Рис. 1. Доли триггеров санкций КНР, 1956–2023 гг.
 Источник: расчет и построение диаграммы — Д.Ю. Карасев.

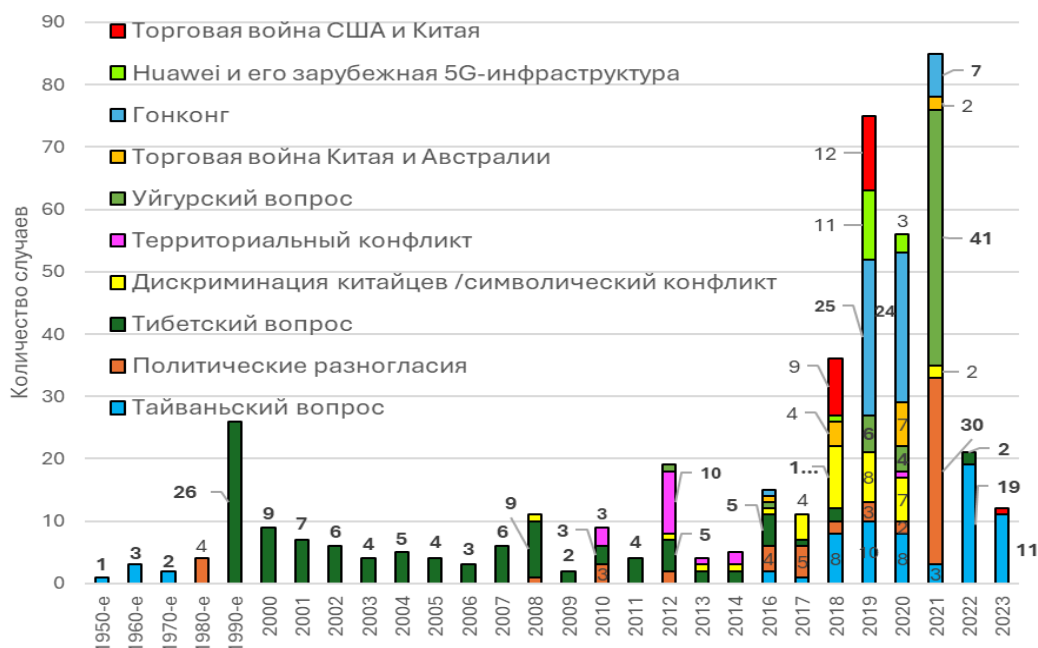

Рис. 2. Динамика триггеров санкций КНР, 1950-е — 2023 гг.
 Источник: расчет и построение диаграммы — Д.Ю. Карасев.

По мнению Дж. Рейлли, Китай заинтересован не в максимизации ущерба для объекта санкций, а в декларировании своих национальных интересов в качестве «красных линий», исправлении поведения нарушителей, а также предупреждении других от повторения тех же ошибок (Reilly, 2012a).

К внутренним целям, важность которых подчеркивают все чаще, относятся:

— *протекционизм* (защита национальных компаний от внешней конкуренции, в

том числе при помощи потребительских бойкотов, бюрократических блокад на таможне и избирательных закупок)⁴³;

⁴³ См.: Harrell P., Rosenberg E., Saravalle E. China's Use of Coercive Economic Measures // Center for New American Security (CNAS). June 11, 2018. URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/chinas-use-of-coercive-economic-measures> (accessed: 11.07.2023); Bohman V., Pårup H. Purchasing with the Party: Chinese Consumer Boycotts of Foreign Companies, 2008–2021 // Swedish National China Center Report. 2022. No. 2.

– *национализм* (включая онлайн-«национализм») в ходе потребительских бойкотов, публичную защиту «оскорбленных чувств китайского народа», создание образа внешнего врага через критику империализма Запада, пропаганду выражения любви к родной культуре через потребительское поведение — 国潮 (Guó cháo, «мода на национальное»)⁴⁴;

– «*выпускание пара*» (публичное накладывание санкций для перенаправления народного гнева от внутренних проблем на страну-объект, которая грубо нарушает важные ценности китайского народа; использование народного гнева как рычага дипломатического влияния) (Schär, 2020).

Страна-мишень и непосредственный объект санкций внутри нее

Китай очень расчетлив в выборе объекта санкций, предпочитая уязвимые товары, отрасли или компании, которые являются «символическими»⁴⁵, поскольку тесно ассоциируются со страной своего происхождения (норвежский лосось, филиппинские бананы, австралийское вино, корейская поп-индустрия и химический гигант *Lotte*, крупнейшие автомобильные концерны стран ЕС), а не непосредственно того актора, чье поведение нуждается в исправлении в случае, если он менее уязвим к принуждению. Оказывая давление на более уязвимых граждан и/или компании страны-мишени, Пекин рассчитывает, что они окажут политическое давление на их правительство, политику которого нужно исправить (Lim & Ferguson, 2022).

URL: <https://kinacentrum.se/wp-content/uploads/2022/07/purchasing-with-the-party-chinese-consumer-boycotts-of-foreign-companies-20082021-3.pdf> (accessed: 11.07.2023). См. также: (Lim & Ferguson, 2022).

⁴⁴ Bohman V., Pärup H. Purchasing with the Party: Chinese Consumer Boycotts of Foreign Companies, 2008–2021 // Swedish National China Center Report. 2022. No. 2. URL: <https://kinacentrum.se/wp-content/uploads/2022/07/purchasing-with-the-party-chinese-consumer-boycotts-of-foreign-companies-20082021-3.pdf> (accessed: 11.07.2023). См. также: (Reilly, 2012c; Schär, 2020).

⁴⁵ Szczepański M. China's Economic Coercion: Evolution, Characteristics and Countermeasures // European Parliamentary Research Service (EPRS). November 1, 2022. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/738219/EPRS_BRI\(2022\)738_219_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/738219/EPRS_BRI(2022)738_219_EN.pdf) (accessed: 11.07.2023).

Основной источник санкционного могущества Китая — его роль в мировой торговле и обширный внутренний рынок, поэтому для санкций наиболее уязвимы те отрасли, компании и товары, которым трудно найти замену китайскому рынку: сырье, продовольствие, потребительские товары, китайский выездной туризм, — а также те, у которых есть китайские субституты (Lim & Ferguson, 2022). Также уязвимы те иностранные компании и отрасли, которые обладают малой ценностью для стратегических целей Китая, например иностранные финансы и медиа (табл. 1). И наоборот, Китай избегает принуждения в тех сферах и против тех компаний и стран, которые важны для его стратегических целей, производственных цепочек, трансфера технологий. Исследователи отмечают, что технологические компании редко становились целями санкций КНР⁴⁶. Однако это верно лишь наполовину и характеризовало ситуацию до превращения торговой войны между США и Китаем в «войну чипов».

Количество санкций КНР, отраженное в табл. 1, не всегда пропорционально суммарному стоимостному экономическому ущербу, нанесенному ими соответствующим объектам. Оценка ущерба от санкций КНР возможна не для всех объектов. Если совместить количество санкций и их ущерб, то больше прочих предсказуемо пострадал неспециализированный экспорт различных стран в КНР, затем идут экспорт продуктов сельского хозяйства и сырья, на которых значительно отразились торговые войны США и Китая, Китая и Австралии, а также санкции против Канады. От потребительских бойкотов наибольшие убытки понесли розничные сетевые продавцы одежды (фаст-фэшн, спортивные и дизайнерские бренды) из Европы и США.

⁴⁶ См.: Adachi A., Brown A., Zenglein M. J. Fasten Your Seatbelts: How to Manage China's Economic Coercion // Mercator Institute for China Studies (MERICS). August 25, 2022. URL: <https://merics.org/en/report/fasten-your-seatbelts-how-manage-chinas-economic-coercion> (accessed: 11.07.2023); Szczepański M. China's Economic Coercion: Evolution, Characteristics and Countermeasures // European Parliamentary Research Service (EPRS). November 1, 2022. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/738219/EPRS_BRI\(2022\)738_219_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/738219/EPRS_BRI(2022)738_219_EN.pdf) (accessed: 11.07.2023). См. также: (Reilly, 2012a; Lim & Ferguson, 2022).

Таблица 1. Количество санкций КНР против различных отраслей, компаний, товарных групп

Отрасли/компании — объекты санкций	Количество санкций КНР
Неспециализированный экспорт в Китай	96
Розничные сети одежды	29
Продукты сельского хозяйства	23
Автомобиле- и самолетостроение	18
Сети быстрого питания	16
Технологические компании	15
Китайский выездной туризм	14
Сырье	10
Оружейные компании	9
Косметические компании	8
Товары для дома	5
Китайские инвестиции	4
Доставка и электронная коммерция	4
Банки и финансы	3
Медиа	2
Индустрия досуга и гостеприимства	2

Источник: рассчитано Д.Ю. Карасевым.

Объекты из США, включая 59 официальных лиц, вышли на первое место по числу введенных Китаем контрсанкций лишь после 2018 г. (рис. 3). В остальном наиболее частой целью ответных мер была гегемония США. Объекты из ЕС (в первую очередь Великобритании, Германии, Франции, Швеции) совокупно подвергались санкциям со стороны КНР почти так же часто, как объекты из США (табл. 2, рис. 4). Затем следуют страны Восточной и Юго-Восточной Азии (Тайвань, Япония, Южная Корея), а также Австралия и Новая Зеландия. Страны Южной Америки, Ближнего Востока и Африки редко становились объектом санкций КНР. Индия была объектом санкций так же часто, как средне-статистическая европейская страна, исключая Великобританию и Германию.

Санкционные инструменты

Отчетливая дифференциация санкционных инструментов в зависимости от объекта и мотивации Пекина появляется только после 2008 г. (рис. 5–7).

Правительства, как правило, принуждались через политическое давление, угрозы и ограничения экспорта в Китай, НПО, неком-

мерческие организации (НКО), исследователи и лидеры мнений — через визовые ограничения, приостановку сотрудничества или запрет на бизнес в Китае, компании — через потребительские бойкоты, бюрократические блокады на таможне, избирательные закупки (см. рис. 7). Санкционное законодательство КНР изменило правила игры: после 2019 г. вместо правительств меры принуждения, такие как визовые ограничения, запрет на ведение бизнеса в Китае и заморозка активов, применяются в отношении отдельных официальных лиц. Это тренд на превращение санкций КНР в «умные санкции».

Таблица 2. Количество санкций КНР против различных стран

Страна	Кол-во санкций КНР
США	161
Тайвань (КНР)	27
Австралия	23
Великобритания	23
Япония	19
Германия	18
Франция	17
Канада	13
Швеция	11
Республика Корея	9
Индия	8
Норвегия	8
Чехия	7
Италия	7
Дания	6
Новая Зеландия	6

Источник: рассчитано Д.Ю. Карасевым.

Невозможно согласиться с западными исследователями СРК⁴⁷ в том, что угрозы санкций одинаково часто использовались против разных объектов: компаний и правительств.

⁴⁷ См.: Adachi A., Brown A., Zenglein M. J. Fasten Your Seatbelts: How to Manage China's Economic Coercion // Mercator Institute for China Studies (MERICS). August 25, 2022. URL: <https://merics.org/en/report/fasten-your-seatbelts-how-manage-chinas-economic-coercion> (accessed: 11.07.2023); Szczepański M. China's Economic Coercion: Evolution, Characteristics and Countermeasures // European Parliamentary Research Service (EPRS). November 1, 2022. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/738219/EPRS_BRI\(2022\)738219_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/738219/EPRS_BRI(2022)738219_EN.pdf) (accessed: 11.07.2023).

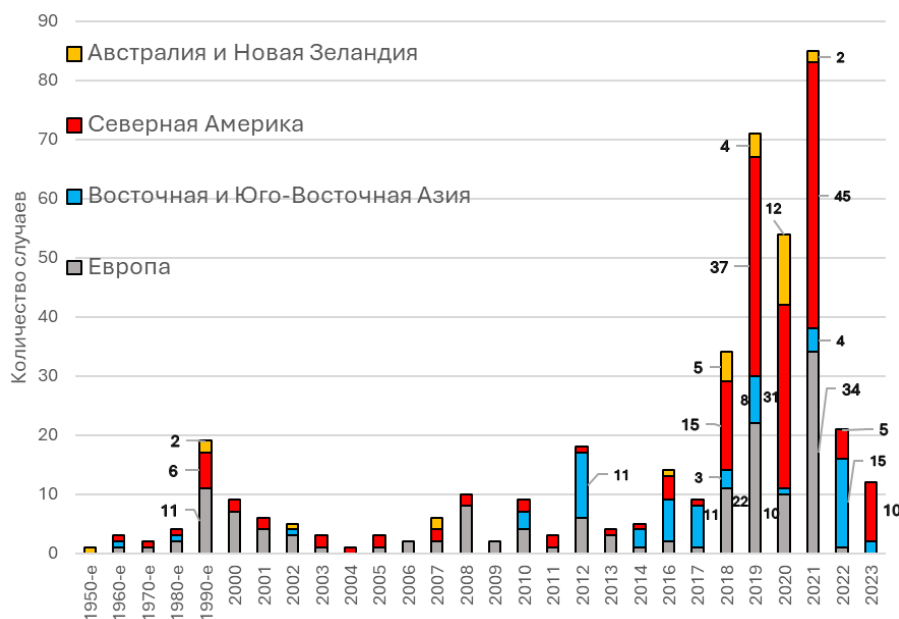

Рис. 3. Динамика объектов санкций КНР по регионам, 1950–2023 гг.

Источник: расчет и построение диаграммы — Д.Ю. Карасев.

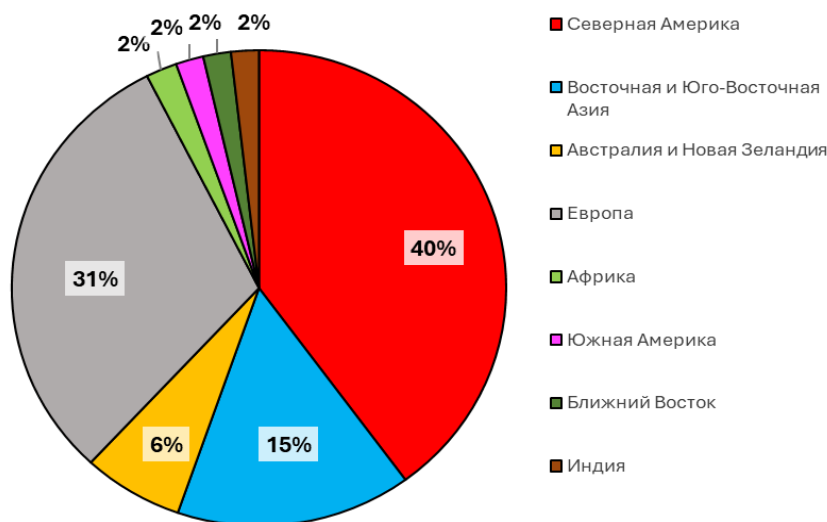

Рис. 4. Доли объектов санкций КНР по регионам мира

Источник: расчет и построение диаграммы — Д.Ю. Карасев.

Как видно на диаграмме рис. 7, угрозы гораздо чаще адресованы правительствам, а не компаниям, поскольку подрывают доверие к бизнесу. Вопреки расхожим представлениям угрозы также не являются излюбленным инструментом Пекина. Хотя они высоко перформативны, низкозатратны и иногда вполне эффективны, не подкрепленные реальными санкциями они со временем теряют свою действенность.

Карающая и перформативная мотивация санкций обуславливают противоречия при выборе предпочитаемых санкционных инструментов. Исследователи отмечают, что КНР

предпочитает скрытые, неформальные инструменты, поскольку они наносят значительный ущерб объекту, минимизируют сопутствующие издержки для КНР, их легко отменять и отрицать⁴⁸. Однако скрытость минимизирует перформативное воздействие принуждения.

⁴⁸ Szczepański M. China's Economic Coercion: Evolution, Characteristics and Countermeasures // European Parliamentary Research Service (EPRS). November 1, 2022. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/738219/EPRS_BRI\(2022\)738_219_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/738219/EPRS_BRI(2022)738_219_EN.pdf) (accessed: 11.07.2023). См. также: (Lim & Ferguson, 2022).

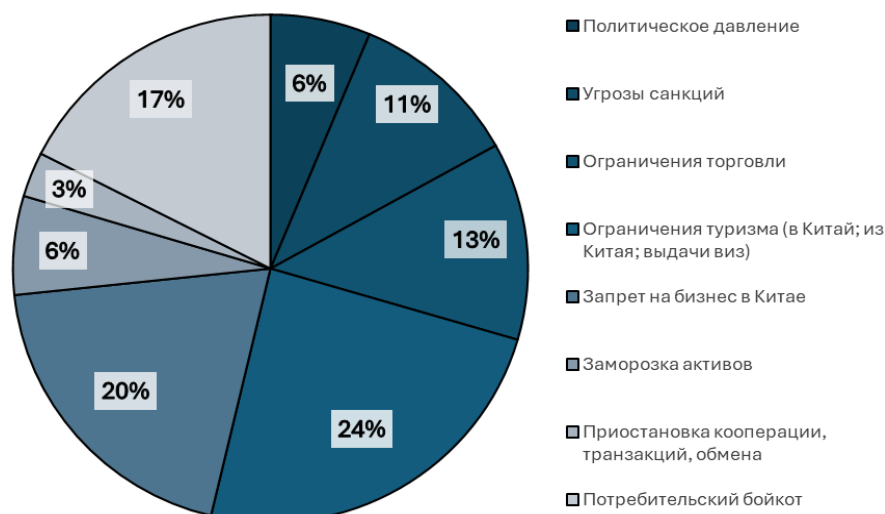

Рис. 5. Доли санкционных инструментов КНР, 2008–2023 гг.

Источник: расчет и построение диаграммы — Д.Ю. Карасев.

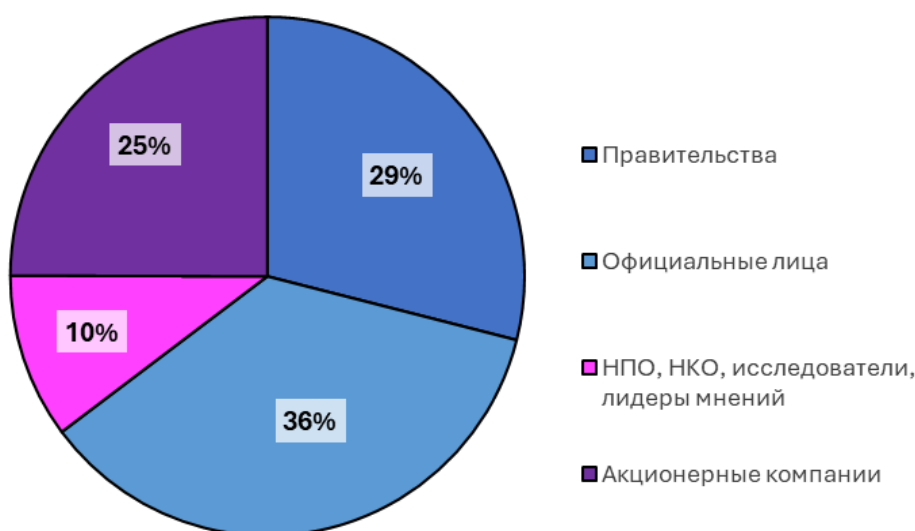

Рис. 6. Доли типов объектов санкций КНР, 2008–2023 гг.

Источник: расчет и построение диаграммы — Д.Ю. Карасев.

Санкционные инструменты, используемые КНР после юридического оформления СРК, напротив, максимально перформативны (широко транслируемые в медиа официальные заявления представителей МИД КНР, фиксация на официальных сайтах и в списках), однако не могут нанести значимого экономического ущерба, хотя и предполагают запрет на въезд, ведение бизнеса и заморозку активов в КНР. Вероятнее всего, у 28 сотрудников администрации Д. Трампа, 28 европейских парламентариев и двух американских

оружейных компаний, включенных в СНС, нет активов, бизнеса или намерений посещать КНР, однако они уязвимы для репутационных рисков.

Таким образом, в рамках СРК сложилось своего рода «разделение труда» между скрытыми санкционными инструментами, наиболее болезненными и подбираемыми под уязвимый объект, с одной стороны, и формализованными, максимально перформативными, наносящими репутационный, но не материальный ущерб инструментами — с другой.

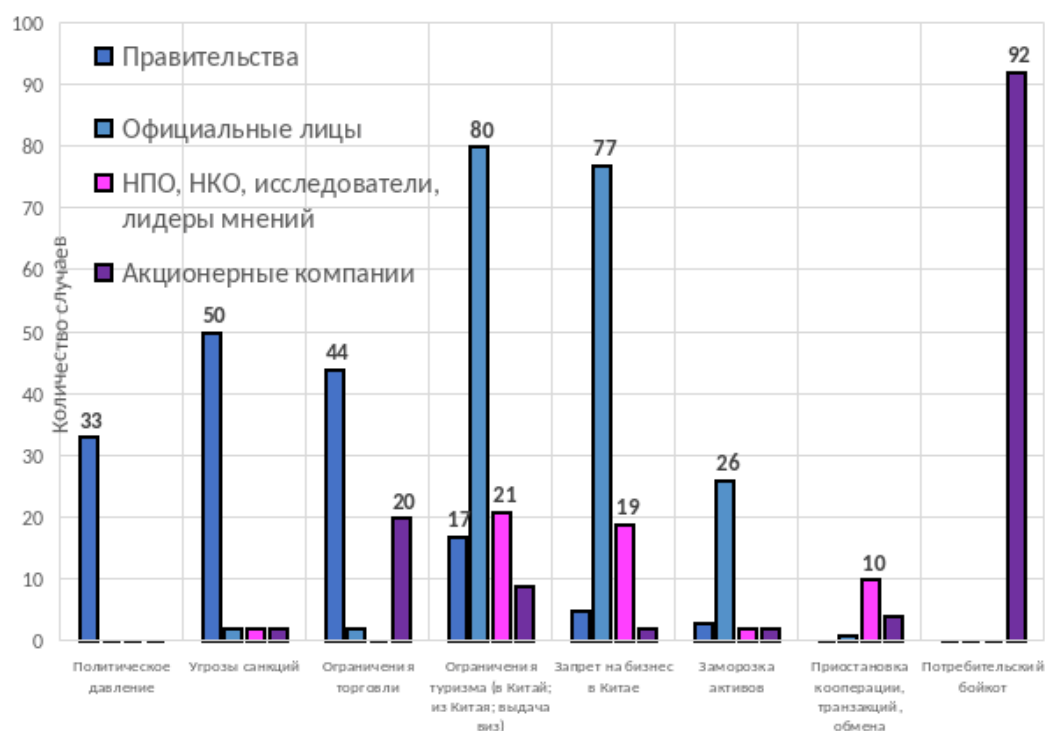

Рис. 7. Соответствие санкционных инструментов типам объектов санкций КНР, 2008–2023 гг.

Источник: расчет и построение диаграммы — Д.Ю. Карасев.

Весьма вероятно, что формальные инструменты СРК не заменяют собой неформальные, а дополняют их (Xing & Li, 2023). Кроме того, типичная последовательность использования санкционных инструментов Китаем такая же, как у остальных стран, и вряд ли изменится, несмотря на правовое оформление СРК: угроза санкций — менее болезненные для объекта санкции — повторная угроза санкций — более болезненные санкции (эта последовательность может несколько раз повториться в рамках санкционного противостояния), после чего санкции накладываются и на другие объекты в рамках той же страны. В итоге за серией перформативных санкций может последовать военное принуждение, если все прочие инструменты дипломатии принуждения исчерпаны.

Эффективность

Оценка эффективности санкций — один из основных и наиболее спорных вопросов в исследованиях по санкциям, и санкции КНР не являются исключением. Оценку

эффективности санкций в случае КНР осложняет следующее:

1) у Китая нет собственных эксплицитных критериев успеха санкций⁴⁹. Эффективность зависит от мотивации в каждом конкретном случае;

2) оценка эффективности отдельных санкционных инструментов затруднена, поскольку они часто используются совместно или последовательно;

3) эффективность перформативного воздействия санкций и угроз на третьи страны часто недооценивается⁵⁰;

⁴⁹ См.: Kuno A. China's Economic Sanctions: Its Features and Effectiveness // The Japan Forum on International Relations (JFIR). April 1, 2021. URL: <https://www.jfir.or.jp/en/wp-content/uploads/sites/2/2021/04/210420ka-en.pdf> (accessed: 11.07.2023); Harrell P., Rosenberg E., Saravalle E. China's Use of Coercive Economic Measures // Center for New American Security (CNAS). June 11, 2018. URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/chinas-use-of-coercive-economic-measures> (accessed: 11.07.2023).

⁵⁰ Adachi A., Brown A., Zenglein M. J. Fasten Your Seatbelts: How to Manage China's Economic Coercion // Mercator Institute for China Studies (MERICS).

4) значительный материальный ущерб для объекта санкций не гарантирует желаемого изменения поведения;

5) наконец, используя санкции, Китай обучается. Последующие санкции, как правило, успешнее предыдущих, однако в среднем их эффективность невелика.

Б. Гласер⁵¹ полагает, что Китай успешнее в предупреждении стран от нежелательных заявлений или действий, чем в изменении уже принятой политики. По мнению Дж. Рейлли (Reilly, 2012a), заниженные оценки эффективности санкций КНР со стороны американских исследователей подтолкнули Пекин к нормативно-правовому оформлению СРК и нарочитому перформансу. Исследователи MERICS⁵² считают кейсами успешных санкций КНР многочисленные санкции КНР в отношении Норвегии после вручения в 2010 г. Нобелевской премии Лю Сяобо вплоть до 2017 г., санкционное давление на Монголию (путем ограничения китайских инвестиций и бюрократической блокады монгольской продукции на таможне в 2016 г. в ответ на визит Далай-ламы), Филиппины (в форме запрета на импорт филиппинских бананов в 2012 г.) и даже Южную Корею (путем многочисленных санкций за развертывание *THAAD*). Описанные выше принципы оценки успешности санкций КНР, заложенные в БД, позволяют согласиться с MERICS лишь относительно Филиппин и Монголии. Как представляется, перформативное

воздействие санкций КНР на третьи страны можно считать успешным там, где упреждающий отказ от действий или высказываний замечает и поощряет сам Пекин.

Заключение

Под СРК понимается весь репертуар ограничительных мер, используемых Пекином в ответ на односторонние санкции оппонентов, а также особенности их использования, отличающие СРК от санкционного режима США или ЕС. СРК сформировался к 2010-м гг., что наглядно видно, во-первых, по дифференциации санкционных инструментов в зависимости от мотивации и объекта, а также росту количества и многообразия тех и других, во-вторых, по росту числа исследований, посвященных СРК, и в-третьих, по риторике официального Пекина.

До 2019 г. СРК существовал в виде неформальных санкционных мер. Затем началось его нормативно-правовое оформление (основные нормативно-правовые механизмы СРК, описанные выше, обсуждались и принимались долго). По всей видимости, формальные инструменты СРК не заменят собой неформальные, а дополняют их. Скрытые меры предназначены для нанесения экономического ущерба уязвимым объектам с возможностью отрицания, а формализованные — нацелены на репутационные издержки и перформанс. Формализация СРК обозначила тренд на минимизацию сопутствующего ущерба населению от санкций. Санкции КНР становятся «умными», то есть точно нацеленными на отдельных официальных лиц, поведение которых необходимо исправить, или связанный с ними бизнес.

Основным объектом санкций КНР была гегемония США, проецируемая на такие регионы, как Европа, Восточная и Юго-Восточная Азия, а также Австралию и Новую Зеландию. Объекты в США заняли первое место по числу санкций КНР лишь после 2018 г., поскольку до 2010-х г. КНР избегала использования неформальных санкций против США, опасаясь потерять выгоды от краха «международного порядка, основанного на

August 25, 2022. URL: <https://merics.org/en/report/fasten-your-seatbelts-how-manage-chinas-economic-coercion> (accessed: 11.07.2023).

⁵¹ Statement before the Congressional-Executive Commission on China “How China Uses Economic Coercion to Silence Critics and Achieve its Political Aims Globally:” A Testimony by: Bonnie S. Glaser, Director, Asia Program, German Marshall Fund of the United States // German Marshall Fund of the United States. December 7, 2021. URL: <https://www.gmfus.org/sites/default/files/2021-12/CECC%20Economic%20coercion%20testimony%2C%209-7-21.pdf> (accessed: 11.07.2023).

⁵² Adachi A., Brown A., Zenglein M. J. Fasten Your Seatbelts: How to Manage China’s Economic Coercion // Mercator Institute for China Studies (MERICS). August 25, 2022. URL: <https://merics.org/en/report/fasten-your-seatbelts-how-manage-chinas-economic-coercion> (accessed: 11.07.2023).

правилах». Представляется, что Пекин и в 2023 г. был заинтересован не столько в его подрыве, сколько в декларировании и защите своих национальных интересов. Однако торговые войны и «война чипов» внесли

свои коррективы, продемонстрировав, что США больше заинтересованы в ослаблении КНР, чем в сохранении «международного порядка, основанного на правилах» в неизменном виде.

Поступила в редакцию / Received: 08.08.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 23.09.2024

Принята к публикации / Accepted: 10.06.2025

Список литературы

- Бакулина П. В., Кузьмина К. А. Политика экономических санкций КНР: правовое регулирование и правоприменительная практика // Финансовый журнал. 2021. Т. 13, № 4. С. 24–38. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-4-24-38>; EDN: GXVVDZ
- Виноградов А. В., Трощинский П. В. Заключительная сессия ВСНП 13-го созыва и некоторые итоги государственного строительства за 10 лет // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 4. С. 7–21. <https://doi.org/10.31857/S013128120021696-6>; EDN: TRVYJU
- Виноградов А. О., Салицкий А. И., Семенова Н. К. Американо-китайская экономическая конфронтация: идеология, хронология, значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19, № 1. С. 35–46. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-1-35-46>; EDN: ZBFCZN
- Кашин В. Б., Пятачкова А. С., Крашенинникова Л. С. Китайская политика в сфере применения экономических санкций: теория и практика // Сравнительная политика. 2020. Т. 11, № 2. С. 123–138. EDN: DXBKYE
- Киреева А. А. Японо-китайский спор: Сэнкаку или Дяоюйдао? // Азия и Африка сегодня. 2013. № 11. С. 18–26. EDN: RQDDKP
- Кривохиж С. В., Соболева Е. Д. Древность на службе современности: теория морального реализма Янь Сюэтуна и будущее мирового порядка // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61, № 11. С. 76–84. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-11-76-84>; EDN: ZTLYCX
- Сафронова Е. И. Китайская экономическая дипломатия до и во время пандемии COVID-19 // Вестник Московского Университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13, № 3. С. 151–189. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-3-151-189>; EDN: PBDFDD
- Шарипов Ф. Ф., Тимофеев О. А. Обострение китайско-американской конкуренции по проблеме миропорядка: эволюция взглядов китайских ученых // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 2. С. 26–40. <https://doi.org/10.31857/S013128120025383-2>; EDN: BBFDWU
- Fuchs A., Klann N.-H. Paying a Visit: The Dalai Lama Effect on International Trade // Journal of International Economics. 2013. Vol. 91, iss. 1. P. 164–177. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2013.04.007>
- Glosny M. A. Grand Strategies of Rising Powers: Reassurance, Coercion, and Balancing Responses [PhD dissertation]. Cambridge : Massachusetts Institute of Technology, 2012. URL: <https://dspace.mit.edu/handle/1721.1/72850> (accessed: 11.07.2023).
- Johnston A. I. Is China a Status Quo Power? // International Security. 2003. Vol. 27, iss. 4. P. 5–56. <https://doi.org/10.1162/016228803321951081>
- Johnston A. I. How New and Assertive Is China's New Assertiveness? // International Security. 2013. Vol. 37, iss. 4. P. 7–48. https://doi.org/10.1162/ISEC_a_00115
- Lai Ch. More Than Carrots and Sticks: Economic Statecraft and Coercion in China — Taiwan Relations from 2000 to 2019 // Politics. 2022. Vol. 42, no. 3. P. 410–425. <https://doi.org/10.1177/0263395720962654>; EDN: SEZLKF
- Laurenceson J., Zhou M., Pantle T. Interrogating Chinese Economic Coercion: The Australian Experience since 2017 // Security Challenges. 2020. Vol. 16, no. 4. P. 3–23. URL: <https://www.jstor.org/stable/26976255> (accessed: 10.10.2024).
- Lim D. J., Ferguson V. A. Informal Economic Sanctions: The Political Economy of Chinese Coercion During the THAAD Dispute // Review of International Political Economy. 2022. Vol. 29, iss. 5. P. 1525–1548. <https://doi.org/10.1080/09692290.2021.1918746>; EDN: IAVNOV

- Lim D. J., Ferguson V. A., Bishop R.* Chinese Outbound Tourism as an Instrument of Economic Statecraft // *Journal of Contemporary China*. 2020. Vol. 29, iss. 126. P. 916–933. <https://doi.org/10.1080/10670564.2020.1744390>; EDN: ORILTE
- Reilly J.* China's Unilateral Sanctions // *The Washington Quarterly*. 2012a. Vol. 35, no. 4. P. 121–133. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2012.726428>
- Reilly J.* Counting on China? Australia's Strategic Response to Economic Interdependence // *The Chinese Journal of International Politics*. 2012b. Vol. 5, no. 4. P. 369–394. <https://doi.org/10.1093/cjip/pos016>
- Reilly J.* Strong Society, Smart State : The Rise of Public Opinion in China's Japan Policy. New York : Columbia University Press, 2012c. <https://doi.org/10.7312/columbia/9780231158060.001.0001>
- Schär T.* The Political Role of Chinese Consumer Boycotts for Beijing // *Mapping China Journal*. 2020. No. 4. P. 118–127. URL: <https://mappingchina.org/wp-content/uploads/2020/12/MCJ-2020-No.-7-Schar.pdf> (accessed: 10.10.2024).
- Webster T.* Retooling Sanctions: China's Challenge to the Liberal International Order // *Chicago Journal of International Law*. 2022. Vol. 23, no. 1. P. 178–194. URL: <https://chicagounbound.uchicago.edu/cjil/vol23/iss1/12> (accessed: 10.10.2024).
- Weiss J. C.* Powerful Patriots : Nationalist Protest in China's Foreign Relations. New York : Oxford University Press, 2014. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199387557.001.0001>
- Xing J., Li M.* Moving to Formality and Openness? An Analysis of China's New Two-Tiered Sanctions Policy // *China Review*. 2023. Vol. 23, no. 1. P. 377–406. URL: <https://www.jstor.org/stable/48717999> (accessed: 10.10.2024).
- Xu G.* China's National Representation and the Two-China Question in the Olympic Movement // *China Perspectives*. 2008. No. 1. P. 19–28. <https://doi.org/10.4000/chinaperspectives.3253>
- Zeng J., Xiao Y., Breslin S.* Securing China's Core Interests: The State of the Debate in China // *International Affairs*. 2015. Vol. 91, iss. 2. P. 245–266. <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12233>
- Zhang K.* Calculating Bully: Explaining Chinese Coercion [PhD dissertation]. Cambridge : Massachusetts Institute of Technology, 2018. URL: <https://dspace.mit.edu/handle/1721.1/122472> (accessed: 11.07.2023).

Сведения об авторе:

Карасев Дмитрий Юрьевич — кандидат социологических наук, (экс-)научный сотрудник Центра экспертизы санкционной политики Институт международных исследований, МГИМО МИД России; Российская Федерация, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76; eLibrary SPIN-код: 4079-8489; ORCID: 0000-0003-0682-3174; e-mail: dk89@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-3-505-521

EDN: XSSXXX

Научная статья / Research article

Россия — Саудовская Аравия: взаимная торговля и «своевременное союзничество» в условиях глобальных трансформаций

Л.В. Шкваря¹ , И.А.З. Айдрус² ¹ Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация² Независимый исследователь, Манама, Бахрейн destard@rambler.ru

Аннотация. В условиях роста глобальной нестабильности и фундаментальной трансформации мировой экономической системы для Российской Федерации актуализируется задача диверсификации внешнеэкономических связей и укрепления геополитических позиций. Одним из партнеров, чья значимость для России возрастает, сегодня выступает Королевство Саудовская Аравия (КСА), также стремящееся к расширению географии международного взаимодействия и стабилизации внутривосточных, региональных и международных процессов. Цель исследования — охарактеризовать торговое и экономическое партнерство России и Саудовской Аравии в 2010–2023 гг. Показано, что на данном этапе российско-саудовское партнерство переживало некоторый ренессанс. Торговое сотрудничество между странами на протяжении десятилетия имело тенденцию к росту, активизировался диалог в энергетической и других сферах экономического и политического взаимодействия. Совершенствовалась нормативно-правовая база двустороннего сотрудничества. С помощью статистических методов выявлена динамика взаимной торговли и современные особенности двусторонних экономических отношений, среди которых — высокая зависимость двусторонних отношений от личных связей высшего руководства и внешних факторов, сохраняющаяся ограниченность сфер сотрудничества при некотором росте их направлений, а также узость товарной номенклатуры взаимной торговли. Авторы пришли к выводу, что, несмотря на прогресс в российско-саудовских отношениях, зафиксированный за исследуемый период, переоценивать уровень этих отношений не следует, так как их состояние можно определить как «своевременное союзничество». Саудовская Аравия, оставаясь на протяжении десятилетий стратегическим союзником США в Персидском заливе, достаточно прагматично и осторожно подходит к выстраиванию отношений с Российской Федерацией. На двусторонние отношения продолжают оказывать воздействие как внутривосточные, так и региональные и глобальные факторы, а также внешние акторы. В частности, возможно введение вторичных санкций США в отношении Саудовской Аравии как российского торгового партнера. Поэтому и подход Российской Федерации должен быть, по мнению авторов, зеркальным и одновременно более активным в направлении формирования целей и задач, обеспечивающих национальные интересы, и соответствующих политических и экономических действий.

© Шкваря Л.В., Айдрус И.А.З., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: глобальные трансформации, международные отношения, торгово-экономическое сотрудничество, энергетика, Организация стран — экспортеров нефти, ОПЕК, инвестиции, экспорт, импорт

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Шкваря Л.В.: концептуализация, написание, рецензирование и редактирование рукописи. Айдрус И.А.З.: концептуализация, написание, рецензирование и редактирование рукописи. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Для цитирования: Шкваря Л. В., Айдрус И. А. З. Россия — Саудовская Аравия: взаимная торговля и «своевременное союзничество» в условиях глобальных трансформаций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 3. С. 505–521. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-505-521>

Russia — Saudi Arabia: Mutual Trade and “Timely Alliance” in the Context of Global Transformations

Ludmila V. Shkvarya¹ , Irina A.Z. Aidrous²

¹ Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

² Independent researcher, Manama, Bahrain

destard@rambler.ru

Abstract. In the context of growing global instability and the fundamental transformation of the global economic system, it is becoming increasingly urgent for the Russian Federation to diversify its foreign economic relations and strengthen its geopolitical position. One of the partners whose importance to Russia is growing today is the Kingdom of Saudi Arabia (KSA), which is also seeking to expand the scope of its international cooperation and stabilize domestic, regional and international processes. The objective of this study is to provide a comprehensive characterization of the trade and economic partnership between Russia and Saudi Arabia during the period 2010–2023. It is demonstrated that the Russian-Saudi partnership experienced a renaissance at this stage. Trade cooperation between the two countries has grown over the past decade, and dialogue in energy and other areas of economic and political cooperation has intensified. The regulatory framework for bilateral cooperation has been improved. Statistical methods have been used to identify the dynamics of mutual trade and the modern features of bilateral economic relations, including the high dependence of bilateral relations on the personal connections of senior management and external factors, the continued limited scope of cooperation with some growth in their areas, as well as the narrowness of the commodity range of mutual trade. Despite the progress recorded in Russian-Saudi relations during the period under study, the authors concluded that the level of these relations should not be overestimated, as their state can be defined as a “timely alliance.” Saudi Arabia, which has remained a strategic ally of the United States in the Persian Gulf for decades, is quite pragmatic and cautious about building relations with the Russian Federation. Bilateral relations continue to be influenced by both domestic, regional and global factors, as well as external actors. In particular, it is possible to impose secondary US sanctions on Saudi Arabia as a Russian trading partner. Therefore, according to the authors, the approach of the Russian Federation should be mirrored while also being more proactive in shaping goals and objectives that ensure national interests and appropriate political and economic actions.

Key words: global transformations, international relations, trade and economic cooperation, energy, Organization of the Petroleum Exporting Countries, OPEC, investments, exports, imports

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors’ contributions. L.V. Shkvarya: conceptualization, writing, review, and editing of the manuscript. I.A.Z. Aidrous: conceptualization, writing, review, and editing of the manuscript. Both authors have read and approved the final version of the article

For citation: Shkvarya, L. V., & Aidrous, I. A. Z. (2025). Russia — Saudi Arabia: Mutual trade and “timely alliance” in the context of global transformations. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(3), 505–521. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-505-521>

Введение

В последнее десятилетие философия и архитектура мировой экономики и системы международных экономических отношений трансформируется все более активно и фундаментально, что многие эксперты — и с этим можно согласиться — трактуют как один из современных базовых глобальных трендов (Transformation of International Economic Relations..., 2017; Wang & Wolf, 2022; Turning Points of World Transformation..., 2022; McKinney, 2014; Хасбулатов, Бяшарова, 2019). Причем зарубежные авторы по большей части (если не исключительно) обращают свое исследовательское внимание на рыночные и иерархические аспекты этого процесса — волатильность товарных и финансовых рынков, нарушения «правил» международных экономических отношений, а также изменение климата и др. Иными словами, интерес западных исследователей концентрируется, как представляется, не столько на глубинных процессах происходящих модификаций и их сущности, сколько на формах их проявления.

В свою очередь, российские специалисты исследуют значительно более широкий спектр различных аспектов и причин глобальной трансформации — региональные, отраслевые, геополитические, социальные, гуманитарные и другие направления. Они обращают внимание на то, что совокупность и взаимодействие этих аспектов, их взаимовлияние обеспечивает синергический эффект, что в результате создает особые сложности в решении современного комплекса проблем, в том числе на страновом и двустороннем уровнях. Хотя глобальная перестройка рынков остается важнейшей составляющей более широкого и глубокого процесса, она выступает, на наш взгляд, скорее неким индикатором глобальных трансформаций, а не их первопричиной. В этой связи справедливой представляется точка зрения о том, что «междисциплинарность... исследований и наличие

разнообразных подходов и точек зрения позволяют сформировать более полную картину мира, чем исследования отдельных явлений в рамках одной научной дисциплины» (Коданева, 2022, с. 271). Кроме того, научные подходы российских исследователей базируются на понимании объективности перехода к новой модели международных отношений, что в настоящее время и происходит в форме всеобъемлющих глобальных трансформаций (Глобальная система на переломе..., 2016) на пути к полицентрическому миру.

Таким образом, в данном исследовании преобразование системы международной торговли рассматривается как одно из направлений глобальной трансформации (Варнавский, 2024). На примере кейса российско-саудовского взаимодействия анализируются географические изменения международной торговли и реорганизация глобальных рейтингов торговых держав, диверсификация ассортимента торгуемых товаров и услуг в рамках, например, цифровизации как общемировой тенденции (Шкваря, Фролова, 2022) и/или кардинальных преобразований национальных экономик отдельных стран, в частности в Ближневосточном регионе (Науменко, Тимахов, 2019; Федорченко, 2021; Кузнецов, Наумкин, 2023). Авторы акцентируют внимание на новых задачах, которые возникают перед государствами региона (Филоник, Исаев, Морозов, 2017), а также на ценовых проблемах различных сегментов мирового рынка и новых характеристиках двусторонних торгово-экономических отношений.

В настоящее время российская торговля проходит через серьезную трансформацию, все больше ориентируясь на Восток, в том числе Ближний (Федорченко, 2022; Шкваря, 2023). Это очень фундаментальный и всеобъемлющий процесс, он представляется долгосрочным в силу инерционности торговых отношений, а также существенного внешнего влияния, оказываемого на РФ со стороны отдельных стран и международных

организаций с помощью ряда легитимных инструментов — от соглашений до экономических и торговых санкций, а также вследствие складывающихся более или менее объективных направлений развития мировой экономики, как, например, пандемия или военные конфликты в отдельных регионах мира, включая Ближний Восток. В этой связи ряд экспертов высказывают точку зрения, что российский «поворот на Восток» находится только в начале своего развития и скорее носит формальный характер (Кузнецова, Кузнецов, 2022) или задаются вопросом, происходит ли он вообще (Арапова, 2023).

Помимо количественных данных — объема товарооборота, структуры торговли и т. д., особое значение в условиях глобальных трансформаций обретает аспект, который мы можем назвать «своевременное союзничество». Оно основано на прагматическом подходе и взаимном интересе государств к взаимодействию не только в экономическом, но и в политическом пространстве и призвано стабилизировать ситуацию в соответствующих странах и на международном уровне.

В данном исследовании на основе статистического и компаративного анализа исследована динамика товарооборота Российской Федерации и Королевства Саудовская Аравия в 2010–2023 гг. С помощью индуктивных и дедуктивных методов мы попытались установить наличие объективных и субъективных движущих сил этого процесса, его фундаментальность, долгосрочность и возможные последствия как для обеих стран, так и для третьих игроков. Источниками статистических данных послужила международная база Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), данные Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК) и Федеральной таможенной службы Российской Федерации (ФТС РФ).

Предпосылки и факторы развития внешней торговли России и Саудовской Аравии

Внешняя торговля традиционно имеет большое значение как для Российской Федерации, так и для Саудовской Аравии. Обе

страны активно участвуют в международном разделении труда, сохраняют положительное сальдо внешнеторгового баланса (хотя его величина серьезно варьируется по годам), с помощью экспортной выручки обеспечивают поставки в национальную экономику широкой линейки необходимых бизнесу и населению товаров и выступают крупнейшими экспортерами углеводородов.

Дипломатические отношения между Саудовской Аравией и СССР были установлены в 1926 г. В декабре 1991 г. КСА признало Российскую Федерацию в качестве правопреемницы Советского Союза. Таким образом, в 2026 г. исполнится ровно 100 лет с момента начала межстранового взаимодействия.

На протяжении всей этой вековой истории российско-саудовские двусторонние торговые и в целом экономические отношения в те или иные периоды времени носили различный характер и пережили ряд этапов в своей эволюции — от тесного взаимодействия до серьезного охлаждения, что отмечают многие авторы (Примаков, 2012; Косач, Филоник, Мелкумян, 2017; Федорченко, 2019; Alqedra, 2022). Однако в последние годы двусторонние российско-саудовские отношения развиваются более устойчиво, активно и эффективно, что предопределяется рядом объективных и субъективных факторов, среди которых можно выделить следующие.

Первый фактор — это укрепление политической составляющей российско-саудовских отношений, которая очень весома и традиционно оказывает значительное, но в то же время неоднозначное влияние на экономическую, в том числе и торговую, компоненту сотрудничества. В ее основе лежит схожесть в оценке странами большинства международных и региональных вопросов и вызовов.

Сегодня это связано с тем, что обе страны сталкиваются с однопорядковыми, сформировавшимися в последнее десятилетие вызовами своей безопасности и интересам, в том числе экономическим, национальным и региональным. Это побуждает Российскую Федерацию и Саудовскую Аравию расширять пул межгосударственных партнеров —

региональных и внерегиональных — с целью повышения устойчивости международной ситуации, которая характеризуется все более высокой степенью глобальной и региональной нестабильности, порождаемой современной политикой США и европейских держав. Требования «демократизации по-американски», региональные военные конфликты, экономические рестрикции в той или иной форме, которые становятся уже новой нормой международных экономических отношений и выступают инструментами прямого давления как на Российскую Федерацию и Саудовскую Аравию, так и на другие страны, дестабилизируют ситуацию на национальном и региональном уровнях.

В этой связи политика Эр-Рияда нацелена на рост вариативности внешнеэкономических связей и межстрановых отношений во исполнение «Видения Королевства Саудовская Аравия — 2030» (*Vision 2030*). Королевство демонстрирует стремление вести бизнес со странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) (Beutel, 2021), другими странами Ближневосточного региона и практически с любой страной на условиях взаимной выгоды. Чтобы укрепить национальную экономику и позиции в регионе и в мире, государство нацелено иметь прочные отношения с различными экономическими державами, включая Китай, Японию, Республику Корея, Германию и другие страны Европейского союза (ЕС), а также США для поддержания определенного баланса. Так, Эр-Рияд, активно развивая торгово-экономические отношения с Китаем, своим крупнейшим торговым партнером и энергетическим клиентом¹, сохраняет хорошие отношения с Европой и США. Королевство интенсифицирует торговые отношения и с различными странами в регионе, включая Турцию и Сирию.

Таким образом, Саудовская Аравия стремится к дальнейшему национальному

развитию посредством взаимовыгодного сотрудничества с другими государствами, в том числе с Россией. Со своей стороны Россия разработала «стратегический план взаимодействия на Ближнем Востоке», который явно занял ведущее место в системе ее внешнеполитических приоритетов².

Укрепление доверия сторон (в том числе представителей бизнеса), стремление развивать двусторонние отношения, заинтересованность и волю руководителей обоих государств в их развитии в торгово-экономической и политической сферах продемонстрировали встречи на высшем уровне. В 2007, 2019 и 2023 гг. президент Российской Федерации посещал Саудовскую Аравию, а в 2017 г. король КСА Сальман бин Абдель Азиз совершил свой первый визит в Россию. В рамках визитов были подписаны соглашения, меморандумы, включая торговое, экономическое и проектное разностороннее взаимодействие (в сельском хозяйстве, энергетике, в том числе атомной, в космической отрасли и др.)³.

В то же время исторический фон двустороннего сотрудничества нельзя назвать однозначно благоприятным.

Второй фактор связан с существованием экономических предпосылок торгово-экономического сотрудничества России и Саудовской Аравии, базой которого остается нефть. Так, две страны сотрудничают на нефтяном рынке в рамках формата «ОПЕК+» (Bradshaw, Van de Graaf & Connolly, 2019), который был создан в 2016 г. и осуществляет успешные шаги по стабилизации жизненно важного для обеих стран рынка мировой экономики, где на долю Саудовской Аравии и России приходится около 20 % мирового

¹ Dongmei C. China's Belt and Road Initiative and Saudi Vision 2030: A Review to Partnership for Sustainability. King Abdullah Petroleum Studies and Research Center ("KAPSARC"). Riyadh, 2021. URL: <https://ideas.repec.org/p/prc/dpaper/ks--2021-dp016.html> (accessed: 12.07.2025).

² Труевцев К. М. Новая стратегия России на Ближнем Востоке: страны и направления : доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Международный дискуссионный клуб «Валдай». Февраль 2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/41289/> (дата обращения: 02.02.2025).

³ Метцель М. История отношений между Россией и Саудовской Аравией // ТАСС. 06.12.2023. URL: <https://tass.ru/info/19461233?ysclid=mddd6vu1yz751011968> (дата обращения: 12.07.2025).

экспорта нефти⁴. В этой сфере отношения между двумя странами достигли в настоящее время особенно высокой степени координации и консенсуса.

Так, в 2023 г. Россия и Саудовская Аравия приняли на себя очередные обязательства по добровольному сокращению добычи нефти для стабилизации цен на сырье на мировом рынке (табл. 1), что существенно сближает их экономические, в частности внешнеторговые, интересы.

Как видно из данных, содержащихся в табл. 1, ряд стран-нефтеэкспортеров, прежде всего Саудовская Аравия, поддержал инициативу по сокращению добычи нефти. Эр-Рияд отреагировал на экономические вызовы, которые повлияли на мировой спрос на нефть. Добровольное сокращение поставок Саудовской Аравией также выходит за рамки более широкого соглашения, заключенного ОПЕК и ее союзниками по ограничению поставок до 2024 г.⁵

Помимо углеводородной составляющей, включая научную и геологическую области их добычи, существует и развивается взаимодействие в других энергетических сегментах, например, в атомной энергетике и развитии энергосетевого хозяйства. Есть ряд направлений уже существующего и перспективного экономического взаимодействия стран, особенно учитывая тот факт, что Россия занимает 1-е место в мире по запасам природных ресурсов⁶, сохраняет высокий уровень компетенций в научном и высокотехнологическом сегменте, имеет обширные сельскохозяйственные угодья и другие абсолютные и относительные преимущества в торговле, что

делает координацию между РФ и КСА как минимум в 11 различных сферах очень важной, а также способствует и росту двустороннего товарооборота.

В экономическом плане можно выделить также заметное увеличение экономического потенциала обеих стран в последние 10 лет, хотя процесс этот и был неустойчив. Однако в том числе и необходимость смягчения этой неустойчивости побуждала государства к экономическому диалогу.

Перед Саудовской Аравией и Российской Федерацией стоят амбициозные и жизненно важные задачи социально-экономического развития. Так, КСА находится в преддверии подведения промежуточных итогов программ преобразования экономики в соответствии с *Vision 2030*, и завершение ряда проектов предполагает диверсификацию и развитие международного сотрудничества. Например, для реализации планов, связанных с проведением «Экспо 2030», завершения строительства на северо-западе страны города Неом стоимостью в 500 млрд долл. США, реализации инициатив в сфере «зеленой» экономики и энергетики (Abdelrhman et al., 2024) и других проектов требуется больше инвестиций (Mohammed, 2024), что достаточно сложно при нестабильной ситуации на мировом нефтяном рынке, который остается важнейшим источником финансовых поступлений для КСА. В 2022 г. у Королевства сложился профицит бюджета, более традиционный для государства в то время, а в 2023 г. сформировался его дефицит. Объемы поступающих иностранных инвестиций также не соответствуют ожиданиям Эр-Рияда. В 2023 г. приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) сократился на 60 % по сравнению с предыдущим годом и составил 7,9 млрд долл. США, в то время как Саудовская Аравия нацелена на привлечение ПИИ в размере 100 млрд долл. США ежегодно к 2030 г.⁷

⁴ International Energy Outlook 2023 // U.S. Energy Information Administration (EIA). October 11, 2023. URL: <https://www.eia.gov/outlooks/ieo/data.php> (accessed: 12.07.2025).

⁵ Lawler A., Edwards R. What Oil Production Cuts Were Agreed at OPEC+ Meeting? // Reuters. June 5, 2023. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/how-opec-deal-cuts-oil-supply-until-end-2024-2023-06-05/> (accessed: 12.07.2025).

⁶ Рогачева Е. Топ-5 стран по запасам природных ресурсов // Mail@финансы. 01.04.2024. URL: <https://finance.mail.ru/2024-11-01/top-5-stran-po-zapasam-prirodnih-resursov-63446637/> (дата обращения: 12.07.2025).

⁷ Saudi Arabia Investment Outlook 2025: Opportunities for Foreign Businesses // Middle East Briefing. December 30, 2024. URL: <https://www.middleeastbriefing.com/news/saudi-arabia-investment-outlook-2025-opportunities/> (accessed: 10.15.2024).

Таблица 1. Обязательства по добровольному сокращению добычи нефти стран ОПЕК+ (дополнительно к квотам) в 2023 г., тыс. барр./день

Страна	С 1 марта	С 1 апреля	С 1 мая	С 1 июня	С 1 июля	С 1 августа	С 1 сентября	С 1 октября	С 1 ноября	С 1 по 31 декабря
РФ	500	500	500	500	500	500 и 500*	500 и 300*	500 и 300*	500 и 300*	500 и 300*
Саудовская Аравия	—	—	500	500	1500	1500	1500	1500	1500	1500
Ирак	—	—	211	211	211	211	211	211	211	211
ОАЭ	—	—	144	144	144	144	144	144	144	144
Кувейт	—	—	128	128	128	128	128	128	128	128
Казахстан	—	—	78	78	78	78	78	78	78	78
Алжир	—	—	48	48	48	48	48	48	48	48
Оман	—	—	40	40	40	40	40	40	40	40
Габон	—	—	8	8	8	8	8	8	8	8

Примечание. * — добровольные обязательства по сокращению экспорта.

Источник: Милькин В., Савенкова Д. Россия и Саудовская Аравия продлили снижение предложения нефти до конца года // Ведомости. 06.09.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/09/06/993631-rossiya-i-saudovskaya-araviya-prodlili-snizhenie-predlozheniya-nefti> (дата обращения: 10.12.2024).

В свою очередь Россия достаточно открыта для повышения уровня экономического и инвестиционного сотрудничества как на уровне отдельных предприятий, так и на уровне Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ), планирующего инвестировать около 10 млрд долл. США в экономику Саудовской Аравии и совместно с партнерами из Королевства финансировать проекты в России на сумму 1 трлн долл. США⁸, что может увеличить инвестиции между двумя странами и усилить межгосударственное взаимодействие не только в этой сфере.

Третий фактор обусловлен существованием и поступательным развитием договорно-правовой базы российско-саудовского взаимодействия. Так, в 1994 г. было подписано Генеральное соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Саудовская Аравия, вступившее в силу 28 октября 1996 г.⁹ Ст. 2 документа декларирует намерение сторон поощрять экономическое, торговое, инвестиционное и техническое сотрудничество между двумя странами, их юридическими и

физическими лицами¹⁰. В 2007 г. в Эр-Рияде была подписана Конвенция между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Саудовская Аравия об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доход и капитал¹¹. Программа российско-саудовского стратегического сотрудничества подписана в 2019 г., как и Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Саудовская Аравия о взаимном учреждении торговых представительств (вступило в силу 28 апреля 2020 г.) и др. Дорожная карта торгово-экономического и научно-технического сотрудничества

¹⁰ Генеральное соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Королевства Саудовская Аравия // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 20.11.1994. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48068/ (дата обращения: 10.15.2024).

¹¹ Конвенция между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Саудовская Аравия об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доход и капитал (Заклучена в г. Эр-Рияде 11.02.2007) (вместе с «Протоколом» (Подписан в г. Эр-Рияде 11.02.2007)) // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93595/ (дата обращения: 12.07.2025).

⁸ РФПИ с Саудовской Аравией решили вложить \$1 трлн в российские проекты // РБК. 06.12.2023. URL: <https://www.rbc.ru/finances/06/12/2023/6570312c9a79479441a22a99> (дата обращения: 12.07.2025).

⁹ Бюллетень международных договоров. 1997. № 4. С. 61.

России и Саудовской Аравии действовала до конца 2023 г.¹²

Подписанные соглашения, меморандумы и конвенции на уровне как государства, так и бизнеса охватывают различные сферы экономики, в том числе энергетику (включая атомную¹³), сельское хозяйство, «зеленые» проекты, инвестиции, транспорт, космос, культуру и др.¹⁴ Развивается ряд проектов, преимущественно в данных сферах, в том числе с участием РФПИ.

Четвертый фактор — это сформированная институциональная структура двустороннего сотрудничества. Совместная межправительственная комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, Российско-саудовский деловой совет в рамках Российско-арабского делового совета (действуют с октября 2002 г.), а также Российско-саудовский экономический совет (действует с 2019 г.) совместно с Торгово-промышленной палатой России на регулярной основе организуют мероприятия с целью укрепления контактов между деловыми кругами двух стран¹⁵. Поддержку сотрудничеству между российскими и саудовскими

субъектами хозяйствования в России осуществляют Торгово-промышленная палата РФ и Росконгресс.

Таким образом, существует ряд факторов, стимулирующих страны к наращиванию торгово-экономического сотрудничества, поскольку РФ и КСА имеют широкий круг общих интересов и подходов к решению региональных и международных проблем и видение перспектив развития этого сотрудничества. Хотя не все названные аспекты имеют высокую степень эффективности, их влияние, тем не менее, однозначно и устойчиво положительное, что обеспечивает возможности полного взаимопонимания между сторонами.

Дело в том, что на внешнеторговые отношения обеих стран, в том числе и двусторонние, сохраняется и влияние сдерживающих факторов, процессов и внешних сил. Примером может стать не состоявшееся пока окончательно присоединение Саудовской Аравии к БРИКС, несмотря на ранее выразившееся желание Королевства стать участником этого межгосударственного объединения. Ряд серьезных инвестиционных проектов российских субъектов в Саудовской Аравии не состоялись. Например, совместный проект российской компании СИБУР и саудовской *Saudi Aramco* по строительству в Королевстве завода по производству каучука не был реализован как имеющий низкий экономический потенциал в текущих рыночных условиях, хотя изначально российская сторона планировала вложить в проект 1 млрд долл. США¹⁶.

Сохраняются проблемы в платежно-расчетных, страховых и других финансовых аспектах двустороннего сотрудничества, как и в сфере институтов финансовой, организационной и другой государственной поддержки российских бизнес-структур. Можно упомянуть еще такой аспект, как недостаточно развитый информационный климат (включающий не только недостаточное освещение двустороннего взаимодействия в СМИ, но и

¹² Саудовская Аравия и Россия утвердили план развития экономических отношений // ТАСС. 25.05.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11473471?ysclid=mddee7zlyl821460708> (дата обращения: 12.07.2025).

¹³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Саудовская Аравия о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 18.06.2015. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/43869/ (дата обращения: 12.07.2025).

¹⁴ Генеральное соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Королевства Саудовская Аравия // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 20.11.1994. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48068/ (дата обращения: 10.15.2024).

¹⁵ Заседание российско-саудовской группы стратегического взаимодействия // Российский комитет солидарности и сотрудничества с народами Азии и Африки (РКССАА). 28.05.2024. URL: <https://rcscaa.org/zasedanie-rossijsko-saudovskoj-gruppy-strategicheskogo-vzaimodejstviya/> (дата обращения: 12.07.2025).

¹⁶ СИБУР не пойдет в Аравию // Коммерсант. 04.08.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4442475> (дата обращения: 12.07.2025).

низкий уровень знаний о рыночных условиях, законодательстве и в целом о стране-партнере и ее возможностях), затрудняющий возможности для бизнеса.

Однако политические и экономические препятствия можно рассматривать как рабочие моменты, которые, тем не менее, требуют учета, мониторинга и работы с ними. Больше внимания сегодня заслуживает тот факт, что у стран имеется намерение проявлять гибкость во взаимном сотрудничестве и добрая воля это сотрудничество не только продолжать, но и последовательно развивать с учетом как собственных задач каждой из сторон, так и внешнего фактора, чтобы принять существующие препятствия и противоречия и исследовать способы их преодоления, продолжая идти своим путем¹⁷.

Динамика и особенности внешней и двусторонней торговли России и Саудовской Аравии в 2010—2023 гг.

Двусторонняя торговля России и Саудовской Аравии становится все более заметным элементом двустороннего экономического сотрудничества как одного из направлений внешней торговли каждого из государств. Внешняя торговля обеих стран, как уже отмечалось, традиционно остается важным фактором роста национальных экономик, так как при сохранении положительного сальдо внешнеторгового баланса экспортная выручка поддерживает возможности инвестирования в экономические и социальные проекты в обеих странах и облегчает решения основополагающих задач в инновационной, гуманитарной и других сферах (рис. 1–2).

Как видно из графиков на рис. 1 и 2, эта динамика характеризуется высокой

волатильностью, особенно потока экспорта, причем волны колебаний у стран совпадают во времени (по годам). В частности, в 2022 г. у обеих стран были зафиксированы максимальные показатели стоимостного объема экспорта за период при резком спаде в 2014–2016 гг. и в 2020 г. из-за действия внешних факторов. Из рис. 1 и 2 видно также, что у обеих стран сложился тренд к сокращению экспорта, однако у КСА он более заметен.

Эти совпадения делают более заметной и выразительной общность внешнеторговой базы обеих стран — экспорт топлива на мировой рынок и, как следствие, — сходство их интересов, направленных на выравнивание динамики своей внешней торговли, в том числе совместными усилиями. При этом товарооборот России остается более высоким в стоимостном выражении (в том числе экспорт — более диверсифицированным), чем у Саудовской Аравии, а импорт, как и экспорт, имеет тенденцию к сокращению. В 2022 г., согласно данным ЮНКТАД, экспорт РФ составил 592,1 млрд долл. США, что выше уровня 2021 г. на 16 %, а в 2023 г. — 424,2 млрд долл. США. Российский импорт в 2022 г., наоборот, сократился на 7,8 %, что стало одним из последствий широкомасштабной «санкционной» войны против Российской Федерации, а в 2023 г. импорт вырос, невзирая на продолжение действия этого фактора (см. рис. 2).

В последние 10 лет внешняя торговля Российской Федерации, как известно, испытывает высокое санкционное давление западных стран, стремящихся оказать экономическое давление на Россию и ее политические и экономические решения. Это влияет на географию и структуру внешней торговли России, активно переориентирующей свои экспортно-импортные потоки на страны Глобального Юга. В результате в 2022 г. сальдо внешнеторгового баланса России выросло более чем на 40 % за год, а в 2023 г. оно в стоимостном выражении сократилось более чем в 2 раза (до 120,9 млрд долл. США) вследствие падения объемов отечественного экспорта.

¹⁷ Litakhhik khutatiha al-kobra... Aietimad al-saeudiat ealaa airtifae 'asear an-naft lays kafian [Для реализации своих грандиозных планов Саудовской Аравии недостаточно полагаться на растущие цены на нефть] // CNN in Arabic. July 6, 2023. (На арабском языке). URL: <https://arabic.cnn.com/middle-east/article/2023/06/06/saudi-depnedency-oil-prices-not-enough> (accessed: 10.03.2024).

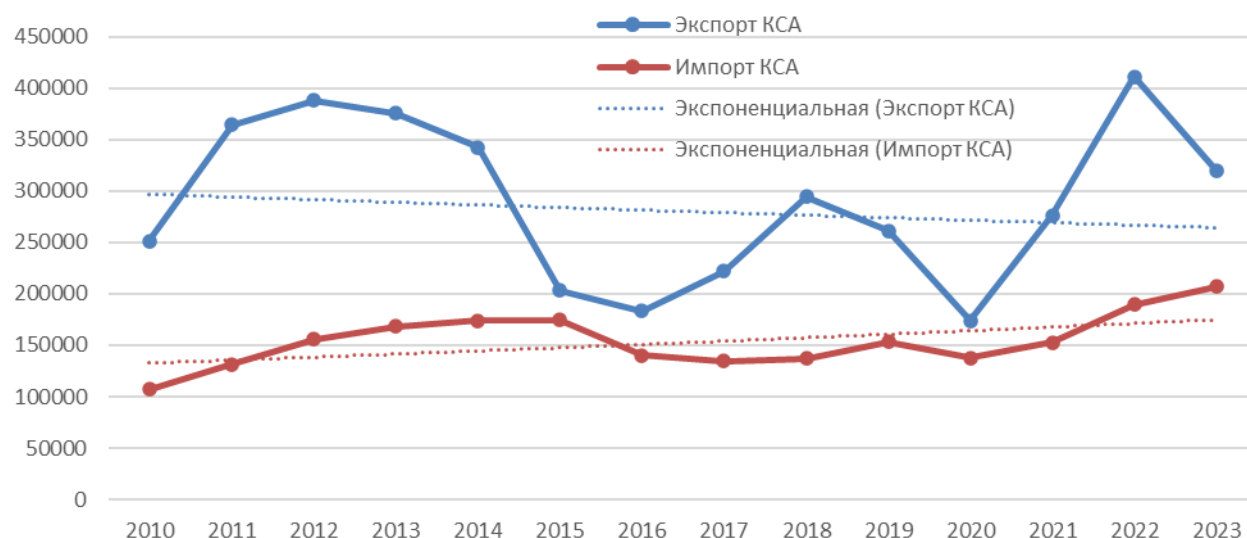

Рис. 1. Динамика внешней торговли Саудовской Аравии в 2010–2023 гг., млн долл. США, и линия тренда экспорта и импорта

Источник: составлено Л.В. Шкваря и И.А.З. Айдрус на основе: Data Center. UN Trade and Development // UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (accessed: 10.03.2024).

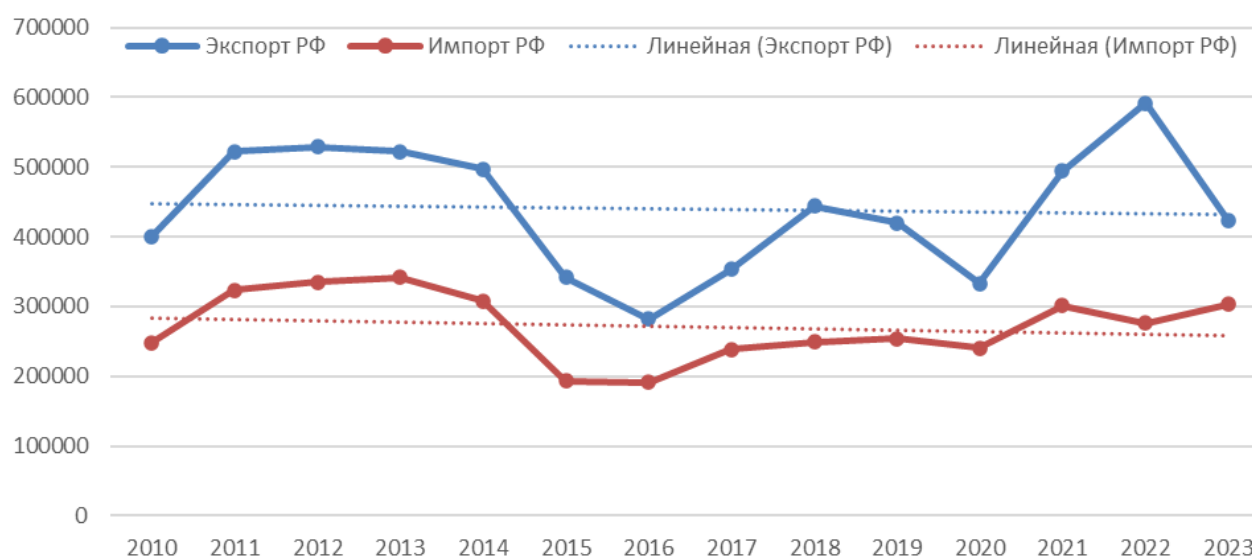

Рис. 2. Динамика внешней торговли Российской Федерации в 2010–2023 гг., млн долл. США, и линия тренда экспорта и импорта

Источник: составлено Л.В. Шкваря и И.А.З. Айдрус на основе: Data Center. UN Trade and Development // UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (accessed: 10.03.2024).

Однако, согласно данным ФТС РФ, внешнеторговый оборот России в 2022 г. достиг 847,8 млрд долл. США (экспорт — 592,5 млрд, импорт — 255,3 млрд), а в 2023 г. составил 530,2 млрд долл. США (425,1 и 285,1 млрд долл. США соответственно), что на 16 % меньше показателей предыдущего

года. Так, экспорт сократился на 28,3 % при росте импорта на 11 % относительно предыдущего года¹⁸. Соответственно, сократилось и внешнеторговое сальдо.

¹⁸ Внешняя торговля Российской Федерации // Федеральная таможенная служба. URL: <https://customs.gov.ru/statistic> (дата обращения: 10.03.2024).

Удельный вес российского экспорта и импорта в совокупности выше, чем у Саудовской Аравии, в соответствующих мировых показателях. Это говорит о более высокой интегрированности РФ в систему мирового хозяйства, более высокой экономической значимости России на мировой арене и, соответственно, большем влиянии на мировую экономику и торговлю.

Как видно из графиков на рис. 1 и 2, линия тренда экспорта у Саудовской Аравии имеет более заметную тенденцию к сокращению при росте тренда импорта, что может указывать на негативные тенденции во внешней торговле данной страны и если не на наличие, то на возможное формирование проблем. Рост импорта в то же время может указывать на увеличение потребности в иностранных товарах и услугах, что может быть связано с сохраняющимися в саудовском производстве недостатками или увеличением спроса на импортные товары, в том числе в связи с демографическим ростом и высокими социальными обязательствами государства.

В то же время из рис. 1 и 2 видно, что в российской экономике наблюдается противоположная тенденция — экспорт сокращается незначительно (в рамках статистической погрешности), а импорт имеет более выраженную тенденцию к росту. Конечно, во многом это результат западных санкций, но при прочих равных условиях получается более перспективно в краткосрочном, а возможно, и среднесрочном (2–3 года) периоде.

Соответственно, для Саудовской Аравии сотрудничество с Россией, имеющей более мощный экономический (по показателю валового внутреннего продукта по паритету покупательной способности (ВВП по ППС) в 2023 г. РФ заняла 5-е место в мире по данным ряда международных организаций¹⁹, а в 2024 г. сохранила более быстрые темпы, чем у ЕС, и стала 4-й экономикой мира по ППС²⁰) и торговый потенциал, при

определенных условиях может отчасти выступать неким стабилизирующим фактором, балансирующим как экспорт, так и импорт.

Далее проанализируем изменения объемов взаимной торговли стран в 2010–2023 гг. (рис. 3). Прежде всего, очевидны более значительные объемы экспорта из России в Саудовскую Аравию и его устойчивый, хотя и неравномерный, рост, особенно с 2016 г.

Из рис. 3 можно сделать вывод о росте российского экспорта в Саудовскую Аравию в 3,9 раза за 2010–2023 гг. при его сокращении в 2022–2023 гг. относительно 2021 г. Экспорт России в Саудовскую Аравию характеризуется высокой волатильностью при тенденции к «ступенчатому» и достаточно высокому росту за период.

Высокая волатильность экспорта связана с изменениями в глобальной, региональной и страновых системах: растущей нестабильностью (экономической и политической, более или менее ярко выраженной и широкой по охвату), изменениями валютных курсов, нарушением логистики потоков платежей и общей тенденцией к трансформации мировой экономики и торговли в географическом, товарном, динамическом и других аспектах. Западные антироссийские санкции также оказывают сдерживающее влияние на взаимную торговлю.

Сохраняется и выжидательная позиция и осторожный, поэтапный подход Саудовской Аравии к развитию взаимодействия в условиях роста неопределенности, с одной стороны, и необходимости сохранить существующий баланс отношений (как двусторонних, так и с третьими странами) в условиях жизненной важности сохранения безопасности в широком смысле — с другой. Разрушение этого баланса может создать неопределенность для бизнеса и экономической стабильности страны с достаточно небольшой экономикой. Этот «экспортный откат», по сути, представляет собой своего рода коррекцию ситуации после резкого роста в течение практически пяти лет. Ни одна из стран не имеет

¹⁹ Всемирный банк и МВФ включили Россию в топ-5 экономик мира // Бизнес Онлайн. 04.08.2023. URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/602601?ysclid=mddfk1qzce907100075> (дата обращения: 10.03.2024).

²⁰ Россия сохранила позиции четвертой экономики мира // РИА Новости. 16.07.2025. URL: <https://ria.ru/>

20250716/vvp-2029385154.html (дата обращения: 12.07.2025).

экспансионистских намерений относительно рынка другой, но обе заинтересованы найти новые ниши в условиях глобальной трансформации (Shkvarya et al., 2019). Однако действия Российской Федерации на дипломатическом, культурном, гуманитарном и ряде других направлений на Аравийском п-ове, в частности в Саудовской Аравии, пока недостаточно активны (Айдрус, 2018).

В то же время импорт из КСА в Российскую Федерацию достаточно стабилен.

Стабильный импорт может свидетельствовать о надежных торговых отношениях между странами в том сегменте, где эта торговля осуществляется, о низкой степени влияния на этот сегмент внешних экономических факторов или регулярном спросе на определенные товары и услуги, которые поступают из Саудовской Аравии в Россию. Это приводит нас к необходимости проанализировать товарную структуру взаимной торговли (табл. 2).

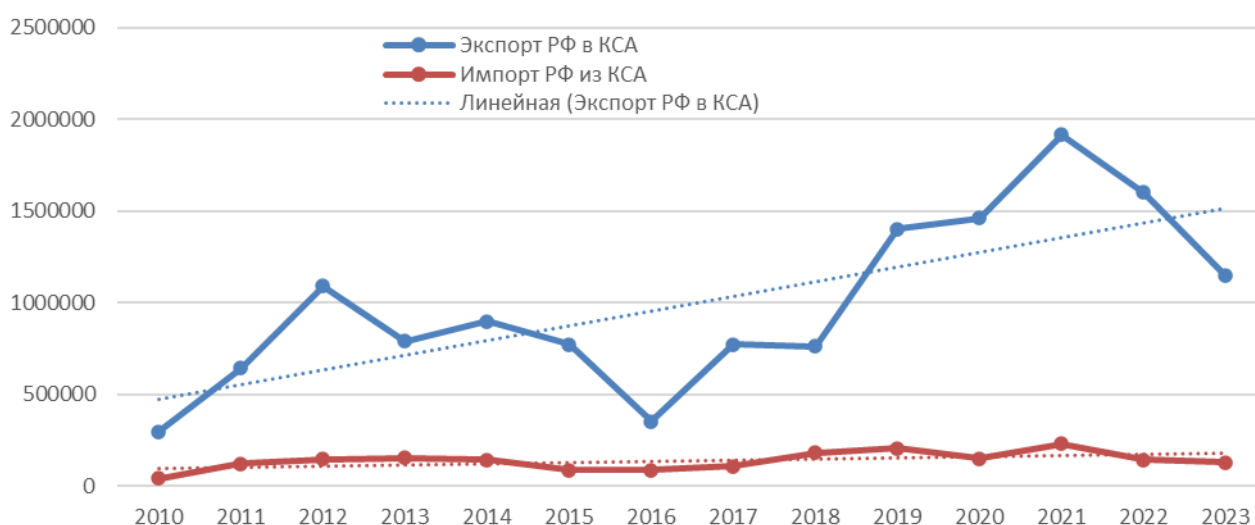

Рис. 3. Динамика двусторонней торговли Российской Федерации и Саудовской Аравии в 2010–2023 гг., тыс. долл. США, и линия тренда экспорта и импорта

Источник: составлено Л.В. Шкваря и И.А.З. Айдрус на основе: Data Center. UN Trade and Development // UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (accessed: 10.03.2024).

Таблица 2. Изменение объемов экспорта и импорта Российской Федерации из/в КСА в 2010–2023 гг., тыс. долл. США

Тип товара	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
<i>Импорт России из Саудовской Аравии</i>														
Промышленные товары	36603	100465	130569	150749	139722	85685	84988	103852	174315	197008	126022	214505	128929	117176
Химпром	31034	90660	116532	138493	126159	77466	78192	89779	164784	179947	107995	175006	109308	97422
<i>Экспорт России в Саудовскую Аравию</i>														
Топливо	56	–	179385	77628	163823	9202	4275	272663	53589	159095	395531	896614	616203	484561
Продовольственные товары	124363	383576	564568	343503	360981	578319	246652	343646	497074	347250	690946	683149	703889	453986
Промышленные товары	153848	206232	315975	343613	347263	169244	89705	121979	414547	273450	203783	144803	228986	162845

Источник: составлено Л.В. Шкваря и И.А.З. Айдрус на основе: Data Center. UN Trade and Development // UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (accessed: 10.03.2024).

Как видно из данных табл. 2, Россия поставляет в Королевство Саудовская Аравия преимущественно топливо (резкий рост в 2014 и 2021 гг.), продовольственные товары (традиционно) и промышленную продукцию (в производстве некоторых ее видов, например товарах военно-промышленного комплекса, РФ обладает заметными конкурентными преимуществами).

В Саудовскую Аравию Россия поставляет преимущественно пшеницу, на долю которой приходится 70 % совокупного экспорта зерновых (Чухарев, 2024), а также кондитерские изделия и мясо. Объем торгового обмена между двумя странами на уровне сельскохозяйственного сектора, на наш взгляд, пока не соответствует имеющемуся потенциалу, особенно если учесть, что КСА ежегодно импортирует около 80 % необходимого стране продовольствия и сырья для национальной пищевой промышленности, и только 20 % производится в национальной экономике самостоятельно, что, впрочем, существенно выше, чем в других странах ССАГПЗ (Русакович, 2023). Однако для саудовских инвесторов сельскохозяйственный сектор России, обладающий большим инвестиционным и производственным потенциалом, остается весьма привлекательным с точки зрения возможности обеспечения продовольственной безопасности Саудовской Аравии в условиях роста населения (Асмятуллин, 2024).

Согласно имеющимся данным, Россия также поставляет в Саудовскую Аравию медицинское, оптическое и электрическое оборудование, косметику, некоторые виды пластмасс²¹.

В 2023 г. в соответствии со структурой национальной экономики Королевства, которая сформировалась к настоящему времени (Федорченко, 2022), а также санкционными мерами против российской экономики и ее отдельных отраслей, например нефтехимической, из Саудовской Аравии в Россию поступала в основном химическая продукция

(72 %), продовольствие и сельхозсырье (10,7 %), металлы и изделия из них (10,6 %). Поэтому и в перспективе, как минимум среднесрочной, «часть высокотехнологичной специальной химии и материалов все же останется сложнодоступной для российского рынка»²², что даст возможность развивать этот сегмент торговли между Россией и Саудовской Аравией, а также и другими странами Персидского залива.

В 2023 г. КСА сократила (по стоимости) импорт нефтепродуктов из РФ (мазут и дизель)²³ как из-за опасения «вторичных санкций», так и сохраняющихся сложностей в межстрановых расчетах. Однако такая торговля представляется выгодной для обеих сторон.

По нашему мнению, расширения сотрудничества между двумя странами в энергетическом секторе можно ожидать за счет проектов в области мирной атомной энергетики²⁴, разработки и внедрения технологий в области геологоразведки, бурения, добычи и переработки углеводородов, а также применения решений цифровой трансформации и искусственного интеллекта.

Россия и Саудовская Аравия намерены увеличить объем торгового обмена до 5 млрд долл. США за счет либерализации взаимной торговли и преференций²⁵. Москва считает Эр-Рияд перспективным торгово-экономическим партнером, роль которого в глобальных и региональных делах неуклонно растет.

²² Ожидания 2024: усиление госвливания, рост мощностей вопреки спаду, азиатская экспансия // RUPEC. 08.01.2024. URL: <https://rupec.ru/articles/52663/> (дата обращения: 10.03.2024).

²³ Внешняя торговля Российской Федерации // Федеральная таможенная служба. URL: <https://customs.gov.ru/statistic> (дата обращения: 10.03.2024).

²⁴ РФ предложила Саудовской Аравии вместе развивать водородную энергетику // Большая Азия. 25.05.2021. URL: <https://bigasia.ru/rf-predlozila-saudovskoj-aravii-vmeste-razvivat-vodorodnuyu-energetiku/> (дата обращения: 10.03.2024).

²⁵ Москва и Эр-Рияд намерены поднять товарооборот до пяти миллиардов долларов // РИА Новости. 12.02.2023. URL: <https://ria.ru/20230212/tovarooborot-1851486847.html?ysclid=mddg2hymnp237935982> (дата обращения: 10.09.2024).

²¹ Внешняя торговля Российской Федерации // Федеральная таможенная служба. URL: <https://customs.gov.ru/statistic> (дата обращения: 10.03.2024).

Вместо заключения: есть ли перспективы?

Таким образом, Россию и Саудовскую Аравию развили стратегические и исторические связи, хотя и неоднозначные. Однако на данном историческом этапе у России и Саудовской Аравии объективно сформировался ряд взаимных интересов на различных направлениях двустороннего сотрудничества, включая торговлю. Это сотрудничество развивалось наиболее активно в последние 20 лет, значительно укрепляясь с 2014 г. в условиях все более прогрессирующей трансформации глобальной системы международных отношений в направлении отхода от практики монополярного мира. Обе стороны заинтересованы в снижении уровня глобальной нестабильности. Сложившаяся военная, геополитическая и геоэкономическая ситуация вызывает беспокойство обеих сторон и стимулирует их совместно работать в направлении снижения уровня угроз. Именно это обстоятельство побуждает Саудовскую Аравию предоставлять переговорные площадки и осуществлять посредническую деятельность в рамках урегулирования различных вопросов глобальной повестки.

Следовательно, «своевременное союзничество» с РФ обеспечивает Саудовской Аравии — в том числе посредством роста двустороннего взаимодействия — возможность укрепить свои позиции в Ближневосточном регионе и за его пределами. Для Российской Федерации сотрудничество весьма своевременно в силу осуществления Россией «поворота на Восток», в том числе на Ближний Восток, и необходимости противостоять попыткам Запада организовать изоляцию страны. Базой этого союзничества выступают общие интересы стран в нефтегазовой и других сферах, важных для обоих государств, близкие подходы к пониманию текущей геополитической и геоэкономической ситуации, а также осознание того, что имеющиеся вопросы нужно решать на основе кооперации, взаимной выгоды и прагматизма. Если говорить о «надстройке», то в XXI в. страны сформировали достаточно обширную и разностороннюю договорно-правовую основу сотрудничества. Одной из форм проявления

«своевременного союзничества» стал и рост экономического взаимодействия, в частности взаимной торговли.

В последние годы Россия и Саудовская Аравия наращивают взаимный товарооборот. Существенным успехом можно назвать увеличение объемов нефтяных поставок из России в Саудовскую Аравию. Так, две страны активно сотрудничают в области энергетики, осуществляют совместные инвестиции в нефтяную и газовую отрасли. Одновременно наблюдается рост взаимных инвестиций, особенно в сфере энергетики и сельского хозяйства. Россия и Саудовская Аравия, помимо этого, активно сотрудничают в рамках международных проектов, таких как ОПЕК+. Обе страны также проявляют интерес к расширению торговли в других секторах, таких как телекоммуникации, медицинские технологии, торговля продовольствием и т. д. Эти успехи свидетельствуют о том, что отношения между Россией и Саудовской Аравией в сфере торговли и экономического сотрудничества находятся в процессе развития и укрепления.

Помимо этих заметных последствий на страновом уровне можно отметить и вероятность активизации как внешней торговли, так и социально-экономического прогресса в отдельных регионах России в результате оживления хозяйственного взаимодействия Российской Федерации с Королевством Саудовская Аравия. Это прежде всего Татарстан, Башкортостан с их нефтеперерабатывающими мощностями, которые могут быть задействованы в поставках нефтепродуктов в КСА, Калмыкия с их сельскохозяйственными угодьями, вызывающими интерес (наряду с сельскохозяйственным потенциалом центральных регионов России) у саудовской стороны в плане возможного роста сельскохозяйственного экспорта. Хотя можно согласиться с точкой зрения, что «ускорение развития азиатской части России во многом зависит не столько от разворота внешних связей страны на Восток, сколько от более активной региональной экономической политики в Сибири и на Дальнем Востоке» (Кузнецова, Кузнецов, 2022, с. 118).

В то же время в российско-саудовской двусторонней торговле и двусторонних

экономических отношениях в целом сохраняется ряд проблем. Одной из основных из них остается конкуренция на рынке нефти при сохранении зависимости национальных экономик от мировых цен на нефть, так как обе страны — крупные производители и экспортеры нефти. Нестабильность цен на нефть может серьезно повлиять на экономику обеих стран и, как следствие, на объемы торговых потоков, в том числе и двусторонних, а конкуренция между Россией и Саудовской Аравией на рынке третьих стран может породить торговые споры и разногласия.

Кроме того, товарная структура взаимной торговли не отличается разнообразием, что может создавать риски для отношений в этой сфере в случае изменения потребностей и спроса на рынке по той незначительной товарной номенклатуре, которая торгуется между странами. Торговля остается несбалансированной по экспорту и импорту и отличается высокой волатильностью динамики, что также обеспечивает ее нестабильность.

Помимо этого, на двусторонние торгово-экономические отношения значительное влияние оказывает политический компонент, причем это касается как внешних процессов, так и воздействия со стороны отдельных акторов. Поэтому отношения развиваются в духе реализма и прагматизма, что требует от Российской Федерации более активного и последовательного продвижения своих национальных интересов.

Несмотря на эти сложности, обе страны продолжают активно развивать экономические отношения и постоянно совершенствуют свое сотрудничество в различных секторах, что может помочь преодолеть существующие проблемы и укрепить партнерство.

Как представляется, для нивелирования проблем в двусторонней торговле Россия и Саудовская Аравия могут принять следующие меры.

1. Развитие и углубление торговых отношений в направлении роста товарооборота в сегменте и товаров, и услуг может быть достигнуто путем облегчения и упрощения таможенных, технических, административных и других процедур в процессе экспорта и импорта товаров, а также посредством

активизации информационной составляющей двусторонних отношений.

2. В инвестиционной сфере Россия и Саудовская Аравия могут актуализировать двусторонние инвестиционные программы и соглашения для привлечения инвестиций из одной страны в другую, что обеспечит развитие совместных проектов и активизирует сотрудничество в различных областях, таких как энергетика, сельское хозяйство, транспорт, строительство и др.

3. Товарной диверсификации торговли может способствовать расширение ассортимента товаров в рамках двусторонней торговли. Бизнесу важно выявлять возможности, которые существуют и развиваются в обеих экономиках и могут быть востребованы на двух рынках. Здесь также должна быть задействована информационная составляющая.

4. Сотрудничество в области технологий и науки представляется одним из наиболее перспективных направлений как в сфере взаимной торговли, так и торгово-экономического сотрудничества в целом. Важно отметить динамичный рост, например, телекоммуникационного сектора Саудовской Аравии в последние годы. Ожидается, что в 2024 г. он вырастет на 6 % в годовом исчислении и может достигнуть 172 млрд саудовских риалов с дальнейшим ростом до 2029 г.²⁶ Кроме того, две страны могут поддерживать сотрудничество в области науки и технологий в рамках обмена опытом и передовыми технологиями, что будет способствовать развитию инноваций и новых перспективных проектов.

5. Валютно-финансовый сектор в условиях антироссийских санкций также представляет собой важный аспект развития двусторонней торговли. По мнению авторов, в этой сфере явно недостает институциональной, организационной, технической составляющей, а также государственной поддержки в рамках механизма государственно-частного партнерства.

6. Следует отметить и такой аспект, создающий сложности в двустороннем

²⁶ Анализ размера и доли телекоммуникационного рынка Саудовской Аравии — тенденции роста и прогнозы (2024–2029 гг.) // Mordor Intelligence. URL: <https://www.mordorintelligence.com/ru/industry-reports/saudi-arabia-telecom-market> (дата обращения: 03.03.2025).

взаимодействии, как организационно-информационный, то есть низкий уровень знания представителями бизнеса не только возможностей экономики и особенностей рынка, но и деловой этики друг друга. Преимущественно это касается российской стороны, более ориентированной на западные стандарты ведения бизнеса — скорость, четкость, «ничего личного, только бизнес». Важно слышать и понимать друг друга как на межправительственном уровне (G2G), так и на уровне бизнеса (B2B). В этой связи актуализируется значение создания, например, межстранового экспертного механизма, в том числе для выработки конкретных инициатив

и поддержки бизнеса с обеих сторон, аналитического анализа и формирования основ для взаимопонимания. Кроме того, представляется необходимым развивать российское экономическое страноведение как составную часть этого механизма.

Эти меры существенно облегчат и стимулируют рост двусторонней торговли между Россией и Саудовской Аравией и будут содействовать укреплению их сотрудничества в этой и других сферах экономического взаимодействия на основе прагматизма и взаимной выгоды, а также «своевременного союзничества» в долгосрочной перспективе.

Поступила в редакцию / Received: 31.01.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 11.04.2025

Принята к публикации / Accepted: 10.06.2025

Список литературы

- Айдрус И. А. З. Саудовская Аравия — Россия: путь в стратегическое партнерство // Россия и Азия. 2018. № 3. С. 79–80. EDN: EBNCEE
- Арапова Е. Я. Торговый поворот на Восток: куда в действительности разворачивается Россия? // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67, № 2. С. 41–51. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-2-41-51>; EDN: RZDJIF
- Асмятуллин Р. Р. Развитие экспортного потенциала аграрного сектора России в страны Персидского залива // АПК: Экономика, управление. 2024. № 4. С. 123–130. <https://doi.org/10.33305/244-123>; EDN: RIAFRY
- Варнавский В. Г. Мировая торговля: долгосрочные тренды и структурные сдвиги // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68, № 1. С. 5–18. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-1-5-18>; EDN: DYKJNG
- Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности. Совместное исследование ИМЭМО РАН и Атлантического совета : пер. с англ. / под ред. А. А. Дынкина, М. Барроуза. Москва : ИМЭМО РАН, 2016. <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0458-4>; EDN: WBVLKT
- Коданева С. И. Глобальные трансформации: хаос как основа для нового миропорядка // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15, № 6. С. 267–282. <https://doi.org/10.31249/kgt/2022.06.14>; EDN: LAETPU
- Косач Г. Г., Филоник А. О., Мелкумян Е. С. Российско-саудовское политическое взаимодействие // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 4. С. 127–138. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-4-55-127-138>; EDN: ZEYYZR
- Кузнецов В. А., Наумкин В. В. Глобальные и региональные тренды «столетия+» на Ближнем Востоке: новое прочтение // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15, № 1. С. 70–92. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-1-70-92>; EDN: LYAMXE
- Кузнецова О. В., Кузнецов А. В. Разворот России на Глобальный Юг как фактор ее регионального развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15, № 6. С. 110–130. <https://doi.org/10.31249/kgt/2022.06.06>; EDN: FILZEQ
- Науменко Т. В., Тимахов К. В. Саудовская Аравия и ее конкурентоспособность среди стран Ближневосточного региона // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 1. С. 147–167. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-1-64-147-167>; EDN: ZAVSAH
- Примаков Е. М. Ближневосточный курс России: исторические этапы // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? : сборник статей / отв. ред. В. В. Наумкин, В. В. Попов, В. А. Кузнецов. Москва : ИВ РАН, 2012. С. 21–30.
- Русакович В. И. Сельское хозяйство Султаната Оман: современные особенности и роль современных технических возможностей развития // Сегодня и завтра российской экономики. 2023. № 116. С. 52–62. EDN: MDSQTW

- Федорченко А. В. Реформирование саудовской экономики: итоги и перспективы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65, № 4. С. 92–102. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-4-92-102>; EDN: ZAHRTN
- Федорченко А. В. Россия — Саудовская Аравия: состоится ли партнерство? // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 6. С. 177–188. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.14>; EDN: RZDSZR
- Федорченко А. В. Россия — Саудовская Аравия: состояние и перспективы сотрудничества // *Международная торговля и торговая политика*. 2022. Т. 8, № 4. С. 23–34. <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2022-3-23-34>; EDN: RXITZU
- Филоник А. О., Исаев В. А., Морозов В. М. Возобновляемые источники энергии в развитии Арабского Востока (на примере становления гелиоэнергетики) // *Вестник МГИМО-Университета*. 2017. № 6. С. 143–160. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-6-57-143-160>; EDN: YMYIVD
- Хасбулатов Р. И., Бяшарова А. Р. XXI век: некоторые особенности мирового экономического развития // *Международная экономика*. 2019. № 11. С. 6–21. EDN: TQYSGB
- Чухарев А. В. Потенциальное и географическое распределение потоков российского зернового экспорта по регионам мира // *Россия и Азия*. 2024. № 1. С. 31–44. EDN: ELDLNT
- Шкваря Л. В. Внешняя торговли России со странами ССАГПЗ: динамика, характеристики и возможности // *Вестник МГИМО-Университета*. 2023. Т. 16, № 3. С. 222–243. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-3-90-222-243>; EDN: NZOYZM
- Шкваря Л. В., Фролова Е. Д. Компаративный анализ развития внешней торговли в цифровом сегменте по регионам мира // *Экономика региона*. 2022. Т. 18, № 2. С. 479–493. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-2-13>; EDN: HEMHTY
- Abdelrhman A. B., Mohamed Z. A. I., Farah A. A., Saad A. A. M. The Impact of Green Investment on Sustainable Development in Saudi Arabia // *Pakistan Journal of Life and Social Sciences*. 2024. Vol. 22, no. 2. P. 10325–10338. <https://doi.org/10.57239/PJLSS-2024-22.2.00780>; EDN: YVUZGB
- Alqedra A. Russian Foreign Policy Towards the GCC // *Uluslararası Kriz ve Siyaset Araştırmaları Dergisi*. 2022. Vol. 6, no. 1. P. 40–72. URL: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/2188654> (accessed: 10.03.2025).
- Beutel J. Economic Diversification and Sustainable Development of GCC Countries // *When Can Oil Economies Be Deemed Sustainable? The Political Economy of the Middle East* / ed. by G. Luciani, T. Moerenhout. Singapore : Palgrave Macmillan, 2021. P. 99–151. https://doi.org/10.1007/978-981-15-5728-6_6
- Bradshaw M., Van de Graaf T., Connolly R. Preparing for the New Oil Order? Saudi Arabia and Russia // *Energy Strategy Reviews*. 2019. Vol. 26. P. 1–12. <https://doi.org/10.1016/j.esr.2019.100374>; EDN: HGDAFA
- McKinney J. The Changing Global Economy: Roles of the United States and the European Union in the Evolving Context // *Economy of Regions*. 2014. No. 4. P. 57–68. EDN: TFGKLD
- Mohammed M. G. A. Analyzing GDP Growth Drivers in Saudi Arabia: Investment or Consumption: An Evidence-Based ARDL-Bound Test Approach // *Sustainability*. 2024. Vol. 16, iss. 9. P. 1–18. <https://doi.org/10.3390/su16093786>; EDN: TNYTNQ
- Shkvarya L. V., Aidrous I. A. Z., Ruzina E. I., Savinsky A. V., Rodin S. I. Development of High-Tech Segment in the GCC Region on the Example of the Aviation Component of the Kingdom of Bahrain // *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. Ser. “Workshop on Materials and Engineering in Aeronautics”. 2019. Vol. 476. P. 1–7. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/476/1/012025>; EDN: WUQJUZ
- Transformation of International Economic Relations : Modern Challenges, Risks, Opportunities and Prospects : in 3 volumes. Vol. 3 / ed. by M. Bezpartochnyi. Riga : “Landmark” SIA, 2017. URL: https://www.researchgate.net/publication/317412263_Transformation_of_international_economic_relations_modern_challenges_risks_opportunities_and_prospects_Collective_monograph_edited_by_Transformation_of_international_economic_relations_modern_challeng (accessed: 10.03.2025).
- Turning Points of World Transformation : New Trends, Challenges and Actors / ed. by M. Lebedeva, V. Morozov. Singapore : Palgrave Macmillan, 2022. <https://doi.org/10.1007/978-981-19-1758-5>
- Wang H., Wolf M. Transformations in the Global Economy // *Understanding Globalization, Global Gaps, and Power Shifts in the 21st Century* / ed. by H. Wang, L. Miao. Singapore : Palgrave Macmillan, 2022. P. 33–49. https://doi.org/10.1007/978-981-19-3846-7_3

Сведения об авторах:

Шкваря Людмила Васильевна — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова; Российская Федерация, 115054, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36; eLibrary SPIN-код: 7953-0777; ORCID: 0000-0001-6653-939X; e-mail: destard@rambler.ru

Айдрус Ирина Ахмед Зейн — кандидат экономических наук, доцент, независимый исследователь, Королевство Бахрейн, Манама; eLibrary SPIN-код: 8518-5579; ORCID 0000-0002-0382-8466; e-mail: aidrous@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-3-522-537

EDN: XZJVNV

Научная статья / Research article

Энергетическая дипломатия и формирование «экономики сопротивления» в Иране

В.И. Белов¹, С.В. Пичугин², Д.М. Ранджбар¹¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация²Компания «ОЗГЕО», Москва, Российская Федерация randzhbar_meshkin_d@pfur.ru

Аннотация. Мировой энергетический рынок переживает глубокую реструктуризацию в связи с изменением динамики экспортных и импортных потоков энергоресурсов, обусловленным развитием глобального спроса, технологическим прогрессом в производстве и значительными геополитическими изменениями. Находящийся в геополитическом нестабильном Ближневосточном регионе и строящий «экономику сопротивления» Иран, один из мировых лидеров по запасам, добыче и экспорту нефти, прилагает усилия, направленные на формирование эффективной внешней политики, призванной обеспечить геополитические и экономические интересы страны в контексте новых международных реалий. Стержнем этой политики должна стать энергетическая дипломатия. Цель исследования — выявить особенности формирования энергетической дипломатии как важного инструмента обеспечения построения «экономики сопротивления» в Иране. Показано, что энергетическая дипломатия Исламской Республики Иран складывается, прежде всего, с опорой на нефтегазовый сектор иранской экономики, что заметно актуализирует задачу изучения особенностей планирования ее развития. Методологически статья выполнена в рамках комплексного подхода к исследованию многоаспектного процесса развития нефтегазовой отрасли как одного из оснований иранской «экономики сопротивления» и формирующейся энергетической дипломатии. В центре внимания авторов — стратегическое видение руководством Ирана приоритетных задач развития нефтегазового сектора экономики в контексте достижения заявленных целей развития страны. Кроме того, проанализированы данные о производстве, экспорте и инвестициях в нефтегазовый сектор, продемонстрирована его значимость для формирования целостной стратегии экономического развития Ирана в условиях санкционного давления. Как показано в исследовании, становление энергетической дипломатии происходит в контексте усилий иранского правительства по усилению регионального лидерства Ирана. Подчеркнута нацеленность энергетической дипломатии Исламской Республики Иран на формирование новых международных партнерств и достижение глобальных инновационных энергетических решений, в том числе и с участием Российской Федерации.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран, Россия, стратегия диверсификации, целостная внешняя политика, геополитические и отраслевые интересы, нефтегазовый сектор экономики, стратегическое видение развития, международные партнерства

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Белов В.И.: концептуализация, разработка методологии исследования, работа с источниками по энергетической дипломатии, написание — редактирование рукописи, аннотация. Пичугин С.В.: геология вопроса, написание — подготовка черновика рукописи. Ранджбар Д.М.: работа с источниками, исследование и написание черновика рукописи. Все авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

© Белов В.И., Пичугин С.В., Ранджбар Д.М., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Благодарности. Исследование подготовлено в рамках Проекта № 102502-2-000 Системы грантовой поддержки научных проектов Российского университета дружбы народов (РУДН).

Для цитирования: Белов В. И., Пичугин С. В., Ранджбар Д. М. Энергетическая дипломатия и формирование «экономики сопротивления» в Иране // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 3. С. 522–537. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-522-537>

Energy Diplomacy and the Formation of a “Resistance Economy” in Iran

Vladimir I. Belov¹ , Sergey V. Pichugin² , Daniyal M. Ranjbar

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²OZGEO Company, Moscow, Russian Federation

✉ randzhbar_meshkin_d@pfur.ru

Abstract. The global energy market is undergoing profound restructuring due to changes in the dynamics of energy resource export and import flows, driven by evolving global demand, technological advancements in production, and significant geopolitical shifts. Iran, located in the geopolitically unstable Middle East and pursuing the development of a “resistance economy,” ranks among the world’s leaders in terms of oil reserves, production, and exports. In response to new international realities, the country is striving to develop an effective foreign policy aimed at safeguarding its geopolitical and economic interests. Central to this policy should be energy diplomacy. The present study aims to identify the characteristics of energy diplomacy as a key instrument in supporting the construction of a “resistance economy” in Iran. This study demonstrates that the energy diplomacy of the Islamic Republic of Iran primarily relies on its oil and gas sectors of its economy, highlighting the importance of examining the specifics of its development planning. Methodologically, the article adopts a comprehensive approach to analyzing the multifaceted process of oil and gas industry development, which constitutes one of the pillars of Iran’s “resistance economy” and its emerging energy diplomacy. The authors focus on the strategic vision of Iran’s leadership regarding priority tasks for the development of the oil and gas sector within the broader context of achieving the country’s declared development goals. Additionally, data on production, exports, and investments in the oil and gas sector are analyzed to highlight its significance in shaping a coherent strategy for Iran’s economic development under conditions of sanction pressure. The research reveals that the formation of energy diplomacy takes place within the context of the Iranian government’s efforts to strengthen the country’s regional leadership. The article emphasizes Iran’s commitment to developing new international partnerships and achieving innovative global energy solutions, including through cooperation with the Russian Federation.

Key words: Islamic Republic of Iran, Russia, diversification strategy, integrated foreign policy, geopolitical and sectoral interests, oil and gas sector of the economy, strategic vision for development, international partnerships

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors’ contributions. V.I. Belov: conceptualization, development of research methodology, work with sources on energy diplomacy, writing and editing the manuscript, annotation. S.V. Pichugin: geology of the issue, writing and preparing a draft of the manuscript. D.M. Ranjbar: work with sources, research and writing a draft of the manuscript. All authors have read and approved the final version of the article.

Acknowledgements. This study has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project No. 102502-2-000.

For citation: Belov, V. I., Pichugin, S. V., Ranjbar, D. M. (2025). Energy diplomacy and the formation of a “resistance economy” in Iran. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(3), 522–537. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-522-537>

Введение

Исторически Иран был одним из ключевых мировых производителей нефти, однако индивидуальные, региональные и

международные санкции, введенные против Ирана, оказали значительное влияние на его экономическое развитие (Ghanbarloo, 2022). Тем не менее Исламская Республика Иран

(ИРИ) продолжала осуществлять активные шаги по диверсификации своей экономики и укреплению энергетической независимости.

В историческом контексте, после Исламской революции 1979 г., Иран стремился сохранить свой суверенитет и целостность, следуя «доктрине сопротивления» аятоллы Р.М. Хомейни. Важно отметить, что внешней политикой Ирана руководит Верховный лидер (Рахбар) Исламской Республики, который подчеркивает значимость приверженности ценностям и принципам Исламской революции, а также активного сопротивления внешнему господству (Mehdipour, 2020). В условиях односторонних санкций США в отношении энергетического сектора Ирана (Belov & Ranjbar, 2023) важной вехой стало принятие в 2005 г. стратегического документа «Видение Исламской Республики на горизонте 2025 года», который ознаменовал собой намерение Ирана стать региональной державой (Полищук, 2007).

В 2013 г. в ИРИ был взят курс на построение «экономики сопротивления», нацеленной на максимальное раскрытие потенциала внутренних резервов роста реального сектора экономики¹. Фактически речь шла об опоре на внутренний рынок, где локомотивами роста должны были выступать отрасли по глубокой переработке углеводородов и другого природного сырья с ориентацией на экспорт и наукоемкие сектора промышленности (Юртаев, 2017, с. 222–223).

В этом контексте происходило становление энергетической дипломатии в Иране с опорой на нефтегазовый сектор иранской экономики, развитие которого рассматривалось как ключевой элемент устойчивого энергетического и экономического роста страны. Также важным аспектом энергетической дипломатии Ирана является ее нацеленность на создание международных партнерств в этой

сфере, особенно с незападными странами, такими как Россия (Islami, 2012, p. 191). Вместе с тем энергетическая дипломатия в Иране не есть завершенное и цельное направление иранской внешней политики. В 2020-е гг. руководство ИРИ начало рассматривать энергетическую дипломатию в контексте приоритетов формирования региональной политики Ирана, что поставило задачу совмещения отраслевых и геополитических интересов страны.

Методология исследования включает в качестве основного комплексный подход, учитывая разнообразие и многофакторный характер изучаемых сюжетов, а также необходимость анализа текущего состояния и перспектив развития нефтегазового сектора как одного из оснований построения «экономики сопротивления» и формирующейся энергетической дипломатии Ирана. В рамках проблемно-хронологического подхода и метода сравнительного анализа в исследовании на основе изучения данных о производстве, экспорте и инвестициях выявлена взаимосвязанность международных санкций и политических решений, что оказывает определяющее влияние на развитие нефтегазового сектора экономики Ирана и формирование энергетической дипломатии ИРИ.

Определение понятия «энергетическая дипломатия» в научной литературе пока не устоялось. Российские ученые предложили понимать под энергетической дипломатией практическую деятельность внешнеполитических, внешнеэкономических и энергетических ведомств совместно с национальными компаниями по осуществлению внешней энергетической политики, направленной на защиту и отстаивание национальных интересов в области производства, транспортировки и потребления энергоресурсов². В трактовке

¹ Matne kamele sohanone Hassan Rouhani dar goftogoe vije habary shabkee do cima. 1392, 7 hordad [Рухани Х. Выступления. Полный текст] // IRIB News Agency. May 28, 2014. (На персидском языке). URL: <https://web.archive.org/web/20130805120122/http://www.iribnews.ir/NewsText.aspx?ID=1956802> (accessed: 04.07.2025).

² В этом случае энергетическая дипломатия признается в качестве функционального направления дипломатии, связанного с обеспечением энергетической безопасности. К сфере энергетической дипломатии отнесены проблемы международного транзита, урегулирования территориальных споров между странами по поводу смежных районов, богатых энергетическими ресурсами, разграничения прав на морские месторож-

иранских ученых «энергетическая дипломатия — это практическая деятельность внешнеполитических, внешнеэкономических и энергетических ведомств, в ряде случаев совместно с компаниями, по осуществлению внешней политики страны в области энергетики». Энергетическая дипломатия призвана обеспечивать взаимодействие, направленное на долгосрочную перспективу и стратегическое расширение международного сотрудничества в энергетической сфере, выступая в качестве инструмента по поощрению и поддержке многосторонних инвестиций в области производства и торговли в рамках международного сотрудничества (Эбрахимторкман, 2024, с. 17).

В исследовании подчеркивается важнейшая роль энергетической дипломатии в формировании в Иране целостной стратегии экономического развития, в которой особое внимание уделяется аспекту налаживания международных партнерских отношений, что позволит вывести Иран на передовые позиции в области глобальных инновационных энергетических решений и будет способствовать экономическому росту и стабильности в Юго-Западной Азии.

Особое внимание уделено рассмотрению стратегических решений, направленных на повышение эффективности и устойчивости нефтегазового сектора, расширение возможностей для международного сотрудничества, снижение зависимости экономики Ирана от нефтяных доходов за счет увеличения добавленной стоимости и внедрения инновационных технологий. Как отмечено в исследовании, энергетическое сотрудничество Ирана с Россией может стать катализатором экономического роста и стабильности в регионе. В свою очередь, развитие стратегического диалога между Ираном и Россией в нефтегазовой сфере знаменует собой заметный сдвиг

дения, занимается проблемами инвестиций и развития крупных энергетических проектов и др. См.: Кривошапка И. Энергетическая дипломатия: важнейший инструмент политики или новые технологии мирового господства? // *Энергетика и промышленность России*. 2016 (май). № 08 (293). URL: <https://www.eprussia.ru/epr/293/3973053.htm> (дата обращения: 04.07.2025).

в сторону создания многополярного энергетического мира. Этот переход способен изменить конфигурацию глобальных альянсов и энергетической политики, тем самым оказывая влияние на глобальную энергетическую безопасность и геополитику в долгосрочной перспективе.

Международное позиционирование и стратегия развития Ирана

Ключевые стратегические вызовы ИРИ сосредоточены вокруг вопроса о ее сохранении «как суверенного и целостного исламского государства, одного из естественных лидеров возможной исламской интеграции» (Лунев, Юртаев, 2022, с. 184). Прошло 18 лет с момента принятия в 2005 г. важнейшего перспективного стратегического документа в истории ИРИ — «Видения Исламской Республики на горизонте 2025 года»³. Принятие столь важного и амбициозного по масштабу поставленных задач стратегического плана в качестве главной цели преследовало превращение Ирана в мощную региональную державу с претензиями на роль лидера мира ислама (Юртаев, 2009). В соответствии с этой целью к 2025 г. Иран должен был войти в число развитых государств мира, став первым номером в списке государств Юго-Западной Азии по экономической, научной и технологической мощи⁴. Одновременно иранские стратеги подтвердили свою приверженность сохранению исламского строя в стране на принципах победившей в Иране в 1979 г.

³ Matn sand nahaayi cheshm andaaz 20 saaleh jomhoori eslaami iraan [Окончательный текст документа «20-летняя перспектива развития Исламской Республики Иран»] // Isfahan University of Technology. (На персидском языке). URL: <https://fav.iut.ac.ir/sites/fav/files/Files/SanadeCheshmandaz20Sale.pdf> (accessed: 04.07.2025). Более детально планирование осуществлялось на 5-летние периоды (2006–2010, 2011–2015, 2016–2020, 2021–2025 гг.). См.: (Razavi & Pirani, 2022, pp. 174–176).

⁴ Cheshm andaaze jomhuri eslami iran dar ofogh 1404 hejri shamsi [Видение Исламской Республики Иран на горизонте 2025 г.] // Meybod University. (На персидском языке). URL: https://meybod.ac.ir/userfiles/academic_research/files/academic_research_32.pdf (accessed: 05.06.2025).

Исламской революции, нацеленной на формирование мировой Уммы (*Rax Umma Islami-ca*). На современном, втором этапе исламской революции, который продолжается с 2019 г., одним из высших приоритетов Ирана является продвижение паншиитского проекта *Rax Umma Islami-ca* в Юго-Западной Азии (Лунев, Юртаев, 2022, с. 177; Мостаджеран, Габдуллин, Рожено, 2023, с. 230–231).

Следует отметить, что реальное воплощение в жизнь поставленных целей оказалось трудновыполнимой задачей. Уже в ходе первой пятилетки иранскому правительству не удалось достичь каких-либо прорывов, что во многом было связано с общемировым кризисом и последовавшей финансово-экономической рецессией. Серьезное сдерживающее влияние оказывала, безусловно, санкционная политика западных стран, в особенности — односторонние санкции США, Евросоюза и Японии (Sadeghi, Firoozabadi Dehghani & Ajili, 2018, p. 95). Так, например, только из-за воздействия американских санкций с 2018 по 2021 г. ИРИ потеряла 1 трлн долл. США, в том числе 100 млрд долл. США — от нефтяной блокады⁵. В результате Иран, одно из ключевых государств Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК), столкнулся с тем, что его энергетическая промышленность испытывала недостаток инвестиций из-за все новых пакетов антииранских санкций, в то время как экспорт иранской сырой нефти был ограничен политикой максимального давления на Иран со стороны США при президенте Д. Трампе (Мамедова, 2023; Karimipour, 2021). В условиях нарастающего санкционного давления 5 сентября 2013 г. рахбар ИРИ аятолла Али Хаменеи призвал правительство к построению «экономики сопротивления», чтобы отреагировать на санкционное и внешнеполитическое давление⁶.

⁵ Smith G. Iran Oil Exports Creep Up as Trump's Maximum Pressure Fades // Bloomberg. January 25, 2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-01-25/iran-oil-exports-creep-higher-as-trump-s-maximum-pressure-fades> (accessed: 15.06.2025).

⁶ Farhange eghtesade moghavemati dar bayanat rahbare moazzame enghelabe eslami [Культура экономики сопротивления в речах Верховного лидера Исламской

Стратегия развития нефтяного сектора Ирана и позиция А. Хаменеи

В серии своих выступлений в 2013–2016 гг. рахбар ИРИ А. Хаменеи сформулировал детальный подход к развитию нефтяной промышленности страны, подчеркнув необходимость соблюдения принципов экономической диверсификации и устойчивости. Этот подход свидетельствовал о стратегической трансформации взглядов высшего руководства Ирана на развитие нефтяного потенциала страны. 5 сентября 2013 г. в своей речи А. Хаменеи заявлял о неприемлемости уязвимости иранской экономики из-за ее сильной зависимости от нефти и возрастающих вследствие внешнего санкционного давления экономических трудностях (Naserpoor & Fazlolahtabar, 2021, p. 68).

18 февраля 2014 г. были официально обнародованы «Основы политики экономики сопротивления», в рамках которой ставились задачи наращивания стратегических запасов нефти и газа (п. 14) и повышения добавленной стоимости за счет завершения цепочки создания стоимости в нефтегазовой отрасли (п. 15)⁷. 20 февраля 2014 г. А. Хаменеи указал на критическую проблему нефтяной зависимости как седьмой основной фактор при выстраивании «экономики сопротивления» в Иране⁸. 14 июня 2016 г. он отметил значимость высокого уровня добычи и экспорта нефти для экономики и подчеркнул необходимость преобразования нефти и газа в более ценные сырьевые товары. «Экономику нефти и рантье требуется изменить на экономику производительную и народную», — подчеркнул рахбар ИРИ на встрече с правительством 26 августа 2017 г.⁹

революции] // Khamenei.ir. 2014. (На персидском языке). URL: <https://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=25365> (accessed: 04.07.2025).

⁷ Ibid.

⁸ Leader's Speech on the Economy of Resistance in Meeting with Officials and Business Community // Khamenei.ir. March 11, 2014. URL: <https://english.khamenei.ir/news/1882/Leader-s-Speech-on-the-Economy-of-Resistance-in-Meeting-with> (accessed: 04.07.2025).

⁹ Economic Orientation of Iran Must Divert from an Oil Economy: Ayatollah Khamenei // Khamenei.ir.

В Национальном стратегическом энергетическом документе (принят 22 июня 2017 г.) была впервые определена стратегия действий ИРИ в нефтегазовом секторе, которая была направлена на оптимизацию операций и повышение общей эффективности в нефтегазовом секторе путем сосредоточения внимания на модернизации инфраструктуры и передовых технологиях. Подчеркивалось, что все установки Стратегии соотнесены с международными стандартами и указаниями рахбара ИРИ. Отмечалась также экологическая направленность документа, закреплявшего приоритетность устойчивого развития с тем, чтобы Иран, минимизируя воздействие на окружающую среду, внес свой вклад в глобальные усилия по достижению «более зеленого энергетического будущего». Особо подчеркивалась важность формирования международных партнерств и привлечения иностранных инвестиций не только для развития национальной экономики, но и для диверсификации и усиления роли Ирана на мировом энергетическом рынке. Этот комплексный подход, как ожидалось, должен был обеспечить устойчивость и долговременную конкурентоспособность нефтегазового сектора ИРИ¹⁰. Разработанный в Иране новый подход к нефтяным ресурсам означал не только осознание ограниченности нефтяных ресурсов, но и в более широком смысле — понимание неизбежности глобального сдвига к устойчивой энергетике.

В 2019 г. зависимость экономики Ирана от нефти была признана А. Хаменеи одним из ее самых «важных недостатков». Об этом он заявил 11 февраля 2019 г., выступая с речью по случаю 40-летия ИРИ. В этом ставшем известным под названием «Второй шаг» программном обращении к иранскому народу

August 26, 2017. URL: <https://english.khamenei.ir/news/5082/Economic-orientation-of-Iran-must-divert-from-an-oil-economy> (accessed: 04.06.2025).

¹⁰ Sanade melli rahbord energy keshvar mosavabe 4/22/2016 heyatte vaziran [Документ Национальной энергетической стратегии страны, утвержденный 4/22/2016 Кабинетом министров, 1-е издание]. 2017. (На персидском языке). URL: https://drive.google.com/file/d/1_sKI0SIJpLNLHj_320rCLUrKErWeQqe/view?usp=sharing (accessed: 06.06.2025).

А. Хаменеи отметил, что завершился этап, начатый в 1979 г., и Исламская революция вошла в свой второй этап — «саморазвития, формирования социума и цивилизационного строительства» — на пути «к великой цели, которая состоит в создании новой исламской цивилизации»¹¹. Опираясь на стратегическое видение, сформулированное в выступлениях рахбара ИРИ, была разработана программа действий, включающая ряд целенаправленных инициатив по расширению позиций Ирана на мировом энергетическом рынке (энергетическая дипломатия) с опорой на его региональные преимущества (геополитика) при внимании к обеспечению внутренних потребностей (экономика) (Ashrafi & Rouhani, 2021, p. 137).

В целом разработанная в Иране энергетическая политика, к реализации которой в нефтегазовом секторе призвал рахбар ИРИ, предполагает:

- расширение разведки нефти и газа и полное знание ресурсов страны;

- увеличение мощностей по добыче нефти пропорционально существующим запасам и растущей экономической мощи, безопасности и политической мощи страны;

- увеличение мощностей добычи газа пропорционально запасам страны для обеспечения внутреннего потребления и максимального замещения нефтепродуктов;

- расширение фундаментальных и опытно-конструкторских исследований и подготовки рабочей силы, а также усилия по созданию центра для импорта и экспорта энергетических технических знаний и услуг на международном уровне и продвижения технологий в сфере ресурсов, нефти, газа и нефтехимической отрасли;

- реализацию усилий для привлечения необходимых финансовых ресурсов (внутренних и иностранных) в сфере добычи нефти и газа в разрешенных законом отраслях;

¹¹ Bayaniye jame dovome enghelab khatab be melate iran [Заявление Второй шаг революции, обращенное к народу Ирана] // Khamenei.ir. February 11, 2019. (На персидском языке). URL: <https://farsi.khamenei.ir/message-content?id=41673> (accessed: 06.06.2025).

- использование регионального и географического положения страны для покупки, продажи, переработки, обмена и транспортировки региональной нефти и газа на внутренние и мировые рынки;

- оптимизацию потребления и снижение энергоемкости;

- замещение доходов от экспорта нефти и газа доходами от экспорта нефтехимической продукции¹².

В 2021 г. был сформирован Стратегический подход иранского правительства к нефтяному сектору, изложенный в отчете за 2022 г. о деятельности 13-го правительства в части Министерства нефти. Этот перспективный документ выдвигает на первый план следующие важнейшие области долгосрочного планирования и фиксирует текущие достижения Ирана.

1. *Стратегическое развитие и повышение эффективности нефтяного сектора*: усилена роль правительства в стратегическом планировании и развитии нефтяного сектора на основе комплексного подхода к его модернизации и адаптации к мировым энергетическим тенденциям, что придает ему большую организационную эффективность и результативность.

2. *Значительный финансовый вклад в бюджет и показатели экспорта*: 1400-й (2021/2022) финансовый год ознаменовался выдающимися достижениями в финансовых показателях: вклад нефтехимического сектора в экспорт составил около 14,3 млрд долл. США. Это указывает на мощный экспортный потенциал и существенный вклад в удовлетворение потребностей страны в валюте (около 24 %).

3. *Диверсификация продукции и увеличение мощностей*: внедрение в производство 20 новых видов продукции и заметное внимание к увеличению номинальной мощности, а также ноу-хау по переработке метанола

в пропилен отражают стратегический шаг в сторону диверсификации. Это предполагает переход от традиционных нефтепродуктов к производным продуктам с более высокой добавленной стоимостью, что соответствует требованиям мирового рынка.

4. *Эффективное управление и мониторинг экспорта*: создание специальной группы мониторинга для управления экспортом нефтехимии и связанными с ним поступлениями в иностранной валюте подчеркнуло строгий подход к управлению экспортом. Это имеет решающее значение для перенаправления получаемых значительных доходов в национальную экономику.

5. *Инновационный финансовый менеджмент и использование бартерной системы*: умелое решение правительством финансовых вопросов, включая содействие погашению финансовых обязательств и внедрение бартерной системы для нефтехимической продукции, демонстрирует инновационные стратегии финансового управления в нефтяном секторе. Эти стратегии особенно важны для продуктов, не приносящих доход непосредственно в иностранной валюте¹³.

В отчете освещались также важные проекты и подчеркивалась приверженность правительства расширению нефтехимического производства за счет реализации таких проектов, как «Ибн Сина Петрокемикл» и «Арья Полимер Хомейн Полипропилен». Одновременно правительство сделало упор на диверсификацию нефтехимической продукции, как это видно на примере проекта *Arta Energy*, который ориентирован на производство, в том числе карбамидоформальдегида и меламиноформальдегида. Эта стратегия диверсификации направлена на расширение цепочки создания стоимости и удовлетворение разнообразных потребностей рынка как внутри страны, так и за ее пределами. Отмечены уси-

¹² Gozaresh-e amalkarde yek sale vezarate nafte dolate sizdahom [Годовой отчет о работе Министерства нефти 13-го правительства]. 2021. Р. 56. (На персидском языке). URL: https://drive.google.com/file/d/1nnTxQBPGN_Cv421wd_Q1YtMC8FL47VQA/view?usp=sharing (accessed: 01.07.2025).

¹³ Khabar dar neshaste shanghai: Iran baraye ijade yek koridore teranziti faragit jahate etesale azaye shanghai amadegi darad [Информатор на встрече в Шанхае: Иран готов создать всеохватывающий транзитный коридор для соединения участников Шанхая] // Tabnak. October 26, 2023. (На персидском языке). URL: <https://www.tabnak.ir/0052Mx> (accessed: 01.07.2025).

лия по улучшению логистической инфраструктуры, включая реконструкцию портов в Асалуе и Махшахре и создание новых доков под экспорт нефтехимической продукции. Отмеченные направления деятельности позволяют увидеть комплексность подхода к развитию и усилению международной конкурентоспособности нефтяного сектора, обеспечивающего значительный и устойчивый вклад в национальную экономику посредством диверсификации, наращивания потенциала, эффективного финансового управления, развития нефтехимической инфраструктуры и производственных мощностей¹⁴.

Представленный президентом ИРИ И. Раиси иранскому Меджлису (парламенту) проект бюджета на 1401 г. по иранскому календарю (март 2022 — март 2023) свидетельствует, что Тегеран не рассчитывает на позитивное решение проблемы Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД), связанной с возможностью его возобновления, и строит свои финансовые планы в основном на противодействии санкциям США. Проект бюджета базируется на цене на нефть в 60 долл. США за баррель. Для сравнения в 2021–2022 гг. бюджетный план был составлен из расчета цен на нефть в районе 40 долл. США за баррель. Согласно проектному документу, в 2023 г. ИРИ планировала продавать за рубеж порядка 1,5 млн барр./сутки, однако санкции со стороны США помешали иранским властям осуществить задуманное — объем поставок оказался менее 1 млн барр./сутки (Karimipoor, 2022, p. 43). Несмотря на сохраняющееся давление со стороны внешних ограничений, Тегеран продолжил прилагать усилия по диверсификации своих нефтяных рынков сбыта, усиливая связи с такими странами, как Китай, Индия и некоторые государства Африки и Латинской Америки.

¹⁴ Khabar dar neshaste shanghai: Iran baraye ijade yek koridore teranziti faragit jahate etesale azaye shanghai amadegi darad [Информатор на встрече в Шанхае: Иран готов создать всеохватывающий транзитный коридор для соединения участников Шанхая] // Tabnak. October 26, 2023. (На персидском языке). URL: <https://www.tabnak.ir/0052Mx> (accessed: 01.07.2025).

Однако, согласно программе Министерства нефти 14-го правительства, опубликованной 31 июля 2024 г. (10 мая 1403 г. по иранскому календарю), экспорт нефти Ирана на период до 30 июня 2024 г. (10 апреля 1403 г. по иранскому календарю) составил 1 547 000 баррелей в сутки¹⁵, что свидетельствует о достижении намеченных целевых показателей с некоторым опозданием. Этот результат указывает на постепенную стабилизацию экспорта иранской нефти, несмотря на сложную международную обстановку и устойчивость экономической стратегии страны в условиях санкционного давления.

Энергетическая дипломатия

Становление энергетической дипломатии как направления деятельности в рамках официальной дипломатии Исламской Республики Иран пришлось на конец 1990-х гг., однако полноценного каркаса для ее эффективного функционирования не было создано вплоть до 2020-х гг. (подробнее. см.: (Белов, 2024, с. 77–81; Puraahmady & Zulfiquari, 2010; Kipoor & Izadi, 2010)). Иранская энергетическая дипломатия направлена на достижение посредством международного взаимодействия двух целей — отраслевой и общеполитической (Hosseini Adeli, 2010, p. 59) и формируется в рамках взаимодействия Министерства иностранных дел (в части международного обеспечения внешнеэкономической деятельности, включая информационные и политические аспекты) с профильными иранскими компаниями, однако решающее слово остается за Министерством нефти ИРИ (Ajili & Askari Vajedi Roshan, 2014, p. 101). Фактически иранские МИД и Министерство нефти параллельно реализуют две логики целеполагания (исходя из функциональной ответственности) — обеспечения национальных (геополитических) и ценовых (экономических) интересов страны соответственно,

¹⁵ Barname vazarate nafte dolate chahardahom (1403–1407) [Программа министерства нефти 14-го правительства (2024–2028)]. 2024. Р. 5. (На персидском языке). URL: <https://media.shana.ir/d/2024/08/15/0/439488.pdf?ts=1723733927000> (accessed: 04.06.2025).

а позиция государства формируется в зависимости от баланса ведомственных потенциалов (Белов, 2024, с. 78).

В 1980–2010-е гг. Иран решал приоритетную задачу прорыва международной изоляции и преодоления санкционного давления, поэтому позиционирование страны на мировом энергетическом рынке рассматривалось иранским руководством сквозь призму геополитических интересов ИРИ и ее влияния в регионе Юго-Западной Азии и в мире в целом (Ghanbari, 2018). С 2020 г. отмечается стремление к достижению большей взаимосвязанности сфер внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности в рамках целостной стратегии действий по продвижению национальных интересов ИРИ в мире (Razavi, 2022, р. 228). Возможным путем повышения эффективности энергетической дипломатии является создание межведомственной комиссии по вопросам энергетической дипломатии с участием МИД, Министерства нефти, Министерства экономики и финансов, а также Министерства промышленности, рудников и торговли ИРИ (Баскаков, Крылов, 2023).

Среди отраслевых целей значимым признается создание условий для становления ИРИ в качестве лидера глобальных инновационных энергетических решений: обеспечение нового баланса между традиционным экспортом нефти и инновационными энергетическими решениями, привлечение технологических инвестиций и обеспечение сдвига в профиле экспорта энергии. Иран нацелен на формирование сбалансированного энергетического рынка в Юго-Западной Азии и в сопряженных регионах, что в ситуации глобальной неопределенности делает Иран значимым элементом формируемой новой системы глобальной энергетической безопасности¹⁶. В этой логике энергетическая

дипломатия может «выйти из тени» и стать общенациональной стратегией действий, но пока данный процесс остается латентным, что во многом связано с нерешенностью проблемы межведомственной разобщенности и сложных переплетений связей и интересов вовлеченных в энергетическую дипломатию структур (Kiroog & Izadi, 2010, р. 151).

В контексте развития энергетической дипломатии следует отметить инициативу Ирана по созданию регионального хаба «Шанхайская энергетика» (2023) в целях торговли, обмена энергией и обеспечения энергетической безопасности, включая ископаемое топливо, электро- и возобновляемую энергию, и проект фонда для совместного финансирования нефтехимических проектов. Также Иран выразил свою готовность стать центром по оказанию инженерно-технических услуг и производства оборудования для нефтяной, газовой и нефтехимической сферы¹⁷.

В 2013 г. иранские эксперты рассматривали различные сценарии добычи и потребления нефти в стране. Например, в оптимистическом сценарии, предложенном Исследовательским центром Меджлиса ИРИ, предполагались ежегодные инвестиции в размере 4,5 млрд долл. США в разведку и разработку нефтяных месторождений, чтобы избежать снижения экспорта. Эксперты отметили, что лучший подход для Ирана — это развитие внутренней энергетической и ненефтяной экономики и увеличение экспорта нефти (Abbaszadeh et al., 2013). Добыча нефти в 2022 г. (последние имеющиеся данные) выросла до 3,82 млн барр./сутки, что обеспечило по результатам года добычу в объеме 176,5 млн т¹⁸. Однако в последующие годы Иран столкнулся с рядом вызовов, связанных как с внешними санкционными ограничениями, так и с необходимостью модернизации нефтедобывающей инфраструктуры. Реальность такова, что иранские нефтеперерабатывающие заводы все еще неспособны

¹⁶ Pirzade A. Iran va diplomasi enerjhi [Иран и энергетическая дипломатия] // Iranian Diplomacy. October 15, 2024. (На персидском языке). URL: <http://www.irdiplomacy.ir/fa/news/2028783/%D8%A7%D8%B8%D8%B1%D8%A7%D9%86-%D9%88-%D8%AF%DB%8C%D9%BE%D9%84%D9%85%D8%A7%D8%B3%DB%8C-%D8%A7%D9%86%D8%B1%DA%98%D8%B8C> (accessed: 14.06.2024).

¹⁷ Нефтяной экспорт Ирана побил пятилетний рекорд // Neftegaz.RU. 06.07.2023. URL: <https://neftgaz.ru/news/Trading/786111-neftyanyoy-eksport-irana-pobil-pyatiletniy-rekord/> (дата обращения: 21.12.2023).

¹⁸ Там же.

удовлетворить внутренние потребности. Поэтому прежде, чем планировать оптимальное использование нефтепродуктов, необходимо достичь идеального уровня добычи нефти в Иране (Razavi, 2022, p. 231). В процессе оптимизации добычи нефти решающим фактором могут стать инвестиции. В 2011 г. предполагаемый объем необходимых инвестиций в нефтяную отрасль к горизонту 2025 г. оценивался в сумму более 500 млрд долл. США, 70 % которых (350 млрд долл. США) планировалось получить за счет иностранных инвестиций (Abbaszadeh et al., 2013, p. 621).

Нефтяной экспорт как основа экономики Ирана

Национальная иранская нефтяная компания (НИНК, NIOC) — государственный национальный производитель и дистрибьютор нефти и природного газа, находящийся в подчинении Министерства нефти и газа Ирана, была основана в 1948 г. НИНК занимает второе место в мире по величине нефтяной компании после государственной компании Саудовской Аравии *Saudi Aramco*. НИНК несет исключительную ответственность за разведку, бурение, добычу, распределение и экспорт сырой нефти, а также разведку, добычу и продажу природного газа и сжиженного природного газа (СПГ) (Saeedi, 2020, p. 9). Компания экспортирует излишки продукции в соответствии с коммерческими соображениями, установленными ОПЕК, и по ценам, преобладающим на международных рынках. С целью развития инвестиций в нефтегазовую отрасль Ирана НИНК создает совместные предприятия с ведущими нефтегазовыми корпорациями мира: *Shell*, *Total*, *Eni*, *PETRONAS*, Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (*China National Petroleum Corporation*, CNPC)¹⁹.

Иран является одним из основателей ОПЕК и ключевым игроком на мировом

нефтяном рынке. Рост добычи нефти в Иране не ограничен квотами ОПЕК, и в ноябре 2023 г. добыча достигла 3,1 млн барр./сутки²⁰. Как уже отмечалось, в настоящее время Исламская Республика Иран находится под санкциями США, и это обстоятельство обуславливает отсутствие квоты для Ирана. Несмотря на ограничения, Иран продолжает направлять бюджетные средства в нефтяной сектор — как в проекты по разработке месторождений, так и в нефтехимическую промышленность, и таким образом Иран наряду с другими членами ОПЕК продолжает обеспечивать стабильные и надежные поставки нефти потребителям по всему миру (Hafner, Raimondi & Bonometti, 2023, p. 71). С мая по ноябрь 2023 г. Иран нарастил добычу нефти на 421 тыс. барр./сутки²¹, что свидетельствовало о последовательных усилиях страны по восстановлению и развитию нефтедобывающего сектора в условиях сохраняющихся внешних ограничений.

Следует отметить, что 30 июня 2024 г. (10 апреля 1403 г. по иранскому календарю), согласно отчету Министерства нефти правительства М. Пезешкиана, добыча нефти составляла 3,4 млн барр./сутки²², что может рассматриваться как признак относительной стабильности отрасли и постепенного восстановления уровня добычи после периода спада, связанного с политической и экономической неопределенностью. Этот показатель также свидетельствовал о том, что страна продолжила движение в направлении реализации своих нефтегазовых целей, несмотря на сохраняющиеся внешние вызовы.

²⁰ Экспорт нефти из Ирана // Tadviser. 2023. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Экспорт_нефти_из_Ирана?ysclid=lq25lxvbm426253617 (дата обращения: 21.12.2023).

²¹ ОПЕК 4-й месяц подряд не меняет прогноз по росту спроса на нефть в мире в 2023 г. // Neftegaz.RU. 14.06.2023. URL: <https://neftegaz.ru/news/finance/783314-opek-4-y-mesyats-podryad-ne-menyat-prognoz-po-rostu-sprosa-na-neft-v-mire-v-2023-g/> (дата обращения: 04.06.2025).

²² Barname vazarate nafte dolate chahardahom (1403–1407) [Программа министерства нефти 14-го правительства (2024–2028)]. 2024. P. 5. (На персидском языке). URL: <https://media.shana.ir/d/2024/08/15/0/439488.pdf?ts=1723733927000> (accessed: 04.06.2025).

¹⁹ Szczesniak P. A. The Mineral Industry of Iran // 2019 Minerals Yearbook : Iran [Advance Release]. U.S. Department of the Interior U.S. Geological Survey. July 2023. URL: <https://pubs.usgs.gov/myb/vol3/2019/myb3-2019-iran.pdf> (accessed: 21.12.2023).

Статистика добычи по годам (в 2012–2022 гг.) изменялась в диапазоне от 144,4 млн т в 2020 г. (минимальное значение) до 231,9 млн т в 2017 г. (максимальное значение), основными причинами спада добычи в этот период выступали пандемия коронавируса и санкции²³.

Нефтяной экспорт из Ирана в мае-июне 2023 г. достиг 1,6 млн барр./сутки, что более чем вдвое превышает уровень этого же периода 2022 г. Максимально экспорт вырос в августе до 1,8 млн барр./сутки. Минимальные объемы наблюдались в феврале-марте 2023 г. и составляли по 1,3 млн барр./сутки²⁴. Однако статистика показывает, что даже при наличии в 2024 г. внутренних трудностей, включая трагическую аварию, в которой погиб президент Э. Раиси, а также продолжающегося внешнего давления и санкций, нефтяной экспорт Ирана на период до 30 июня 2024 г. (10 апреля 1403 г. по иранскому календарю) составил 1 547 000 баррелей в сутки²⁵. Это свидетельствует о том, что страна сохраняет устойчивость своего нефтяного сектора, демонстрируя способность к восстановлению и развитию даже в условиях политической нестабильности и усиленного международного противодействия.

К концу 2023 г. потоки иранской нефти сократились. Основным импортером стал Китай. В мае 2023 г. Пекин напрямую импортировал 359 тыс. барр./сутки иранской нефти, что практически на 100 тыс. барр. больше, чем в мае 2022 г. Однако информированные источники в отрасли отмечают, что фактические объемы экспорта нефти из Ирана в Китай намного выше, поскольку официальная статистика не учитывает транзит нефти через другие азиатские и ближневосточные

страны²⁶. Китай, Индия, Сирия и Венесуэла не соблюдают санкции США в отношении нефтяной отрасли Ирана, к ним также могут присоединиться ряд стран Латинской Америки и Африки. Иран в состоянии быстро нарастить экспорт нефти и конденсата до 3 млн барр./сутки, однако для увеличения объемов импорта пока не существует производственных возможностей²⁷.

Около 40 % дохода Ирана зависит от нефти. В некоторые годы доля дохода составляла 50 %. Строительство различных по мощности нефтеперерабатывающих и нефтехимических заводов стало эффективным средством для противодействия «нефтяным» санкциям. Если в 2007–2008 г., то есть до введения международного режима санкций, но с санкциями, которые были введены США, доля сырой нефти в общей сумме экспорта составляла 86,5 %, то в 2020–2021 г. — снизилась более чем вдвое, до 42,2 %. При этом удельный вес нефтяной отрасли в валовом внутреннем продукте (ВВП) хотя и уменьшился, но незначительно — с 10 до 8,6 %, а в ненефтяном экспорте в 2018–2019 г. нефтепродукты занимали более 52 % (Баскаков, Крылов, 2023, с. 50–51).

Для расширения экспорта нефти и преодоления эмбарго в Иране созданы три консорциума, которые включают до 250 частных местных компаний. В апреле 2013 г. парламент ИРИ одобрил законопроект, разрешающий частному сектору продавать до 20 % от общего объема экспорта нефти страны, что составляет около 400 тыс.

²⁶ Умаров Т. Дружба за влияние. Как Россия и Китай уживаются в Центральной Азии. Вашингтон: Фонд Карнеги за международный мир*, 2024. URL: https://carnegie-production-assets.s3.amazonaws.com/static/files/Umarov_China%20Russia%20Central%20Asia-RU-2.pdf (дата обращения: 12.12.2024).

*Деятельность международной неправительственной организации «Фонд Карнеги за международный мир» признана нежелательной на территории Российской Федерации (*Прим. ред.*).

²⁷ Bahrami A. Shahkare diplomaciye enerzhiye dolate raeisi [Шедевр энергетической дипломатии правительства президента] // Tahririeh Studies Institute. 2023. (На персидском языке). URL: www.tahririeh.com/news/25793/ (accessed: 04.07.2024).

²³ Рассчитано В.И. Беловым.

²⁴ World Energy Review 2023 // Eni. URL: https://www.eni.com/assets/documents/eng/topic/global-energy-scenarios/world-energy-review/2023/WER_2023.pdf (accessed: 21.12.2023).

²⁵ Barname vazarate nafte dolate chahardahom (1403–1407) [Программа министерства нефти 14-го правительства (2024–2028)]. 2024. Р. 5. (На персидском языке). URL: <https://media.shana.ir/d/2024/08/15/0/439488.pdf?ts=1723733927000> (accessed: 04.06.2025).

баррелей в сутки. Согласно существующему соглашению между Министерством нефти Ирана и Союзом экспортеров нефти, нефтепродуктов и газа, союз должен искать рынки сбыта, которые не охвачены министерством²⁸.

В Иране работают 9 крупных государственных нефтехимических заводов — в Абадане, Исфахане, Бендер-Аббасе, Тегеране, Араке, Тебризе, Ширазе, Керманшахе и Лаване. Заводы производят газولين (33,9 %), мазут, бензин (27,8 %), керосин, сжиженный газ (2,1 %) и другую продукцию (3,2 %). По данным *National Iranian Oil Refining and Distribution Company (NIORDC)*, входящей в состав Министерства нефти Ирана, мощности крупнейших НПЗ составляют: в г. Абадан — 400 тыс. барр./сутки, в г. Бендер-Аббас — 340 тыс. барр./сутки, в г. Исфахан — 375 тыс. барр./сутки, в г. Тегеран — 250 тыс. барр./сутки, в г. Тебриз — 110 тыс. барр./сутки и в г. Арак — 250 тыс. барр./сутки²⁹.

Планируется увеличить выпуск нефтехимической продукции к 2026 г. до 133 млн т (что соответствует около 30 млрд долл. США в денежном эквиваленте), в том числе за счет увеличения производства этана на осваиваемых новых фазах месторождения «Южный Парс» и более активной переработки попутного газа. В планах Ирана – построить не менее 8 новых нефтеперерабатывающих заводов и нарастить мощности по переработке нефти с 2,2 млн до 3,5 млн барр./сутки, что позволит увеличить выпуск нефтехимической продукции с 90 до 100 млн т. Строительство и модернизация нефтехимических предприятий осуществляется в рамках программы «второго скачка» развития нефтехимии³⁰.

²⁸ Asali M. Karname dolate Rouhani dar diplomasiye enerzhiye naft [Эффективность администрации Рухани в нефтяной энергетической дипломатии] // *Darayan*. 2016. Р. 1–5. (На персидском языке). URL: <https://daraian.com/fa/govern/8570> (accessed: 30.06.2024).

²⁹ Экспорт нефти из Ирана // *Tadviser*. 2023. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Экспорт_нефти_из_Ирана?ysclid=lq25lxvmb426253617 (дата обращения: 21.12.2023).

³⁰ Нефтеперерабатывающие мощности Ирана вырастут на 50% за следующие 3–4 года // *Neftegaz.RU*.

Инвестиции в нефтегазовую отрасль

Себестоимость иранской нефти составляет 10–12,6 долл. США за баррель, а в ряде месторождений — ниже 1 долл. США за баррель. Главной помехой для привлечения инвестиций в нефтегазовую отрасль является содержащийся в конституционных постановлениях Исламской Республики Иран запрет для иностранных компаний на владение минеральными ресурсами страны. В энергетическом секторе иностранцы не могут владеть собственностью в какой бы то ни было форме, исключается также и возможность долевого раздела продукции. Процентное соотношение продукции, производимой с привлечением иностранного капитала, не должно превышать 25 % от общей продукции отрасли и 35 % — в каждой подотрасли³¹. Не разрешается создание предприятий со 100-процентным иностранным капиталом. Только с 1995 г. зарубежным фирмам предоставлено право заключать сервисные контракты, получившие название «бай-бэк» (*buy-back*). Условия *BOT* (*build — operate — transfer*) предполагают постепенную передачу объекта в собственность иранского заказчика по мере возмещения затрат инвестора. С 2016 г. введен «новый нефтяной контракт», предоставляющий больше льгот на добычу и участие в реализации продукции для иностранных инвесторов. Тем не менее и на этих условиях иностранные компании работают в нефтегазовом секторе Ирана (*Keshavarz, Iranmanesh & Dehghan*, 2021).

4 октября 2017 г. ООО «ЛУКОЙЛ-Инжиниринг» (Россия) и Национальная иранская нефтяная компания подписали Меморандум о взаимопонимании³². В соответствии

17.09.2021. URL: <https://neftegaz.ru/news/neftechim/697369-neftepererabatyvayushchie-moshchnosti-irana-vyrastut-na-50-za-sleduyushchie-3-4-goda/?ysclid=lq2eim13nk817677930> (дата обращения: 04.06.2025).

³¹ Иран // *Mineral.ru*. URL: <https://www.mineral.ru/Facts/world/116/140/index.html> (дата обращения: 06.06.2025).

³² ЛУКОЙЛ и национальная иранская нефтяная компания подписали меморандум о взаимопонимании // ЛУКОЙЛ. 04.10.2017. URL: <https://lukoil.ru/api/presscenter/exportpressrelease?id=155990> (дата обращения: 06.06.2025).

с документом стороны выразили заинтересованность в расширении взаимовыгодного сотрудничества в целях бассейнового моделирования и анализа нефтегазоносных систем северо-западной части Персидского залива, плато Абадан и Южно-Каспийского бассейна (Эбрахимиторкаман, 2022, с. 129).

В 2019–2020 гг. геологическая компания «ОЗГЕО» разработала два нефтяных проекта на территории Ирана. Первый проект — обнаружение нефтяных месторождений в прибрежной юго-западной части Каспийского нефтегазового бассейна (НГБ). Цель — выявление неглубоких месторождений нефти вблизи железной дороги Решт — Астара в рамках международного транспортного коридора (МТК) «Север — Юг». Второй проект — обнаружение нефтяных месторождений в пределах полностью неизученного Макранского НГБ на юго-востоке Ирана в прибрежной части Оманского залива, в рамках МТК «Север — Юг». Однако проекты так и не были реализованы из-за отсутствия инвестиций³³.

В 2022 г. российская компания «Газпром» и НИНК подписали меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству между компаниями. Проекты оцениваются в 40 млрд долл. США и включают в себя разработку газовых месторождений Киш и Северный Парс, а также участие российской стороны в эксплуатации месторождения Южный Парс. Рассматривается возможность сотрудничества в рамках строительства экспортных газопроводов³⁴.

Заключение

В проводимой руководством Исламской Республики Иран политике индустриализации страны одно из ведущих мест занимает развитие нефтегазовой отрасли. Разведанные запасы

позволяют при современном уровне добычи извлекать нефть еще 95 лет. Принципиальным является развитие поставок нефти на зарубежные рынки, что обеспечивает 40–50 % валютных поступлений в бюджет страны. Строительство 8 новых нефтеперерабатывающих заводов даст возможность на основе переработки нефтяного сырья получать дополнительную прибыль за счет продажи продуктов переработки нефти.

В этом плане Иран крайне заинтересован в развитии транспортных коридоров для сбыта своей продукции. Международный транспортный коридор «Север — Юг», например, интересен для Ирана поставками нефти в Пакистан и Индию. При этом могут поставляться и другие полезные ископаемые, добываемые из месторождений вблизи коридора.

По оценкам российских экспертов, технологическое перевооружение нефтяной промышленности позволит обеспечить нефтеотдачу месторождений более 35 % и обеспечить огромный прирост запасов за счет разведки более глубоких горизонтов, что увеличит экспорт нефти и нефтепродуктов, снизит остроту экономического кризиса, вызванного эмбарго и санкциями, и придаст мощный импульс экономическому развитию страны³⁵.

В перспективе снятие эмбарго на экспорт иранского газа окажет мощное позитивное воздействие на развитие нефтегазовой отрасли Ирана, поскольку именно стабильные поставки газа в Индию и Пакистан (не считая Китай и Республику Корея) обеспечат значительный объем валютной выручки для Ирана. Иран может отказаться от использования евро в торговле нефтью и газом. После введения нефтяного эмбарго в отношении Ирана страна стала принимать оплату за поставляемую нефть в национальной валюте страны-импортера, например в индийских рупиях и китайском юане. В торговле с соседями Иран намерен использовать либо валюту этих стран, либо свой риал.

³³ Пичугин С.В. Нефтегазовый сектор Ирана : доклад Геологоразведочной компании «ОЗГЕО». [Б.м.], 2023.

³⁴ Жильцов С. Особенности сотрудничества России с Ираном в энергетической сфере // Независимая газета. 07.11.2022. URL: https://www.ng.ru/energy/2022-11-07/14_8583_cooperation.html (дата обращения: 20.06.2025).

³⁵ Пичугин С.В. Нефтегазовый сектор Ирана : доклад Геологоразведочной компании «ОЗГЕО». [Б.м.], 2023.

Иран видит выход из создавшейся непростой ситуации в том числе в развитии сотрудничества в рамках международного объединения БРИКС, полноправным участником которого страна стала в 2024 г. Развитие сотрудничества в рамках БРИКС интересно Ирану технологическими инвестициями и международным партнерством, особенно с Россией, и может стать импульсом для развития как транспортных потоков по МТК «Север — Юг», так и для вовлечения в них сырья нефтегазовых и других месторождений в пределах транзитного коридора на территории Ирана.

Реализуя комплексный подход в стратегии развития нефтегазового сектора Ирана, выступающего в качестве ключевого элемента построения «экономики сопротивления», руководство ИРИ решает главную проблему

диверсификации иранской экономики. Энергетическая дипломатия ИРИ при этом нацелена на выстраивание перспективных международных партнерств и технологические инвестиции, что должно обеспечить Ирану позиционирование в качестве одного из лидеров глобальных инновационных энергетических решений. Развитие стратегического диалога между Ираном и Россией, в том числе и в нефтегазовом секторе, усиливает их суверенные позиции и указывает на сдвиг в сторону создания многополярного энергетического мира. Этот шаг также может стать катализатором реконфигурации глобальных альянсов и энергетической политики, что будет иметь далеко идущие последствия для глобальной энергетической безопасности и геополитики.

Поступила в редакцию / Received: 26.08.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 15.05.2025

Принята к публикации / Accepted: 10.06.2025

Список литературы

- Баскаков И. Д., Крылов Д. С. Энергетическая дипломатия Ирана в нефтегазовой отрасли в субрегионе Персидского залива // *Геоэкономика энергетики*. 2023. Т. 22, № 2. С. 40–59. https://doi.org/10.48137/26870703_2023_22_2_40; EDN: BLYDDO
- Белов В. И. Мегарегионализация и энергетическая дипломатия Ирана // *Восточная аналитика*. 2024. Т. 15, № 4. С. 75–90. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-075-090>; EDN: DOZBXE
- Лунев С. И., Юртаев В. И. Место Индии и Ирана в новом региональном порядке в Евразии. Москва : МГИМО-Университет, 2022. EDN: YGXFQS
- Мамедова Н. М. Иран в 2022 году. Итоги первого года работы правительства Э. Раиси // *Свободная мысль*. 2023. № 2. С. 139–150. EDN: BZPOYC
- Мостаджеран Г. М., Габдуллин Р. Р., Роженко А. С. Исламская Республика Иран в контексте эффективного осуществления энергетической дипломатии // *Россия и современный мир*. 2023. № 3. С. 226–241. <https://doi.org/10.31249/rsm/2023.03.14>; EDN: FHRCVG
- Полищук А. И. О перспективах развития ИРИ до 2025 г. и общих направлениях политики 4-го пятилетнего плана социально-экономического и культурного развития ИРИ // *Роль и место Ирана в регионе* / отв. ред. Н. М. Мамедова. Москва : ИВ РАН, 2007. С. 178–189.
- Эбрахимиторкаман А. Российско-иранские отношения в энергетической сфере (вызовы и возможности в XXI в.) // *Россия и современный мир*. 2022. № 1. С. 124–134. <https://doi.org/10.31249/rsm/2022.01.07>; EDN: KUBYHU
- Эбрахимиторкаман А. Эволюция энергетического сотрудничества между Исламской Республикой Иран и Российской Федерацией в 2000–2023 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2024.
- Юртаев В. И. Внешнеполитические и экономические приоритеты Ирана на этапе формирования «экономики сопротивления» // *Иран в мировой политике. XXI век* / отв. ред. Н. М. Мамедова. Москва : ИВ РАН, 2017. С. 223–231.
- Юртаев В. И. Иран: перспективные сценарии региональной интеграции // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2009. № 3. С. 5–13. EDN: LAMJUH
- Abbaszadeh P., Maleki A., Alipour M., Maman Y. K. Iran's Oil Development Scenarios by 2025 // *Energy Policy*. 2013. Vol. 56. P. 612–622. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2013.01.026>

- Ajili H., Askari Vajedi Roshan S.* Barresiye diplomaciye enerzhie jomhuriye eslamiye Iran: doran riyasat jomhuriye aghayan Khatami va Ahmadinejad [Расследование энергетической дипломатии Исламской Республики Иран: президентство г-на Хатами и г-на Ахмадинежада] // *The Journal of Foreign Policy*. 2014. Vol. 28, iss. 1. P. 99–125. (На персидском языке). URL: https://fp.ipisjournals.ir/article_13621_45ad26b47b98be44eb9b4dacc4c8979.pdf?lang=en (accessed: 10.12.2024).
- Ashrafi Y., Rouhani M.* Avamele moaser dar behine nemudane diplomasiye enerzhi ba rouykarde defae eghtesadi [Эффективные факторы оптимизации энергетической дипломатии с учетом подхода экономической защиты] // *Journal of Defense Economics and Sustainable Development*. 2021. Vol. 6, iss. 20. P. 123–146. (На персидском языке). URL: https://eghtesad.sndu.ac.ir/article_1622_4038fcec14c696131f4111f09d6f7479c.pdf?lang=en (accessed: 13.12.2024).
- Belov V. I., Ranjbar D. M.* Analysis of Iran's Behavior under Sanction Pressure // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2023. № 2. С. 111–122. EDN: LUQKII
- Ghanbari L.* Diplomaciye enerzhi va toseye eghtesadi [Энергетическая дипломатия и экономическое развитие] // *The Journal of Foreign Policy*. 2018. Vol. 31, iss. 4. P. 181–208. (На персидском языке). URL: https://fp.ipisjournals.ir/article_30693_3fcfc493db29c026250b895e0f440227.pdf?lang=en (accessed: 10.12.2024).
- Ghanbarloo A.* Tahlile rabete tahrir haye eghtesadi yekjanebe ba hogughe beynolmelale moaser [Анализ соотношения односторонних экономических санкций с современным международным правом] // *Strategic Studies Quarterly*. 2022. Vol. 25, no. 2. P. 301–330. (На персидском языке). URL: https://quarterly.risstudies.org/article_153638_bdddfb251742c2cfde96e3060b9efab5.pdf?lang=en (accessed: 10.12.2024).
- Hafner M., Raimondi P. P., Bonometti B.* The Energy Sector and Energy Geopolitics in the MENA Region at a Crossroad : Perspectives on Development in the Middle East and North Africa (MENA) Region. Cham, Switzerland : Springer, 2023. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-30705-8>
- Hossein Adeli S. M.* The Contribution of Energy Diplomacy to International Security; with Special Emphasis on Iran // *Iranian Review of Foreign Affairs*. 2010. Vol. 1, no. 2. P. 57–95. URL: https://ciaotest.cc.columbia.edu/journals/irfa/v1i2/f_0021944_18127.pdf (accessed: 01.11.2024).
- Islami M.* Diplomasiye enerzhie Iran va Russiye: zamine haye hamgaraei va vagaraei [Энергетическая дипломатия Ирана и России: области сближения и расхождения] // *A Quarterly Journal of Strategy*. 2012. Vol. 21, iss. 3. P. 189–220. (На персидском языке). URL: https://rahbord.csr.ir/article_124453_7b6af50e37de0da074d6e1b190e5d4ca.pdf?lang=en (accessed: 01.11.2024).
- Karimipoor D.* Diplomasiye enerzhie ejbaramize Tramp dar ghebale jomhuri eslamiye Iran [Принудительная энергетическая дипломатия Трампа в отношении Исламской Республики Иран] // *Journal of Political Knowledge*. 2021. Vol. 17, no. 2. P. 569–596. (На персидском языке). <https://doi.org/10.30497/pkn.2021.239025.2709>
- Karimipoor D.* Rahyaft manatagheiyeh diplomaciye enerzhiye jomhuriye eslamiye Iran dar dolate sizdahom [Региональный подход к энергетической дипломатии Исламской Республики Иран в 13-м правительстве: сравнительный обзор] // *Strategic Studies of Public Policy*. 2022. Vol. 12, iss. 44. P. 40–66. (На персидском языке). <https://doi.org/10.22034/sspp.2022.699880>
- Keshavarz M., Iranmanesh H., Dehghan D.* Modelling the Iranian Petroleum Contract Fiscal Regime Using Bargaining Game Theory to Guide Contract Negotiators // *Petroleum Science*. 2021. Vol. 18, iss. 6. P. 1887–1898. <https://doi.org/10.1016/j.petsci.2021.09.018>
- Kipoor J., Izadi J.* Diplomasiye enerzhi va lozume estefade az an baraye tamine manafe meli Iran dar jahan [Энергетическая дипломатия и необходимость ее использования для обеспечения национальных интересов Ирана в мире] // *A Quarterly Journal of Foreign Relations*. 2010. Vol. 1, no. 4. P. 139–162. (На персидском языке). URL: https://frqjournal.csr.ir/article_123512_9758d456aebab2350b2584a8c876cd67.pdf?lang=en (accessed: 01.11.2024).
- Mehdipour A.* Barresiye abaad ba payamadhaye rahbord moghavemat dar andishe ayatollah Khamenei [Исследование измерений и последствий стратегии сопротивления в мышлении аятоллы Хаменеи] // *Political Sociology of the Islamic World*. 2020. Vol. 8, iss. 17. P. 1–30. (На персидском языке). <https://doi.org/10.22070/iws.2021.4594.1806>
- Naserpoor A., Fazlolahtabar M.* Eraee olguye diplomasiye nafti Iran be manzure kahesh asib paziri az tahrir haye nafti [Представление модели нефтяной дипломатии Ирана для снижения уязвимости нефтяных санкций] // *Journal of Defense Economics and Sustainable Development*. 2021. Vol. 6, iss. 21. P. 61–88. (На персидском языке). URL: https://eghtesad.sndu.ac.ir/article_1863_cec7c8e083d2bb1ef2cf36a470d9a238.pdf?lang=en (accessed: 10.12.2024).

- Purahmady H., Zulfiqari M.* Diplomasiye enerzhi va manafe meliye jomhuriye eslamiye Iran [Энергетическая дипломатия и национальные интересы Исламской Республики Иран] // *Journal of Political Knowledge*. 2010. Vol. 5, iss. 2. P. 5–40. (На персидском языке). <https://doi.org/10.30497/pk.2010.15>
- Razavi S. A.* Tabiein chalesh ha va forsat haye diplomasiye enerzhi az manzare bayaniye game dovome enghelabe eslami [Объяснение проблем и возможностей энергетической дипломатии с точки зрения провозглашения второго шага Исламской революции] // *Political Sociology of Iran*. 2022. Vol. 5, iss. 1. P. 225–248. (На персидском языке). <https://doi.org/10.30510/psi.2022.304631.2302>
- Razavi S. A., Pirani S.* Tabiein elzamat va rahbord haye diplomasy va amniate enerzhiyejomhuriye eslamiye Iran dar barname haftom tosee [Разъяснение требований и стратегии дипломатии и энергетической безопасности Исламской Республики Иран в седьмом плане развития] // *International Relations Researches*. 2022. Vol. 12, iss. 1. P. 167–198. (На персидском языке). <https://doi.org/10.22034/irr.2022.337739.2175>
- Sadeghi A., Firoozabadi Dehghani S. J., Ajili H.* Bayestehaye diplomasiye enerzhiye Iran dar nezame eghtesadiye siyasiye beynolmelal [Требования энергетической дипломатии Ирана в международной политэкономической системе] // *Studies of International Relations Journal (Political Science and International Relations Journal)*. 2018. Vol. 11, iss. 43. P. 73–105. (На персидском языке). URL: <https://sid.ir/paper/247692/en> (accessed: 10.12.2024).
- Saeedi H.* Eghtesade siyasi hozure sepahe pasdaran dar sanate naft va gas Iran: yek tahlil enteghadi [Политическая экономика присутствия КСИР в нефтегазовой отрасли Ирана : критический анализ]. Tehran : Naghd Eghtesaad Siyaasi, 2020. (На персидском языке).

Сведения об авторах:

Белов Владимир Иванович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры востоковедения и африканистики, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10 к. 2; ORCID: 0000-0001-6112-5550; eLibrary SPIN-код 4552-2182; e-mail: yurtaev-vi@rudn.ru

Пичугин Сергей Валентинович — главный геолог, компания «ОЗГЕО»; Российская Федерация, 119002, г. Москва, Староконюшенный пер., 33; ORCID: 0009-0002-4756-3858; e-mail: svpichugin2103@mail.ru

Ранджбар Даниал Мешкин — кандидат исторических наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10 к. 2; ORCID: 0000-0002-1619-3383; eLibrary SPIN-код: 5294-1502; e-mail: randzhbar_meshkin_d@pfur.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-3-538-552
EDN: YEDXGD

Научная статья / Research article

США — КНР: политика санкций и контрсанкций

И.Н. Тимофеев

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

 itimofeev@russiancouncil.ru

Аннотация. С момента образования Китайской Народной Республики (КНР) в 1949 г. США активно применяли против Китая односторонние экономические меры (санкции). После начала нормализации политических отношений между двумя странами в 1970-х гг. объем ограничительных мер снижался, к началу 2000-х гг. охватывая лишь узкие сферы торговли. Однако уже в первый срок президентства Д. Трампа санкции вернулись в арсенал американской политики в отношении Китая. Проблема получила глубокую рефлексию в научной литературе, однако в ней остается ряд пробелов. Китай оказался слишком специфическим случаем для исследований, которые использовали количественные данные о санкциях против множества стран. Пробелы сохраняются и в источниках, которые анализируют только китайский случай. Здесь наметилась концентрация на текущей политической конъюнктуре, поскольку лишь немногие исследования изучают вопрос в исторической глубине. Заполнение указанных пробелов является целью данной статьи. Рассмотрены ключевые направления политики санкций США против КНР, способы адаптации Китая к американским санкциям и его ответные меры, причины медленной эскалации и деэскалации санкций как на современном этапе, так и в исторической ретроспективе. Случай Китая отклоняется от сложившейся в литературе теоретической посылки о том, что изменение политического курса страны-мишени является базовым критерием эффективности санкций. Выявлено, что они могут оставаться функциональными даже в том случае, если данная задача не решается. Сигнализирование и сдерживание компенсируют недостатки в области принуждения страны-мишени к изменению своей внешней или внутренней политики. Использование санкций как сигнального инструмента может объяснить, почему деэскалация и эскалация санкций со стороны США носит осторожный характер. Резкие шаги избыточны для направления политических сигналов, тогда как умеренные действия вполне подходят для такой функции. Применение санкций как инструмента сдерживания Китая в области высоких технологий приводит к наращиванию усилий Пекина по разработке собственных ограничительных мер. Методология исследования базируется на анализе документов, отражающих политику санкций США против Китая и ответные меры КНР.

Ключевые слова: финансовые санкции, односторонние ограничительные меры, экспортный контроль, принудительные меры, эскалация, эффективность санкций, американо-китайские отношения, сдерживание

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Тимофеев И. Н. США — КНР: политика санкций и контрсанкций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 3. С. 538–552. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-538-552>

© Тимофеев И.Н., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The U.S. and China: Policy Approaches to Sanctions and Counter Sanctions

Ivan N. Timofeev

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

 itimofeev@russiancouncil.ru

Abstract. Since the establishment of the People's Republic of China (PRC) in 1949, the United States has been actively using unilateral economic measures (sanctions) against China. After the start of the normalization of political relations between the two nations in the 1970s, the number of restrictive measures decreased, covering only narrow areas of trade by the early 2000s. However, during the first term of Donald Trump's presidency, sanctions were reintroduced into the U.S. policy arsenal towards China. Though this issue has been widely examined in academic literature, several gaps still remain in current research. China has proven to be too specific case for studies employing quantitative data on sanctions against numerous countries, and gaps continue to remain even in sources that solely analyze the Chinese case. Existing research also tends to focus only on the current political situation, while few studies explore the issue in its historical depth. By examining U.S. sanctions against the PRC, ways in which China has adapted to these sanctions, reciprocal measures taken by China, as well as the reasons for the slow escalation and de-escalation of sanctions, both at the present stage and in historical hindsight, the following research aims to fill in the remaining gaps in understanding U.S. — China sanctions. The Chinese case deviates from the established theoretical premise in existing literature that a change in the political course of the target country is a fundamental criterion for assessing the effectiveness of sanctions. However, sanctions have proven to be effective even if the above-mentioned objective is not achieved. Signaling and deterrence make up for the shortcomings in forcing a target country to change its foreign or domestic policies. The use of sanctions as a signaling tool may help explain why U.S. approaches to sanction de-escalation and escalation are cautious in nature. Drastic measures may prove to be redundant for sending political signals, while moderate actions are more suitable in this regard. The imposition of U.S. sanctions as a tool to deter China's advancement in the high-tech sector has contributed to an increase in Beijing's efforts to develop its own restrictive measures. The methodology utilized for this research includes an analysis of documents reflecting the U.S. sanctions policy against China and the recent countermeasures developed by the PRC.

Key words: financial sanctions, unilateral restrictive measures, export control, enforcement, escalation, effectiveness of sanctions, U.S. — China relations, containment

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Timofeev, I. N. (2025). The U.S. and China: Policy approaches to sanctions and counter sanctions. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(3), 538–552. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-538-552>

Введение

Экономические санкции используются США в отношении Китая с момента образования Китайской Народной Республики (КНР) в 1949 г. Их применение эволюционировало от масштабных ограничительных мер к постепенному сокращению в 1970–2000-х гг. и столь же постепенному наращиванию в конце второго десятилетия XXI в. Применение санкций само по себе закономерно с учетом того, что Китай является крупной державой и соперником США. Однако в исследовательской литературе наметился ряд пробелов.

Существующие работы при всей их содержательности концентрируются в большей

степени на текущих тенденциях (Andersen, 2024; Schindler et al. 2024; Xu & Lin, 2021; After Engagement..., 2021; Danilin, 2021; Fuller, 2021; Lampton, 2019; Medeiros, 2019; Кашин, Пятачкова, Крашенинникова, 2020; Бакулина, Кузьмина, 2021; Заморин, Спландер, 2022), тогда как исследования с глубокой исторической перспективой (Lampton, 2024; Зуенко, 2022; Chen, 2006) находятся в явном меньшинстве.

Богатство теоретической литературы на больших массивах количественных данных лишь отчасти объясняло китайский случай. Как ранние, так и более поздние работы (Hufbauer et al., 2009; Vapat et al., 2013; Syropoulos et al., 2024) выявляли причины успеха или неудачи санкций с точки зрения

принуждения страны-мишени к смене своего политического курса. Китай вполне соответствовал одному из выводов о том, что подавляющее большинство санкций не приводит к смене политического курса страны — объекта санкций (Hufbauer et al., 2009), а также о том, что страны — союзницы США охотнее меняют свой курс под влиянием санкций, нежели страны-соперницы (Drezner, 1999). Казус Китая также подтверждал вывод о том, что способность страны-мишени адаптироваться к санкциям подрывает эффективность ограничительных мер. Вместе с тем такие исследования не раскрывали феномен низкой скорости эскалации и деэскалации санкций в американо-китайских отношениях. Недостаточно раскрыта и тема политики КНР в области адаптации к санкциям.

Заполнение указанных пробелов является целью данного исследования, проблематика которого определяется следующими вопросами:

Каковы ключевые направления политики санкций США против Китая?

Как именно Пекин адаптируется к санкциям и в чем суть новой китайской политики санкций?

Почему Вашингтон избегает быстрой эскалации на современном этапе и почему столь же медленной была деэскалация ограничительных мер в прошлом?

В научной литературе под санкциями обычно понимаются односторонние ограничительные меры в области финансов, торговли, транспортного сообщения и иных сфер, которые используются страной-инициатором или группой таких стран в отношении страны-мишени, группы таких стран, отдельных лиц или организаций (Тимофеев, 2023). Основной целью санкций является принуждение страны-объекта к смене своего курса во внешней или внутренней политике, однако к числу целей можно отнести и сдерживание развития страны-мишени, а также использование санкций для направления политических сигналов (Giumelli, 2016).

Ключевой тезис исследования состоит в том, что политика санкций США в отношении КНР определяется задачей отправки политических сигналов и задачами сдерживания,

тогда как задачи влияния на политический курс КНР играют второстепенную роль. Использование санкций как сигнального инструмента может объяснять, почему деэскалация и эскалация санкций носит столь медленный и осторожный характер. Резкие шаги по наращиванию или отмене санкций избыточны для политического сигнализирования, тогда как умеренные шаги вполне пригодны для такой функции. Применение санкций как инструмента сдерживания Китая в области высоких технологий и производств двойного назначения приводит к активизации политики Пекина по разработке собственных ограничительных мер, в том числе для балансирования мер сдерживания со стороны США. Случай Китая отклоняется от сложившейся в литературе теоретической посылки о том, что смена политического курса является ключевым мерилом эффективности санкций. Они могут оставаться функциональными даже в том случае, если данная задача не решается или решается частично. Сигнализирование и сдерживание вполне могут компенсировать провалы в области принуждения страны-мишени к изменению своей внешней или внутренней политики.

Методологически исследование опирается на анализ официальных документов США и КНР, в их числе — исполнительные указы президента США, федеральные законы и подзаконные акты США, материалы расследований властей США, материалы Исследовательской службы Конгресса США, отчеты американских «фабрик мысли», изучающих практическую сторону применения ограничительных мер, а также китайское законодательство в области политики санкций.

Санкции США: от сдерживания к сотрудничеству

Как уже отмечалось, санкции являются инструментом сдерживания Китая со стороны США с момента образования КНР. В 1949 г. президент Г. Трумен ввел первые ограничения против Китая, которые в декабре 1950 г. переросли в торговое эмбарго на фоне Корейской войны. Министерство финансов США запретило любые финансовые транзакции,

связанные с КНР и Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР). В 1951 г. Китай был лишен статуса преференциального торгового партнера наряду с другими враждебными США странами. В 1955 г. был зафиксирован запрет на экспорт и импорт вооружений, в 1962 г. — на доступ к программам помощи США, а в 1964 г. — на операции экспортно-импортного банка США. После появления в 1965 г. классификации стран по степени строгости экспортного контроля Китай был внесен в группу Z¹, подразумевающую наиболее жесткие ограничения.

Ситуация стала меняться в 1969 г. на фоне постепенного восстановления контактов между США и КНР (Kissinger, 2012) и кризиса в отношениях Китая и СССР. В 1971 г. на фоне визита президента США Р. Никсона в Китай началось медленное снижение санкционного давления. Были сняты ограничения на валютные операции с КНР, смягчен визовый режим, внесены изменения в лицензирование сделок по китайским товарам, а также введено разрешение на экспорт в Китай зерна и нестратегических товаров. В 1972 г. Китай был переведен в более мягкий режим экспортного контроля — в группу Y².

Президент Дж. Картер продолжил линию своего предшественника на нормализацию отношений с КНР. В 1979 г. было подписано торговое соглашение между двумя странами. В 1980 г. были разморожены активы КНР в США, приостановлено действие поправки Джексона — Вэника в отношении Китая, а также возобновлен его статус преференциального торгового партнера США. Были смягчены ограничения на операции Экспортно-импортного банка США с КНР, продолжилось смягчение экспортного контроля с переводом Китая в группу P. Корпорация зарубежных частных инвестиций получила разрешение на работу с Китаем. Более того, были смягчены ограничения на поставки вооружений в КНР. В 1985 г. было приостановлено

действие ограничений на программы помощи Китаю. Сложности, связанные с предполагаемой поставкой Китаем вооружений Ирану в 1987 г., были быстро преодолены. Уже в 1988 г. администрация Р. Рейгана отменила запрет на экспорт высокотехнологичных товаров в Китай³.

Деэскалация санкционного режима в отношении КНР была приостановлена в связи с событиями на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. Президент Дж. Буш заморозил программы помощи Китаю, военно-техническое сотрудничество, диалог руководителей на высшем уровне, поддержку кредитов по линии международных институтов, а также действие ранее выданных экспортных лицензий. Также были введены ограничения на экспортные лицензии по поставкам американских спутников в КНР⁴, хотя в дальнейшем из данного запрета делались исключения. Были восстановлены ограничения на операции Экспортно-импортного банка США с КНР⁵. Однако и в данном случае уже в 1989 г. президент вводил исключения по исполнению нового законодательства. Приостанавливалась деятельность Корпорации зарубежных частных инвестиций на китайском направлении, а также финансирование по линии Агентства по развитию торговли⁶. Впоследствии действие запрета будет приостановлено Б. Клинтоном в 2001 г.⁷

Отношения двух стран достаточно быстро нормализовались под влиянием растущих экономических связей. В 1991 г. был снижен

³ Ibid.

⁴ Public Law 101–162 — NOV. 21, 1989 // U.S. Congress. November 21, 1989. URL: <https://www.congress.gov/101/statute/STATUTE-103/STATUTE-103-Pg988.pdf> (accessed: 25.01.2025).

⁵ Public Law 101–240 — DEC. 19, 1989 // GovInfo. December 19, 1989. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-103/pdf/STATUTE-103-Pg2492.pdf> (accessed: 25.01.2025).

⁶ Public Law 101–246 — FEB. 16, 1990 // U.S. Congress. February 16, 1990. URL: <https://www.congress.gov/bill/101st-congress/house-bill/3792/text> (accessed: 25.01.2025).

⁷ Rennack D. E. China: U.S. Economic Sanctions // Congressional Research Service. October 1, 1997. URL: https://www.everycrsreport.com/files/19971001_96-272F_08293cd4df48537dae78c8ac54a03dcdd263d39d.pdf (accessed: 24.01.2025).

¹ Rennack D. E. China: U.S. Economic Sanctions // Congressional Research Service. October 1, 1997. URL: https://www.everycrsreport.com/files/19971001_96-272F_08293cd4df48537dae78c8ac54a03dcdd263d39d.pdf (accessed: 24.01.2025).

² Ibid.

уровень ограничений по поставкам в Китай низкотехнологичных товаров. С 1992 г. президенты США ежегодно вводили исключения на запрет программ непрямого помощи КНР. Так, в 1992 г. были сделаны исключения по поставкам суперкомпьютеров в Китай, а в 1993 г. и последующие годы — по сделкам Экспортно-импортного банка США, по статусу преференциального торгового партнера и поставкам отдельных видов компьютеров. В 1994 г. были облегчены требования к экспорту телекоммуникационного и оптического оборудования в Китай, в 1995 г. — сняты ограничения по отдельным товарам в области криптографии, а в 1996 г. — по компьютерам. По экспортному контролю Китай был переведен в более привилегированную группу D⁸. Наконец, в 2000 г. Конгресс США принял Закон о расширении недискриминационного подхода (нормальных торговых отношений) с КНР и создании рамок американо-китайских отношений⁹.

Таким образом, процесс смягчения санкций США в отношении КНР занял 30 лет. Многие из перечисленных решений носили характер исключений и изъятий из режимов санкций, то есть предполагали лишь их приостановку, а не полную отмену и при необходимости могли быть быстро возвращены. Такой подход позволял оптимально использовать санкции для политического сигнализирования. В начале 1970-х гг. они подкрепляли линию Вашингтона на возобновление диалога с КНР и подчеркивали поддержку дистанцирования Китая от СССР, в 1970-х и 1980-х гг. санкции поддерживали курс на продолжение улучшения отношений, но также использовались для сигнализирования

недовольства отдельными направлениями политики КНР, такими как сотрудничество с Ираном или разгон студенческих демонстраций. К началу 2000-х гг. Китаю удалось создать такие политические и экономические стимулы, которые позволили добиться существенного снижения объема санкций, налагаемых США, уже не в сигнальном виде, а в виде закрепления новых отношений в американском законодательстве. Китай активно встраивался в многочисленные цепочки поставок с участием американских компаний, открывал для них свой рынок, вследствие чего сам превратился в крупного экспортера для США и держателя американских долговых обязательств. Тайваньский вопрос сохранялся на повестке дня, но его острота снизилась. КНР занимала далеко не во всем совпадающие, но приемлемые для США позиции по иным вопросам международной политической повестки.

Сложившаяся рамка отношений оставалась стабильной в первые полтора десятилетия XXI в.¹⁰ Стратегия национальной безопасности США 1999 г. применительно к Китаю концентрировалась на партнерских составляющих¹¹. Аналогичный подход прослеживается и в Стратегии 2002 г., хотя в ней и отмечалось недовольство спецификой политической системы и наращиванием вооруженных сил КНР¹², а в Стратегии 2006 г. указывалось на незавершенность экономических и политических реформ в Китае¹³.

¹⁰ Кашин В. Б., Тимофеев И. Н. Американо-китайские отношения: к новой холодной войне? // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 03.06.2021. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/amerika-kitai-novaya-kholodnaya/?ysclid=m6azb9a3ye208541705> (дата обращения: 24.01.2025).

¹¹ A National Security Strategy for a Global Age // National Security Strategy Archive. December 1, 1999. URL: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2001.pdf> (accessed: 25.01.2025).

¹² The National Security Strategy of the United States of America // National Security Strategy Archive. September 2002. URL: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2002.pdf> (accessed: 25.01.2025).

¹³ The National Security Strategy of the United States of America // National Security Strategy Archive. March 2006. URL: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2006.pdf> (accessed: 25.01.2025).

⁸ Rennack D. E. China: U.S. Economic Sanctions // Congressional Research Service. October 1, 1997. URL: https://www.everycrsreport.com/files/19971001_96-272F_08293cd4df48537dae78c8ac54a03dcdd263d39d.pdf (accessed: 24.01.2025).

⁹ Public Law 106–286 — An Act to Authorize Extension of Nondiscriminatory Treatment (Normal Trade Relations Treatment) to the People's Republic of China, and to Establish a Framework for Relations Between the United States and the People's Republic of China // Gov.Info. October 10, 2000. URL: <https://www.govinfo.gov/app/details/PLAW-106publ286> (accessed: 25.01.2025).

Обеспокоенность военной мощью и правами человека в КНР прослеживается в документах периода президентства Б. Обамы, но все же в них сделан акцент на решении проблем путем диалога¹⁴ и стремлении избежать избыточной концентрации на идеологических вопросах¹⁵.

Нормализация двусторонних отношений все же не означала полной отмены санкций. По состоянию на 2006 г. сохранялись ограничения по программам помощи, голосованию США в международных финансовых институтах по вопросам финансирования КНР, ограничения по работе Корпорации зарубежных частных инвестиций, запреты на поставки вооружений, амуниции и полицейского оборудования, отказ в послаблении отдельных тарифов в рамках Обобщенной системы преференций, экспортный контроль по поставкам спутников, ядерных технологий, отдельных компьютеров и др. Однако данный набор не играл критической роли в торговле.

От сотрудничества к сдерживанию

Признаки растущих противоречий между США и КНР проявились еще в период второй каденции президентства Б. Обамы. В 2015 г. в США было введено чрезвычайное положение в связи с враждебными действиями¹⁶ предположительно со стороны китайских хакеров на серверы государственных структур и промышленных компаний США. Этот указ президента США можно рассматривать как политический сигнал, который говорил о готовности американских властей использовать санкции по тематике цифровой безопасности. Ситуация изменилась после очередной смены

администрации США, поскольку в период первого президентства Д. Трампа США отказались от умеренного подхода в отношении КНР. В Стратегии национальной безопасности 2017 г. открыто критиковалась китайская политическая система. Постулировался тезис о том, что Китай, погрязший в коррупции и следящий за собственными гражданами, проводит политику по «экспорту» этой коррупции и подрыву суверенитета соседних стран. Экономические проекты КНР рассматривались в документе уже как проблема безопасности США¹⁷.

Ключевым направлением сдерживания Китая стал телекоммуникационный сектор. В США были разработаны новые механизмы экспортного контроля¹⁸. В 2019 г. Д. Трамп объявил чрезвычайное положение в связи с угрозой телекоммуникационному сектору¹⁹. Были введены ограничения в отношении отдельных китайских компаний, наиболее заметные — в отношении *Huawei* и *ZTE*. Еще в 2012 г. Постоянный комитет Палаты представителей США по разведке выпустил доклад о возможных угрозах безопасности США со стороны *Huawei*²⁰. В 2018 и 2019 гг. Конгресс принял законодательные акты, запрещающие закупки оборудования данных компаний в интересах государственных

¹⁷ National Security Strategy of the United States of America // The White House. December 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 25.01.2025).

¹⁸ Public Law 115–232 — AUG. 13, 2018 // GovInfo. August 13, 2018. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-115publ232/pdf/PLAW-115publ232.pdf> (accessed: 25.01.2025).

¹⁹ Executive Order 13873: Securing the Information and Communications Technology and Services Supply Chain // Federal Register. May 15, 2019. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2019/05/17/2019-10538/securing-the-information-and-communications-technology-and-services-supply-chain> (accessed: 25.01.2025).

²⁰ Rogers M., Ruppertsberger D. Investigative Report on the U.S. National Security Issues Posed by Chinese Telecommunications Companies Huawei and ZTE // House Permanent Select Committee on Intelligence. October 8, 2012. URL: [https://intelligence.house.gov/sites/intelligence.house.gov/files/documents/huawei-zte%20investigative%20report%20\(final\).pdf](https://intelligence.house.gov/sites/intelligence.house.gov/files/documents/huawei-zte%20investigative%20report%20(final).pdf) (accessed: 25.01.2025).

¹⁴ National Security Strategy of the United States of America // National Security Strategy Archive. May 2010. URL: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2010.pdf> (accessed: 25.01.2025).

¹⁵ National Security Strategy of the United States of America // Military Analysis Network. February 2015. URL: <https://man.fas.org/eprint/nss-2015.pdf> (accessed: 25.01.2025).

¹⁶ Executive Order 13694 “Blocking the Property of Certain Persons Engaging in Significant Malicious Cyber-Enabled Activities” // The White House. April 1, 2015. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/04/01/executive-order-blocking-property-certain-persons-engaging-significant-m> (accessed: 25.01.2025).

ведомств США²¹. Министерство торговли США также внесло *Huawei* и ее дочерние предприятия за пределами Китая в Список организаций (*Entity List*): американским фирмам запрещалось поставлять компании отдельные товары двойного назначения²².

В 2020 г. Министерство торговли США сообщило о попытках *Huawei* обойти ограничения через зарубежных поставщиков, на что власти США ответили ужесточением экспортного контроля в отношении поставок полупроводников, произведенных за рубежом по американским технологиям²³. Кроме того, *Huawei* находила возможности доступа к технологиям США через сотрудничество с американскими фирмами даже в обход экспортного контроля²⁴.

С *Huawei* и *ZTE* были связаны и другие расследования. В декабре 2018 г. по запросу Министерства юстиции США в Канаде по подозрению в мошенничестве с целью обхода санкций в отношении Ирана была арестована финансовый директор *Huawei* Мэн Вань-чжоу²⁵. В контексте санкций против компа-

нии уголовное дело воспринималось ее руководством как форма нечестной конкуренции²⁶. В отношении *ZTE* также инициировались расследования в связи с предполагаемыми поставками оборудования с американскими компонентами в Иран. Компания согласилась выплатить рекордные штрафы²⁷.

Политический характер расследованию придавали ограничения, вводимые в данный период в отношении китайского телекоммуникационного сектора. В 2018 г. Министерство юстиции США запустило «Китайскую инициативу», направленную на выявление иных правонарушений со стороны КНР в связи с телекоммуникациями и цифровой средой²⁸. Инициатива была свернута в 2022 г. с целью избежать политизации уголовных дел, однако сам фокус на противодействии Китаю сохранился²⁹. По линии Американского комитета по зарубежным инвестициям в США возросло внимание к китайским инвестициям, которые рассматривались в том числе и как средство доступа к американским технологиями. Комитет заблокировал покупку американского производителя полупроводников *Qualcomm* китайским бизнесом через сингапурскую компанию *Broadcom*³⁰.

²¹ См.: Public Law 115–91 — DEC. 12, 2017 // U.S. Congress. December 12, 2017. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/2810/text> (accessed: 25.01.2025); Public Law 115–232 — AUG. 13, 2018 // GovInfo. August 13, 2018. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-115publ232/pdf/PLAW-115publ232.pdf> (accessed: 25.01.2025).

²² Supplement No. 4 to Part 744 — Entity List // Code of Federal Regulations. National Archives and Records Administration. URL: <https://www.ecfr.gov/current/title-15/subtitle-B/chapter-VII/subchapter-C/part-744#Supplement-No.-4-to-Part-744> (accessed: 25.01.2025).

²³ Commerce Addresses Huawei's Efforts to Undermine Entity List, Restricts Products Designed and Produced with U.S. Technologies // U.S. Department of Commerce. May 15, 2020. URL: <https://2017-2021.commerce.gov/news/press-releases/2020/05/commerce-addresses-huaweis-efforts-undermine-entity-list-restricts.html> (accessed: 25.01.2025).

²⁴ Mulvenon J. Seagate Technology and the Case of the Missing Huawei FDPR Enforcement // Lawfare. June 6, 2022. URL: <https://www.lawfaremedia.org/article/seagate-technology-and-case-missing-huawei-fdpr-enforcement> (accessed: 25.01.2025).

²⁵ U.S. Against Huawei Technologies et al. Superseding Indictment // U.S. Department of Justice. January 24, 2019. URL: <https://www.justice.gov/usao-edny/press-release/file/1125036/dl> (accessed: 25.01.2025).

²⁶ Huawei Technologies and Huawei Device USA vs. U.S. Immigration and Customs Enforcement et al. // Internet Archive. October 30, 2020. URL: <https://archive.org/details/gov.uscourts.dcd.223678> (accessed: 25.01.2025).

²⁷ ZTE Corporation Agrees to Plead Guilty and Pay Over \$430.4 Million for Violating U.S. Sanctions by Sending U.S.-Origin Items to Iran // U.S. Department of Justice. March 7, 2017. URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/zte-corporation-agrees-plead-guilty-and-pay-over-4304-million-violating-us-sanctions-sending> (accessed: 25.01.2025).

²⁸ Information about the Department of Justice's China Initiative and a Compilation of China-Related Prosecutions Since 2018 // U.S. Department of Justice. November 19, 2021. URL: <https://www.justice.gov/archives/nsd/information-about-department-justice-s-china-initiative-and-compilation-china-related> (accessed: 25.01.2025).

²⁹ Lucas R. The Justice Department is Ending its Controversial China Initiative // NPR. February 23, 2022. URL: <https://www.npr.org/2022/02/23/1082593735/justice-department-china-initiative> (accessed: 25.01.2025).

³⁰ Rosenberg E., Harrell P., Feng A. A New Arsenal for Competition. Coercive Economic Measures in the U.S. — China Relationship // The Center for New American Security. April 24, 2020. URL: <https://s3.us-east-1.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/CNAS-Report-Econ-Competition-Final-web.pdf> (accessed: 24.01.2025).

Апофеозом стал запрет на деятельность в США китайских сервисов WeChat³¹ и TikTok³². Впоследствии администрация Дж. Байдена отменила запреты³³, но, несмотря на то, что риторика Дж. Байдена носила менее враждебный характер, чем риторика первой администрации Д. Трампа, внимание к телекоммуникационному сектору КНР оставалось высоким. В 2024 г. запрет на *TikTok* был закреплен законодательно³⁴.

Санкции вводились и в отношении более широкого круга китайских промышленных фирм. Еще в Законе об оборонном бюджете США 1999 г. Министерство обороны обязывалось составить список «китайских коммунистических военных компаний»³⁵. В 2020–2021 гг. в этот список вошли компании в области телекоммуникаций, судостроения, двигателестроения и т. п.³⁶, им запрещался

доступ к американскому рынку капитала³⁷. Кроме того, Министерство торговли США ввело новый список компаний, конечными пользователями которых выступают военные — *Military End-User List* (MEU)³⁸. Фигурантам списка запрещалось поставлять из США отдельные товары из списка коммерческого контроля США. Однако его ограничения были значительно более мягкими в сравнении со Списком организаций, в который были включены отдельные компании и организации в области авиастроения, инжиниринга и др.³⁹ В период президентства Дж. Байдена данная политика продолжалась: вводились экспортные ограничения на поставку в Китай и Россию высокопроизводительных чипов, а китайские технологические компании вносились в *Entity List* Министерства торговли США. Американские компании, получающие государственные гранты, были ограничены в наращивании своих производств передовых чипов на заводах в КНР. Наблюдалось дальнейшее ограничение воз-

³¹ Executive Order 13943: Addressing the Threat Posed by WeChat, and Taking Additional Steps to Address the National Emergency with Respect to the Information and Communications Technology and Services Supply Chain // Federal Register. August 6, 2020. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2020/08/11/2020-17700/addressing-the-threat-posed-by-wechat-and-taking-additional-steps-to-address-the-national-emergency> (accessed: 25.01.2025).

³² Executive Order 13942: Addressing the Threat Posed by TikTok, and Taking Additional Steps to Address the National Emergency with Respect to the Information and Communications Technology and Services Supply Chain // Federal Register. August 6, 2020. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2020/08/11/2020-17699/addressing-the-threat-posed-by-tiktok-and-taking-additional-steps-to-address-the-national-emergency> (accessed: 25.01.2025).

³³ Executive Order 14034: Protecting Americans' Sensitive Data from Foreign Adversaries // Federal Register. June 9, 2021. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2021/06/11/2021-12506/protecting-americans-sensitive-data-from-foreign-adversaries> (accessed: 25.01.2025).

³⁴ Public Law 118–50 // U.S. Congress. April 24, 2024. URL: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/815/text?s=10&r=3&q=%7B%22search%22%3A%22H.R.815%22%27D> (accessed: 25.01.2025).

³⁵ Public Law 105–261 — OCT. 17, 1998 // U.S. Congress. October 17, 2008. URL: <https://www.congress.gov/105/plaws/publ261/PLAW-105publ261.pdf> (accessed: 25.01.2025).

³⁶ DOD Releases List of Additional Companies, in Accordance with Section 1237 of FY99 NDAA // U.S. Department of Defense. December 3, 2020. URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/>

2434513/dod-releases-list-of-additional-companies-in-accordance-with-section-1237-of-fy/ (accessed: 25.01.2025).

³⁷ См.: Executive Order 13959: Addressing the Threat from Securities Investments That Finance Communist Chinese Military Companies // U.S. Department of the Treasury. November 12, 2020. URL: <https://ofac.treasury.gov/media/49616/download?inline> (accessed: 25.01.2025); Executive Order 14032: Addressing the Threat from Securities Investments That Finance Certain Companies of the People's Republic of China // U.S. Department of the Treasury. June 3, 2021. URL: <https://ofac.treasury.gov/media/99111/download?inline> (accessed: 25.01.2025).

³⁸ Addition of 'Military End User' (MEU) List to the Export Administration Regulations and Addition of Entities to the MEU List: A Rule by the Industry Security Bureau // Federal Register. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2020/12/23/2020-28052/addition-of-military-end-user-meu-list-to-the-export-administration-regulations-and-addition-of> (accessed: 25.01.2025).

³⁹ См.: Supplement No. 2 to Part 744 — Entity List // Code of Federal Regulations. National Archives and Records Administration. URL: <https://www.ecfr.gov/current/title-15/subtitle-B/chapter-VII/subchapter-C/part-744#Supplement-No.-2-to-Part-744> (accessed: 25.01.2025); Supplement No. 7 to Part 744 — Entity List // Code of Federal Regulations. National Archives and Records Administration. URL: <https://www.ecfr.gov/current/title-15/subtitle-B/chapter-VII/subchapter-C/part-744#Supplement-No.-7-to-Part-744> (accessed: 25.01.2025).

возможностей КНР по привлечению американских инвестиций в высокотехнологические отрасли⁴⁰. С большой вероятностью такой политический курс будет продолжен и второй администрацией Д. Трампа.

Два других вопроса, которые нередко становятся поводом для введения санкций против КНР, — автономия Гонконга и права этнических меньшинств в Китае. В 2019 г. Конгрессом США был принят закон, обязывавший президента вводить ограничения против лиц, связанных с нарушением прав человека и подрывом демократии в Гонконге со стороны КНР. При этом рекомендация Конгресса контролировать экспорт в Гонконг товаров, которые могут быть использованы для разгона демонстраций, носила скорее сигнальный характер и практически не представляла угрозы для китайско-американских экономических связей⁴¹. Однако уже в 2020 г. Конгресс наделил президента полномочиями вводить ограничительные меры против зарубежных финансовых институтов, которые обслуживают интересы лиц, подрывающих автономию Гонконга. Хотя американская администрация не применяла данное законодательство, тем не менее само его появление могло бы стать политическим сигналом для Пекина⁴².

США не стали применять ограничительные меры против крупных компаний, однако в течение 2020 г. использовали их против от-

дельных китайских чиновников, связанных с подавлением протестов и политикой интеграции Гонконга⁴³. В результате обе стороны добились тактических успехов: США отправили Китаю политический сигнал, частично затормозивший интеграцию, а Китай не стал возвращаться к статус-кво начала 1990-х гг. во взаимодействии с Тайванем.

По тематике этнических меньшинств ключевым направлением стал Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) КНР. Закон 2020 г.⁴⁴ обязывал администрацию США ежегодно составлять списки китайских лиц и организаций, ответственных за нарушения прав этнических меньшинств, и вводить против них санкции. Впоследствии к данным мерам добавлялись и запреты на импорт товаров, частично или полностью произведенных с использованием принудительного труда в СУАР⁴⁵. Одновременно Министерство финансов США использовало правовой механизм по Глобальному закону им. Магнитского, введя блокирующие санкции в отношении группы китайских чиновников из СУАР⁴⁶. Отдельные предприятия и региональные структуры вносились и в *Entity List* Министерства торговли США⁴⁷.

⁴³ Treasury Sanctions Individuals for Undermining Hong Kong's Autonomy // U.S. Department of the Treasury. August 7, 2020. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sm1088> (accessed: 25.01.2025).

⁴⁴ Public Law 116–145 — JUNE 17, 2020 // U.S. Congress. June 17, 2020. URL: <https://www.congress.gov/bills/116/congress/senate/bills/3744/text?s=8&r=151&q=%7B%22search%22%3A%5B%22sanctions%22%5D%7D> (accessed: 25.01.2025).

⁴⁵ Public Law 117–78 — DEC. 23, 2021 // U.S. Congress. December 23, 2021. URL: <https://www.congress.gov/117/plaws/publ78/PLAW-117publ78.pdf> (accessed: 25.01.2025).

⁴⁶ См.: Treasury Sanctions Chinese Entity and Officials Pursuant to Global Magnitsky Human Rights Accountability Act // U.S. Department of the Treasury. July 9, 2020. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sm1055> (accessed: 25.01.2025); Risks and Considerations for Businesses with Supply Chain Exposure to Entities Engaged in Forced Labor and other Human Rights Abuses in Xinjiang // U.S. Department of the Treasury. July 1, 2020. <https://ofac.treasury.gov/media/44066/download?inline> (accessed: 25.01.2025).

⁴⁷ См.: Addition of Certain Entities to the Entity List // Federal Register. October 9, 2019. URL:

⁴⁰ Толстухина А. Ю. Технологическая политика США в условиях соперничества с Китаем // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Ноябрь 2023. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/46760/> (дата обращения: 25.01.2025).

⁴¹ Public Law 116–76 — NOV. 27, 2019 // U.S. Congress. November 27, 2019. URL: <https://www.congress.gov/116/plaws/publ76/PLAW-116publ76.pdf> (accessed: 25.01.2025).

⁴² См.: Public Law 116–149 — JULY 14, 2020 // U.S. Congress. July 14, 2020. URL: <https://www.congress.gov/bills/116/congress/house/bills/7440/text> (accessed: 25.01.2025); Executive Order 13936: The President's Executive Order on Hong Kong Normalization // Federal Register. July 14, 2020. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2020/07/17/2020-15646/the-presidents-executive-order-on-hong-kong-normalization> (accessed: 25.01.2025).

Кроме того, Вашингтон также критикует Пекин за политику в отношении Тибета, однако ограничительные меры на данном направлении остаются минимальными⁴⁸. В целом санкции по тематике этнических меньшинств можно классифицировать скорее как политические сигналы, нежели масштабное экономическое давление. Как и в случае Гонконга, сохраняется баланс: США используют сигнальные санкции, но избегают дальнейшей эскалации, в то время как Китай сохраняет свою политическую линию в отношении меньшинств, но избегает нарочитой демонстрации своей политики на внешнюю аудиторию, а также отделяет данный вопрос от других измерений взаимодействия с США. Важно также отметить, что, если в период президентства Дж. Байдена США избегали активного применения данных правовых механизмов, то новая администрация Д. Трампа вновь возвращается к использованию санкций по тематике Гонконга и этнических меньшинств в Китае, пусть пока и в ограниченном масштабе⁴⁹.

Еще одним направлением политики санкций США стало сдерживание российско-китайского сотрудничества после начала специальной военной операции (СВО) на Украине⁵⁰. Для этого используются уже имеющиеся

механизмы санкций в отношении России⁵¹. США активно применяют блокирующие финансовые санкции и точечные торговые ограничения в отношении китайских фирм, сотрудничающих с Россией, но среди таких фирм нет ни одного крупного предприятия — речь идет в основном о небольших фирмах-посредниках (Тимофеев, 2024). То есть и в данном случае речь скорее о политическом сигнале, предупреждающем китайский крупный бизнес относительно возможных последствий обхода санкций США.

Противодействие санкциям США и ограничительные меры КНР

Экономическое сотрудничество с США стало одним из факторов развития экспортных возможностей КНР. Объемы китайского экспорта в США последовательно росли на протяжении 2000-х гг. Если в 1999 г. КНР экспортировала в США товаров и услуг на сумму 42 млрд долл. США, то в 2023 г. — уже на 501 млрд долл. США. Пиковые значения были достигнуты в 2022 г. — 583 млрд долл. США. В истории роста наблюдались моменты локальных и при этом незначительных падений. В частности, снижение 2009 г. можно связывать с глобальным финансовым кризисом, падение в 2020 г. — с пандемией COVID-19. После завершения локдауна показатель экспорта резко вырос: так, если в 2020 г. он составлял 452 млрд долл. США, то в 2021 г. — 568 млрд долл. США. В период президентства Д. Трампа, несмотря на рост антикитайской риторики и введение санкций, китайский экспорт в США также продолжал расти: в 2016 г. он составлял 386 млрд, а в 2018 г. — 479 млрд долл. США. Осложнения в американо-китайских отношениях не препятствовали росту поставок китайских товаров, хотя экспорт из Соединенных Штатов в Китай существенно отставал (1999 г. он

<https://www.federalregister.gov/documents/2019/10/09/2019-22210/addition-of-certain-entities-to-the-entity-list> (accessed: 25.01.2025); Addition of Certain Entities to the Entity List // Federal Register. April 26, 2021. <https://www.federalregister.gov/documents/2021/06/24/2021-13395/addition-of-certain-entities-to-the-entity-list> (accessed: 25.01.2025).

⁴⁸ Implementing Visa Restrictions Under the Reciprocal Access to Tibet Act // U.S. Department of State. July 7, 2020. URL: <https://2017-2021.state.gov/implementing-visa-restrictions-under-the-reciprocal-access-to-tibet-act/> (accessed: 25.01.2025).

⁴⁹ Implementing Visa Restrictions under the Reciprocal Access to Tibet Act // U.S. Department of State. March 31, 2025. URL: <https://www.state.gov/implementing-visa-restrictions-under-the-reciprocal-access-to-tibet-act/> (accessed: 25.04.2025).

⁵⁰ Support Provided by the People's Republic of China to Russia // National Security Archive. July 2023. URL: https://nsarchive.gwu.edu/sites/default/files/documents/2023-07-00-ODNI-Report_on_Chinese_Support_to_Russia_0.pdf (accessed: 25.01.2025).

⁵¹ Executive Order 14025: Blocking Property with Respect to Specified Harmful Foreign Activities of the Government of the Russian Federation // U.S. Department of the Treasury. April 15, 2021. URL: <https://ofac.treasury.gov/media/57936/download?inline> (accessed: 25.01.2025).

составлял 42 млрд долл. США, а в 2023 г. — 148 млрд долл. США)⁵².

Выпрямление сложившегося дисбаланса торговли было одной из целей политики Д. Трампа даже несмотря на то, что Китай был крупнейшим держателем казначейских облигаций США⁵³. Администрации Д. Трампа удалось добиться тактического успеха, последовательно увеличивая пошлины на китайские товары и навязав Китаю переговоры по условиям торговли. Соглашение о первой фазе «торговой сделки» было подписано в начале 2020 г.: Пекин брал на себя обязательства по увеличению импорта из США, изменению подходов к интеллектуальной собственности и другим проблемным вопросам⁵⁴. Однако имплементация соглашений за буксовала из-за пандемии COVID-19.

После возвращения в Белый дом в 2025 г. Д. Трамп вернулся к политике жесткой торговой войны. Он ввел режим чрезвычайного положения в связи с отрицательным торговым балансом США, существенно повысив тарифы в отношении более чем 50 стран, включая Китай⁵⁵. Иными словами, торговая война выходит за пределы американо-китайских отношений, хотя объемы взаимной торговли и решительные ответные меры

китайского руководства, скорее всего, сделают именно Китай ключевой мишенью американской санкционной политики⁵⁶.

По мере усиления экономического давления на Пекин со стороны Вашингтона в Китае формировалась политика долгосрочного повышения устойчивости экономики. Одним из направлений стала концепция «двойной циркуляции», которая предполагала импортозамещение, развитие собственной промышленности и рынка при вспомогательной роли внешнеэкономических связей⁵⁷. Параллельно в КНР шел процесс создания собственной полупроводниковой базы для мобильных телефонов, налаживания производства современных видов вооружений, наблюдался прогресс в области космической отрасли и сфере технологий искусственного интеллекта и др.⁵⁸ Санкции США нанесли ущерб компании *Huawei*, но они же стимулировали политику производства собственной элементной базы не только в Китае, но и в других странах (Fuller, 2021), а также способствовали тому, что Китай начал все более активно развивать суверенную инфраструктуру финансовых транзакций с зарубежными странами.

Одновременно шла эволюция собственно китайских ограничительных мер. Долгое время Китай предпочитал вводить санкции не-

⁵² См.: China Export to United States // Trading Economics. 2025. URL: <https://tradingeconomics.com/china/exports/united-states> (accessed: 25.01.2025); United States Exports to China // Trading Economics. 2025. URL: <https://tradingeconomics.com/united-states/exports/china> (accessed: 25.01.2025).

⁵³ Amadeo K. U.S. Trade Deficit with China and Why It's So High // The Balance. April 22, 2021. URL: <https://www.thebalancemoney.com/u-s-china-trade-deficit-causes-effects-and-solutions-3306277> (accessed: 25.01.2025).

⁵⁴ Economic and Trade Agreement Between the United States of America and The Peoples Republic of China // Office of the U.S. Trade Representative. January 15, 2020. URL: https://ustr.gov/sites/default/files/files/agreements/phase%20one%20agreement/US_China_Agreement_Fact_Sheet.pdf (accessed: 25.01.2025).

⁵⁵ Executive Order 14257: Regulating Imports with a Reciprocal Tariff to Rectify Trade Practices That Contribute to Large and Persistent Annual United States Goods Trade Deficits // Federal Register. April 02, 2025. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2025/04/07/2025-06063/regulating-imports-with-a-reciprocal-tariff-to-rectify-trade-practices-that-contribute-to-large-and> (accessed: 17.04.2025).

⁵⁶ Fact Sheet: President Donald J. Trump Ensures National Security and Economic Resilience Through Section 232 Actions on Processed Critical Minerals and Derivative Products // The White House. April 15, 2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/04/fact-sheet-president-donald-j-trump-ensures-national-security-and-economic-resilience-through-section-232-actions-on-processed-critical-minerals-and-derivative-products/> (accessed: 17.04.2025).

⁵⁷ Кашин В. Б., Тимофеев И. Н. Американо-китайские отношения: к новой холодной войне? // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 03.06.2021. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/amerika-kitai-novaya-kholodnaya/?ysclid=m6azb9a3ye208541705> (дата обращения: 24.01.2025).

⁵⁸ 2023 Report to Congress of the U.S. — China Economic and Security Review Commission // U.S. — China Economic and Security Review Commission. November 2023. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2023-11/2023_Annual_Report_to_Congress.pdf (accessed: 25.01.2025).

формально. Если в США и Европейском союзе (ЕС) политика санкций тщательно формализована и ее реализацией занимаются конкретные государственные органы, то в КНР ограничительные меры нередко вводятся руками различных регуляторов и прямым текстом санкциями не называются (Кашин, Пятачкова, Крашенинникова, 2020).

Отличается также набор санкционных инструментов. Если США активно вводят финансовые санкции, используя свое лидерство в мировой финансовой системе, то Китай опирается прежде всего на объем своего рынка и его привлекательность, а также на точечные торговые ограничения. Кроме того, КНР превратилась в значимого кредитора. Займы и помощь могут быть как стимулом к сотрудничеству, так и инструментом принуждения⁵⁹. Например, еще в 1993 г. в результате начавшихся поставок Францией истребителей и кораблей на Тайвань французские компании не смогли добиться успеха в конкурсе на строительство метро в Гуанчжоу. Позже, в 2019 г., Пекин пригрозил ограничениями против американских фирм, поставляющих оружие на Тайвань (Кашин, Пятачкова, Крашенинникова, 2020).

Китайские регуляторы также грозили «отлучением» от китайского рынка тем фирмам, которые будут исполнять предписания регуляторов США в отношении *Huawei*. То же касается и фирм, которые работают против национальных интересов США, которые могут оказаться в списке неблагонадежных с угрозой запрета работать на китайском рынке. В 2019 г. после того, как в Австралии объявили о планах по запрету оборудования *Huawei* в системах 5G, несколько китайских портов ограничили прием австралийского угля. Сходная перспектива возникла перед Германией с тем отличием, что там речь шла об ответных действиях против немецких автопроизводителей. На фоне дела *Huawei* и ареста в Канаде финансового директора ком-

пании Мэн Ваньчжоу КНР едва не приостановила импорт ряда сельхозпродуктов из Канады⁶⁰.

Дело *Huawei* привело и к ряду более фундаментальных изменений. Так, в КНР активизировались работы по созданию и внедрению собственного программного обеспечения для снижения зависимости от США, а также по поиску альтернативных поставщиков⁶¹. Также реакцией на планы Республики Корея по размещению системы перехвата производимых в США ракет *THAAD* стали неформальные ограничения на туризм из Китая в Южную Корею и адресные меры против ряда крупных южнокорейских компаний, что в итоге вынудило Сеул отказаться от масштабных закупок данной системы⁶².

Использование Китаем своих экономических преимуществ для решения политических задач потребовало систематизации и правового закрепления данного процесса. В области экспортного контроля были созданы новые правовые механизмы, подобные тем, которые существуют в США⁶³. Консолидировались военные и гражданские ведомства, ответственные за экспортный контроль, определялись процедуры администрирования экспорта⁶⁴, а также началось создание механизма таргетированных санкций, комбинирующего блокирующие финансовые и точечные торговые санкции. Этот механизм предполагает

⁶⁰ Rosenberg E., Harrell P., Feng A. A New Arsenal for Competition. Coercive Economic Measures in the U.S. — China Relationship // The Center for New American Security. April 24, 2020. URL: <https://s3.us-east-1.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/CNAS-Report-Econ-Competition-Final-web.pdf> (accessed: 24.01.2025).

⁶¹ Ibid.

⁶² Sutter K. M. China's Recent Trade Measures and Countermeasures: Issues for Congress // U.S. Congress. December 10, 2021. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46915/2> (accessed: 24.01.2025).

⁶³ China's Export Control // The State Council Information Office of the People's Republic of China. December 29, 2021. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202112/29/content_WS61cc01b8c6d09c94e48a2df0.html (accessed: 25.01.2025).

⁶⁴ Export Control Law of the People's Republic of China (2020 edition) // China Law Translate. October 17, 2020. URL: https://www.chinalawtranslate.com/en/export-control/#_Toc54004253 (accessed: 25.01.2025).

⁵⁹ Nephew R. China and Economic Sanctions: Where Does Washington Have Leverage? // Brookings. September 2019. URL: <https://www.brookings.edu/research/china-and-economic-sanctions-where-does-washington-have-leverage/> (accessed: 24.01.2025).

составление и обновление списка зарубежных лиц, представляющих угрозу национальной безопасности КНР, дискриминирующих китайские компании или искажающих нормальные рыночные отношения⁶⁵.

Другой механизм предполагает составление списка зарубежных физических и юридических лиц, которые вовлечены в разработку, принятие и реализацию решений о дискриминационных экономических мерах в отношении китайских лиц или вмешательстве во внутренние дела КНР под любым предлогом. Санкции включают в себя визовые ограничения, заморозку или конфискацию активов, а также запрет на отдельные транзакции в юрисдикции КНР⁶⁶. В 2021 г. вступили в силу Меры обзора безопасности зарубежных инвестиций, в рамках которых предусмотрены проверки зарубежных инвестиций в стратегических секторах⁶⁷. Фактически Пекин вводит зеркальные меры контроля по тем же принципам, по которым их ранее применяли США.

Однако внедрение нового законодательства все же носило точечный характер. Под ограничительные меры попали оборонные компании США — *Raytheon*, *Lockheed Martin*, *Viasat*, *Sierra Nevada Corporation* и ряд других. Однако с учетом того, что экспорт оборонной продукции в США запрещен, санкции против данных компаний мало что меняли в экономических отношениях двух стран. Ограничения скорее носили сигнальный характер, показывая, что у Китая имеются новые правовые механизмы ограничительных мер, которые государство готово применять в случае необходимости.

⁶⁵ China Issues New Export Control Law and Related Policies // FAS Project on Government Secrecy. October 26, 2020. URL: <https://sgp.fas.org/crs/row/IN11524.pdf> (accessed 25.01.2025).

⁶⁶ Law of the PRC on Countering Foreign Sanctions // China Law Translate. October 6, 2021. URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/counteringforeignsanctions/> (accessed: 25.01.2025).

⁶⁷ Sutter K. M. China's Recent Trade Measures and Countermeasures: Issues for Congress // U.S. Congress. December 10, 2021. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46915/2> (accessed: 24.01.2025).

Заключение

Китайское направление политики санкций США говорит о нескольких закономерностях.

Во-первых, санкции США не были направлены и не приводили к смене политического курса КНР по принципиальным для нее вопросам. Скорее, наоборот, Китай в отдельные моменты благодаря объему своего рынка или своему политическому весу влиял на политический курс США и ослабление санкций. Так произошло в 1970-е гг. на фоне сдерживания СССР в холодной войне, а затем в 1990–2000-х гг. в момент бурного роста двусторонних экономических связей.

Во-вторых, Соединенным Штатам все же удавалось достичь определенных успехов в блокировании доступа КНР к американским промышленным технологиям и товарам. Однако такие ограничения стимулировали Китай к развитию собственной промышленной базы. Руководство КНР также проявило политическую волю и долгосрочную решимость к накоплению потенциала устойчивости к санкциям. Вместе с тем Пекин избегал форсировать конфронтацию с США, пытаясь выиграть время для создания еще большей устойчивости своей экономики. Подобная тенденция наблюдается вплоть до настоящего времени и может объяснять осторожность Китая в применении собственных ограничительных мер.

В-третьих, в американо-китайских отношениях заметную роль играла сигнальная функция санкций. В 1970–1980-х гг. вводимые США исключения из режима ограничительных мер, послабления в области экспортного контроля и финансовых санкций играли не только экономическую, но и политическую роль, демонстрируя готовность к нормализации отношений. То же касалось и 1990-х гг., когда такие исключения свидетельствовали о толерантности к возможным нарушениям прав человека со стороны КНР и намерении не смешивать данную тематику с вопросами экономического сотрудничества. В 2010-х и 2020-х гг., наоборот, сигнальные санкции показывали растущую озабоченность Белого

дома технологическим развитием КНР и политикой централизации страны. Значимость сигнальной функции может объяснять, почему эскалация и деэскалация санкций носила медленный и умеренный характер.

Наконец, в-четвертых, Китай диверсифицирует свой арсенал ответных ограничительных мер. На протяжении долгого времени санкции КНР носили неформальный характер. На современном этапе они дополняются и формализованными механизмами блокирующих санкций и экспортного контроля,

напоминающих аналогичные инструменты США. Пекин получает возможность отвечать на санкции как симметрично, так и асимметрично.

В целом опыт санкций США показывает ограниченность данного внешнеполитического инструмента в отношениях с крупной державой, но все же не исключает целесообразности их использования в качестве мер сдерживания и направления оппоненту определенных политических сигналов.

Поступила в редакцию / Received: 31.01.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 17.04.2025

Принята к публикации / Accepted: 10.06.2025

Список литературы

- Бакулина П. В., Кузьмина К. А. Политика экономических санкций КНР: правовое регулирование и правоприменительная практика // *Финансовый журнал*. 2021. Т. 13, № 4. С. 24–38. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-4-24-38>; EDN: GXVVDZ
- Заморин В. А., Спендер В. А. Аналитический обзор введенных США санкций против Китайской Народной Республики в области военно-технического сотрудничества с иностранными государствами // *Экономика и предпринимательство*. 2022. № 6. С. 285–290. <https://doi.org/10.34925/EIP.2022.143.6.053>; EDN: PEXKER
- Зуенко И. Ю. Американские санкции в отношении Китая: опыт 1990–2010-х годов // *Россия и Америка в XXI веке*. 2022. № 6. С. 15. <https://doi.org/10.18254/S207054760023470-4>; EDN: RTFJQU
- Кашин В. Б., Пятачкова А. С., Крашенинникова Л. С. Китайская политика в сфере применения экономических санкций: теория и практика // *Сравнительная политика*. 2020. Т. 11, № 2. С. 123–138. EDN: DXBKYE
- Тимофеев И. Н. Вторичные санкции США на российском направлении: опыт эмпирического анализа // *Сравнительная политика*. 2024. Т. 15, № 1. С. 95–114. <https://doi.org/10.46272/2221-3279-2024-1-15-95-114>; EDN: YWQECI
- Тимофеев И. Н. Как исследовать политику санкций? Стратегия эмпирического исследования // *Международная аналитика*. 2023. Т. 14, № 1. С. 22–36. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-22-36>; EDN: OYFVYS
- After Engagement : Dilemmas in U.S. — China Security Relations / ed. by J. deLisle, A. Goldstein. Washington D.C. : Brookings Institution Press, 2021. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.7864/j.ctv11hpt2r> (accessed: 12.01.2025).
- Andersen J. The Lawfulness of Unilateral Sanctions in the Wake of a US — China “Sanctions War” // *East Asia*. 2024. P. 1–24. <https://doi.org/10.1007/s12140-024-09429-9>; EDN: RHSMBH
- Bapat N. A., Heinrich T., Kobayashi Y., Morgan T. C. Determinants of Sanctions Effectiveness: Sensitivity Analysis Using New Data // *International Interactions*. 2013. Vol. 39, iss. 1. P. 79–98. <https://doi.org/10.1080/03050629.2013.751298>
- Chen X. J. China and the US Trade Embargo, 1950–1972 // *American Journal of Chinese Studies*. 2006. Vol. 13, no. 2. P. 169–186. URL: <http://www.jstor.org/stable/44288827> (accessed: 10.01.2025).
- Danilin I. V. The U.S. — China Technological War: Digital Technologies as a New Factor of World Politics? // *Russia in Global Affairs*. 2021. Vol. 19, no. 4. P. 78–96. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2021-19-4-78-96>; EDN: YVVEAA
- Drezner D. *The Sanctions Paradox : Economic Statecraft and International Relations*. New York : Cambridge University Press, 1999.
- Fuller D. B. China’s Counter-Strategy to American Export Controls in Integrated Circuits // *China Leadership Monitor*. 2021. Iss. 67 (Spring). P. 1–15. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3798291>

- Giunelli F.* The Purposes of Targeted Sanctions // Targeted Sanctions : The Impacts and Effectiveness of United Nations Action / ed. by T. J. Beirsteker, S. E. Eckert, M. Tourihno. New York : Cambridge University Press, 2016. P. 38–59.
- Hufbauer G. C., Shott J. J., Elliott K. A., Oegg B.* Economic Sanctions Reconsidered : 3rd edition. Washington, DC : Peterson Institute for International Economics, 2009. URL: https://dl1.cuni.cz/pluginfile.php/863435/mod_resource/content/0/Gary%20Clyde%20Hufbauer%2C%20Jeffrey%20J.%20Schott%2C%20Kimberly%20Ann%20Elliott%2C%20Barbara%20Oegg-Economic%20Sanctions%20Reconsidered%20%282008%29.pdf (accessed: 30.01.2025).
- Kissinger H.* On China. New York : Penguin Books, 2012.
- Lampton D. M.* Living U.S. — China Relations. London : Rowman & Littlefield Publishers, 2024.
- Lampton D. M.* Reconsidering U.S. — China Relations // Asia Policy. 2019. Vol. 14, no. 2. P. 43–60. URL: https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/ap14_2_lampton_apr2019.pdf (accessed: 12.01.2025).
- Medeiros E. S.* The Changing Fundamentals of US — China Relations // The Washington Quarterly. 2019. Vol. 42, iss. 3. P. 93–119. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2019.1666355>
- Schindler S., Alami I., DiCarlo J., Jepson N., Rolf S. et. al.* The Second Cold War: U.S. — China Competition for Centrality in Infrastructure, Digital, Production, and Finance Networks // Geopolitics. 2024. Vol. 29, iss. 4. P. 1083–1120. <https://doi.org/10.1080/14650045.2023.2253432>
- Syropoulos C., Felbermayr G., Kirilakha A., Yalcin E., Yotov Y. V.* The Global Sanctions Data Base — Release 3: COVID-19, Russia, and Multilateral Sanctions // Review of International Economics. 2024. Vol. 32, iss. 1. P. 12–48. <https://doi.org/10.1111/roie.12691>
- Xu Zh., Lin F.* The Political Economy of U.S. Sanctions Against China // Sanctions as War: Anti-Imperialist Perspectives on American Geo-Economic Strategy / ed. by S. Davis, I. Ness. Leiden, The Netherlands : Brill, 2021. P. 306–320. https://doi.org/10.1163/9789004501201_019

Сведения об авторе:

Тимофеев Иван Николаевич — кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории, МГИМО МИД России; Российская Федерация, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76; eLibrary SPIN-код: 3517-3084; ORCID: 0000-0003-1676-2221; e-mail: itimofeev@russiancouncil.ru

РЕЦЕНЗИИ BOOK REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-3-553-560

EDN: YFZNDA

Рецензия на книгу:

**Phillips C. Battleground: 10 Conflicts that Explain the New Middle East.
New Haven, London : Yale University Press, 2024. 312 p.**

Е.М. Савичева , **Ф.А. Киричко**

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 savicheva-em@rudn.ru

Благодарности. Публикация выполнена в рамках Проекта № 102502-2-000 Системы грантовой поддержки научных проектов Российского университета дружбы народов (РУДН).

Для цитирования: Савичева Е. М., Киричко Ф. А. Рецензия на книгу: Phillips C. Battleground: 10 Conflicts that Explain the New Middle East. New Haven, London : Yale University Press, 2024. 312 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 3. С. 553–560. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-553-560>

Book review:

**Phillips, C. (2024). Battleground: 10 Conflicts that Explain
the New Middle East. New Haven, London: Yale University Press, 312 p.**

Elena M. Savicheva , **Filipp A. Kirichko**

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 savicheva-em@rudn.ru

Acknowledgements. This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project No.102502-2-000.

For citation: Savicheva, E. M., & Kirichko, F. A. (2025). Book review: Phillips, C. (2024). *Battleground: 10 conflicts that explain the New Middle East*. New Haven, London: Yale University Press, 312 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(3), 553–560. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-553-560>

Автор рецензируемой монографии — Кристофер Филлипс, профессор международных отношений Лондонского университета королевы Марии (*Queen Mary University of London*, QMUL), эксперт по Ближнему Востоку. Кроме того, он специализируется на конфликтах и геополитических рисках, консультирует правительственные учреждения, частные компании и неправительственные организации. Принадлежащие его перу исследования были опубликованы в таких журналах, как *International Affairs*, *Third World Quarterly*, *Middle East Policy*, *Orient*, *Small Wars and Insurgencies* и др.

Ближний Восток является ареной острого соперничества и противоборства как региональных, так и внерегиональных игроков, одним большим узлом противоречий и конфликтов, в которых переплетаются интересы как ближневосточных государств, так и внешних акторов. К. Филлипс в своей монографии «*Поле битвы: 10 конфликтов, которые объясняют Новый Ближний Восток*» пытается «распутать» этот клубок противоречий, анализируя и осмысливая конфликты в регионе, начиная с «арабской весны» 2011 г., которая, по его мнению, и привела к «обновлению» региона (Phillips, 2024, p. 9). Центральное место в рецензируемой работе занимает конфликтный потенциал и его проявления в Сирии, Ливии, Йемене, Палестинской национальной администрации (ПНА), Ираке, Египте, Ливане, на курдских территориях, в зоне Персидского залива и на Африканском Роге (автор включает Африканский Рог в свое исследование как сопредельный регион). С мнением автора и его аргументацией относительно того, что ближневосточные конфликты «глубоко взаимосвязаны» (Phillips, 2024, p. 3), нельзя не согласиться. Каждому из этих конфликтов (а в фокусе исследования — не только вооруженное противостояние, но и политическое, экономическое и этноконфессиональное) посвящена отдельная глава монографии.

Для автора 10 — некое магическое число, так как помимо 10 конфликтных ситуаций он называет и 10 внешних игроков, в той или иной степени вовлеченных в рассматриваемые конфликты, и это США, Россия, Китайская Народная Республика (КНР), Европейский союз (ЕС), Турция, Иран, Саудовская Аравия, Израиль, Катар и Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ). Он оценивает степень их вовлеченности, ее результативность, выделяет тех акторов, которые выиграли или получили некую выгоду от сложившихся реалий в регионе (Phillips, 2024, pp. 273–275). В этой связи следует отметить, что в рассматриваемый автором период Евросоюз в силу ряда объективных причин не обладал достаточным ресурсом, чтобы проводить активную ближневосточную политику, хотя ранее ЕС реализовывал такие достаточно масштабные проекты, как «Европейская политика соседства» (ЕПС), Барселонский процесс и Союз для Средиземноморья. В принципе автор и сам обращает на это внимание, указывая, что «ЕС находится в более слабом положении» по сравнению с другими игроками (Phillips, 2024, p. 273). Кроме того, можно поспорить с мнением автора, что изменение баланса сил в регионе при более активной вовлеченности в события России и Китая, которые, как нам представляется, внесли весомый вклад в урегулирование ряда конфликтных ситуаций в регионе, привело лишь к обострению конфликтов (Phillips, 2024, p. 7).

Главу «*Сирия: разбитая мозаика*» К. Филлипс начинает с подробного анализа правления Хафеза Асада (1970–2000 гг.), который «сочетал популистскую социалистическую политику с жестким авторитаризмом... Он правил железным кулаком и жестоко подавлял инакомыслие» (Phillips, 2024, p. 19). Автор полагает, что, несмотря на тиранию Х. Асада, в стране наступила относительная стабильность. Однако его сыну Башару не удалось побороть растущую бедность, инфляцию, а также недовольство его политикой

со стороны суннитов, и алавитское происхождение правящей семьи сыграло в этом не последнюю роль. К. Филлипс выявляет причины массовых протестов, начавшихся в 2011 г., и указывает на крайне жесткую реакцию правительства Б. Асада, которая буквально «всколыхнула» сирийское общество, и прежде всего суннитское большинство, однако лояльность режиму со стороны алавитов, христиан и других меньшинств сохранялась.

Серьезное внимание автор уделяет вмешательству и роли внешних сил в сирийском конфликте, который вышел на международный уровень. В главе отмечаются союзнические действия Ирана, поддержка Турцией оппозиции, борьба США с «Исламским государством»¹, а также финансирование монархиями Залива оппозиции. Автор оценивает и роль России, указывая на то, что после начала российской военной операции «Москва за несколько лет стала ключевым внешним игроком в Сирии с помощью жесткой военной силы и дипломатического веса» (Phillips, 2024, p. 31). К. Филлипс приходит к выводу, что поддержка России и Ирана спасла тогда режим Б. Асада.

Автор резюмирует итоги сирийского конфликта на начало 2024 г. Президент Асад оставил за собой контроль над большей частью страны, но столкнулся с экономическим коллапсом и растущим влиянием России и Ирана, Турция создала на севере буферную зону, а будущее сирийских курдов, поддерживаемых США, не определено. По мнению автора, конфликт в Сирии — это яркий пример того, как внутреннее противостояние сделало страну международным полем битвы. На момент публикации книги Б. Асад оставался у власти. Автор делает прогноз, что будущее государства будет определяться не самими сирийцами, а внешними силами, что и подтвердили события декабря 2024 г. в Сирии.

¹ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

Во второй главе «*Ливия: анархия на Средиземном море*» К. Филлипс называет джамахирию «несостоявшимся государством» (*failed state*), отмечая откровенно диктаторский характер политики М. Каддафи (1969–2011 г.), а также сильную «недоразвитость» экономики Ливии из-за ее опоры на госсектор и «бесхозяйственную» нефтяную отрасль, приносящую колоссальные доходы и иностранные инвестиции, большая часть которых уходила на личные нужды М. Каддафи и коррупцию (Phillips, 2024, p. 43).

Исследователь выделяет в последовавшей за убийством в 2011 г. М. Каддафи гражданской войне два этапа: 2011–2014 гг. и 2014–2020 гг. В ходе первого периода Переходный национальный совет Ливии попытался объединить крайне разношерстную оппозицию: отряды местных ополченцев, сформированные для защиты конкретных городов или регионов, племена, джихадистов, дезертиров из армии прежнего режима, «однако со смертью диктатора возникли серьезные разногласия», — пишет автор (Phillips, 2024, p. 46). Самое главное из них — отказ многих группировок сложить оружие. С 2014 г. разрозненные группировки начали объединяться в два лагеря: в Триполи базировались сторонники Правительства национального согласия (ПНС) во главе с Ф. Сарраджем, а в Тобруке — поддерживающие Ливийскую национальную армию (ЛНА) во главе с Х. Хафтаром.

Вместе с тем ливийский конфликт приобрел явный международный характер: Россия, ОАЭ и Египет поддержали ЛНА, а Турция и Катар — ПНС, подчеркивает автор. По его мнению, противостояние Ф. Сарраджа и Х. Хафтара было прокси-войной Анкары и Москвы, едва не переросшей в прямую конфронтацию. Он отмечает, что после заморозки ливийского конфликта в 2020 г. все попытки объединить страну провалились, а региональные и внерегиональные игроки сохранили свое влияние на ливийской территории. Однако с одним из тезисов К. Филиппса вряд ли можно согласиться. Согласно этому тезису, «Путин был доволен некоторой нестабильностью в Ливии. По мнению Путина,

постреволюционный хаос послужит предупреждением для будущих западных лидеров против организации смены режима» (Phillips, 2024, p. 57). В действительности Россия приложила немало усилий для стабилизации ситуации в стране. Автор приходит к выводу, что отказ оппозиции сложить оружие и использование внешними силами Ливии как поля противоборства дестабилизирует одну из некогда наиболее благополучных стран Южного Средиземноморья и поощряет там хаос и анархию.

В главе *«Йемен: худший гуманитарный кризис в мире»* К. Филлипс отмечает, что в 2011 г. против лидера страны Али Абдаллы Салеха, которого поддерживали и вооружали США и Саудовская Аравия, выступили исламисты, хуситы и сепаратисты Юга. Из-за массовых протестов президент Салех был вынужден добровольно уйти с поста, а слабая и коррумпированная власть Абд Раббо Мансура Хади, которого сразу же привели к власти саудовцы, борьба хуситов вышла на качественно новый уровень (Phillips, 2024, p. 71).

В контексте йеменского конфликта подчеркивается роль внешнего фактора. Эр-Рияд и Абу Даби начали военную операцию, чтобы спасти режим А.Р.М. Хади и воспрепятствовать победе хуситов, поддерживаемых их главным оппонентом — шиитским Ираном, поставлявшим «Ансар Аллах» оружие и инструкторов. Автор приходит к выводу, что участие Королевства Саудовская Аравия в йеменском конфликте обернулось для него дорогостоящей катастрофой, поскольку была выбрана крайне неудачная военная стратегия, опиравшаяся на авиаудары и морскую блокаду, что привело к многочисленным жертвам среди гражданского населения и гуманитарной катастрофе (Phillips, 2024, p. 77).

Не осталось без внимания автора и участие ОАЭ в йеменском конфликте. К. Филлипс указывает на то, что главной целью Абу-Даби была не столько борьба с хуситами, сколько контроль над Южным Йеменом. Примечательно, что в 2018 г. южане, поддерживаемые ОАЭ, сталкивались с силами А.Р.М. Хади, которым помогал Эр-Рияд, что указывает на глубокие разногласия в

арабской коалиции, резюмирует автор. Конфликт окончательно зашел в тупик, и Йемен вновь оказался раздробленным.

Автор рецензируемой работы полагает, что йеменский конфликт стал неудачей саудовцев, но успехом иранцев. Первые не смогли вытеснить хуситов, вторые же — успешно сделали из «Ансар Аллах» мощного союзника в регионе, подорвав позиции Эр-Рияда. К. Филлипс делает не очень оптимистичный прогноз: Йемен ждет раздел, возвращение к единому государству практически невозможно, а гуманитарная катастрофа еще более усугубится.

В четвертой главе *«Палестина: исчезающая земля»* прослежены истоки палестино-израильского противостояния, подчеркивая, что план ООН по созданию двух государств и арабо-израильские войны породили проблему палестинских беженцев, которая не решена до сих пор. Исследователь рассматривает развитие конфликта от беспрецедентной эскалации во время Шестидневной войны 1967 г. до мирных соглашений Осло. В результате последних палестинский народ получил ограниченное самоуправление, но условия жизни обычных людей только ухудшились, и лишь элита Организации освобождения Палестины (ООП) получила большие выгоды, пишет автор (Phillips, 2024, p. 96). Он подчеркивает, что процесс Осло, кроме того, привел к усилению радикальных группировок. Так, «Исламское движение сопротивления» (ХАМАС) вступило в противостояние с «Движением за национальное освобождение Палестины» (ФАТХ), а кровопролитные войны между ХАМАС и Израилем лишь привели к колоссальным разрушениям и жертвам, но не продвинули разрешение конфликта, резюмирует автор.

В главе уделено серьезное внимание роли региональных и мировых держав в урегулировании этого конфликта. Исследователь осуждает арабские государства, которые раньше всецело поддерживали Палестину, но в последние годы сместили свои приоритеты, доказательством чему стали «соглашения Авраама». «Табу арабских государств на мир с Израилем до создания Государства

Палестина было жестко нарушено», — пишет Филлипс (Phillips, 2024, p. 101).

Вывод К. Филлипса заключается в следующем: несмотря на то, что решение Генеральной Ассамблеи ООН о создании двух государств официально поддерживается международным сообществом, его реализация в настоящее время представляется нереальной. Вместе с тем перспектива создания *единого* арабо-израильского государства еще более туманна, поскольку политика Израиля в отношении палестинцев все больше напоминает апартеид. Автор резюмирует, что палестинский вопрос — самый сложный на современном Ближнем Востоке, подчеркивая его историческую глубину и многосторонние первопричины, и любой вариант его урегулирования потребует огромных усилий всех сторон, в том числе международного давления.

В главе «*Ирак: распавшаяся республика*» указывается, что Ирак был относительно богатой и стремительно развивающейся арабской страной, однако ирано-иракская война (1980–1988 гг.) и война в Заливе (1990–1991 гг.), а также антииракские санкции и эмбарго повергли ее в руины. Оккупация Ирака в 2003 г. усугубила положение в стране. Расформирование иракской армии только ухудшило ситуацию с безопасностью, а дебасификация лишила оккупационную администрацию возможности привлекать на службу чиновников бывшего режима, резюмирует К. Филлипс. Тем самым США собственными руками разделили власть между противоборствующими шиитскими, суннитскими и курдскими силами (Phillips, 2024, pp. 124–125).

Схожего мнения придерживался американский востоковед Чарльз Трипп, который отмечал, что если бы США сформировали в Ираке лояльное им правительство, представлявшее различные слои общества, то тогда бы страна не развалилась окончательно (Tripp, 2004, p. 546). Ирак же пришел к состоянию «распавшейся республики» и стал ареной противостояния Вашингтона и Тегерана. Политическая система Ирака остается заколосенной, и страна уязвима перед лицом иностранного вмешательства, а также гуманитарных, экономических и социальных кризисов, резюмирует К. Филлипс.

Глава «*Египет: падший гигант*» посвящена Арабской Республике Египет, играющей роль важной региональной державы. Среди причин «арабской весны» в Египте он называет экономическую стагнацию, политические репрессии, а также тесные связи с США при президенте Х. Мубараке, к быстрому свержению которого привели массовые протесты в 2011 г. К. Филлипс отмечает, что пришедший к власти в 2014 г. представитель военной элиты Абдельфаттах ас-Сиси правит «железной хваткой» и подавляет инакомыслие, особенно «Братьев-мусульман»². «Ас-Сиси положил начало новой эре диктатуры и репрессий, гораздо худшей, чем при Мубараке», — считает автор (Phillips, 2024, p. 152).

Контроль военных над политикой и экономикой Египта усилился, а вооруженные силы при А. ас-Сиси стали истинным правящим классом в стране, распространив контроль на ключевые отрасли экономики, включая строительство и энергетику, пишет автор. Он обвиняет президента в массовых репрессиях против оппозиции и активистов, нарушении прав человека, ограничении свободы слова и СМИ и введении цензуры, а также указывает на серьезные экономические проблемы в Египте, среди которых нерациональное расходование средств на мегапроекты (новая столица, расширение Суэцкого канала), сокращение субсидий, рост инфляции, безработицы, бедности и стоимости жизни.

В главе уделяется значительное внимание внешней политике Египта на современном этапе. Страна получает значительную финансовую помощь от Саудовской Аравии и ОАЭ, а Египет со своей стороны поддерживает их шаги на региональной арене (Phillips, 2024, pp. 154–155). Автор приходит к выводу, что Египет остается сильным региональным игроком, но его влияние все-таки сократилось. А. ас-Сиси дал стране краткосрочную стабильность, но отобрал свободу и равенство. Теперь же устойчивость его режима на

² Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

долгосрочную перспективу зависит от того, будут ли решены социально-экономические проблемы и предотвращены будущие беспорядки. К. Филлипс резюмирует, что нерешенные проблемы — это бомба замедленного действия, готовая взорваться в любой момент из-за того, что молодежь — двигатель протеста — до сих пор разочарована отсутствием реализации возможностей в стране.

В седьмой главе «*Ливан: рушащееся государство*» автор рецензируемой работы выражает уверенность, что существующая в стране конфессиональная система привела к глубоким институциональным разногласиям и мешает создать единую национальную идентичность Ливана, с чем нельзя не согласиться. Говоря об усилении позиций проиранской «Хезболлы» в Ливане после гражданской войны, он подчеркивает, что партия набрала популярность прежде всего благодаря активному сопротивлению Израилю с 1980-х гг. Ее мощь превосходит возможности ливанской армии, что де-факто создает государство в государстве.

К. Филлипс отмечает, что гражданская война в соседней Сирии привела к огромному потоку беженцев в Ливан, что обострило конфессиональные разногласия. Ситуация усугубляется экономическим кризисом, наличием коллапса банковского сектора, коррупция и бесхозяйственность, а взрыв в порту Бейрута в 2020 г. вскрыл масштабы халатности властей. Ливан оказался в состоянии экономического паралича, резюмирует автор (Phillips, 2024, p. 179).

Ливан, так же как и другие арабские страны, по мнению автора, является для внешних сил ареной соперничества и противоборства. Иран финансирует «Хезболлу» и стремится через Ливан нанести ущерб Израилю и интересам США, Сирия также влияет на ситуацию в ливанском обществе через шиитскую «Хезболлу», Саудовская Аравия поддерживает суннитов, а Израиль считает «Хезболлу» и, соответственно, Ливан, где она базируется, главной угрозой своей безопасности. К. Филлипс приходит к выводу, что продолжающееся конфессиональное разделение власти способствует коррупции и

неэффективности политической системы, а экономический крах государства играет на руку внешним силам. Однако, как нам представляется, автор недостаточно показал влияние Франции, имеющей тесные связи с ливанскими маронитами, из числа которых выходят все ливанские президенты.

Восьмую главу «*Курдистан: борьба в горах*» К. Филлипс начинает с констатации, что курды — крупнейший в мире этнос, не имеющий своей государственности. Анализируя курдский вопрос в Ираке, исследователь пишет, что Демократическая партия Курдистана и Патриотический союз Курдистана неоднократно сталкивались с массовыми репрессиями со стороны режима С. Хусейна. В начале 1990-х гг. не без помощи США на севере Ирака было создано Региональное правительство Курдистана, которое во время американской оккупации страны получило автономию, а курдское ополчение — пешмерга — сыграло важную роль в стабилизации ситуации на севере, пишет Филлипс (Phillips, 2024, p. 208). Жители иракского Курдистана выступили за независимость, но Багдад, соседние страны и США не дали осуществиться этой заветной мечте курдов. Что касается Сирии, то там, как отмечает К. Филлипс, курдская Партия демократического единства долгое время действовала из подполья, но в 2011 г. ей удалось взять под свой контроль северные районы страны и установить там автономию при поддержке США. Турция считает сирийскую Партию демократического единства частью Рабочей партии Курдистана (РПК), напоминает автор, поэтому Анкара проводила на севере Сирии военные операции, чтобы не допустить создания там курдской автономии (Phillips, 2024, pp. 205–206). Что касается проблемы курдов в Иране, то подчеркивается их ограниченное сопротивление, которое традиционно быстро и жестоко подавлялось Тегераном.

Автор приходит к заключению, что, несмотря на некоторые военные и политические успехи курдов в четырех странах региона, в состав которых входит этнический Курдистан, народ остается разделенным, разобщенным и сильно зависимым от внешних

актеров. Постоянная смена союзов, активные боевые действия и отсутствие международной поддержки подрывают усилия по обретению курдами государственности.

В девятой главе «*Залив: богатство и отсутствие безопасности*» оценивается баланс сил в субрегионе Персидского залива и участие в нем внешних игроков. Анализируя причины противостояния Саудовской Аравии и Ирана, автор указывает, что неверно рассматривать его как исключительно межконфессиональное, поскольку оно носит также геополитический, экономический и идеологический характер (например, Эр-Рияд распространяет радикальные течения суннитского ислама в противовес расползанию иранской шиитской идеологии в Ираке, Ливане и Бахрейне). Это стало почвой для ведения прокси-войн по всему региону между Королевством Саудовская Аравия и Исламской Республикой Иран. В этой связи следует отметить, что ряд российских востоковедов считает, что баланс сил в Заливе в сложившихся реалиях следует рассматривать с учетом усилившегося Катара, который, как и Иран, делает ставку на негосударственных вооруженных акторов и спецслужбы для участия в прокси-войнах (Савичева, Исраилов, Кембель, 2021, с. 180).

Исследователь также рассматривает роль глобальных держав в регионе: США — традиционный союзник монархий Персидского залива, Россия играет все более значимую роль, а приоритетом Китая в отношениях со странами Залива является экономическая составляющая, а также строительство инфраструктуры, что особенно актуально в свете инициативы «Один пояс, один путь». К. Филлипс делает следующий прогноз: судьба зоны Персидского залива будет определяться продолжением прокси-войн, особенно в Йемене и Сирии, внешними дипломатическими усилиями по нормализации ситуации, диверсификацией экономик стран региона, в том числе за счет снижения зависимости от нефти, а также меняющейся ролью США в регионе (Phillips, 2024, pp. 238–239).

Монографию завершает глава «*Африканский Рог: новая арена*», в которой рассматривается ситуация в регионе, включающем

Сомали, Эфиопию, Эритрею и Джибути, а также примыкающую к ним Республику Судан, и подчеркивается, что последний попал под влияние ближневосточных стран из-за своего важного геостратегического положения. Автор отмечает, что Саудовская Аравия и ОАЭ после начала войны в Йемене создали военные базы в Джибути, Эритрее и сепаратистских регионах Сомали (Сомалиленд и Пунтленд), стремясь расширить влияние на Африканском Роге. Их оппоненты и конкуренты в лице Катара и Турции тесно сотрудничают с властями Сомали и проправительственными группировками, тогда как Эр-Рияд и Абу-Даби тяготеют к оппозиции (Phillips, 2024, pp. 250–251, 253–254). Исследователь также указывает на попытки Ирана закрепиться в регионе, однако констатирует их провал на фоне усиления там аравийских монархий.

Автор обращает внимание, что вмешательство ближневосточных государств в дела Африканского Рога привело к незначительной стабилизации экономик региона благодаря иностранным инвестициям, однако местному населению это мало что дало, при этом политическая нестабильность в регионе резко возросла из-за прокси-войн. «Как и везде, приход одной ближневосточной страны вызывал эффект домино, привлекая и других для борьбы со своими соперниками», — пишет Филлипс (Phillips, 2024, p. 248).

К. Филлипс приходит к выводу, что растущее влияние стран Ближнего Востока приводит к излишней милитаризации Африканского Рога, который становится ареной противоборства внешних акторов. Подпитываемые коррупцией местные государственные институты слабеют, а нестабильность в Бабель-Мандебском проливе угрожает мировым цепочкам поставок нефти. Таким образом, Африканский Рог превратился в очаг действующих и будущих конфликтов.

Подводя итоги и делая обобщающие выводы (Phillips, 2024, pp. 269–277), К. Филлипс приводит ряд факторов, которые необходимо учитывать для понимания «нового Ближнего Востока».

Во-первых, подчеркивается глубокая взаимосвязанность и взаимозависимость

между конфликтами на Ближнем Востоке, которые имеют сложный и комплексный характер.

Во-вторых, указывается, что действия внерегиональных акторов зачастую лишь усугубляют ситуацию.

В-третьих, четко обозначилось обострение соперничества укрепивших свои позиции за последние годы государств, таких как Саудовская Аравия, ОАЭ, Иран и Турция, которые вовлечены в прокси-конфликты.

Наконец, в-четвертых, обращается внимание на слабость политических систем

и государственного управления во многих ближневосточных странах, и это — факторы, подпитывающие коррупцию, авторитаризм и нестабильность. Чтобы понять *новый* Ближний Восток, необходимо четко осознавать роль исторических и геополитических факторов, сформировавших его, резюмирует автор.

Рецензируемая монография, несомненно, обладает значительной практической и теоретической значимостью. Она представляет интерес для востоковедов, занимающихся Ближним Востоком, а также может быть полезна студентам, магистрантам и аспирантам.

Поступила в редакцию / Received: 15.04.2025

Принята к публикации / Accepted: 10.06.2025

Список литературы

- Савичева Е. М., Исраилов А. Х., Кембель О. В. Баланс сил на Ближнем Востоке // Баланс сил в ключевых регионах мира: концептуализация и прикладной анализ / под ред. Д. А. Дегтерева, М. А. Никулина, М. С. Рамича. Москва : РУДН, 2021. С. 221–236. EDN: TFIQQZ
- Phillips C. Battleground: 10 Conflicts that Explain the New Middle East. New Haven, London : Yale University Press, 2024.
- Tripp Ch. The United States and State-Building in Iraq // Review of International Studies. 2004. Vol. 30, no. 4. P. 545–558. <https://doi.org/10.1017/S0260210504006229>; EDN: HKXD XD

References

- Phillips, C. (2024). *Battleground: 10 conflicts that explain the New Middle East*. New Haven, London: Yale University Press.
- Savicheva, E. M., Israilov, A. Kh., & Kembel, O. V. (2021). Balance of power in the Middle East. In D. A. Degterev, M. A. Nikulin & M. S. Ramich (Eds.), *The balance of power in key regions of the world: Conceptualization and applied analysis* (pp. 221–236). Moscow: RUDN publ. (In Russian). EDN: TFIQQZ
- Tripp, C. (2004). The United States and state-building in Iraq. *Review of International Studies*, 30(4), 545–558. <https://doi.org/10.1017/S0260210504006229>; EDN: HKXD XD

Сведения об авторах:

Савичева Елена Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения и африканистики, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; eLibrary SPIN-код: 6331-0848; ORCID: 0000-0001-8617-3508; e-mail: savicheva-em@rudn.ru

Киричко Филипп Андреевич — аспирант кафедры востоковедения и африканистики, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; eLibrary SPIN-код: 9253-5120; ORCID: 0009-0005-2443-5556; e-mail: 1142230184@pfur.ru

About the authors:

Savicheva Elena Mikhailovna — PhD in History, Associate Professor, Department of Oriental and African Studies, RUDN University; 10–2 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation; eLibrary SPIN-code: 6331-0848; ORCID: 0000-0001-8617-3508; e-mail: savicheva-em@rudn.ru

Kirichko Filipp Andreevich — PhD Student, Department of Oriental and African Studies, RUDN University; 10–2 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation; eLibrary SPIN-code: 9253-5120; ORCID: 0009-0005-2443-5556; e-mail: 1142230184@pfur.ru